

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

МОВА

**Науково-теоретичний часопис
з мовознавства**

№ 15

Одеса
«Астропринт»
2010

УДК 81(05)

Головний редактор
Главный редактор
Editor-in-chief

Дмитро Семенович ІЩЕНКО
Дмитрий Семёнович ИЩЕНКО
Dmytro S. ISHCHEENKO

Заступники головного редактора
Заместители главного редактора
Vice-editors

Олександр Іванович Бондар
Александр Иванович Бондарь
Oleksandr I. Bondar

Ірина Михайлівна Колегаєва
Ирина Михайловна Колегаева
Iryna M. Kolehajeva

Відповідальний секретар
Ответственный секретарь
Secretary

Євгеній Миколайович Степанов
Евгений Николаевич Степанов
Yevgeniy N. Stepanov

Редакційна колегія

Н. В. Бардіна, Л. М. Голубенко, В. В. Горбань,
Л. М. Гукова, М. І. Зубов, Н. Г. Іванова,
Т. Ю. Ковалевська, В. О. Колесник, С. В. Плотницька,
Л. Ф. Фоміна

Редакционная коллегия

Н. В. Бардина, Л. Н. Голубенко, В. В. Горбань,
Л. Н. Гукова, Н. И. Зубов, Н. Г. Иванова,
Т. Ю. Ковалевская, В. А. Колесник, С. В. Плотницкая,
Л. Ф. Фомина

Часопис засновано в 1993 році

Свідоцтво про реєстрацію в Державному комітеті телебачення і радіомовлення України
КВ № 8932 від 6 липня 2004 р.

Часопис «Мова» постановою президії ВАК України від 12 червня 2002 р. № 1-05/6 включено
до переліку № 10 наукових фахових видань України

Рекомендовано до друку вченою радою ОНУ імені І. І. Мечникова

Випуск 15 видано за фінансової підтримки Фонду “Русский мир” згідно з Договором гранту
№ 274Гр/1081–09 від 16 вересня 2009 р.

Адреса редакції / Адрес редакции / Address: Французький бульвар, 24/26, кімн. 111, 113
Одеса, 65058, Україна

Телефон / Phone: +38 (048) 776-22-77;
e-mail: odessarusyaz@rambler. ru

Факс / Fax: +38 (048) 746-51-14

ЗМІСТ

ПИТАННЯ ЗАГАЛЬНОГО МОВОЗНАВСТВА І СОЦІОЛІНГВІСТИКИ

<i>Курганова Н. И.</i> Параметры культурного знания	5
<i>Каиржанов А. К.</i> Синергия информации языковой системы (проблема методологии)	9
<i>Степанов Е. Н.</i> Структурно-функциональная модель урбанолингвистического исследования в Украине	13
<i>Кондратенко Н. В.</i> Формирование языковой личности нового типа в результате взаимодействия политического и религиозного дискурсов (на материале текстов проповедей и выступлений Патриарха Кирилла в Украине)	20
<i>Ковальчук Г. В., Сивоволова Л. О.</i> Культура російської мови в Україні	27
<i>Прісовська Г. Є., Шлегель С.</i> Аналіз соціолінгвістичного дослідження мовної ситуації в Одесі	29

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

<i>Стернин И. А.</i> Коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация	34
<i>Бушев А. Б.</i> Новые фактуры речи: русский язык в Интернете и в современном медийном социуме	40
<i>Плотницкая С. В.</i> Учение Н. Хомского в становлении когнитивной лингвистики	47
<i>Чапига А.</i> Одобрение как акт речи	51
<i>Чертыкова М. Д.</i> К вопросу о когнитивной основе классификации глаголов говорения (на материале русского, хантыйского и хакасского языков)	55

ПИТАННЯ КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

<i>Нагорный И. А.</i> Коммуникативно-прагматическая ситуация сомнения в концептосфере индивида	58
<i>Яроцкая Г. С.</i> Семантико-когнитивный анализ экономической метафоры в русской языковой картине мира на материале концепта “кризис”	61
<i>Войцева Е. А.</i> Вербализация концепта “море” в фольклорной картине мира русских и поляков	68
<i>Вытушняк А. Н.</i> Реализация концепта “жизнь” в книге стихов А. С. Кушнера “Облака выбирают анапест”	74
<i>Романец Л. А.</i> Особенности выражения концепта ‘Одесса’ в поэтических произведениях разных жанров	79

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

<i>Нечитайло И. Н.</i> Формирование семантики праславянских диалектизмов	83
<i>Горбунова М. С.</i> Структурно-жанровые особенности житийной литературы на примере “Жития Сергия Радонежского”	87
<i>Астахина Л. Ю.</i> Псевдогапаксы как явление науки об истории русского языка	90
<i>Калинина Л. В.</i> Нравственная оценка в диалектной пространственной метафоре	93
<i>Баранник Л. Ф.</i> Специфика переселенческих говоров Одесской области: лексический аспект	98
<i>Забольян Л. О.</i> Метафорические наименования лиц в русских переселенческих говорах Одесской области	102

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЕМАНТИКИ І ПРАГМАТИКИ

<i>Емец А. В.</i> Семантические и структурные особенности метаморфозы в русской, британской и американской поэзии XX века	107
<i>Бабич М. Е.</i> Семантические связи ассоциатов слова война	111
<i>Дехнич О. В.</i> Метафорическое обоснование ихтионимов (на материале русского и английского языков)	116
<i>Дзядош Д.</i> Ономатопои в польском и русском языках	120
<i>Лебедева А. В.</i> Изменение семантического объёма англицизмов в процессе заимствования современным русским молодёжным сленгом	123
<i>Букалов А. С.</i> Особенности функционирования сниженной лексики в художественном тексте	127

ПИТАННЯ ОНОМАСТИКИ

<i>Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф.</i> Семантико-стилистическая парадигма топонима: постановка вопроса	131
---	-----

<i>Шумарина Т. Ф., Иванова Н. Г.</i> Эпиграммы А. С. Пушкина (вопросы ономастической атрибуции и декодирования)	138
<i>Скляренко О. Н.</i> Топонимическая метонимия: типологические параллели	141
<i>Мурадян И. В.</i> Антропонимы как средство репрезентации оппозиции “свой — чужой” в российском публицистическом дискурсе	146
ПИТАННЯ ТЕРМІНОЗНАВСТВА	
<i>Павлова О. І.</i> Дефініція як спосіб тлумачення наукових понять	150
<i>Бандас Е., Розен С., Тер-Казарян М.</i> Из опыта создания латинско-англо-русско-ивритского толкового словаря бинарных названий бактерий, изученных в Израиле	155
ПИТАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ	
<i>Кураш Т. Н.</i> Метафорические, метонимические и метафоро-метонимические тропы отфразеологического образования в языке современной русской поэзии	165
<i>Ромашина О. Ю.</i> Репрезентация синестетических концептов в русском и английском фразеологическом фонде	169
ПИТАННЯ СЛОВОТВОРУ ТА МОРФОЛОГІЇ	
<i>Иванова Н. Г., Горбань В. В.</i> Взаимодействие коррелята и производного слова в поэтическом тексте	174
<i>Колесников А. О.</i> Категорія числа іменників у типології парадигматичної некомплектності	177
<i>Скоробогатова Е. А.</i> Категорія числа в поэтическом тексте: выразительность грамматических соположений	182
<i>Сухобрус Л. С.</i> Об особых случаях компрессионного словообразования	188
<i>Шацкая М. Ф.</i> Категорія отрицания в языковой игре	192
<i>Литвин О. В.</i> Словообразовательный тип языковой игры в медиатекстах	195
ПИТАННЯ СИНТАКСИСУ, ТЕКСТИКИ, ДИСКУРСОЛОГІЇ	
<i>Жусупов А. Е.</i> Контекст в амбивалентной оценке (на материале казахского языка)	200
<i>Прохорова О. Н., Чекулай И. В.</i> Функционально-прагматическая роль бионимов в организации дискурса в русском и английском языках	204
<i>Тиханович А. И.</i> Диалогичность как отражение мыслительного процесса (на материале романа Н. Н. Берберовой “Курсив мой”)	210
<i>Нистратова С. Л.</i> Особенности функционирования глагольных неопределённо-личных конструкций в современном научном дискурсе	213
ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ І МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ	
<i>Доброжанская В. В., Киришо С. М.</i> Развитие креативности: лингводидактический аспект	218
<i>Дзевановска Д.</i> Обучение иностранному языку — окно в большой мир (из опыта работы над формированием социокультурной и межкультурной компетенции польских студентов-русистов)	224
<i>Иванова Н. Г., Кириченко Л. Г., Пахалкова-Соич Т. В.</i> Принципы создания обучающих программ по научному стилю речи	229
<i>Овчаренко Л. Г., Миракьян И. Г.</i> Организация и обеспечение самостоятельной работы иностранных студентов как способ интенсификации обучения	236
<i>Черновалок И. В.</i> О принципах создания программы дисциплины “русский язык как иностранный”	239
<i>Межва М.</i> Метод проектов на занятиях по практическому курсу русского языка как образовательная технология XXI века	242
<i>Танась Д.</i> Аспектно-комплексное формирование языковой компетенции при обучении польских студентов-русистов	246
<i>Купрата Н. Я., Ногай В. П.</i> Українсько-болгарсько-російський полілог при вивченні української мови як іноземної	250
НАШІ АВТОРИ	255
НАШІ АВТОРЫ	257

Параметры культурного знания

В статье даётся характеристика совокупного культурного знания как объекта когнитивной науки, уточняется его роль и значимость в современном мире. С учетом двойственной детерминации культурного знания выделяются его основные параметры и характеристики, уточняются его структурные единицы и формы, намечаются зоны возможных различий в межкультурных сопоставлениях фрагментов знаний.

Ключевые слова: совокупное культурное знание, статус и природа знания, единицы и формы культурного знания, параметры этнокультурной специфики.

Огромный интерес к знанию и познанию, к проблемам функционирования человеческого мозга, к изучению и моделированию когнитивных моделей и структур способствовал тому, что главным объектом когнитивной лингвистики было провозглашено изучение природы и сущности знания и познания, результатов восприятия действительности и познавательной деятельности человека [1:174].

Задачи налаживания межкультурного диалога и достижения взаимопонимания акцентируют проблему этнокультурной специфики живого знания у представителей разных культур, что предполагает уточнение *понятия культурного знания, уточнение статуса и выделение основных параметров*.

Исследование совокупного культурного знания как достояния определённой лингвокультурной общности пока еще относится к мало исследованной области когнитологии и когнитивной лингвистики.

Отличительной особенностью культурного знания является “двойственный” статус его существования. С одной стороны, знание трактуется как системно упорядоченный набор сведений, отложившийся в сознании как часть памяти [10: 28–29], как “достояние индивидуального сознания и подсознания” [7: 51]. Подобная трактовка знания свидетельствует *о психологической природе* живого знания, которое формируется по законам когнитивно-психической и аффективной деятельности человека [7: 51]. Следовательно, знание предстает как результат когнитивной деятельности конкретных субъектов познания и является достоянием их концептуальных систем. Последние “кумулируют знания людей, приобретаемые в результате отражения ими окружающего мира, и накопленный человечеством опыт, фиксируемый в языке” [4: 4]. Физиологическим субстратом подобного знания является мозг как материальный носитель сознания человека [19: 181].

Но, с другой стороны, даже индивидуальное знание не является порождением исключительно индивидуального сознания. Как пишет В. Ф. Петренко: “Человеческое восприятие и осознание мира, процессы его памяти, мышления и воображения *вооружены и одновременно ограничены* (выд. мое) той конкретно-исторической системой значений”, которая вырабатывается в той или иной культуре [12: 27].

А. Н. Леонтьев подчёркивал, что человек воспринимает от общества “готовые значения”, поскольку “индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне “готовых” значений — знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении...” [11: 119].

Подтверждением социально-культурной детерминации человеческого знания служит культурная детерминация психики и сознания человека, поскольку сознательная психика является принадлежностью культурных общностей [19: 180]. Известный специалист в области психофизиологии человека Н. И. Чуприкова пишет: “В отличие от психики животных, которая всег-

да сугубо индивидуальна, сознание, не теряя этой индивидуальной формы, становится также культурно-групповым и общечеловеческим явлением” [19: 180].

Сегодня некоторые учёные утверждают, что знаний вообще не существует, знание есть **феномен культуры**, поскольку “внутри той или иной культурно-исторической парадигмы создаются свои критерии оценки знания, вырабатываются свои семиотические механизмы и правила представления знания в нашем сознании...” [1: 177]. Следовательно, содержание и структура знания в определённой степени обусловлены особенностями той среды (физической, биологической), в которой осуществляется социализация и инкультурация личности.

Признавая тесную взаимосвязь культуры и познания, Н. Ф. Алефиренко отмечает, что знание — это не только *элемент* культуры, но и её *продукт*, поскольку процесс освоения человеком правил, норм, стереотипов мышления “происходит путем включения знаний в реальную историческую практику людей, принадлежащих соответствующему этнокультурному сообществу” [1: 174–175]. Следовательно, в культурном знании находят отражение особые правила и нормы, ценностные установки, выработанные в той или иной культуре.

Социокультурная природа знания проступает отчетливо в процессе межкультурного общения, когда в силу отсутствия оптимальной общности сознаний коммуникантов, сформированных в разных культурах, наступают сбои в коммуникации [6: 11].

Таким образом, знание обладает двойной детерминацией — социокультурной и биолого-психологической, именно поэтому оно представляет собой иерархически сложный и комплексный феномен, функционирующий в определенном сообществе и вырабатываемый всеми членами данного сообщества в процессе совместной жизнедеятельности и коммуникации. Двойная детерминация живого коллективного знания обуславливает двойственный ракурс его исследования: как социокультурного и биолого-психологического феномена. С учетом данной природы попробуем определить основные **параметры** коллективного знания и наметить зоны возможных расхождений в межкультурных сопоставлениях фрагментов знаний.

Во-первых, культурное знание является *структурированной совокупностью*. В этом знании различимо *ядро и периферия*, что обусловлено иерархическим и неоднородным характером культуры и сознания человека.

Мы полагаем, что структурирование коллективного знания на ядро и периферию является результатом постоянной коммуникации в обществе и выступает как необходимое условие адаптации человека к миру. В таком случае логично предположить, что ядро коллективных знаний и представлений формируется за счет наиболее востребованной и актуализированной части информации, которая играет жизненно важную роль для членов того или иного лингвокультурного сообщества. Периферия — это зона индивидуальных различий, которая является результатом уникального индивидуального опыта конкретных индивидов, их творческого и нестандартного отношения к миру.

В связи с тем, что статус и роль ядра и периферии в структуре знания и сознания различны [15: 15], выделение ядра и периферии в коллективном знании будет, на наш взгляд, важной этнокультурной характеристикой.

Кроме того, живое знание структурировано не только по полювому принципу (ядро — периферия), но и *семантически организовано* в целостные структуры, поскольку “для построения образа объективной реальности требуется интеграция разделенных в пространстве и времени, но объективно связанных между собой сведений” [18: 275].

Семантическое структурирование знаний в сознании субъекта и общества проявляется в выделении определенных фрагментов, единиц знаний. Несмотря на то, что сегодня среди ученых нет единства мнений по поводу единиц и форм хранения знания, мы полагаем, что понятие “*концепта*” может выступить в качестве основной единицы коллективного знания. В таком случае культурное знание можно представить в виде совокупности концептов, так называемой *концептосферы* нации, в которой зафиксирован опыт взаимодействия лингвокультурного сообщества с окружающим миром. Первым шагом на пути изучения живого знания через призму концептуальной системы носителей языка является выделение и моделирование **базовых концептов культуры**, которые позволят представить наиболее существенные и отличительные черты культуры определенного лингвокультурного сообщества (ср.: [14]).

В-третьих, важной особенностью культурного знания является его *уровневая структура*, поскольку сознание носителей языка не является однородным образованием, а представляет собой

систему *различных форм и уровней* познания действительности, главными среди которых являются: 1) *сенсорно-перцептивный*, или уровень ощущений и восприятий; 2) уровень *представлений*, на котором происходит схематизация предметного образа и складывается целостная умственная картина и 3) *вербально-логический* уровень, или уровень понятийного мышления, на котором человек оперирует абстракциями и обобщениями, зафиксированными в знаках [5: 6–9].

Результатом комплексного и многоуровневого отражения человеком окружающего мира будет сложный и многоуровневый характер итогов когнитивной деятельности народа. Уровневая структура культурного знания будет проявляться как в наличии образных и понятийных компонентов в структуре фрагментов знания, так и в многослойности этого знания, представленного различными слоями и сегментами [15: 12; 13: 33].

В ходе реальной деятельности и в зависимости от конкретных условий соотношение между разными уровнями отражения может меняться, что, в свою очередь, может повлиять на степень осознанности разных компонентов ментального образа. Кроме того, при определённых условиях вербально-логический уровень может выполнять организующую и регулирующую функцию в построении образа и его стабилизации [5: 16–19].

Из этого следует, что этнокультурная специфика знания может быть обусловлена каналом поступления информации, различным соотношением компонентов того или иного уровня в структуре знания.

Фрагменты культурного знания отличаются также *многомерностью*, которая проявляется в присутствии в содержании знания нескольких качественно отличных составляющих или измерений. Напомним, что в работах ряда учёных [В. И. Карасик, Ю. С. Степанов] в структуре концепта выделяются элементы эмоционального и рационального освоения действительности, а также ценностные компоненты [8; 14]. По мнению Ю. С. Степанова, в структуру концепта входят также элементы эмоционального освоения действительности, в силу чего "...концепты не только мыслятся, они переживаются" [14: 43].

В культурном знании могут присутствовать элементы мифотворчества, не соответствующие действительному положению вещей. "Свои знания люди добывают в активном процессе познания действительности..." [9: 112], и на этом пути возможен отрыв от действительности. Человеческое познание движется по пути приспособления и наилучшей адаптации к миру, а не по пути наиболее адекватного отражения мира. При этом важной особенностью знания как социально-культурного феномена, по мнению Н. Ф. Алефиренко, является "не столько его соответствие действительности, сколько тот факт, в какой мере данная форма знания согласуется с общими ценностно-смысловыми стандартами культуры" [1: 178].

Как известно, культурное знание можно исследовать как совокупность *результатов и процессов или механизмов* когнитивной деятельности, поскольку сознание предполагает не только хранение знаний, но и многогранную деятельность по добыванию новых и использованию имеющихся в распоряжении индивида знаний. По мнению Н. И. Чуприковой, сознание выступает в двух формах: *структурной и динамической*. "Структурная форма — это более или менее упорядоченная отражательно-знаковая система, складывающаяся в мозгу каждого человека в процессе его жизни", это структуры долговременной семантической памяти [19: 150]. "Динамическая форма сознания — это отдельные акты осознания внешних и внутренних воздействий, которые осуществляются на основе базовых элементов языка и структур отражательно-знаковой системы и выражаются в форме суждений" [19: 150–151]. А. М. Пятигорский полагает, что *содержание* знание всегда вторично, производно по отношению к *событию* знания, поскольку акт получения знания порождает содержание этого знания, а не наоборот [3: 178]. Эта мысль подтверждается и физиологами: "Структурная форма, будучи устойчивой системой временных нервных связей, складывается только в результате многочисленных предшествующих динамических актов осознания действительности" [19: 151]. Идею о *процессуальном характере* познавательной деятельности развивал в своё время профессор Б. Г. Ананьев, который видел в ощущении и восприятии как бы наглядный процесс суждения [2: 37].

Таким образом, наличие структурных и процессуальных компонентов в живом знании обусловлено спецификой нервной деятельности познающих субъектов, структурой человеческого сознания. Следовательно, в межкультурных сопоставлениях живое/коллективное знание может изучаться в двух аспектах: а) с *содержательной* стороны, б) с точки зрения *механизмов* получения

и обработки знания. Как отмечает А. А. Залевская, процессы и механизмы получения знаний сами по себе недоступны сознательной интроспекции, они скрыты от познающего субъекта, в то время как продукты этих процессов выступают как содержание обыденного сознания и переживаются человеком как известные факты [6: 72].

Таким образом, этнокультурные особенности в структуре знания могут проявляться на уровне а) содержания ядра и периферии в двух культурах; б) структуры знания, что может выражаться в наличии / отсутствии в той или иной культуре соответствующих сегментов знания; г) выработанных схем и стратегий вербализации культурного знания, которые могут дифференцироваться в зависимости от типа культуры, от канала поступления информации, установок или интенций познающего субъекта.

1. *Алефиренко Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке: Учеб. пособие. — М., 2005.
2. *Ананьев Б. Г.* Материалы к психологической теории ощущения // Проблемы психологии. — Л., 1948.
3. *Большой психологический словарь* / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. — СПб., 2007.
4. *Горский Д. П.* Предисловие // Павилёнис Р. И. Проблема смысла. — М., 1983.
5. *Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. Л.* Образ в системе психической регуляции деятельности. — М., 1986.
6. *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. — М., 2000.
7. *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику: Учебник. — 2-е изд. испр. и доп. — М., 2007.
8. *Карасик В. И.* Этноспецифические концепты // Попова З. Д. и др. Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. — Кемерово, 2005. — С. 61–105.
9. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. — Изд. 2-е, стереотипное. — М., 2002.
10. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. — М., 1996.
11. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — 2-е изд. — М., 2005.
12. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. — М., 1997.
13. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. — Воронеж, 2002. — 314 с.
14. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. — Изд. 2-е. — М., 2001. — 990 с.
15. *Стернин И. А.* Методика лингвоконцептологического анализа // Русский язык как иностранный. — СПб., 2006. — Вып. 8. — С. 8–20.
16. *Тарасов Е. Ф.* Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М., 1996. — С. 7–22.
17. *Улыбина Е. В.* Психология обыденного сознания. — М., 2001.
18. *Хофман И.* Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти / Пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Б. М. Величковского и Н. К. Корсаковой. — М., 1986.
19. *Чуприкова Н. И.* Психика и сознание как функция мозга / Отв. ред. Л. И. Анциферова; АН СССР, Ин-т психологии. — М., 1985.

N. I. Kurganova

PARAMETERS OF CULTURAL KNOWLEDGE

The article gives characteristics of common collective knowledge as an object of cognitive science. It's role and importance in modern society are specified. On the basis of double determination the principal factors and characteristics of cultural knowledge are identified; it's model and forms are precised; possible differences in intercultural comparative studies are defined.

Key words: common cultural knowledge, status and nature of cultural knowledge, units and forms of cultural knowledge, parameters of ethno-cultural differences.

Н. І. Курганова

ПАРАМЕТРИ КУЛЬТУРНОГО ЗНАННЯ

У статті подано характеристику сукупного культурного знання як об'єкта когнітивної науки, уточнюється його роль і значущість у сучасному світі. З урахуванням подвійної детермінації культурного знання визначено його основні параметри та характеристики, уточнено його структурні одиниці й форми, намічено зони можливих розбіжностей у міжкультурних зіставленнях фрагментів знань.

Ключові слова: сукупне культурне знання, статус і природа знання, одиниці й форми культурного знання, параметри етнокультурної специфіки.

А. К. Каиржанов

Синергия информации языковой системы (проблема методологии)

Статья посвящена лингвосинергетической методологии исследования разных уровней языковой системы как самоорганизующемуся, динамическому (открытому), нелинейному (дискретному) процессу.

Ключевые слова: синергия, условная и безусловная информация, бифуркация, перемешивающий слой, диссипативная структура, фазы диссипации: диффузия, дисперсия.

Окружающая действительность и созданная человеком культура, и язык, как составная её часть, представляют собой целостную динамическую систему, а их составляющие элементы находятся в изоморфных отношениях и образуют это единство. Такое понимание системы языка обнаруживаем в работах Ф. де Соссюра [17], которое было подвергнуто конструктивной критике представителями структурной лингвистики [2; 13]. О системности языка писали как русские, так и казахские учёные: А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. М. Пешковский, А. Байтурсынов [15; 18; 3; 14] и др. Так, В. В. Виноградов и В. Г. Гак противопоставляли “системность” “структуре” языка [4; 6]. Это был так называемый реляционный подход в лингвистике XX в., то есть эти понятия используются сегодня представителями описательной лингвистики.

В 70-х гг. XX века в естественных науках были исследованы динамические, нелинейные, неравновесные процессы в сложных физических системах. Такой подход позже был предложен И. Р. Пригожиным и И. Стенгерс [16] для изучения культурных (антропогенных) систем, что породило новое научное направление, изучающее наряду с детерминированными и обратимыми процессами и необратимые процессы и флуктуации, *синергетику*. Отметим, что этот термин (от греч. *συνεργία*) был предложен в 1978 г. профессором Штутгартского университета Германом Хакеном [19: 82–83].

Методологические принципы синергетики стали разрабатывать в естествознании И. Р. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, Б. Б. Кадомцев, Д. С. Чернавский [16; 10; 7; 19], Н. Н. Моисеев в философии [12], а в лингвистике Н. Ф. Алефиренко и А. К. Каиржанов [1; 8]. Считаем, что основные положения синергетики применимы для описания языковой системы, как это представлено в трудах Н. Ф. Алефиренко и в публикациях автора настоящей работы [8].

Согласно идеям синергетики любая система (как природная, так и в гуманитарной области) предстаёт в виде неустойчивой (неравновесной), открытой, динамической (нелинейной) самоорганизующейся системы.

Основное свойство развития языка — это синергия его системы, проявляющееся в процессе взаимодействия генерации (трансформации) и диссипации, которые структурированы особым образом, то есть языковое пространство предстаёт, с одной стороны, как наращивающий источник (генерация), с другой, как рассеивающий источник (диссипация). И генерация, и диссипация языковой системы имеют дело с информацией.

Г. Кастлер считает, что “информация есть случайный и запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных” [9].

При описании и исследовании лингвистических единиц разных уровней языка информация может быть чем-то не случайным, а подсказанным, особенно это проявляется в определённом дискурсе. В этом случае мы можем говорить о рецепции информации. Такая информация представляет выбор, сделанный на основании информации, которую адресант во время дискурса принимает, то есть рецептирует. “Запомненный выбор информации” необходимо понимать как фиксацию одного из вариантов во время диссипации в речевой стихии, то есть выбор представляет вариант как макроинформацию. Такую макроинформацию можно отнести к любой научной дисциплине.

Итак, принимаем следующее определение: информация есть запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и эквивалентных в том или ином дискурсе.

Теперь об *открытости* языковой системы. Эту особенность языковой системы описывали В. В. Виноградов, В. Г. Гак, М. М. Копыленко и З. Д. Попова [4; 6; 11]. Она обладает нежесткостью, имеет признаки асимметрии. Именно этими качествами язык отличается от других семиотических систем. Асимметрия системы есть следствие и результат “перемешивающего слоя” системы, то есть её неустойчивости, вызванной внутренними силами самой системы. Это происходит во время “перегрева” (бифуркации) системы, и выбор варианта определяется процессом флуктуации, то есть случайно.

Таким образом, неустойчивость — доминирующее условие генерации новой ценной информации. Является аксиомой то, что воспринимать, хранить и транслировать информацию можно и в устойчивых системах. Но парадокс синергии системы состоит в том, что создавать ценную информацию можно только в условиях неустойчивости системы, в структуре которой образуется перемешивающий слой.

Итак, языковая система обладает двумя свойствами: во-первых, динамической направленностью системы, во-вторых, открытостью. Они представляют собой не только то, что есть в языке, но и то, что возможно в языке, что и выходит на первый план в речевой стихии. Кроме того, явления генерации и диссипации наблюдаются в каждой точке эволюции языковой системы. Обмен информацией происходит на всём протяжении развития системы языка.

В теории динамических систем рецепция информации представляет собой перевод системы в одно определённое, но противоречивое состояние, и это происходит независимо от того, в каком положении она находилась до перевода системы. Не только в языковой, но и в других системах существует так называемое “параметрическое” переключение, оно в конечном счёте и является рецепцией информации.

Генерация информации — это выбор, выполненный системой случайно и переработанный внутренними силами самой системы, то есть это процессы кодификации и нормирования языковой системы. В результате этого процесса возникают иерархии уровней информации.

Отметим, что информация не является ни материей, ни энергией и существует только в зафиксированном состоянии языка; она подразделяется на *условную* и *безусловную*. Примером условной информации является символ, который соответствует соотношению между символом, условным и реальным денотатом или явлением какой-либо реальности. Безусловной является информация, отражающая непосредственную экстралингвистическую сущность. Она не возникает случайно, так как рецептируется из окружающей человека действительности. Поэтому любая информация подразделяется на условную и безусловную.

Диссипация и её структура. Это явление было замечено в 50–70-х гг. XX в. Суть его изложена в работах И. Р. Пригожина, Д. С. Чернавского [16; 19] и др. Диссипация — это объективная данность, элемент саморазвития любой системы, в том числе и языка. Без этого процесса не может быть и кодификации языка. Отметим, что если диссипация будет преобладать над наращивающим источником, то новые диссипативные структуры не возникнут, а языковая система при длительном неустойчивом развитии подвергнется энтропии. Такое взаимодействие двух начал позволяет выйти при помощи флуктуации на новую точку аттрактора, то есть возникает новое структурирование системы. Кстати, подобную мысль обнаруживаем у Х.-Г. Гадамера: в языке не только сохраняется постоянное, но и выражается изменчивое [5], то есть оппозитивное сопряжение генерации и диссипации — явление объективное, не зависящее от воли человека, носителя информации.

Нелинейность системы. Об этом мы писали в работе “Синергия языка” [8]: “нелинейность означает многовекторность эволюции системы, когда в устойчивом развитии параметров системы наблюдаются сверхкритические значения, то есть обнаруживается “перегрев” системы, и в этом случае она обладает ещё той силой, при помощи которой структурируется иным образом. Такое критическое значение системы называется точкой бифуркации (или полифуркации)” [8: 15]. Если система подверглась “перегреву”, то есть превзошла критическое значение параметров, то режим её развития качественно меняется, она под воздействием флуктуации поднимается на новую точку аттрактора. Так, преодолевая энтропийные процессы, реализуется иная

тенденція самоструктурування, самоорганізації. Ітак, вищеизложенне можна представити в формі наступної схеми №1. Напамини, що ця схема вперше була представлена автором на сторінках научного збірника “Мова”, вип. 11 [8: 22].

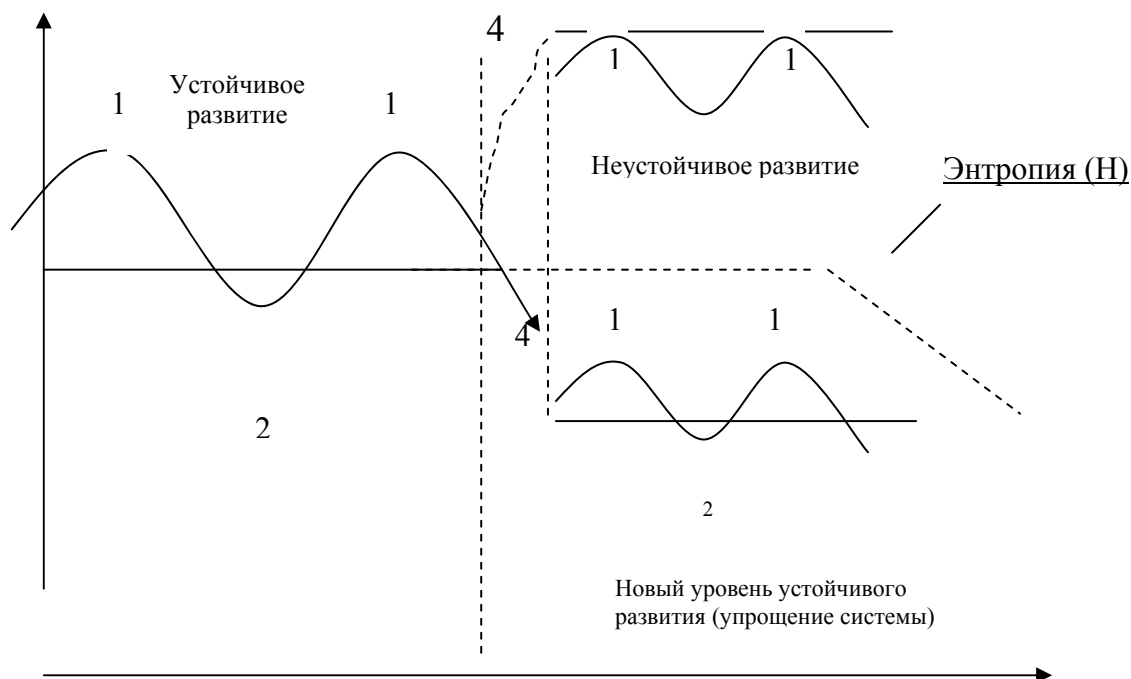

Схема № 1. Механизм эволюции языковой системы

Таким образом, синергия языковой системы эксплицируется процессом взаимодействия двух взаимосвязанных начал — генерации и диссипации, то есть языковое (информационное) пространство предстаёт как наращивающий источник и как рассеивающий источник (генерация и диссипация). Последняя имеет две фазы развития: диффузию (проникновение) и дисперсию (распространение). Именно такое состояние языка и его системы обозначается как нелинейное (дискретное), открытое (динамическое) явление. Исследование информационных систем разных явлений позволяет определить закономерности диссипативных структур, знание которых помогает определить процесс надлома любой системы.

Генерация языковой системы возможна, когда в динамической системе существует неустойчивое состояние, то есть возникает “перемешивающий слой”, т. е. “перемешивающие” семантические сдвиги лингвистических единиц. Это удачно демонстрируется на схеме, предложенной Д. С. Чернавским [19: 78] (см. схему № 2). Из схемы явствует, что на каждой точке эволюции языковой системы возникают “перемешивающие слои”; движение в этих слоях происходит не только по вертикали “вверх — вниз” но и в разных хаотических направлениях, то есть мы наблюдаем процесс синергии. Об этом свидетельствует полисемия словарных статей толковых словарей и употребления лингвистических единиц в том или ином дискурсе.

Неустойчивость системы в момент бифуркации происходит при нарушении исходной однородности системы, и в этих условиях формируется структура. Нелинейные единицы разных уровней системы охвачены изоморфностью, что и приводит к стабилизации структуры. И подобная структура остаётся гармонической с определённой амплитудой колебания, то есть формируется устойчивость системы на новой точке аттрактора, благодаря флуктуации. Если новая диссипативная структура (D_2) больше начальной её структуры (D_1), то образуются ступенчатые структуры, то есть мы имеем дело с новым (гармонической амплитудой) уровнем развития системы. Однако новая информация при этом не образуется. Она возможна только при образовании пиковых структур. В этих условиях в системе генерируется новая информация. Это происходит в структуре перемешивающего слоя (см. схему № 2).

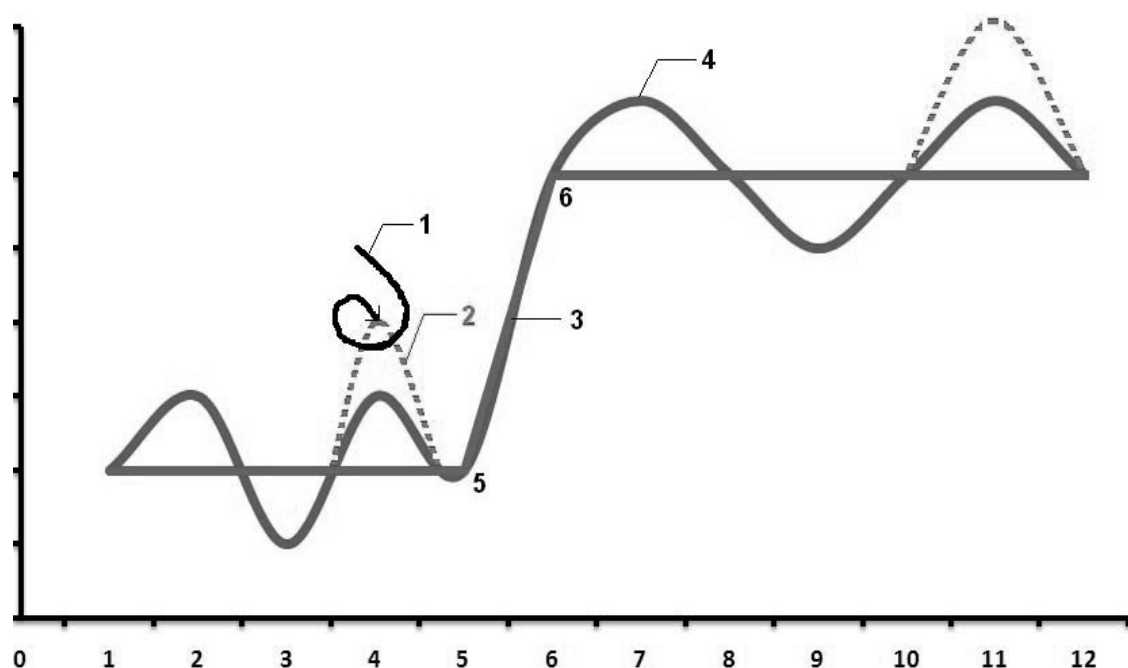

Схема №2. Образование ступенчатых и пиковых структур

Здесь: 1 — образование перемешивающего слоя во время пика амплитуды колебания в определённый момент эволюции языка; 2 — пиковая амплитуда неустойчивости системы; 3 — тенденция переструктурирования структуры во время флуктуации; 4 — гармоническая амплитуда устойчивого развития системы; 5 — бифуркация или перегрев системы; 6 — точка аттрактора, где начинается переструктурирование системы в новых условиях

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. — М., 2002.
2. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). — М., 1966.
3. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. — М., 1963.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., 1972.
5. Гадамер Х. — Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. — М., 1988. — С.317–548.
6. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. — М., 1977.
7. Кадомцев Б. Б. Динамика и информация. — М., 1997.
8. Каиржанов А. К. Синергия языка. — Астана, 2007; *Он же*. Синергетическое основание языкознания // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одеса, 2006. — № 11. — С.18–23.
9. Кастлер Г. Возникновение биологической организации. — М., 1967.
10. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. У истоков синергетического видения мира. — М., 1994.
11. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка). — Воронеж, 1989.
12. Моисеев Н. Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. — 1989. — № 8. — С. 52–66.
13. Основные направления структурализма. — М., 1964.
14. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — 7-е изд. — М., 1956.
15. Потёбня А. А. Из записок по русской грамматике. — Т. 3. — Харьков, 1899.
16. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. — М., 1972.
17. Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. — М., 1977.
18. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: В 2-х т. — М., 1956.
19. Чернавский Д. С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации. — М., 2004.

А. К. Каїржанов

СИНЕРГИЯ ИНФОРМАЦИИ МОВНОЇ СИСТЕМИ (ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГІЇ)

Статтю присвячено лінгвосинергетичній методології дослідження різних рівнів мовної системи як динамічному (відкритому), нелінійному (дискретному) процесу, який самоорганізується,

Ключові слова: синергія, умовна і безумовна інформація, біфуркація, перемішуючий шар, дисипативна структура, фази дисипації: дифузія, дисперсія.

A. K. Khairjanov

THE LANGUAGE SYSTEM INFORMATION SYNERGY (THE PROBLEM OF METHODOLOGY)

The article is devoted to the linguistically synergetic methodology of the language different levels' investigation as the self-organizing, dynamic, open, discrete process.

Key words: synergy, conditional and unconditional information, bifurcation, mixing layer, dissipative structure, phases of dissipation: diffusion, dispersion.

УДК 81–13'27:001.891.572:167.7(477.1–21)

Е. Н. Степанов

Структурно-функциональная модель урбанолингвистического исследования в Украине

В данной статье предложена модель исследования языка города, основанная на методиках структурного и функционального подходов в изучении социально-языковых явлений в синхронии и диахронии, на макро- и микроуровнях; обобщается имеющийся в Украине опыт такого исследования; предложены способы использования в таком исследовании квантитативных методов.

Ключевые слова: социоллингвистика, урбанолингвистика, моделирование научного исследования, структурно-функциональная модель, лингвостатистика, Украина.

Урбанолингвистика — направление языкознания, которое возникло вследствие взаимодействия социальной и региональной лингвистики с целью исследования городского лингвистического пространства. Проблемы социальной и региональной обусловленности урбанолингвистики указывают на факторы формирования и развития языка города как общественного феномена и самой урбанолингвистики как научного направления: социально-экономический, социоэтнический, географический, историко-хронологический. Будучи языковедческой наукой, урбанолингвистика в то же время является одной из составляющих урбанолингвистики — интегративной науки, изучающей проблемы городов и городских систем в разных аспектах. Следовательно, модель и методология урбанолингвистического исследования (далее — УИ) обусловлены, с одной стороны, научной парадигмой языкознания, с другой — урбанолингвистики и её составляющих: геоурбанистики, социоурбанистики, этноурбанистики, экономики, демографии, культуры города и т. д.

В УИ разные подходы, фокусируя разные цели, определяют несколько взаимосвязанных направлений: социоллингвистическое, когнитивное, этнолингвистическое, лингвокультурное, лингвогеографическое, лингвоисторическое. Разные языковые и речевые феномены, которые становятся объектом и / или предметом изучения в урбанолингвистике, сформировали определённые исследовательские направления: язык и этносы города; языковое и диалектное контактирование в городе; языковая практика и социальные роли горожан; концептуализация городских реалий и урбанонимов; язык города в мировом цивилизационном процессе; язык города и

политические процессы; идиомы и прецедентные феномены города в языковом пространстве мира, страны, региона; языковое портретирование городов на определённых хронологических срезах; роль языка города в литературе и искусстве [14].

Достижения урбанолингвистики принадлежат учёным разных стран. Однако одним из ведущих направлений урбанолингвистику можно признавать только в нескольких научных центрах ряда стран: США, Польши, России, Германии, некоторых других. Языковеды Украины также участвуют в изучении проблем языка города, однако целостная система исследования языка города, как и в большинстве стран, в Украине ещё не определилась. Это касается проблем изучения языка и малого, и большого города. Попытки моделирования УИ в Украине отражают как типичные для большинства современных городов мира, так и особенные для городов Украины черты. Представители Черкасской лингвистической школы целенаправленно работают над созданием языкового портрета города, отдавая предпочтение функциональной модели языкового портрета [напр., 5; 10]. Многоязычие, этническая, историческая, культурная пестрота Украины находит отклик в работе исследователей, описывающих языковые ситуации некоторых городов и изучающих проблемы языкового и диалектного взаимодействия в городах, формирования городских койне [напр., 2; 3; 13; 16]. Изучение украинской специфики общих для большинства современных городов мира урбанолингвистических процессов, основой которых является дисперсное состояние социо- и этноязыковой городской среды, осуществляется учёными Киева, Львова, Одессы, Харькова, Кировограда, некоторых других городов [напр., 4; 6; 7; 9; 12; 13].

Потребности развития урбанолингвистики Украины в русле современной научной парадигмы и имеющиеся попытки изучения вопросов языка города в традиционной научной парадигме обуславливают необходимость и актуальность развития модели УИ, опирающегося на структурно-функциональный анализ: *структурно-функциональной модели*, которая должна быть основана на функциональном и структурном подходах. При этом язык города рассматривается как системно организованная структурная целостность, каждый элемент которой имеет своё функциональное значение (функцию внутри данной целостности). *Структурный подход* акцентирует аспекты языковой структуры (целостность системы взаимосвязанных идиомов города, а в каждом идиоме — элементов языковой структуры). *Функциональный подход* сосредоточен на принципах соотношения и функционирования идиомов города, а также на ролях, выполняемых элементами каждого из городских идиомов в процессе их воспроизводства. Социолингвистическая составляющая функционального подхода обуславливает изучение социальной природы возникновения и дальнейшего функционирования особенностей городской речи. Структурно-функциональная модель УИ предусматривает использование свойственных структурному и функциональному подходам научных методов, приёмов.

Общенаучные методы *анализа* и *синтеза* используются в рамках как *макро-*, так и *микроурбанолингвистики*. Понятия микро- и макроурбанолингвистики коррелируют с понятиями микро- и макросоциолингвистики.

Целью *макроурбанолингвистического* исследования в Украине является, по нашему мнению, получение данных о тенденциях развития языкового состояния и языковых ситуаций городов, различающихся численностью населения, географическими параметрами, экономикой, этническим составом, историей развития; соотношение этих тенденций с региональными и мировыми тенденциями развития языковой ситуации в стране, языковым состоянием общества и под. Достижение этой цели возможно при условии соединения методов *синхронического* и *диахронического* изучения проблемы.

Результатом обобщающего диахронического изучения языковой ситуации городских населённых пунктов Украины может стать, например, сравнительный анализ синхронных срезов языковых ситуаций городов Украины, каждый из которых выполнен через определённый временной интервал. Предиктором, независимой переменной общей матрицы выступает *время*; следовательно, сводные таблицы каждого синхронного среза имеют одинаковую структуру полиномиальной матрицы и состоят из трёх одномерных массивов (строк) и большего количества вертикальных векторов. Один из одномерных массивов отображает данные о больших, второй — о средних, третий — о малых городах. Векторы указывают на наличие / отсутствие, значимость / незначимость или на конкретные показатели ряда параметров, на основании которых выводятся количественные и качественные признаки языковых ситуаций в городах: количество

этнических и социальных идиомов в городах, их демографическая и коммуникативная мощность, количество функционально доминирующих идиомов, уровень родства и функциональной значимости идиомов языковой ситуации, характер металекта и т.д. Уместным и удобным, с нашей точки зрения, является введение в матрицу коэффициента взаимной сопряжённости Чупрова (K) либо округлённые до “1” или “0” показатели средних арифметических (X_k) этого коэффициента относительно группы городов по размеру. В последнем случае данные группируются в унимодулярную матрицу, удобную для представления гипотезы благодаря обобщённому характеру показателей. Данная матрица может содержать результаты исследования разного количества признаков, в зависимости от конкретной задачи исследования. Пример такой матрицы, отражающей лишь некоторые признаки языковой ситуации городов Украины, сконструированной на основе многочисленных сборников и таблиц статистических данных всесоюзной переписи населения 1989 года, представляем в таблице 1. В такую матрицу можно также включать данные, получаемые опосредованно: благодаря корреляции с показателями, имеющимися в статистических таблицах, либо благодаря обобщению результатов предшествовавших научных исследований данной проблемы по ряду типичных городов. Это данные, связанные с функционированием территориальных и социальных диалектов, отношением к функциональному разделению идиомов, со степенью внутренней языковой лояльности, со способами происхождения городских койне и рядом других признаков.

Таблица 1

Признаки языковой ситуации	по количеству этнических идиомов, носители которых превышают 1% жителей			по уровню владения иностранными языками		
	многоязычие	двухязычие	одноязычие	высокий	средний	низкий
Размер городов						
Большие города	1	0	0	1	0	0
Средние города	0	1	0	0	1	0
Малые города	0	0	1	0	0	1

Таблица 1 (продолжение)

Признаки языковой ситуации	по наиболее частому типу двухязычия			по коммуникативной мощности языков ситуации		
	неродственное	родственное	близкородствен.	украинский	русский	другие
Размер городов						
Большие города	0	0	1	0	1	0
Средние города	0	0	1	0,5	0,5	0
Малые города	0	0	1	1	0	0

Таблица 1 (продолжение)

Признаки языковой ситуации	по отношению к функциональному разделению идиомов			по степени внутренней языковой лояльности		
	высокая степ. сознательности	средняя степ. сознательн.	низкая степ. сознательн.	высокая	средняя	низкая
Размер городов						
Большие города	1	0	0	1	0	0
Средние города	0	1	0	1	0	0
Малые города	0	0	1	1	0	0

Позволим себе повторить, что предложенный набор признаков языковой ситуации неполон. Пучки векторов можно добавлять в зависимости от необходимости и возможности исследовать признаки, которые они представляют в матрице. Полная верификация выдвинутой гипотезы возможна при условии наличия аналогичных матриц, обобщающих результаты исследований в каждом городе Украины.

Одним из признаков языковой ситуации города является способ формирования *городского койне*, однако изучение этого лингвистического феномена в Украине эпизодично. Предложенная же нами структурно-функциональная модель исследования одесского городского койне с применением комплексного метода [13] остаётся в Украине, в отличие от ряда стран Западной Европы, России и Белоруссии, без заметного внимания, мало используется для изучения речевых особенностей и языковых ситуаций / состояний других городов Украины. Верификация либо фальсификация гипотетических данных, касающихся исследуемых и внесённых в общую матрицу признаков, может осуществляться способом выдвижения и дальнейшего доказательства либо опровержения нулевой гипотезы. Однако без результатов изучения каждого признака, в том числе признака, учитывающего способ формирования городских койне в как можно большем количестве городов, уровень значимости данных будет низким, а относительная ошибка высокой.

Тенденцию развития определённого социоязыкового процесса можно установить методом сравнения данных разных хронологических срезов. Сравнение прошлой общей языковой ситуации городов Украины, городов разных регионов, каждого конкретного города и современной ситуации по предлагаемым признакам даёт возможность применять методы синхронического анализа. Полевые исследования в синхронии предусматривают использование уже разработанных и проверенных социолингвистических методик. Одним из наиболее важных условий является выбор дизайна исследования, то есть стратегии построения *репрезентативной выборки*, которая обеспечит корректное определение *генеральной совокупности* респондентов, информантов. На практике генеральную совокупность можно считать бесконечной, если размер выборки, обеспечивающий приемлемый уровень ошибки, не превышает 1–2% от её численности [15]. Следовательно, осуществляя макроурбанолингвистическое исследование, достаточно включить в репрезентативную выборку 1–2% численности жителей каждого города, подвергнув такую выборку стратификации либо кластеризации в соответствии с социальными реалиями города в период проведения исследования. При подсчёте результатов по каждой когорте и кластеру необходимо использовать известные в лингвостатистике понятия репрезентативной выборки (**A**), уровня статистической значимости (**P**), доверительных вероятностей (**p**), некорректной выборки (**D**), относительной ошибки (δ), критерий хи-квадрат (χ^2), число степеней свободы (**df**), коэффициенты взаимной сопряжённости Бернулли (**Φ**) и Чупрова (**K**), понятие относительного отклонения (**t**), (единичный) коэффициент ($\mathbf{B}_A = B_1 + B_2 + B_3 + B_n = 1$), (процентный) коэффициент ($C = A:100$), а также предлагаемые нами понятие корректной (исправленной) репрезентативной выборки ($\mathbf{A}_D = C_{AD} \times B_n \times 100$, где n — условный номер когорты из общей репрезентативной выборки **A**, минимальная величина которой равна 1% генеральной совокупности) и коэффициенты некорректной репрезентативной выборки ($C_D = D:100$) и исправленной (корректной) репрезентативной выборки ($C_{AD} = C + C_D$). В роли индекса исправления ошибки мы предлагаем использовать величину относительной ошибки $\delta = (A - A_{1+2+3+n}) : A$. Следовательно, $A \cong A_{1+2+3+n} \times \delta + A_{1+2+3+n}$. Мы считаем необходимым увеличивать размер минимальных репрезентативных выборок на величину, соответствующую уровню статистической значимости $P = 0,05$. Таким образом, скорректированная общая численность респондентов или информантов составляет $A_p = A + A \times P_{(0,05)}$, а в каждой группе $A_{pn} = A_n + A_n \times P_{(0,05)}$.

Сбор данных у информантов, респондентов, определённых на основе стратифицированной (расслоённой) либо кластерной выборки, оптимизируется использованием ряда конкретных методов синхронической социолингвистики: наблюдения, включённого наблюдения (напр., с целью выявления функционирующих социальных и социально-профессиональных идиомов), устного интервью, тестирования, анкетирования, анализа письменных источников. Матрица определённого *ретроспективного* синхронного среза создаётся с помощью иной методики. Вместо синхронического наблюдения следует широко применять ретроспективное наблюдение, устное интервью, анкетирование и т.д. Вопросы ретроспективных заданий направлены в прошлое (типа: *как называли в вашем городе...; выберите вариант произношения, который Вы чаще всего употребляли в юном возрасте...; что обозначала фраза "...* в 1950–1960-е годы, что эта фраза обозначает сегодня, в чём Вы видите причину таких изменений...; позитивные или негативные эмоции передавались в 1970-е годы этим междометием...; слышали ли Вы в 1980-е годы слово "...", использовали ли Вы его? Если нет, то когда и в каком значении Вы его услышали впервые? Если

да, то в каком значении оно тогда употреблялось? и т. д.). При исследовании ретроспективного среза формировать генеральную совокупность и репрезентативную выборку следует иначе, чем при исследовании текущего среза. При отборе по параметру возраста преимущество отдаётся старшим когортам, при отборе по параметру срока проживания в данном городе — лицам, проживавшим в городе в исследуемый период времени, даже если кто-то из них проживает в момент проведения исследования в другом населённом пункте, в другой стране. Возрастает роль ключевых коммуникаторов, рукописного наследия, аудиозаписей, выполненных предыдущими поколениями. Однако доверительная вероятность снижается, поскольку ключевые коммуникаторы, рукописное и аудитивное наследие фиксируют речевые особенности не всех социальных групп населения, вследствие чего возрастает относительная ошибка результатов.

Таким образом, задача структурно-функциональной модели макроурбанолингвистического исследования в Украине — определение разделения городов Украины по следующим признакам: демографической мощности; языковым особенностям регионов расположения; историко-этническому признаку; по количеству носителей тех или иных этнических языков; по функционально-историческому и функционально-экономическому признакам; по количеству носителей тех или иных функциональных идиомов.

Целью *микроурбанолингвистического* исследования в Украине является, по нашему мнению, изучение того, как возникают и функционируют в малых социальных сообществах и группах одного города и ряда городов те или иные идиомы (арго, жаргоны, койне, городские диалекты и т. д.). Структурно-функциональная модель предусматривает также в рамках микроурбанолингвистического исследования в Украине изучение путей обновления и устаревания речевых процессов, явлений, единиц в фонетике, лексике, словообразовании, фразеологии, грамматике идиомов города; степень влияния городских идиомов на украинский и русский литературные языки, их территориальные диалекты, на идиомы языковых меньшинств Украины и т. д. При формировании генеральной совокупности информантов, респондентов микроурбанолингвистического эксперимента важное значение имеет *кластерная выборка*. Осуществляя эту выборку, следует стремиться отбирать группы респондентов (кластеры) с тождественными либо близкими наборами этноязыковых, гендерных, профессиональных и иных социальных характеристик, с тем или иным родным языком, особенностями владения металектом, городским койне, государственным языком, другими идиомами для современного и ретроспективных хронологических срезов (например, с целью проведения сравнительного анализа особенностей речи моряков, военных, студентов, инженеров, школьников, парикмахеров, работников правоохранительных органов, финансистов, маклеров и под. на разных этапах жизни общества). Кластерная выборка является основной при изучении молодёжного сленга, жаргона автолюбителей, торговцев, дворников конкретного города, профессионализмов сапожников, часовщиков, таксистов и т. д., интерферентных явлений в неродной речи представителей определённой этноязыковой общины и др.

За определённый промежуток времени может существенно измениться социально-профессиональный, этнический, образовательный, количественный состав жителей того или иного города. Следовательно, возрастает роль статистических данных социально-демографической направленности, переписей населения, политической истории.

Относительный минимум кластерной выборки в микроурбанолингвистических исследованиях, как правило, превышает относительный минимум репрезентативной выборки макроурбанолингвистических исследований в 2–3 раза.

Структурно-функциональное моделирование имеет определённые преимущества и опыт внедрения в микроурбанолингвистике. Так, изучение О. Горбачем некоторых городских койне Украины заставляет исследователя увидеть черты сходства и различия лингвистических структур этого идиома и выполняемых им функций в разных городах Украины. Общие черты учёный наблюдает прежде всего в структуре разных по этноязыковому признаку городских койне Украины. Так, ядром любого городского койне О. Горбач считает его лексические особенности. Фонетические, морфологические и синтаксические особенности играют роль обязательной “канвы”, то есть вспомогательных элементов, благодаря которым можно исследовать этническую принадлежность даже ассимилированных групп носителей койне и осуществить детальное функциональное структурирование койнезированных единиц. Кроме того, О. Горбач указывает

на регіональну структуру городських койне України: в городських койне Західної України в 1930-е роки преобладали койне, формировавшися на основі польського мови; в містах Юга і Сходу України преобладали койне з російськомовною “канвою”, хоча україномовні риси також були представлені в койне Одеси, Харків, Дніпропетровська і др. Вказує на наявність і на наявність слов'янськомовних городських койне Києва, Вінниці, Тернополя, Дрогобича, Івано-Франківська [1: 168–176].

Таким чином, завдання структурно-функціональної моделі мікроробанолінгвістичного дослідження в Україні можуть бути різними. В залежності від завдань модель може включати різні набори складових. При вивченні койне певного міста в цілому дослідник повинен охарактеризувати місто за ознакою демографічної сили, за мовними особливостями регіону розташування, за історико-етнічним, функціонально-історичним і функціонально-економічним ознакам, за кількістю носіїв певних етнічних мов, за наявністю і поширеністю різних функціональних ідіомів, а також провести структурно-функціональний аналіз фонетичних, лексических, фразеологічних, словообразованих, граматических особливостей міського койне, причинно-слідственный аналіз змін в структурі і функціональній навантаженні етно- і функціонально-мовних особливостей міського койне.

Вивчаючи якусь одну мовну рису міського койне, дослідник повинен визначити територію, на якій поширена ця риса, її місце в мовній системі, охарактеризувати власне лінгвістичні і екстралінгвістичні фактори появи цієї риси, вивчити її роль і способи функціонування в міському або кількох міських койне. Вивчення структурних і функціональних аспектів окремих фактів мови, що містять історико-культурну інформацію того або іншого міста, регіону, з допомогою яких в міських койне виявляються протиставлення в межах дихотомії “свій/чужий”, враховує місце цього факта в мовній структурі, причини його виникнення і функціональне завдання в мовній практиці всієї міської громади або її певної частини, дає можливість визначити шляхи і способи утворення таких міських мов, їх граматическі ознаки, денотативне і коннотативне наповнення.

Висновки. Основні переваги *структурно-функціональної моделі* мікроробанолінгвістичного дослідження — це:

- 1) *системність* в вивченні мови міста (структура і функція є найбільш важливими поняттями системного підходу в дослідженні будь-якого соціального феномена);
- 2) *універсальність* використання в макро- і мікроробанолінгвістических, синхроніческих і діахроніческих дослідженнях во всіх регіонах України;
- 3) *практическа спрямованість* в вивченні інтра- і екстралінгвальних закономірностей розвитку мов України, мовної ситуації в країні і її регіонах;
- 4) наявність *корреляційних відношень* з дослідницькими моделями і процедурами вивчення інших соціальних явищ, що є необхідним вимогою інтегративних досліджень.

1. Горбач О. Аргі в Україні. — Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2006. — 688 с. — (Діалектологічна скриня).
2. Дмитрієв С. В. Українська мова як протооснова одеської мікроробанолінгвістики // Записки з українського мовознавства : зб. наук. праць. — Одеса: Астропринт, 2003. — Вип. 12. — С. 340–346.
3. Карпенко Ю. О. Мовна ситуація в Одесі на загальноукраїнському фоні // Рідна мова — запорука безсмертя нації. — К.: КНУ, 1999. — С. 11–16.
4. Кісь Р. Лінгвокультурна маргіналізація у містах України (нефункціональне бачення) // Мовні конфлікти і гармонізація суспільства : матеріали наук. конф., 28–29 травня 2001 р. — К.: ВПЦ Київський університет, 2002. — С. 55–58.
5. Корновенко Л. В. Мовний портрет м. Черкаси: сфера обслуговування // Вісник Черкаського університету. — Сер. Філологічні науки. — Черкаси: ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2007. — Вип. 116. — С. 3–10.
6. Кудрявцева Л. А. Російське міське простореччя: Київ — 2000 // Русистика: науч. сб. — Київ: КНУ, 2001. — Вип. 1. — С. 4–8.
7. Кудрявцева Л. А., Приходько І. Г. Словарь молодіжного сленга міста Києва. — Київ: ІД “Аванпост-Прим”, 2006. — 198 с.
8. Левіцький В. В. Квантитативні методи в лінгвістическій. — Вінниця: Нова книга, 2007. — 264 с.
9. Ляшенко Р. О. Динаміка міське міст Кіровограда [Електронний ресурс] — Режим доступу: <http://www.library.kr.ua/kray/lyashenko/14.html#3>.

10. *Мовне обличчя міста*: Черкаси — 2007: Матеріали наук.-практ. конф. (9 листоп. 2007р.) / Відп. ред. Л. І. Мацько. — Черкаси: Брама-Україна, 2008. — 176 с.
11. *Палади А.* Русскоязычные острова в Закарпатье, Гагаузии и в Приднестровье // Вестник. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. — Будапешт: РКЦ; ВАПРЯЛ; Будапештский ун-т им. Этвеша Лоранда, 2008. — №22. — С. 117–120.
12. *Ставицька Л.* Арго, жаргон, сленг. Соціальна диференціяція української мови. — К.: Критика, 2005. — 464 с.
13. *Степанов Є. М.* Російське мовлення Одеси. — Одеса: Астропринт, 2004. — 496 с.
14. *Степанов Є. М.* Мова міста як соціолінгвістична проблема // Вісник Львівського ун-ту. Сер. філологічна. — Львів, 2006. — Вип. 38. — Ч. 2. — С. 65–72.
15. *Терещенко О. В.* Генеральная совокупность // Социология: Энциклопедия. — Минск: Книжный дом, 2003. — С.213.
16. *Шумарова Н. П.* Про розвиток мовної ситуації в Києві // Язык и культура : IV междунар. конф.: материалы. — Киев: Collegium, 1996. — Ч. 2. — С. 183–197.

Є. М. Степанов

СТРУКТУРНО-ФУНКЦІОНАЛЬНА МОДЕЛЬ УРБАНОЛІНГВІСТИЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ В УКРАЇНІ

У статті запропоновано модель дослідження мови міста, що ґрунтується на методиках структурного та функціонального підходів у вивченні соціально-мовних явищ у синхронії і діахронії, на макро- і мікро-рівнях; узагальнено український досвід таких досліджень; пропонуються способи використання у такому дослідженні квантитативних методів.

Ключові слова: соціолінгвістика, урбанолінгвістика, моделювання наукового дослідження, структурно-функціональна модель, лінгвостатистика, Україна.

Ye.N. Stepanov

THE STRUCTURAL AND FUNCTIONAL MODEL OF URBAN-LINGUISTIC RESEARCH IN THE UKRAINE

In the article the model of sociolinguistic structural and functional research of city language is proposed. The methods of research are based on synchronic and diachronic approaches to the different levels of urbanolinguistics. The experience of such researches is generalized from Ukrainian scientists. The ways of use of quantitative methods are also suggested.

Key words: sociolinguistics, urbanolinguistics, formation of scientific research, structural & functional model, linguistic statistics, the Ukraine.

Н. В. Кондратенко

Формирование языковой личности нового типа в результате взаимодействия политического и религиозного дискурсов (на материале текстов проповедей и выступлений Патриарха Кирилла в Украине)

Статья посвящена исследованию политического и религиозного дискурсов в их взаимодействии и взаимовлиянии. Рассмотрены такие способы реализации дискурсивной деятельности, которые обладают признаками и политического, и религиозного дискурсов. Для анализа использованы тексты проповедей и выступлений Патриарха Кирилла, который соединяет в речи данные признаки, демонстрируя тенденцию к формированию языковой личности нового типа.

Ключевые слова: дискурс, политическая коммуникация, религиозная коммуникация, языковая личность.

Современная лингвистическая наука выявляет тенденции к синкретизму и актуализации антропоцентрического фактора в исследованиях языка и речи, что обуславливает приоритетное развитие прикладных аспектов языкознания, в частности и политической лингвистики. В зарубежном языкознании проблемы политической коммуникации пребывают в центре внимания ученых уже более 20 лет (Г. Лассвелл, Э. Лассан), в русистике ведутся серьезные разработки в области языкового влияния в политике (Е. Шейгал, А. Баранов, А. Чудинов), в украинистике же это направление только начинает развиваться (Л. Масенко, К. Серажим, Л. Синельникова, А. Холод). Политической коммуникацией называют такой тип взаимодействия субъектов речи — говорящего и адресата, когда они выступают участниками политической деятельности [11: 31], а политический дискурс — это реализация политической коммуникации, в которой достаточно актуализировать хотя бы один компонент политической сферы деятельности. Исходя из этого, считаем, что к политическому дискурсу относятся не только речевые взаимодействия политиков, но и другие коммуникативные формы, связанные с политической деятельностью субъектами речи, тематикой общения, адресованностью влияния, интенциональностью коммуникации. Широкий подход к определению политического дискурса предполагает признание размытости его границ и пересечения с другими типами дискурсов, причем такое влияние является взаимонаправленным. В частности, политический дискурс сближается с религиозным дискурсом, точкой соприкосновения которых “является мифологизация сознания, вера в магию слов, роль лидера-Божества, использование приемов манипулятивного воздействия, ритуализация коммуникации” [12: 28]. Религиозный дискурс достаточно изучен в лингвистике (см. обзор существующих подходов к исследованию религиозного дискурса в статье И. В. Бугаевой [2]), прежде всего анализировались его риторические и жанровые аспекты, а в последнее время в центре внимания языковедов находится коммуникативный аспект религиозной коммуникации, цель которой в “приобщении к вере в рамках определенной конфессии” [3: 268]. Если ранее отмечалось влияние религиозного дискурса на политический, то сейчас можно утверждать и обратное: религиозный дискурс в определенной степени трансформируется, приобретая новые черты под влиянием разных типов дискурса, в том числе и политического. Этот процесс прослеживается в выступлениях иерарха православной церкви — Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, который, безусловно, является не только церковнослужителем, но и политиком. Анализ особенностей языковой личности предполагает исследование дискурсов, структура которых “выступает отражением (и выражением) особенностей языковой личности, и в том числе — ее коммуникативной компетенции” [8: 6].

Актуальность статьи. Среди актуальных проблем политической лингвистики можно назвать выявление сущностных характеристик политической коммуникации и ее основных признаков. Типологию таких характеристик и признаков еще предстоит создать, но следует отметить, что

большинство ученых называют мифологичность, ритуальность, эзотеричность, сакральность политической коммуникации, и это, несомненно, сближает ее с религиозной коммуникативной сферой. Н. Мечковская отмечает, что особое место в измерении человека и социума занимают “язык, этничность (национальность) и конфессионально-вероисповедная принадлежность” [6: 10], поэтому взаимопроникновение религиозной и политической коммуникации не случайно. Исследователи преимущественно отмечают влияние религиозного дискурса на политический, фиксируя наличие в политическом дискурсе характерных черт религиозного. А религиозный дискурс, представленный различными жанрами, статичен и закрыт: закреплённость композиции и жанровых характеристик делает его изменения минимальными на протяжении нескольких столетий. Такая традиционность практически исключает возможность влияния на него иных дискурсивных практик.

Однако новые социально-политические условия на рубеже тысячелетий диктуют необходимость диалога и сотрудничества церкви и государства, при этом религиозность высшего эшелона отечественных политиков уже имеет характер не тенденции, а своеобразной моды. Вовлечение церкви в политическую жизнь стало отличительной чертой избирательного процесса Украины, начиная с президентских выборов 2004 года. Позиционирование одного из кандидатов как будущего православного Президента и предание анафеме его политического оппонента, активное использование религиозных листовок для политической агитации, придание церковным проповедям политической окраски — это всё черты проникновения политического в религиозный дискурс. В этом случае можно было говорить об использовании церкви в интересах определенных политических сил, о новом способе политической манипуляции. Данный симбиоз оказался весьма плодотворным, и теперь можно зафиксировать адекватное взаимодействие политики и религии, в том числе и на коммуникативном уровне.

Ярким примером такого взаимодействия считаем визит Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Украину в августе 2009 года. Патриарх Кирилл проявил себя во время визита не только как высокий церковный иерарх и дальновидный политик, но и как языковая личность, реализовавшая новые тенденции религиозного дискурса.

Патриарх активно выступал во время визита в Украину перед слушателями — православными христианами, верующими иных конфессий, рядовыми слушателями. Среди 28 публичных выступлений Патриарха Кирилла следует выделить три жанровых группы — проповеди (7), публичные выступления (6) и самая многочисленная — жанр “слова” (15) [7].

Проповедь относится к традиционным жанрам религиозной коммуникации и представляет собой “истолкование священного текста” [3: 275]. Основополагающая роль проповеди в церковной жизни определяет необходимость серьезного научного подхода к ее созданию, чему посвящена гомилетика — научная теория проповеди. Особое внимание уделяется личности проповедника, потому что проповедь имеет и воспитательную цель, отличаясь назидательно-дидактическим характером. Специфика данного жанра в том, что “в проповеди есть непредсказуемость и, следовательно, риск неортодоксальности”, а целью проповеди является “донесение смысла слова Бога до сознания людей” [6: 205], поэтому текст проповеди имеет достаточно простора для реализации особенностей языковой личности ее автора. Композиционно проповедь состоит из четырех частей — вступление (введение в тему проповеди), изложение (обоснование главной мысли проповеди), нравственное приложение (практическое значение проповеди), заключение [9]. С точки зрения взаимодействия религиозного и политического дискурсов нас интересует третья часть проповеди, которая содержит поучительные элементы. Следует отметить, что именно эта часть в проповедях Патриарха более объемна по сравнению с другими структурными компонентами и содержит элементы политической риторики. Так, в проповеди в Горловском кафедральном соборе Патриарх сказал: *Здесь, на священной земле Донбасса, я не могу не сказать об отношениях России и Украины. Все это — единое пространство Святой Руси, как и Беларусь, как и многие другие страны. Мы — единый народ, вышедший из купели Киевского крещения. Существуют различия в языках, в обычаях, в темпераменте, но мы живем одними ценностями. И пока есть одни ценности, есть эта духовная общность. А если есть духовная общность, то должна быть и солидарность, и взаимная поддержка, в том числе и в трудную годину экономического кризиса.* В этом примере четко проявляется близость политического и религиозного дискурсов на сущностном уровне: суть религиозного дискурса состоит в “открытом утверждении ценно-

стей” [3: 269], а политического — в превалянии “ценностей над фактами, преобладании воздействия и оценки над информированием” [12: 44]. В приведенном примере фатика превалярует над информативностью, причем эмоциональный компонент в речи усиливает аксиологический аспект речи, нивелируя информативность. Кроме того, следует обратить внимание на стилистику приведенного речевого фрагмента: в нем доминирует такой стилистический прием, как эпанафора — каждый последующий фрагмент текста начинается конструкцией, которой закончился предыдущий. Такие повторы имеют характер лейтмотивов: дважды повторяющиеся словосочетания *одни ценности, духовная общность* концентрируют внимание слушателей на этих конструкциях, состоящих из слов с диффузной семантикой, а этот параметр характерен именно для политического дискурса [4: 233]. Подобная стилистическая организация текстов проповеди Патриарха частотна и выявляет особенности языковой личности, напр.: *Еще недавно этим идолом была человеческая идея, которая была соединена с политической практикой. Такое соединение идеи с политической практикой мы называем идеологией. Та идеология сформировала свои ценности, создала своих идолов. Ведь идол — это рукотворный бог, который физически делается человеческими руками, и тогда появляются истуканы, которым поклоняются несчастные ослепленные люди* (Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла за Божественной литургией в Херсонесе). Использование традиционных приемов религиозной риторики, в частности на уровне организации текстового пространства, для создания текста с ярко выраженной идеологической нагрузкой — отличительная черта проповедей патриарха Кирилла. Тут нецелесообразно говорить о проникновении черт политического дискурса в религиозный — или наоборот, — на наш взгляд, это органическое взаимодействие двух типов дискурсов.

Религиозная риторика, призванная влиять на сознание и подсознание слушателей через устную речь проповедников, заимствовала ораторские приемы из древнего античного искусства красноречия. Но со временем эти приемы наполнились новым содержанием: появление политического подтекста в религиозной проповеди воспринимается реципиентами в одной тональности с провозглашением этических норм и правил, а потому подобные политические высказывания проходят некритично. Так, в проповеди Святейшего Патриарха в Николо-Васильевском монастыре в Донецкой области содержится такой текстовый фрагмент: *Если человек живет с Богом, он ни на минуту не забывает, что Бог рядом. И это приводит к тому, что останавливается тот человек, когда, например, хочет произнести плохое слово, останавливается, когда задумал плохое дело. Потому что Бог-то совсем рядом, он все видит. Это ближнего своего можно обмануть — мужа, жену, брата, сестру, коллег по работе, начальников и подчиненных. Можно даже целый народ обманывать. Бога обмануть невозможно.* В приведенном примере в текст проповеди вплетен тезис о том, что является основой критики любой политической силы, — обман властью народа, при этом воспринимается этот тезис не как идеологический, а как этический, потому что он подкреплен противопоставлением божественного и земного, что характерно для религиозной риторики.

Мир человеческий, греховный и мир божественный, идеальный — семантический центр религиозных текстов, представленный дуально: антитетичность этих миров манифестирует соответствующее построение текста. Эта антитетичность центрирует религиозный текст, являясь его главной содержательной осью, а соединение двух составляющих человеческой природы — земной и божественной — создает своеобразие религиозной риторики, напр.: *Сочетание веры и труда, сочетание неба и земли, сочетание духовного вертикального измерения жизни и горизонтального измерения нашей повседневности, образуя крест, указывает человеку, обществу, народам, государствам, всему миру путь, по которому нужно идти* (Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Почаевской иконы пресвятой Богородицы).

В той части проповеди, которую называют нравственным приложением, содержатся практическая ценность текста, связь выдвинутых нравоучений с реальной жизнью слушателей. И если в традиционной проповеди проповедники опираются на конкретный бытовой опыт слушателей, демонстрируют пути применения проповеднических положений в повседневной жизни, то Патриарх Кирилл зачастую ориентирует своих слушателей на глобальные проблемы политического характера, напр.: *Беды и разделения всегда проистекают от лозунгов, которые призывают нас к счастливой жизни. Не кровью ли умылся наш народ, когда в страшные годы революции соблазнился этими лозунгами и поверил, что можно построить счастливую, процветающую, мирную жизнь без*

Бога и без любви? Миллионы людей погибли, а эта мечта не была осуществлена. Ей не дано было осуществиться, потому что в основе этого политического мечтания были злоба, противоборство, стремление достичь своих целей, одурачивая людей призывами к счастью (Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в Успенской Киево-Печерской лавре за богослужением в день памяти святого равноапостольного князя Владимира). Именно в той части проповеди, которая содержит прагматический компонент нравоучительного характера, в речи Патриарха наблюдается синтез религиозного и политического дискурсов.

Самой многочисленной группой анализируемых текстов являются относящиеся к жанру “слова”, который в данном случае понимаем как разновидность проповеди. Данный жанр известен с IV в. и трактуется как “такая форма церковной проповеди, в которой какая-либо тема исследуется и раскрывается с наибольшей полнотой и последовательностью. Внутреннее единство содержания, строгая логичность в развитии мыслей, художественность речи являются его отличительными признаками” [7]. “Слова”, произнесенные Патриархом Кириллом во время визита в Украину, отличаются большим объемом по сравнению с проповедями, расширенной тематикой, подчеркнутой риторичностью. Традиционно “слова” произносятся в торжественные дни церковных праздников, поэтому они отличаются особой возвышенной стилистикой: *Мы должны быть вечно благодарны Крестителю Руси за сделанный им судьбоносный выбор: принятие святой православной веры, которая стала бесценным сокровищем народа* (Слово Патриарха Кирилла после молебна на Владимирской горке в Киеве). Исследователи жанровых разновидностей проповеди отмечают синтетичность речи “слова”, что отображается в соединении художественного и “богословско-абстрактного” начал, а также апелляцию к интеллектуальному, образованному реципиенту [5: 11–12]. “Слова” Патриарха Кирилла отличаются тематическим разнообразием, причем тематика не всегда определяется конкретными датами и не связана с церковными праздниками. Анализируемые “слова” зачастую посвящены актуальным социальным и политическим темам, а религиозный элемент иногда отступает в них на второй план: *История показывает, что еще ни одна человеческая мечта, ни одна политическая или национальная идея за две тысячи лет существования христианства не была достигнута и реализована через разделение Тела Христова. Там, где разделение, — проливается кровь, теряется энергия, утрачивается единство и появляется дробность на месте целостности; там теряется способность достигать целей, поставленных перед народом, перед нацией и перед государством, потому что разделенные в самом главном и святом люди становятся неспособными объединиться в том числе и вокруг политических лозунгов и политических программ* (Слово Патриарха Кирилла в Успенской Святогорской Лавре). Такой текст вполне органичен и для выступления любого политического лидера, который апеллирует к нравственным устоям слушателей, поэтому некоторые фрагменты речей Патриарха воспринимаются не столько как религиозные проповеди, сколько как политические выступления. Однако жанр слова-проповеди, который имеет четко выраженные хронотопические и композиционные характеристики, наполняясь новым содержанием, использует установку слушателей на восприятие религиозного текста. Такой текст имеет правополушарную ориентацию, проявляющуюся “на уровне смысла, неотделимого от формы” [10: 64], и предполагает актуализацию суггестивной составляющей языка. “Застывшая” жанровая форма религиозной коммуникации наполняется элементами нового, нетрадиционного содержания, но продолжает оставаться способом “вербальной мифологизации” (И. Черепанова) сознания реципиентов.

Воздействие религиозного текста обусловлено одновременным действием языковых единиц всех уровней языка. На фонологическом уровне следует обратить внимание на фонетические особенности произнесения слов и интонацию. В религиозной речи отдается предпочтение церковнославянской фонологии, в результате чего текст изобилует такими словами, как *дьявол, божье слово, братия, сестры*, однако в речи Патриарха Кирилла подобных архаических особенностей немного, он преимущественно использует современные фонетические формы слов. А интонационное моделирование звучащей речи является принципиальным фактором его восприятия слушателями, что выражается в повышении и понижении тона, смене повествовательной и вопросительной интонации высказываний, выделении фразовыми ударениями наиболее значимых сегментов речи.

В большей степени архаические черты, свойственные религиозным текстам, фиксируем на лексическом уровне, напр., *лепта, разумение, обитель, насельник, купель, крещальный, досто-*

чтимый, упование и др. Такие слова традиционны для религиозной коммуникации, однако ориентация на образованных слушателей в жанре “слова” обуславливает и появление лексических инноваций, несвойственных религиозному дискурсу: в “словах” Патриарха Кирилла находим такие выражения: *проблемы военных блоков, экономический кризис, рейды милиции, компенсировать потерю, природные катаклизмы, политические предпочтения, информационная эпоха* и др. Такая лексика характерна для политической коммуникации, но никак не для религиозной. Сочетание в речи Патриарха этих двух групп лексики можно расценивать как подачу противоречивых сигналов: первая группа соответствует информационным ожиданиям аудитории, а вторая — нет, но именно по этой причине привлекает повышенное внимание слушателей. Крайней реализацией данного принципа можно считать появление в речи отдельных фраз, построенных на “диссонирующей” лексике, напр.: *Бог обещал нам захватывающую перспективу бытия*. Создание подобных текстовых фрагментов уже предполагает макроструктурное варьирование, реализуемое на синтаксическом и стилистическом уровнях текста. Однако, по мнению А. Н. Баранова, речевое воздействие, прежде всего, основано “не на уровневой модели языка, а на когнитивных процедурах преобразования знания, приводящих к его передаче в речевом акте и введении в модель мира адресата” [1: 224]. Так, Патриарх Кирилл в “Слове после возложения цветов к мемориалу жертвам массового голода” для достижения этой цели использует такой прием: *Мне хотелось бы особенно ясно сказать сейчас всем, у кого, может быть, возникают сомнения по поводу правдивости моего присутствия на этом месте: мы вспоминаем жертв голода — того самого голода 1932–1933 годов, который лично ко мне имел непосредственное отношение*. И далее Патриарх рассказывает историю своей семьи, пережившей голод в 30-х годах. Такой ход можно расценивать, как рапорт — ключевой принцип в нейролингвистическом программировании, который предполагает достижение максимального доверия между говорящими. Если в проповеди доверие между проповедником и аудиторией предопределено коммуникативной ситуацией, то при произнесении “слова” в определенных ситуациях необходимо устанавливать контакт с разноплановой и не всегда подготовленной аудиторией. Патриарх Кирилл всегда достигает нужного эффекта, демонстрируя особенность языковой личности, которая предполагает актуализацию тех составляющих картины мира адресата, что могут выполнять функцию “якорей”, вербальных стимулов, позволяющих “перенести свой прежний опыт в настоящее и пережить то же психологическое состояние” [1: 233]: *Я бы хотел передать благословение всем жителям Донбасса, а особенно шахтерам. В жизни мне приходилось спускаться в шахты. Это было на Шпицбергене. И когда я вышел из шахты на поверхность, то сам себе сказал, что труд шахтера, наверное, один из самых тяжелых, которые есть на земле. Но вместе с тем это такой нужный труд* (Слово Патриарха Кирилла по прибытии в Донбасс). Достижение рапорта и использование “якорей” характеризует любой текст, основной задачей которого является влияние, воздействие на реципиента, — это главная задача и религиозного, и политического дискурсов.

Последняя группа анализируемых текстов, немногочисленная, состоит из выступлений Патриарха Кирилла перед журналистами — прямые эфиры, встречи с представителями СМИ, интервью, темой которых был пасторский визит в Украину. Данная группа текстов наименее клиширована и не ограничена жанровыми, композиционными или стилистическими рамками, как предыдущие (проповедь — в большей степени, “слово” — в меньшей). И хотя рассмотренные ранее тексты также имели устную форму и произносились без письменного подстрочника, все же они не исключали возможность заблаговременной подготовки. Тексты выступлений же являются спонтанными, неподготовленными, имеют устную форму, преимущественно диалогическую, поэтому демонстрируют все традиционно выделяемые уровни языковой личности — вербально-семантический, когнитивный и прагматический (Ю. Н. Караулов).

Именно в текстах публичных выступлений Патриарха можно найти ярко выраженные черты политического дискурса. Помимо тех особенностей, которые объединяют политический и религиозный дискурсы (ритуальность, мифологичность, эзотеричность, фидеистичность) следует отметить такой конструктивный признак, как диалогичность. Е. И. Шейгал противопоставляет политический и религиозный дискурсы на основе этого признака, считая, что “политический дискурс, так же, как бытовой и научный, в отличие от религиозного и философского дискурса, не является монологичным по определению” [12: 62]. Именно монологичность религиозного дискурса исключает его театрализацию и агональность как существенные характеристики,

но в речевому поведінні Патріарха Кирилла, крім схованої діалогічності як риторического приєма, ми бачимо установку на діалогічне взаємодія з аудиторією: *Откуда же пошла Русь? Она пошла отсюда, с киевских холмов. Здесь начало нашей веры, нашей Церкви, здесь начало государственности, из которой потом возникли государственности самостоятельных образований. Здесь наше историческое прошлое, и, может быть, я кого-то удивлю, но в каком-то смысле здесь во многом будет решаться и наше будущее* (Выступление в прямом эфире телеканала “Интер”). В этом фрагменті також слід відзначити характерне для політичного дискурсу використання говорящим місцеименій *мы, наше*, що об'єднує його з аудиторією, створює загальне комунікативне простір.

Якщо в текстах проповідей і слів ми відзначали взаємопроникнення політичного і релігійного дискурсів, то в публічних виступах Патріарха Кирилла слід говорити про домінування черт політичної комунікації. Головне відміння заключається в тому, що в релігійному дискурсі говорящий висказується не від власного імені, а від імені Бога і Священного Писання, чим викликані строга композиція речі, визначена стилістика і архаїка мови. В політичному дискурсі реалізується мовна особистість говорящого, він висказується від власного імені, намагаючись впливати на слухачів: *Чтение современных философских текстов убедило меня в том, что именно так постмодернистская цивилизация представляет себе проблему добра и зла. Нет добра и зла, а есть плюрализм мнений. А если исчезает различие между добром и злом, то это уже апокалипсис* (Выступление в Киево-Печерской Лавре). Елемент речевого впливу об'єднує політичну і релігійну комунікацію, але в даному випадку представлено і суб'єктивне початок, тому домінують не загальні етичні норми і правила, як в релігійному дискурсі, а особисті цінності і орієнтири, в загальних рисах збігаючі з суспільними: *Нужно оставаться самим собой. Я готов разговаривать с молодежью, но я не сниму для этого рясу и не оденусь так, как вы сейчас одеты. Не потому, что у меня есть какие-то предрассудки в отношении такой одежды. А потому что это моя культура, я ее носитель* (Выступление в прямом эфире телеканала “Интер”). Саме в публічних виступах Патріарх реалізує себе як політик: затрагує не тільки етичні, але і політичні теми в розмові; дає оцінки політичним лідерам і подіям; визначає ціннісні орієнтири слухачів в політичній площині.

Крім того, слід відзначити розширення тематического спектра мови в виступах Патріарха, який однаково глибоко роздумує про політику, релігію, економіку, рекламу, демонструючи свою комунікативну компетентність: *Какое колоссальное влияние сегодня оказывает на человека реклама, мода. Вот ездит человек на машине спокойно. И вдруг появляется новая модель автомобиля. И со следующего дня уже не может в машину садиться: “Ну, не там же молдинги поставлены, не могу — надо машину сменить”* (Выступление в прямом эфире телеканала “Интер”). Використання в мові лексических неологізмів і оперування новими науковими поняттями характеризує високоінтелектуальну мовну особистість, а орієнтація Патріарха на проблеми, тематически повністю не пов'язані з релігійною життям, свідчить про комунікативну компетентність і кругозор говорящого.

Нарушення традиційних представлень про мовну особистість священнослужителя підкріплюється в виступах Патріарха Кирилла використанням специфіческих аналогій, напр.: *Что же касается политических выборов — ну что же, как я уже неоднократно говорил, кто-то любит кофе пить с молоком, кто-то — со сливками, кто-то любит с сахаром, кто-то без сахара. Политические ценности имеют надстроечный характер; базисные ценности сохраняет Церковь* (Интервью Патріарха Кирилла по прибутті в Москву). Релігійне мислення аналогічно по суті: кожне подія, яке стає предметом описання або характеристики, подається в паралелі з прикладом з Священного Писання. Переважно прикладами виступають біблійські притчі, вони і є аналогіями, своєрідними керівництвами до дії. Патріарх же використовує аналогії іншого типу, не пов'язані з релігійною практикою, але зрозумілі і близькі всім слухачам. Таким чином, реалізуючи традиційний прийом релігійної риторики, говорящий переносить його в нове комунікативне вимірювання.

Такий синкретизм релігійної риторики з тематикою і приємами впливу, характерними для політичного дискурсу, дозволяє говорити про появу мовної особистості нового типу — особистості, яка не тільки реалізує одночасно риси релігійного і політич-

ского дискурсов, а демонстрирует новый тип коммуникативной компетенции. Условно говоря, можно назвать такой тип языковой личности “политиком от религии”, потому что реализуются в речи Патриарха все же политические установки и установки влияния, но функционально они базируются на принципах религиозной коммуникации.

Подобное коммуникативное поведение высшего иерарха православной церкви нельзя расценивать как проявление индивидуальных речевых особенностей, потому что Патриарх является примером как для церковнослужителей, так и для всех прихожан. По этой причине речь Патриарха также выступает образцом для наследования и подражания, а мотивационные установки его языковой личности имеют надличностный характер. Именно данный факт позволяет говорить о возникновении тенденции к взаимовлиянию политического и религиозного дискурса, проявляющейся в языковой личности Патриарха в наивысшей степени.

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 360 с.
2. Бугаева И. В. Религиозная коммуникация [Электронный ресурс] // <http://www.portal-slovo.ru/philology/39040.php>
3. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
4. Ковалевська Т. Ю. Комунікативні аспекти нейролінгвістичного програмування. — Одеса: Астропринт, 2008. — 324 с.
5. Кот С. О. Дискурсний аналіз проповіді як морально-духовного жанру словесності (на матеріалі православної Різдвяної проповіді). Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.02. — К., 2006. — 20 с.
6. Мечковская Н. Б. Язык и религия: лекции по филологии и истории религий. — М.: Фаир, 1998. — 352 с.
7. Преосвященнейший Феодосий (Бильченко). Гомилетика. Теория церковной проповеди // Труды Минской духовной академии. — 2003. — № 2. [Электронный ресурс] // http://minds.by/academy/trudy/2/tr2_2.html.
8. Седов К. Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции. — М.: Лабиринт, 2004. — 320 с.
9. Тексты проповедей и выступлений Патриарха Кирилла во время визита в Украину в 2009 году [Электронный ресурс] // <http://patriarh.in.ua>.
10. Черепанова И. Дом колдуньи: Язык творческого бессознательного. — М.: КСП+, 2001. — 400 с.
11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта, Наука, 2007. — 256 с.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004. — 326 с.

N. V. Kondratenko

SHAPING OF THE NEW TYPE OF LANGUAGE PERSONALITY AS A RESULT OF INTERACTION OF POLITICAL AND RELIGIOUS DISCOURSES (ON TEXT MATERIAL OF SERMONS AND APPEARANCES OF THE PATRIARCH KIRILL IN THE UKRAINE)

The article is dedicated to the study of political and religious discourses in their interaction. The author considers the ways of discursive activity realization, which possesses the sign of political, and religious discourses. For analysis the texts of the sermons and appearances of the Patriarch Kirill are used. He connects the given signs in speech, demonstrating the tendency to forming of the new type of language personality.

Key words: discourse, political communication, religious communication, language personality.

Н. В. Кондратенко

ФОРМУВАННЯ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ НОВОГО ТИПУ ВНАСЛІДОК ВЗАЄМОДІЇ ПОЛІТИЧНОГО І РЕЛІГІЙНОГО ДИСКУРСІВ (НА МАТЕРІАЛІ ТЕКСТІВ ПРОПОВІДЕЙ І ВИСТУПІВ ПАТРІАРХА КИРИЛА В УКРАЇНІ).

Статтю присвячено дослідженню політичного і релігійного дискурсів та їх взаємодії й взаємовпливу. Розглянуто такі засоби реалізації дискурсивної діяльності, що мають ознаки і політичного, і релігійного дискурсів. Для аналізу було використано тексти проповідей і виступів Патріарха Кирила, який поєднує в мовленні ці ознаки, демонструючи тенденцію до формування мовної особистості нового типу.

Ключові слова: дискурс, політична комунікація, релігійна комунікація, мовна особистість.

Г. В. Ковальчук, Л. О. Сиволова

Культура російської мови в Україні

Статтю присвячено проблемі культури російської мови в Україні, типовим помилкам і огріхам, що найчастіше зустрічаються в усному та письмовому мовленні не лише учнів та студентів, а й інших людей, які використовують російську мову на території України.

Ключові слова: культура, мовні особливості, індивідуальне мовлення, мовне спілкування.

Російська мова дуже широко вживається в Україні. Оскільки вона має багато спільного з українською, більшість українців не тільки розуміє російську мову, а вільно нею спілкується.

Близькоспорідненість російської й української мов підтверджується спільними рисами їх словотвору, лексики, граматики. Навіть якщо певні поняття передаються в сучасних російській і українській літературних мовах різними лексемами, то в діалектах обох мов часто наявні їх спільнокореневі відповідники.

Російські письменники, знайомі з милозвучною українською мовою, в художніх творах застосовують українізми. Для того щоб яскравіше змалювати український колорит, риси українського характеру, українською лексикою послуговувалися російські письменники — вихідці з України М. В. Гоголь, В. Г. Короленко, які досить широко вживали українізми, котрі були перспективними щодо розвитку виражальних засобів російської літературної мови. Цілком виправданним є використання українізмів у кращих російських письменників. Ілюстрацією цього є рядки Володимира Маяковського з вірша “Долг Украине”:

*Разучите эту мову на знамёнах — лексиконах алых,
Эта мова величава и проста.*

Доречно вжито українське слово *мова* як дійовий стилістичний засіб. Слід звертати увагу на особливості функціонування російської мови на території України, глибоко вивчати, враховувати при удосконаленні індивідуального мовлення. Саме тому вивчаються явища, які виникають у процесі мовлення у двомовному російсько-українському середовищі, даються наукові рекомендації щодо культури російської мови в Україні.

Мовлення людини — це своєрідна візитна картка, це свідчення освіченості людини, її культури, а разом з тим, через сукупну мовленнєву практику мовців — це і показник культури суспільства. Людина з низькою культурою мовлення порушує правила слововживання, граматики, вимоги до наголошення, написання. Якщо ж людина володіє культурою мовлення, то про неї кажуть, що це людина розвинутого інтелекту і високої загальної культури. Культура мовлення суспільства — це чи не найяскравіший показник стану його моральності, духовності, культури взагалі. Мовна культура кожної людини має стати надійною опорою у вираженні незалежності думки, розвинутої людських почуттів.

Головна особливість спілкування як процесу — взаємодія. Процес спілкування охоплює соціальну взаємодію членів суспільства, їх спільну діяльність, власне комунікацію. Упорядкованість досягається за допомогою правил і норм, які регулюють характер спілкування залежно від мети і засобів. Спілкуючись, індивіди повинні рахуватися із соціальними нормами, звичаями, що існують у даному суспільстві.

Дбаючи про культуру російської мови, слід орієнтуватися на єдині норми російської літературної мови.

Нормативне мовлення — це основна ознака мовної культури народу, орієнтація на єдину літературну норму мовлення всіх носіїв російської мови в Україні, котра функціонує як необхідний засіб міжнаціонального спілкування. Потреба вимагати від усіх, хто говорить російською мовою, володіння на належному рівні нормами російської літературної мови підтримується важливими чинниками функціонування російської мови в конкретній мовній ситуації. Російською мовою спілкуються неоднорідні в соціальному, територіально-діалектному, національному відношенні групи населення України, а конкретна мовна ситу-

ація для російської мови на території України складається за умов взаємодії з національною мовою її населення.

Вчителі російської мови у школах України та викладачі ВНЗ, які проводять заняття з російської мови для студентів-іноземців, докладають чимало зусиль у процесі навчання, викладають учням і студентській молоді правила сучасної російської граматики, вимови, правопису, виправляють орфографічні й орфоепічні помилки. Лектори, які читають лекції з культури російської мови, у першу чергу звертають увагу на помітні відхилення від літературної мови, що трапляються найчастіше. Слід відзначити, що такий шлях удосконалення індивідуального володіння російською мовою в Україні цілком виправданий. Аналіз помилок, що трапляються в мовленні різних верств населення України, свідчить: правильність насамперед залежить від ступеня грамотності, від рівня загальної освіченості людини.

Бувають невправності у вживанні слів, побудові речення, у доборі морфологічних форм, засобів слововживання. Мають місце ситуації, коли мовці, що недосконало володіють російською мовою, добирають слова для висловлення певної думки, замість потрібного можуть помилково вжити інше слово, яке за змістом не пасує до думки. Наприклад, замість потрібних вживають слова, на них чимось схожі, — так звані пароніми: замість *жалеть* отця неправильно пишуть *сожалеть* отця, замість *намного* больше — *много* больше, замість *руководствоваться* инструкцией — *руководиться* инструкцией тощо.

Невміння добирати потрібне слово і сплутування його з подібним словом — паронімом свідчить про низьку загальну культуру.

Чимало трапляється різних синтаксичних помилок. Найчастіше помиляються мовці в доборі потрібного прийменника або відмінка іменника при дієслівному керуванні. Наприклад, замість *с оценкой отлично* говорять *с оценкой на отлично*, *забыть о поездке* — *забыть за поездку*.

Допускаються помилки у будові частин речення та їх узгодженні. Типова помилка: “*Читая этот роман* (замість: *когда я читала этот роман*). Не завжди правильно поєднуються частини складних речень. Наведемо типовий приклад: “*У Ольги будет образование, что она окончила университет*”. Таке речення треба будувати зовсім інакше: “*Ольга окончит университет и получит высшее образование*”. Є чимало помилок, які з’явилися внаслідок сплутування російських і українських слів, речень чи форм. Наприклад: замість правильного речення “*Развитию речи у нас уделяют много внимания*”, можна почути речення з неправильно вжитим словом “*Развитию речи у нас уделяют много внимания*” (пор. російське слово *уделять* і українське *приділяти*).

Помилки в російському мовленні в Україні мають місце у різних мовців: вони бувають і в мові росіян, і в мові українців, їх знаходимо і в мові школярів, студентів, у мові людей старшого покоління. Одні з них пояснюються впливом української мови, інші з українською мовою не пов’язані. А причина полягає в недосконалому володінні сучасною російською літературною мовою. У процесі вивчення російської літературної мови слід звертати увагу на правильну вимову, на вмиле володіння нормативними і граматичними формами, на лексико-семантичні мовні скарби.

Російська вимова в Україні має певні відхилення від літературної норми тому, що на неї впливають ті особливості української вимови, які відрізняють усну українську мову від російської. В українській вимові відсутнє акання, наявне в мові російській (пор. укр. [водá] і рос. [вада́]), дзвінкість приголосних зберігається в кінці українських слів, а в російській вони оглушуються (укр. [дуб], [сніг], а рос. [дуп], [снec]) тощо.

Не завжди мовці враховують різницю між російською й українською лексикою. Тому в доборі слів трапляються невиправдані українізми. Зафіксовано випадки вживання замість *свёкла* українського *буряк*, замість *наседка* — *квочка*, замість *огород* — *баштан*. Подібні індивідуальні відхилення від норм російської літературної мови такого походження долаються мовцями при застосуванні методики зіставлення з українською. Важливим є паралельне вивчення російської й української мов. Це дає змогу уважніше ставитися до кожної з мов, на практиці спостерігати, що між ними спільне, а що відмінне.

Отже, удосконалюючи своє індивідуальне мовлення, освічена доросла людина може помічати свої мовні огріхи, пояснювати їх природу і походження. Недоліки індивідуального мовлення успішно долаються належним знанням сучасної російської літературної мови, уважним ставленням до елементів її структури.

1. *Культура* русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. — М., 1999.
2. *Ощепкова В. В.* Язык и культура. — СПб., 2006.
3. *Оганесян С. С.* Культура речевого общения // РЯШ. — 1998. — № 5.
4. *Скворцов Л. И.* Язык, общение и культура // РЯШ. — 1994. — № 1.
5. *Формановская Н. И.* Культура общения и речевой этикет // РЯШ. — 1993. — № 5.

Г. В. Ковальчук, Л. А. Сиволова

КУЛЬТУРА РУССКОГО ЯЗЫКА В УКРАИНЕ

Статья посвящена проблеме культуры русского языка в Украине, анализу типичных ошибок и погрешностей, наиболее часто встречающихся в устной и письменной речи всех русскоговорящих на территории Украины.

Ключевые слова: культура, языковые особенности, индивидуальная речь, речевое общение.

G. V. Kovalchuk, L. A. Sivovolova

CULTURE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE UKRAINE

The article is dedicated to the problem of the Russian language culture in the Ukraine, to typical errors and the errors most often met in oral and written speech of the pupils, students and other people using Russian in the territory of the Ukraine.

Key words: culture, language features, individual speech, speech dialogue.

УДК 81'27(477.74–25)

Г. Є. Прісовська, С. Шлегель

Аналіз соціолінгвістичного дослідження мовної ситуації в Одесі

Стаття присвячена проблемі вивчення етнолінгвістичної ідентифікації. Вона є результатом соціолінгвістичного опитування студентів Одеси. В ній розглядаються питання національної та мовної приналежності, функціонального використання української та російської мов, а також ставлення студентів до української мови й суржику; прогнозується мовна ситуація в Одесі у майбутньому.

Ключові слова: українська та російська мови, суржик, соціолінгвістика, етнолінгвістична ідентифікація, рідна мова.

Чистотою, розвитком своєї мови опікується будь-яка нація. Тема досить широка і вимагає докладного дослідження. Нас же зацікавила етномовна ситуація в Одесі, а саме — українсько-російська двомовність, і найголовніше — ставлення до цієї проблеми молодого покоління. Українська мовна ситуація зі своїм особливим типом двомовності турбує останнім часом і світову спільноту мовознавців [7; 8; 9].

Наше соціолінгвістичне дослідження було проведено в Одесі восени та взимку 2008–2009 рр. серед студентської молоді.

В цьому дослідженні були використані комбінації трьох методів: 1) анкетування; 2) поглиблені інтерв'ю; 3) польові спостереження мовної ситуації. Респондентам було запропоновано відповісти на питання, що стосуються національності, їхньої соціальної ідентифікації, рідної та функціональної мови, побутування суржику, висловити своє ставлення до мов і мовних варіантів, якими вони послуговуються, дати прогнози щодо розвитку української мови в Одесі

на майбутнє та деякі інші. Розібратися, чому саме українська мова, навіть якщо вона і рідна, навіть якщо людина відчуває себе українцем, не є мовою спілкування в Одесі — ось найцікавіша інформація, що була отримана внаслідок соціолінгвістичного опитування. Тим більше, що опитування проводила незацікавлена людина (студент із Швейцарії), та ще й молода людина, якій максимально відверто в інтерв'ю й анонімно (якщо це було анкетування) відповідали його ровесники.

Україна, і зокрема Одеса, є цікавою базою для дослідження взаємовпливу населення різного етнічного складу та їх мовлення. “Якщо на території однієї країни поширені дві або кілька мов, для вивчення мовної ситуації важливо визначити ступінь поширеності кожної мови, а також їхні оцінювальні характеристики” [6:115].

Внаслідок нашого опитування вимальовується така етномовна картина Одещини. Більшість опитаних вважає себе українцями (78,8 %). Але, здається, деякі не розрізняють поняття національності та громадянства. Проблема полягає в тому, що деяким респондентам складно відчувати себе однозначно росіянином або українцем. Змішані ідентифікації зустрічаються в Одесі так само часто, як і однозначні: “я — українець” або “я — росіянин”.

Щодо мовного аспекту результатів анкетування постає така картина. Хоч удома розмовляють українською 5–9 %, а з друзями спілкуються 2–5 %, все ж 31 % респондентів заявили про українську мову як рідну. Тобто наявна диспропорція між тими, хто вважає українську мову рідною, та кількістю людей, які дійсно використовують цю мову у повсякденному житті.

Ця ситуація викликає запитання: чи можна самому собі вибрати національність і рідну мову. Багато хто негативно відповів би на це питання, стверджуючи, що людина від своїх предків успадковує обидві ці категорії. Однак мовна ситуація в Одесі, здається, спростовує це твердження. Одесити не просто успадковували національність та рідну мову від своїх предків, а частково вибрали їх самі, пристосувались до навколишнього російськомовного простору. Приблизно 2/3 опитаних вважає, що бути українцем означає також віддавати перевагу українській мові, розмовляти зі своїми дітьми українською, проте це суперечить даним опитування про справжнє використання української мови вдома (5–9 %) та серед друзів (тільки 2–5 %). Незважаючи на це, 42,2 % респондентів відчуває себе українцями або ж у більшій мірі українцями, ніж росіянами. Питання про рідну мову — це один з обов'язкових пунктів переписів населення, анкетувань, що має як свої позитивні сторони, так і недоліки. З одного боку, ця самохарактеристика є дуже важливою для мовно-культурної ідентифікації респондента, оскільки показує його ставлення до цієї мови, її знання (активне або пасивне) і (у тих випадках, коли опитуваний не користується мовою, названою ним рідною) його небажання остаточно порівнати з мовою своєї національності.

З іншого боку, поняття рідної мови, по-перше, не має чіткого й однозначного визначення (мова національності респондента? мова його батьків? його перша мова?), по-друге, є швидше “романтичною”, ніж прагматичною категорією, оскільки не відображає реальної мовної поведінки респондента.

На нашу думку, диспропорцію між відповідями про національність, рідну мову та мову спілкування можна пояснити трьома типами мовних особистостей, що виокремлюються професором Н. В. Бардіною: етнолінгвальні, у яких зберігається етнічна приналежність та вживані лексичні і граматичні елементи; лінгвальні — представники будь-якого етносу, що ототожнюють себе на мовному і культурному рівнях з іншим етносом; контамінаційні, тобто такі, що зберегли етнокультурний принцип діакритизації світу своїх предків, але використовують при цьому слова і граматичні конструкції іншого мовного коду [1:19].

Тривалий час серед багатьох українців українська мова не виконувала функцій рідної мови, якою думають, спілкуються в усіх сферах життя. До рідної мови значна частина українців повертається лише у зрілому віці, якщо взагалі повертається [4: 123].

У порівнянні з іншими ознаками, що складають самоідентифікацію, національність відіграє у респондентів незначну роль (33 %). І навпаки — рідна мова є важливим чинником (68,1 %), що займає місце після освіти (82 %) та майбутньої професії (78,7 %). Можливо, такий великий відсоток рейтингу питання про рідну мову у самоідентифікації респондентів можна пояснити тим, що з мовним питанням останнім часом і особливо напередодні виборів людина стикається повсякденно. Крім того, мовні питання набувають щоразу більш політичного забарвлення, обговорюються у засобах масової інформації, впливають так чи інакше на свідомість молоді.

Повертаючись до нашого опитування, зауважимо, що на питання “Що Ви думаєте, якщо чуєте в транспорті українське мовлення?” відповідь була однозначною: “Он не с Одессы”. Отже, мовний конформізм, пристосування україномовних одеситів до російської мови стали нормою й навіть законом у нашому місті. Та й не тільки в Одесі. Як влучно зауважили Г. Залізник та Л. Масенко, “російська мова — мова пристосування, а українська мова — мова протистояння” [3: 7].

Але слова, сказані ніби російською, абсолютно далекі від нормативної мови. Та й московські мовознавці, які визначають коло носіїв російської літературної мови, виключають з нього російськомовних українців [2: 44].

Справа в тому, що у душі людина відчуває себе представником української нації, але ж за певних обставин пристосовується до “загальноприйнятних соціально-урбаністичних норм” нашого міста. Виходячи з відповідей, що давали респонденти, одесити рідко розмовляють українською з причин практичності: “в більшості ситуацій зручніше користуватись російською”, “російська мова більше використовується в усному мовленні”, “це мова, якою можна звернутись до незнайомця, не ризикуючи зникнути чи викликати таке почуття у співрозмовника”, “російська мова відкриває доступ до більшої кількості літератури, ЗМІ, фільмів, музичних товарів, веб-сторінок”, “російська мова — це мова, якою одесити володіють краще”. Саме цьому, — підсумовують респонденти, — простіше використовувати російську мову у спілкуванні, особливо, якщо це спілкування неофіційне.

Отже, яку мову вибрати для спілкування, кожен україномовний чи російськомовний вирішує для себе залежно від ситуації. Головний фактор — це мова співрозмовника. Особливо якщо співрозмовник — твій начальник або ж викладач. 46,4 % підтримують цю тезу. Але якщо україномовні з покірністю приймають цю умову, то цього не скажеш про російськомовних. Інколи можна було почути хизування: “Я не владію державною мовою”. І це говорили ті, що є однолітками незалежності України.

Дві мови не можуть бути функціонально тотожними. Це суперечило б чинному в мові закону в економії мовних засобів. Через те двомовність, як правило, не є тривалою, а лише перехідним етапом на одномовність, де одна з мов усувається. Навіть на рівні індивідуального білінгвізму спостерігається тенденція до диференційованого вибору мови залежно від ситуації, теми тощо.

Одним із конкретних випадків незбалансованого білінгвізму є диглосія. Це одночасне існування в суспільстві двох мов або двох форм (варіантів) однієї мови з функціональним її розподілом [5:179]. Вибір мови диктує комунікативна ситуація, і він не залежить від етномовної ідентифікації мовців.

На відміну від білінгвізму диглосія передбачає свідому оцінку мовцями тої чи іншої мови за шкалою “високий — низький”.

Тим не менш, імідж української мови серед молоді Одеси, що вимальовується з відповідей респондентів, не такий уже й поганий. Перш за все — це стереотипна відповідь про милозвучність, мелодійність української мови: “створена для співу”, “друга після італійської”. Але урбанізоване населення все ж таки бачить українську мову як сільську, асоціює з нею казки, що чули в дитинстві. Деякі, коли чують у місті українську мову, ностальгічно пригадують дитинство, життя у селі або поїздки туди на канікули,. Отже, етнолінгвоментальність такої групи молодих одеситів прокидається, вони пригадують своє коріння, звідки і якого вони роду-племені. Проте подолати загальноприйнятую російську мову не в змозі. Хоч бажання спілкуватись зі своїми дітьми українською виявили 46,5 % тих, хто відчуває себе українцем або ж у більшій мірі українцем, ніж росіянином. В той же час 10,71 % тих, хто відчуває себе більшою мірою росіянином, не згоден з тезою, що українці повинні розмовляти зі своїми дітьми українською. 13,4 % тих, хто замислюється над цим питанням. Це денационалізований прошарок молоді.

З іншого боку, на противагу “сільському іміджу” української мови в Одесі все ж таки є уявлення про українську мову як офіційно-ділову. Хоч насправді це тільки зовнішня сторона. Так, дійсно, якщо говорити про вищі навчальні заклади, то офіційно тут все українське: плани, звіти, конспекти. Але ж насправді лекції читаються частіше російською, спілкування викладач-студент — та ж російська. Українська звучить там, де держава регулює її функціонування. Наприклад, професійні оголошення на залізничному вокзалі звучать українською, а приватні — російською. Крім того, респонденти звертали увагу на недосконалий переклад іноземних

літературних творів, а особливо — фільмів. Як незграбно звучать іноді рекламні оголошення по радіо й телебаченню! На телеканалах мало фахівців, що досконало володіють українською мовою, навіть в авторських проектах. Погане знання мови, якою йде передача, її просто калічить, робить з неї посміховисько.

Серед “низьких” рис української мови респонденти відзначали те, що це мова шкільної кімнати, аудиторії, яка звучить на уроках та лекціях, а за їх межі навряд чи зможе розповсюдитись. На це ж указує й Лада Біланюк: “Ситуація, що українська мова стане мовою спілкування у дворі, на перерві, є скоріш за все нереальною” [8: 67].

Прогнози на майбутнє української мови, що дає молодь, — теж невтішні. Якщо з тезою “Із покоління в покоління все *більше й більше* одеситів буде розмовляти українською” погоджується 33 % респондентів, то чистота мови непокоїть нас над усе. “Із покоління в покоління одесити будуть все *краще й краще* розмовляти українською” — з цією тезою не згодні 9,3 %. Адже 7,7 % назвали суржик своєю рідною мовою, з друзями і вдома ним послуговується відповідно 6,3 % та 10,1 % молоді, а 40,9 % вважає його корисним, тому що він полегшує спілкування між людьми в Україні.

Отже, молодь кожного дня і хвилини вибирає для себе ту мову спілкування, що буде найбільш адекватною в даній конкретній ситуації. А ситуація характеризується слабкістю або і взагалі відсутністю значного україномовного середовища, не кажучи вже про його домінування. І тут у силу вступає закон соціалізації: “Жодна з осіб не може ізолюватися від реакції на неї навколишніх осіб, яка впливає на її поведінку та видозмінює останню на всіх стадіях життєвого циклу” [3]. Отже, дія цього закону призводить до браку мовної стійкості, неспроможності зберегти свій мовний статус. А від того, яку мову вибирає наша молодь, залежить у значній мірі, якою мовою буде розмовляти Одеса й загалом Україна в майбутньому.

1. *Бардіна Н. В.* Когнітивний підхід до визначення поняття “рідна мова” // Громадянський патріотизм і проблеми викладання україністики у вузах Одещини: Матеріали науково-практичної конференції. — Одеса, 2000. — С. 15–20.
2. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолінгвістика. — М., 2001.
3. *Залізник Г., Масенко Л.* Мовна ситуація Києва: день сьогоднішній та прийдешній. — К., 2001.
4. *Іванишин В., Радевич-Винницький Я.* Мова і нація. — Дрогобич, 1994.
5. *Кочерган М. П.* Загальне мовознавство: Підр. для студ. філол. спец. вищих закладів освіти. — К., 1999.
6. *Масенко Л. Т.* Мова і суспільство: Постколоніальний вимір. — К., 2004.
7. *Bernsand N.* Surzhyk and National Identity in Ukrainian Nationalist Language Ideology // Berliner Osteuropa Forum, 2001. — P. 38–47.
http://www.oei.fu-berlin.de/media/publikationen/boi/boi_17/11_bernсанд.pdf
8. *Bilaniuk Lada.* Contested Tongues. Language Politics and Cultural Correction in Ukraine. — New York: Cornell University Press, 2005.
9. *Polese A., Wylegala A.* Sprache und Identität: Reflexionen aus Odessa und Lwiw // Ukraine — Analyse, 2008. — № 49. — P.13–17.
<http://www.laender-analysen.de/ukraine/pdf/UkraineAnalysen49.pdf>
10. <http://www.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/>
11. <http://www.ukrcensus.gov.ua/results/general/language/>

Г. Е. Присовская, С. Шлегель

АНАЛИЗ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ОДЕССЕ

Статья посвящена проблеме изучения этнолингвистической идентификации. Она является результатом социолінгвістического анкетирования студентов Одессы. В ней рассматриваются вопросы национальной и языковой принадлежности, функционального использования украинского и русского языков, а также отношение респондентов к украинскому языку и суржику; прогнозируется языковая ситуация в Одессе в будущем.

Ключевые слова: украинский и русский языки, суржик, социолінгвістика, этнолінгвістическая идентификация, родной язык.

G. E. Prisovska, S. Shlegel

ANALYSIS OF SOCIOLINGUISTIC RESEARCH OF LANGUAGE SITUATION IN ODESSA

The article is devoted to the problem of ethnolinguistic identification. It is the result of Odessa students' sociolinguistic questionnaire design. It deals with the national and linguistic belongings, functional use of the Ukrainian and Russian languages and attitude of the respondents to Ukrainian and surzhik. Linguistic situation in future is forecasted in Odessa.

Key words: Ukrainian, Russian, surzhik, sociolinguistics, ethnolinguistic identification, the native language.

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

УДК 81:39:808.5:168.522:001.2/.5

И. А. Стернин

**Коммуникативное поведение
и межкультурная коммуникация**

Статья посвящена обоснованию науки о коммуникативном поведении как основе изучения межкультурной коммуникации. Описываются основные термины коммуникативного поведения, основные направления и разделы этой науки.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативное поведение, межкультурная коммуникация.

В настоящее время можно говорить о формировании науки о коммуникативном поведении человека (в разных его аспектах). Прежде всего, наука о коммуникативном поведении формируется как наука о национальных особенностях общения, национальном коммуникативном поведении.

Под национальным коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций общения определённой лингвокультурной общности.

Под лингвокультурной общностью понимается группа носителей языка, объединённых общей культурой. Лингвокультурной общностью является народ в целом, а также отдельные группы носителей языка, объединяемые некоторыми общими признаками — профессиональными, возрастными, гендерными, образовательными и т.д.

Нормы представляют собой правила общения, обязательные для соблюдения в данной лингвокультурной общности (например, знакомого надо приветствовать, за беспокойство надо извиниться). Нарушение норм даёт повод собеседнику предъявить претензии — почему вы со мной не поздоровались, почему вы не извинились? На эти претензии необходимо ответить.

Традиции представляют собой неписанные правила, соблюдаемые большинством носителей языка, поддерживаемые культурой (например, спросить старика о здоровье, ребенка спросить об отметках в школе). За нарушение традиций нельзя предъявить претензии.

Исследование русского коммуникативного поведения в сопоставлении с коммуникативным поведением народов Запада показывает, что в русской коммуникативной культуре по сравнению с западной относительно мало норм, но много традиций, в то время как в западной культуре традиций меньше, а норм больше. Таким образом, западная коммуникативная культура может быть описана как более нормализованная, а русская — как более традиционная.

Термин *коммуникативное поведение* в указанном выше понимании впервые был предложен нами в 1989 г. [6]. Но ещё в 70–80-х гг. сектором психолингвистики Института языкознания АН СССР были выпущены три сборника: Национально-культурная специфика речевого поведения [4], Национально-культурная специфика общения народов СССР [3], Этнопсихолингвистика [7]. В этих сборниках впервые предпринималась попытка описать национальные особенности общения разных народов. К сожалению, эта серия дальнейшего развития не получила.

В 1989 г. в Галле (ГДР) публикуется брошюра И. А. Стернина “Очерк русского коммуникативного поведения”, в которой впервые предпринята попытка системного описания коммуникативного поведения одного народа.

С начала 1990-х гг. в Воронеже в рамках проекта “Коммуникативное поведение” кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского ГУ начинается разработка проблематики, связанной с изучением и систематическим описанием коммуникативного поведения разных народов, начинают появляться отдельные статьи на данную тему, а также начинает выходить

серия публикаций по национальному, а затем возрастному, гендерному и профессиональному коммуникативному поведению.

Появляются первые библиографии работ по коммуникативному поведению [1; 2; 5]. Количество исследований в области национального, возрастного, гендерного, профессионального коммуникативного поведения разных народов в этот период быстро растёт, расширяется их проблематика, что связано с общей сменой парадигмы лингвистических исследований с системной на антропоцентрическую.

Создание РОПРЯЛ в конце 1990-х гг. заметно стимулировало исследования в области коммуникативного поведения. Российское общество преподавателей русского языка и литературы определило исследование коммуникативного поведения как одно из приоритетных научных направлений в своей деятельности. В рамках данного научного направления, которое получило название “Коммуникативное поведение (народ, группа, личность)” (руководители И. А. Стернин, Ю. Е. Прохоров), ставится цель — *исследование коммуникативного поведения как интегрального компонента национальной, групповой и личностной культур.*

Задачами исследования являются:

- теоретическая разработка понятия коммуникативного поведения;
- разработка принципов и методик изучения и описания коммуникативного поведения;
- разработка моделей описания коммуникативного поведения;
- практическое описание коммуникативного поведения личности, коммуникативного поведения возрастных, социальных, профессиональных и гендерных групп, территориальных общностей, национального коммуникативного поведения различных народов;
- разработка методики обучения национальному коммуникативному поведению в процессе обучения языку как иностранному, а также разработка проблемы формирования социально-адекватного коммуникативного поведения представителей различных социальных групп и отдельных личностей;
- исследование проблемы толерантного коммуникативного поведения личности и его формирования.

Координируют работу по данному направлению ИРЯ им. Пушкина (Москва), кафедра общего языкознания и стилистики Воронежского ГУ, а с 2002 г. также Центр коммуникативных исследований Воронежского ГУ.

К настоящему времени проблемной группой “Коммуникативное поведение” разработан теоретический аппарат описания коммуникативного поведения, который может быть на данном этапе представлен следующим образом.

Коммуникативное поведение — совокупность норм и традиций общения определённой группы людей.

Национальное коммуникативное поведение — совокупность норм и традиций общения определённой лингвокультурной общности.

Лингвокультурная общность — народ, объединённый языком и культурой; единство народа, его языка и культуры.

Коммуникативная культура — коммуникативное поведение народа как компонент его национальной культуры; компонент национальной культуры, отвечающий за коммуникативное поведение нации.

Коммуникативные нормы — коммуникативные правила, обязательные для выполнения в данной лингвокультурной общности (знакомому надо приветствовать, за услугу благодарить и т.д.)

Коммуникативные традиции — правила, не обязательные для выполнения, но соблюдаемые большинством народа и рассматриваемые в обществе как желательные для выполнения (спросить старика о здоровье, поинтересоваться успеваемостью школьника, предложить помощь женщине и др.).

Коммуникативный шок — резкое осознаваемое расхождение в нормах и традициях общения народов, проявляющееся в условиях непосредственной межкультурной коммуникации и непонимаемое, вызывающее удивление, неадекватно интерпретируемое или прямо отторгаемое представителем гостевой лингвокультурной общности с позиций собственной коммуникативной культуры.

Вербальное коммуникативное поведение — совокупность норм и традиций общения, связанных с тематикой и особенностями организации общения в определённых коммуникативных условиях.

Невербальное коммуникативное поведение — совокупность норм и традиций, регламентирующих требования к используемым в процессе общения невербальным сигналам (жестам, мимике, взгляду, позам, движению, физическому контакту в ходе общения, сигналам дистанции, выбора места общения, расположения относительно собеседника и др.), а также нормы и традиции использования произвольно выражаемых симптомов состояний и отношения к собеседнику и совокупность коммуникативно значимых социальных символов, характерных для данного социума.

Возрастное коммуникативное поведение — совокупность норм и традиций общения определённой возрастной группы.

Личностное коммуникативное поведение — совокупность норм и традиций общения отдельной личности.

Коммуникативное сознание — устойчивая совокупность мыслительных категорий, обеспечивающих коммуникативное поведение (нации, группы, личности).

Стандартная коммуникативная ситуация — типовая, повторяющаяся коммуникативная ситуация, характеризующаяся использованием стандартных речевых средств (знакомство, приветствие, прощание, соболезнование и др.).

Коммуникативные категории — наиболее общие коммуникативные концепты, формирующиеся в сознании и определяющие коммуникативное сознание и поведение нации, группы, личности. К коммуникативным категориям могут быть отнесены такие как *общение, вежливость, коммуникабельность, коммуникативная неприкосновенность, коммуникативная ответственность, коммуникативное давление, интеррогативность, коммуникативная эффективность, категория коммуникативного идеала* и др.

Коммуникативная сфера — область действительности, в которой коммуникативное поведение человека имеет относительно стандартизованные формы (общение с незнакомым, общение с коллегами, общение в школе и вузе, общение в транспорте, поликлинике, ресторане и кафе и т.д.). Это коммуникативная ситуация в широком смысле.

Социальный символизм — совокупность смыслов (символических значений), приписываемых действиям, поступкам, явлениям и предметам окружающей действительности тем или иным социумом.

Коммуникативное действие — единица описания коммуникативного поведения, отдельное типовое высказывание, речевой акт, невербальный сигнал, комбинация вербального и невербального сигналов и т.д. в рамках того или иного коммуникативного параметра.

Параметр коммуникативного поведения — совокупность однородных, однотипных коммуникативных признаков, характеризующих коммуникативное поведение народа.

Коммуникативный признак — отдельная черта (характеристика) коммуникативного поведения (коммуникативное действие или коммуникативный факт), выделяющаяся как релевантная для описания в условиях сопоставления коммуникативных культур.

Коммуникативный факт — отдельная конкретная особенность коммуникативного поведения народа, выделяющаяся в рамках определенного коммуникативного параметра, некоторое коммуникативное правило, действующее в коммуникативной культуре (например, “знакомых надо приветствовать”).

Коммуникативный фактор — совокупность сходных коммуникативных параметров, наиболее обобщённая единица описания коммуникативного поведения.

Коммуникативная стратегия — обусловленные коммуникативной целью общие стереотипы построения процесса коммуникативного воздействия в зависимости от условий общения и личности коммуникантов.

Аспект коммуникативного поведения — совокупность однородных коммуникативных параметров (вербальный, невербальный аспекты).

Коммуникативное сознание — совокупность механизмов сознания человека, которые обеспечивают его коммуникативную деятельность. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, определяющих принятые в обществе нормы и правила коммуникации.

Менталитет — совокупность стереотипов восприятия и понимания действительности (на родом, группой, индивидом).

Продуктивное коммуникативное поведение — вербальные и невербальные действия коммуникатора в рамках норм и традиций общения.

Рецептивное коммуникативное поведение — адекватное понимание (интерпретация) вербальных и невербальных действий собеседника, принадлежащего к определенной национальной, возрастной и т.д. группе.

Реактивное коммуникативное поведение — реакция субъекта на те или иные коммуникативные действия собеседника.

Нормативное коммуникативное поведение — принятое в данном социуме, группе и соблюдаемое в стандартных коммуникативных ситуациях большей частью социума или группы.

Ненормативное коммуникативное поведение — нарушающее принятое в социуме или группе нормы.

Коммуникативные табу (жесткие и мягкие) — коммуникативная традиция избегать определённых языковых выражений или затрагивания определённых тем в тех или иных коммуникативных ситуациях; соответственно табу будут речевыми (*при женщинах не ругаться*) и тематическими (*секс при детях не обсуждать*). Жёсткие табу описываются предикатом *нельзя*, нежёсткие — *не принято, не рекомендуется, лучше не надо*. Нарушение жёстких табу влечёт общественные санкции, нарушение мягких — общественное осуждение.

Коммуникативные императивы — коммуникативные действия, необходимые в силу принятых норм и традиций в конкретной ситуации общения (жёсткие, например, *со знакомыми надо здороваться, за нарушение извиняться* и мягкие, например, *надо спросить ребенка, как он учится, старика спросить о здоровье, едущий со знакомым в общественном транспорте должен с ним подерживать разговор*).

Нарушение жёсткого императива может потребовать объяснения (почему не извинился?) и влечёт общественные санкции. Нарушение мягкого императива (почему не спросил старика о здоровье?) влечёт только моральное осуждение. Жесткие императивы описываются предикатом *принято*, нежесткие — *обычно принято*.

Можно выделить также тематические императивы — темы, которые надо затронуть (со стариком о здоровье, с новым знакомым — о месте работы, с ребёнком — о том, что ребёнок любит), а также речевые императивы — фразы, выражения, которые необходимо произносить в определённых ситуациях.

Коммуникативные допущения — коммуникативные факты, признаки или действия, недопустимые в одной национальной или групповой культуре, но возможные (хотя и не обязательные) в другой. Например, в русской коммуникативной культуре допустимо спросить собеседника о его зарплате, во многих других это совершенно исключено.

Инокультурные информанты — принадлежащие к иной коммуникативной культуре, нежели исследуемая, но знакомые с исследуемой культурой в той или иной форме и способные высказать о ней суждение.

Гетерокультурные информанты — принадлежащие к исследуемой коммуникативной культуре.

Коммуникативный стандарт — некоторая усредненная модель коммуникативного поведения, отражающая основные нормы и традиции общения культурно и цивилизационно близких народов и этнических групп, выступающая как основание сравнения при изучении коммуникативного поведения какого-либо народа или группы народов. Можно говорить о западном стандарте (американо-западноевропейском коммуникативном поведении), восточном стандарте (японо-китайско-корейское коммуникативное поведение), арабском, азиатском, северном, южном стандартах.

Теория коммуникативного поведения призвана определить понятие, выявить структуру и основные черты коммуникативного поведения, разработать понятийно-терминологический аппарат и методику описания коммуникативного поведения народа, группы, личности.

Конкретное описание коммуникативного поведения той или иной нации, группы, личности раскрывает особенности коммуникативного поведения и мышления соответствующего народа, группы, человека и имеет лингвистическую, психолингвистическую, этнолингвистическую, культурологическую, психологическую и дидактико-педагогическую ценность.

Прикладная значимость описания коммуникативного поведения народа, группы, личности заключается в том, что результаты системного описания коммуникативного поведения востребованы в культурологических, психологических, лингводидактических, педагогических, логопедических, психокоррекционных, воспитательных и многих других целях.

Так, описание национального коммуникативного поведения с успехом может быть использовано при обучении устной иноязычной речи в процессе обучения языку как иностранному; исследования группового коммуникативного поведения дают возможность разработать методы и приемы формирования нормативного группового коммуникативного поведения представителей различных социальных, возрастных, профессиональных групп, оптимизировать общение с учетом требований, предъявляемых к данным группам в обществе.

Определены также методологические принципы описания коммуникативного поведения, использование которых обеспечивает саму возможность осуществления описания.

Принцип системности

Коммуникативное поведение той или иной лингвокультурной общности должно быть описано целостно, комплексно, как система, должны быть упорядоченно описаны все релевантные коммуникативные признаки. Для этого необходима модель описания коммуникативного поведения, включающая совокупность факторов и параметров, отражающих коммуникативное поведение любого народа. Такая модель должна включать вербальное, невербальное коммуникативное поведение и социальный символизм.

Принцип контрастивности

Адекватное описание коммуникативного поведения возможно только на базе некоторого сравнения. Имплицитно любое описание будет контрастивным: большинство характеристик коммуникативного поведения оказывается параметрическими: часто — редко, интенсивно — мало, громко — тихо, быстро — медленно и др. Без сопоставления их описание просто невозможно. Фоном всегда выступает какая-либо конкретная коммуникативная культура, известная описывающему.

Как показывает практика, наиболее эффективно бикультурное описание — русское коммуникативное поведение на фоне английского, немецкого, американского, французского, китайского, японского и т.д. Наилучшие результаты даёт не сопоставительный (автономное описание двух коммуникативных культур с последующим сопоставлением), а именно контрастивный подход (систематическое рассмотрение отдельных фактов родного коммуникативного поведения в сопоставлении со всеми возможными способами выражения данного смысла в сопоставляемой культуре).

Использование нежесткого (ранжирующего) метаязыка

Описание коммуникативного поведения в жестких терминах, как правило, оказывается невозможным: большинство коммуникативных параметров обычно не поддается жесткому ранжированию. Сопоставительный характер описания также побуждает использовать такие единицы метаязыка, как *больше, чаще, меньше, реже, интенсивней, чем...*

В связи с этим описание целесообразно осуществлять при помощи ранжирующих единиц метаязыка: *обычно, чаще всего, как правило, сравнительно редко, обычно не встречается, допускается, как правило, не допускается* и т.д. При этом могут называться конкретные коммуникативные культуры, относительно которых характеризуется тот или иной коммуникативный признак (чаще, чем в английском и немецком коммуникативном поведении, сравнительно редко в сопоставлении с англичанами и т.д.).

Наиболее адекватными единицами метаязыка при описании степени проявления того или иного коммуникативного признака или факта коммуникативного поведения оказываются такие: *очень высокая (степень), высокая, заметная, пониженная, низкая, отсутствие*.

Разграничение и учёт общественной нормы и общественной практики

Во многих случаях описания коммуникативного поведения выявляется такая картина: коммуникативная норма в обществе есть, ее знают, но она сплошь и рядом не выполняется. Особенно это характерно для русской лингвокультурной общности.

Не обсуждая здесь причины этого (это отдельный вопрос, связанный с отношением русского сознания к нормам и правилам, а также с проблемой группового и индивидуального

усвоения культурных норм), отметим, что описанию должны быть подвергнуты как норма, так и практика.

Описание коммуникативного поведения может быть выполнено как на рефлексивном уровне (уровне теоретического знания личности о норме или правиле), так и на бытийном (уровне практического знания и исполнения нормы или правила). Норма идентифицируется по ответам информантов — представителей исследуемой коммуникативной культуры: *Надо так, но не всегда мы так делаем* (например, переходить только на зелёный свет, всегда извиняться, если толкнул кого-либо в транспорте и др.).

Если норма рефлексивно осознаётся, она описывается как некий образец, но описывается и отклонение от неё — обусловленное теми или иными ситуативными, возрастными, культурными и т.д. условиями. Причины несоблюдения коммуникативных норм могут означать как недостаток культуры, так и происходящий сдвиг в норме, зону развития коммуникативного правила, зону подвижки, переходную форму. Описание будет иметь следующий вид: *часто (иногда, участились случаи, когда) мужчины, молодёжь и т.д. эту норму нарушают и делают так-то.*

Наука о коммуникативном поведении представляется нам на современном этапе синтетической лингвокультурной наукой, являющейся основой изучения и обучения межкультурной коммуникации.

1. *Высочина О. В.* Исследования по проблемам коммуникативного поведения, опубликованные членами воронежской проблемной группы “Коммуникативное поведение” в 80–90-ых гг. // Русское и финское коммуникативное поведение. — Воронеж, 2000. — Вып. 1. — С. 88–98.
2. *Исследования*, опубликованные членами проблемной группы “Коммуникативное поведение” по проблемам американского коммуникативного поведения // Очерк американского коммуникативного поведения. — Воронеж, 2001. — С. 196–198.
3. *Национально-культурная специфика общения народов СССР.* — М., 1982.
4. *Национально-культурная специфика речевого поведения.* — М., 1977.
5. *Проблемы коммуникативного поведения, этнического менталитета и национально ориентированной методики обучения РКИ* // Русское и финское коммуникативное поведение. — С. Пб., 2001. — Вып. 2. — С.159–161.
6. *Стернин И. А.* О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativfunktionale Sprachbetrachtung.* — Halle, 1989. — S. 279–282.
7. *Этнопсихолингвистика.* — М., 1988.

I. A. Sternin

COMMUNICATIVE BEHAVIOR AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article is devoted to the discussion of communicative behavior science as the basis of studying of intercultural communication. The basic terms of communicative behavior, the basic directions and branches of this science are described.

Key words: communication, communicative behavior, intercultural communication.

Й. А. Стернін

КОМУНІКАТИВНА ПОВЕДІНКА І МІЖКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ

Статтю присвячено обґрунтуванню науки про комунікативну поведінку як основу вивчення міжкультурної комунікації. Описані основні терміни комунікативної поведінки, основні напрями та розділи цієї науки.

Ключові слова: комунікація, комунікативна поведінка, міжкультурна комунікація.

А. Б. Бушев

Новые фактуры речи: русский язык в Интернете и в современном медийном социуме

Статья посвящена социальным и культурным аспектам блоггерства, особенностям языкового и коммуникативного взаимодействия, видам дискурса в современной блогосфере. Отталкиваясь от особенностей языка в данной фактуре речи, автор анализирует функционирование данного феномена в более широкой среде — пронизанном многочисленными взаимосвязями медийном социуме. Рассматриваются характерные свойства варваризации, вульгаризации, стереотипизации и языковой игры, присущие современному медиадискурсу.

Ключевые слова: неологизмы, транслитерации, варваризмы, стереотипии, вульгаризмы, медиадискурс, дискурс в блогосфере.

Актуальность проблематики, заявленной в качестве **предмета** статьи — особенности языкового и коммуникативного взаимодействия в новых фактурах речи, — объясняется постоянной необходимостью дескриптивной и риторико-герменевтической работы в области исследования различных сфер языкового поведения. Именно такие описания позволяют достаточно полно описывать **объект** нашего изучения — современную русскую языковую личность, претерпевающую сегодня радикальные изменения.

Целью настоящей статьи является рассмотрение особенностей современного русского языка и — шире — дискурса в новых средах коммуникации: в пронизанных взаимозависимостью с другими дискурсами и языками блогах и глобальной медиа-системе. Анализируются языковое своеобразие и особенности коммуникативного взаимодействия, характерные для новых фактур речи.

Поскольку изучаемый феномен возник совсем недавно, то анализируемый **материал** совершенно нов: недавно я решил посмотреть, о чем пишут в “Живом журнале”. За последние годы параллельно реальному возник новый, виртуальный мир со своей культурой. Даже на уровне языка он загадочен для непосвящённого: *тэги, посты, аккаунты, комьюнити, блоги, форумы, комменты, френдленты...* Слова “*брандмауэр*”, “*файл*”, “*браузер*”, “*сканер*”, “*анимация*”, “*утилиты*”, “*сенсоры*”, “*сэмплеры*”, “*спам*”, “*мультисесссионные диски*” вошли в обиход новой информационной культуры. В языке появляются слова, призванные отражать реалии. Избежать столкновения с английским языком на компьютерном поприще невозможно. Не чужды новому языку оказались и разговорные выражения, собственный сленг. Вместе с ним пришли — кто или что это?! — *ринперы, граберы, клипраты, гоферы, антивирусы, зиперы, экстракторы*. Свой сленг требует понимания: знаете ли вы, что такое “*меня забанили*”?! Sapienti sat — для понимающего достаточно.

Блоггерство является сравнительно новым феноменом. Блоггеры — создатели сетевых дневников. Феномену блоггерства более пяти лет. Блоги — это крайне демократичные, неиерархизированные структуры. Авторы дневников — простые люди — выступают в качестве авторов историй, публикуют статьи, а также фотоматериалы. Задача — не просто публиковать что-нибудь, а только то, что интересно, чтобы Ваш опыт был полезен. Впрочем, можно “*просто публиковать о том, куда ходил, с кем тусовался*”. Порою привлекательна сама обыденность. Дневники — подвид мемуарной литературы, возможность заглянуть во внутренний мир рядового человека. Многие блоги в ЖЖ гораздо талантливее того, что предлагают нам маститые писатели. Желательно отсутствие ошибок. Рекомендуется пользоваться спел-чеккером перед отправкой текстов.

Впрочем, в сети возникает так называемый “*зык падонкафф*”. Это не фонетическое письмо, а намеренное искажение языка, его крайние формы искажения, метаирония над грамотностью: *туд* вместо *тут*, *начиму* вместо *почему*, *остаецца*, *христаматийный*, *фелософия*, *тродиция*, *афтор*, *кисларод*, *дагадацца*, *нихачу*, *фупазор*, *мысли вазникают в маеи* *измученной навасями галаве*, *вофсе нед*, *китайский школьнег*, *красавчег* и даже *песдетс*. Иные падонки уже становятся культовыми персонажами. Этот сленг называют олбанским. На сайте udaff.ru “*тусуются*” тыся-

чи человек ежедневно. Есть мнение, что любой текст, написанный на языке падонкофф, теряет агрессию и пафосность. Ведь чувствуются элементы иронии: *почтайте, я запейсал, шшел нах, чмовый тролль, диссиденты, бля, ипанутица можно, онегдоты, жадноклассники, ну вот нах спрашиваеЦЦа*.

Плюс создаётся впечатление о криптолалической функции такого языка для посвященных: *я сабж разлочил, каменты отключаю, поскольку откоментились все уже, под катом—фотки к посту, френдлента, имхо, к-а, под катом лидочки опять флешмоб, в ютубе*.

Блогосфера воспринимается как пространство прайваси и свободы, простирающееся, как известно, пока оно не нарушает свободы другого, не идет на преступления, предусмотренные УК. Оценочность постоянно присутствует в сообщениях: *возбуждение животного потреотизма, порадовать, мундаки, нипайду, шшел вон, чуня*.

Показательно обсуждение блогосферы на круглом столе “Речевая культура и Интернет-среда” (рук. проф. И. Г. Минералова), материалы которого также находятся в бескрайних просторах Интернета:

Зацаринная Алла, студентка V курса Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого:

На бескрайних просторах русского Интернета существует множество различных страниц. Среди них встречаются форумы, чаты и прочие сайты, где люди общаются друг с другом — и общаются на русском, естественно, языке.

Последнее время часто возникает вопрос: насколько полезно такое общение? Не убивает ли оно русский язык? И вообще — надо ли следить за чистотой языка, точностью выражений, правильностью оформления мыслей?

Действительно, Интернет — только инструмент, зеркало. Но мы можем влиять на это зеркало, ведь отражаемся в нём мы сами. Если каждый филолог, каждый студент, преподаватель, просто грамотный, образованный человек придет в этот мир, то мир изменится. Наверное, никуда не денутся “падонки” со своим языком, не исчезнут “авторы”, считающие, что писать можно и без соблюдения всяких языковых норм. Но не они уже будут определять “общественное мнение”, они не будут считаться образцом для подражания.

Наверное, лучший способ что-то сделать — это делать. Не молчать, проглатывая бездарные и безграмотные тексты, а помочь их авторам, вежливо указать, что писать так не только плохо, но и “не модно”, не одобряется большинством, теми людьми, с которыми все хотят общаться.

Яновский Александр, студент III курса филологического ф-та Московского педагогического государственного университета (МПГУ):

Есть пространство...Зачем Вы ходите туда, где Вам не нравится?

Матюхин Андрей, студент III курса филологического ф-та МПГУ: *Необходимо задать определенные формы общения, грамотности в Интернете. Нужна заданная структура Интернет-сайтов. Должна быть четкая структура управления. Платные порталы должны быть подчинены Министерству культуры.*

Полегаев Александр, техник компьютерного класса МПГУ: *Авторитарный режим уже невозможен, и Интернет невозможно загонять в рамки. Надо учитывать интересы всех людей.*

Минералова И. Г., профессор МПГУ: *должны быть этические, эстетические нормы.*

Наумова Т. А., профессор, Мордовский педагогический институт:

Хочу сказать, что в системе Интернет должна быть цензура. На уровне высочайшей культуры общения с этим миром наше бескультурье обернется страшными результатами. Решение проблемы “Молодежная среда и Интернет-мир” просто необходимо. Кто этим должен заняться?

Показательные популяризации к регламентации общения в Интернете не находят поддержки, и — что самое отрадное — технической базы регулирования этого общения.

Неумеренный мат в албанском звучит даже нежно. Некоторые исследователи пишут, что идеология падонкофф строится на отрицании образования, стремлении к оригинальности и протесте против несвободы. Вот такой коктейль. Под редакцией С. Минаева выходят сборники прозы падонкофф (феномен “Литпром”).

Нарочитая неграмотность может раздражать читателя: *я сабж разлочил, каменты отключаю, поскольку откоментились все уже, ну вот нах спрашиваеЦЦа, под катом—фотки к посту.кroachчеги, пиздецкакспатьхочеЦЦа, любвиобильная, нарочитое удвоение букв сппросит, юннности...*

Наряду с блоггерством возникает интерактивное радио — новая школа журналистики. Участвует в новом текстовом мире и мобильная телефония — с телефона, с которым многие ходят в обнимку, можно набрать текст и послать его на блог. Блогосфера — новая информосфера. Блоггеры отражают спектр общественных настроений. Интерес к “Живому журналу” связан с падением доверия к традиционным масс-медиа. Аналитика уступила место пропаганде. Плюс полное устранение просветительского научного дискурса из СМИ.

Философы говорят, что наступает мусорная цивилизация — в ней все сохраняется. Впервые фиксация не только ценного, но и субъективного, частного. Все фиксируется, и происходит девальвация ценности. Личное творчество, которое человек увековечивает, получает приоритет. Одноклассница, живущая в Техасе, присылает мне ссылку на Интернет-ресурс, где расположена виртуальная галерея ее картин. “Как тебе?” — спрашивает она.

В ЖЖ появились страницы тех, кто ушел из жизни. С недавних пор дневники умерших начали размещать на специальных сайтах памяти. Это стало новой сетевой модой. В сбитом с толку дезориентированном социуме единственной подлинной бьющей наповал новостью остается смерть.

Техническое движение вперед в сфере компьютерных технологий, доступность жёсткого диска больших объёмов, доступность Интернет-технологий обеспечивает работу с мультимедиа — фильмами, музыкой, картинками.

На сайте “Живого журнала” написано: *ЖЖ — это глобальная социальная сеть, объединившая русскоязычных блоггеров во всем мире. Это более миллиона дневников, которые ведут журналисты, писатели, фотографы, политики, домохозяйки, милиционеры, бизнесмены и все остальные. Это тысячи сообществ, посвященных обсуждению любых вопросов — от общемировых проблем до тонкостей разведения морских свинок. Это оперативная информация, подчас опережающая СМИ; это сотни новых фотографий и видеороликов каждый день; это самые жаркие обсуждения. Здесь происходит всё самое интересное. Присоединяйтесь!*

Что же, присоединимся. Можно писать свои тексты. Пишите:

LiveJournal заслуженно пользуется любовью российских блоггеров: здесь есть все необходимое для ведения собственного дневника. Пишите о том, что вас волнует. Показывайте свои фотографии. Общайтесь с родственниками, друзьями, коллегами и единомышленниками. Заводите новые знакомства. Спорьте, убеждайте, доказывайте. Объединяйтесь в сообщества по интересам. И определяйте сами, что вы готовы рассказать всему миру, а что — только своим близким друзьям.

Можно читать чужие тексты, особенно тех, кому — в силу тех или иных причин — нет доступа в иные средства масс-медиа. Читать есть что:

Работа в ЖЖ не дается сразу. Пугает множество информации разной ценности. В этом море информации выбор осуществляете вы сами.

Для ЖЖ характерно формирование виртуальных сообществ. Эта форма объединения людей по интересам изучается социологами.

Умение самопрезентироваться — одно из ключевых умений блоггеров. Впрочем, есть мнение, что в Интернете все притворяются перед всеми. И особенно перед самими собой.

Ярко и со вкусом подайте информацию о себе — учат в инструкции к ЖЖ.

Умение общаться, проявить интерес к партнеру по коммуникации не менее важно. Общайтесь с другими пользователями в вашей ленте друзей, комментариях и сообществах: большинство пользователей разрешает комментировать свои записи, благодаря чему можно с толком побеседовать, поспорить, обменяться мнениями и найти новых друзей. Ещё один способ познакомиться с интересными людьми — участие в сообществах (это такие общие журналы, в которых разные люди могут писать на общую тему).

Впервые после создания веб-страницы, рассылки, чата, форума, иная возможность публичной интеракции есть на блоговых сайтах. Это новая возможность интерактивной коммуникации. Например, это возможность действительно политического дискурса в виртуальной форме — не коммуникации строго упорядоченной и ограниченной (разрешили, о чем и как сказать), а вполне понятного существования в дискурсивном пространстве и высказывания впечатлений от политики = политического дискурса. Комментарии блоггеров более свободны, однако необходимо учитывать маргинальность блоггеров, причудливость их политических воззрений.

Оценочная избитая метафора, модальность предположения, специфика построения фразы в блоге (имитация спонтанной устной речи в беседе, модальность суппозиции, клишированность и стереотипичность вокабуляра) — обращающие на себя внимание характерные черты данного рода сообщений.

Иной пример. Информация, предоставляемая по вопросу выборов французским сегментом сети Интернет, поражает обилием, качеством, разножанровостью. Даются ссылки на многочисленные сайты (в том числе партийные, пристрастные), на блоги.

Характерным является и тот факт, что кроме традиционных встреч, опубликования программы, слов поддержки сторонников, для последней президентской кампании было характерно вступление в открытые конкурентные дебаты на национальном телевидении. Мы знаем, что решение вступить в полемику открыто на ТВ было принято не сразу.

Не бросаются в глаза сообщение биографических сведений о кандидатах и очевидно наличествующие на сайтах тексты о поддержке политиками. (Мы знаем, какие непростые отношения существовали в стане правых, однако перед вторым туром уходящий президент Ширак все-таки поддержал Н. Саркози). Однако дискурс в Интернете — это прежде всего программы и политические выступления кандидата, фактографика и аналитика прессы, широкий спектр политических мнений, высказанных самими потребителями глобальной сети. Представленное не ограничивается перечислением вышеуказанных жанров — есть и обращения к разным социальным группам, группам поддержки, материалы публициты, транскрипты встреч, даже песни сторонников президента. Представлены аудио- и видеозаписи президентских выступлений, статьи французской прессы, освещающей президентскую гонку, реакции мировых политиков. Существенно новым являются публичные комментарии простых избирателей. Всё это позволяет представить палитру мнений и наиболее характерный спектр мнений, а также даёт качественный материал для социологических исследований выборов. Результаты соцопросов представлены там же.

Продемонстрированные в работе примеры убеждают: эпоха Windows — эпоха больших объёмов информации — качественно изменила информационную культуру в образовании и медиа и требует развития информационной рефлексии.

Вышеуказанные особенности языкового функционирования в блогосфере заставляют нас вновь поразмышлять над динамикой русской лексики последних десятилетий. Целью языковой политики является, по мнению Г. О. Винокура, сам язык. Известны двусторонние связи между языком и социумом, так как язык — медиум и всех иных деятельностей в области культуры, и субстрат всякого дискурса, и базис метаязыка. Современное состояние языка очень поучительно. Развитие русского языка позволяет отслеживать все те процессы, которые происходят в социодинамике, в психоистории, в динамике социальных представлений, в общественной морали и т.д. Не случайно в науке конца XX века такое внимание языку, явственен лингвистический поворот, осуществляется трактовка лексикона как отражения ментальности, методы лингвистики используются в анализе текстов для нелингвистических целей.

Мы являемся свидетелями либерализации языка, речевых норм в печати, возникновения принципиально иных стилистических стандартов в новых масс-медиа [6: 67–72], участниками информационной революции. Всё это происходит на фоне цивилизационного слома, грандиозной социальной мобильности, социальной динамики, расширения объёма информации, на который *volens nolens* отвечает человеческое сознание.

Типичными для русского языка начала XXI века являются:

1. Жаргонизация, широкое присутствие арготизмов, молодёжного сленга, компьютерного сленга [1:122].
2. Интеллектуализация, языковая игра, карнавализация.
3. Варваризация, заимствования (транслитерации и кальки).
4. Бюрократизация [2].
5. Интертекстуальность, языковая игра и лингвокреативность; лингвоцентризм присущ даже жаргону как отражение рефлексии над языком [4]; лингвокреативность присуща даже неологизмам.
6. Широкое заимствование элементов рекламы, слоганов, политического новояза.

Изучаются проявления социального и культурного в искусствоведческом, финансовом, политическом дискурсе. Активно проводится изучение рекламы с ее весьма характерными язы-

ковыми и риторическими особенностями, исследования электронного текста — текста, создаваемого в процессе коммуникации, характеризуемого рядом особенностей (мультимодусностью креолизованного текста, вербальным и невербальным представлением информации, интерактивностью, так как такой текст развивается *de novo* и обогащается с каждой репликой). Возрастает личностное начало в речи, активнее взаимодействуют книжная и разговорная речь, часто встречается языковая игра (“*Любишь кататься — катайся на фиг*”), юмор (о серьёзных вещах говорим с улыбкой), карнавализация, при этом не экономится понимание (из подтекста игру необходимо понимать), наличествуют элементы коллективного языкового сознания (презентемы, логоэпистемы, лингвокультуемы, фигуры знания, интертексты).

Интеллектуализация языка и внутриязыковая рефлексия — одно из характерных явлений. Так, регистрируется **проблема языковой игры**: трюизмом стала мысль о том, что при помощи языковой игры, сленга национальный язык пытается защититься от своей всеобщности в ее обедненной прагматической интернациональной версии. Сюда же относится проблема каламбурных трансформаций (“Экспериментальный словарь русских антиполовиц”). Ряд терминов переосмысливается в языковой игре. Результаты варваризации в языке вовлекаются в процесс построения жаргонизмов: “*чёрный нал*”, “*маржа*” (“*margin*”), “*карга*” (“*cargo*”). Показателен лингвоцентризм жаргона: *аська, батоны, винды, вarez, винт, доска, ламер, юзер, мать, мастдай (mustdie), оффтопик, пень, писюк, прокси, рулез, сидюк*.

Жаргонизация — широкое присутствие арготизмов, молодежного сленга, компьютерного сленга (*аккаунт, анлимитед, аппгрейд, апдейт, аттач, бластер, браузер, брандмауэр (то же, что и фейрволл — пояснение), инсталляция, интерфейс, кластер, коннект, крэкер, кулер, курсор, кэш, мейлер, модем, модератор, монитор, ноутбук, патч, портал, принтер, провайдер, слэш, сканер, стимулятор, сэмплы, трэббол, утилиты, флоп, хакер*). **С ней соотносительны проблемы вторжения в разговорный язык “общего жаргона”, жаргонизированности просторечия молодого поколения.** Просторечие насыщено жаргоном, общим жаргоном. Жаргон заполнил СМИ, литературу. Подчеркивается тщета запретительного регулирования в сфере культуры речи.

Показателен **лингвоцентризм современного молодежного жаргона**. Право жаргонизмов быть лексикографически описанными и лингвистически исследованными не подвергается сомнению. При изучении общемолодежного жаргона, складывавшегося в конце 1980-х и начале 1990-х годов, а также языка различных групп молодежи, а именно музыкантов, диггеров, путешественников автостопом, байкеров, спортивных фанатов и многих других — обращают на себя внимание как метафоризация и переосмысление (семантические способы), так и транслитерация английских слов:

Акум, активный флип, Алик (мобильные телефоны фирмы Alkatel), Беник (в просторечии мобильные телефоны фирмы Бенетон), битая трубка, биллинг, блютуз, голозуб, синезуб, браузер, вапиться (пользоваться WAP-режимом), ваять мэски, vibra, гнумас, горяче-смазочные материалы (GSM), дятел (абонент, расчлняющий разговор на бесплатные куски по несколько секунд), Жабa (Java), кирпич (телефон, имеющий большие массу и линейные размеры), красный глаз (IrDA), лыжа, мотор, моторулез, нетбизя (network busy), нюша, ночка, чухня, нырлящик (сотовый телефон, который перестал работать, так как его уронили в воду), парашютист (сотовый телефон, который перестал работать после падения с высоты), перешивать (перепрограммировать интегральную микросхему памяти сотового телефона), распиновка (описание назначения контактов разъёма (порта) сотового телефона), роуминг; Семён, Сима, соньерик; Филипп; хот-биллинг, горячий, варёный, копчёный, подогретый биллинг; шкурка; ШАР-ЖППС (просторечное название функции WAP-GPRS).

Иной аспект — варваризация, заимствования (транслитерации и кальки). Одним из пространственных процессов в языке российских СМИ последних лет стало обильное появление варваризмов. Часть из новых заимствований привносится в язык в силу того, что не существует слов для самих понятий (*сканнер*), часть как эвфемизм (“*фанд-райзинг*” вместо “*идти по миру*”, “*секьюрити*” вместо “*обслуга*”), часть из-за дурной моды отказываться от своего. При этом характерны не просто заимствования, а такие, которые говорящие воспринимают как не совсем родные. Никто не призывает отказываться от реалий, от экзотизмов, от терминов, от вполне вошедших в русский язык и нашедших в нем свое лицо заимствований.

За последние годы в связи с тем, что массовая культура стала проводником политики культурного империализма, язык в целом, а именно пласт молодежной лексики и жаргона обогати-

лись следующими прописавшимися транслитерированными и не всегда приспособленными по форме к нормам русского языка заимствованиями:

Бишура (от англ. *be sure* — тест на подтверждение беременности, от надписи на упаковке); *сейшн*, *беби*, *найсовый*, *агрейдить*, *аскер*, *аскать*, *байкер*, *байк*, *берздей*, *бестовый*, *беспрайсовый*, *блэковка*, *блэк*, *бразер*, *брейкер*, *бэксайд*, *бэнд*, *задринчить вайну*, *вайф*, *винды*, *виндовский*, *войс* (“*Войс был молодой, звонкий, веселый*”), *выдринкать*, *герлы*, *гуд*, *даун*, *дарлинг*, *драйвер*, *драйв*, *дринкать*, *дэнс*, *заинсталить*, *задринчить*, *заслипать*, *засэйшенный*, *зафачить*, *трузера на зипперах*, *ивнинг*, *интерсейшен*, *икссьюз*, *искейпнуть*, *кантри* (“*Поехали на кантри!*”), *крейза*, *крейзи-хаус*, *лайкать*, *лейбл*, *мани*, *мессидж*, *миксовать*, *милитэр*, *мэновый*, *мэйкаться*, *мэйло*, *найтовать*, *нюю-вейвщик*, *олдовый*, *отпринтить*, *отфачить*, *отфэйсовать*, *парента*, *пати*, *перенайтать*, *пипл*, *пипловый*, *поспикать*, *прайзовый*, *прайс*, *проаскнуть*, *пэрэнс*, *реинсталит*, *рейв*, *релакснуться*, *ремикснуть*, *рингануть*, *рейвовать*, *рум*, *сайд*, *сайз*, *флет*, *бег,скин*, *сконнектиться*, *смоук*, *спикать*, *стейс*, *стритен-гёрл*, *тэйбл*, *тин*, *трэшер*, *фазер-мазер*, *фак-сейшн*, *файновый*, *фэн*, *фейс*, *френд*, *форэвер*, *форин*, *фейсушник*, *хич-хайк*, *шузы*.

Варваризмы — вторая примета стремительных языковых изменений в обществе и СМИ: *приватизация*, *маркет*, *менеджмент*, *депозит*, *ваучер*, *монетаризм*, *гиперинфляция*, *инвестиции*, *эмиссия*, *трансфер*, *фьючерс*, *фандрайзинг*, *брэндинг*, *франшиза*, *франчайзинг*, *экстремизм*, *миллениум*, *ГКО*, *холдинг*, *транш*, *депозит*, *лизинг*, *хит*, *риелтор*, *брифинг* и т.д. Есть мнение, что здесь мы сталкиваемся с семантическим явлением: специально изобретенный язык, изменяющий или затемняющий смысл знакомых слов. Наблюдается засилие иностранной лексики, в том числе сниженной, употребляемой к месту и не к месту — *нюсмейкер*, *секьюрити*, *хедлайн*, *ридер*, *беби-иттер*, *кастинг*, *киллер*, *промоушен*, *мерчандайзинг*, *фандрайзинг*, *маркетинг*, *брэндинг*, *менеджер вместо продавца*) вплоть до смешного (“*Ильич — бренд нашего города*” об Ульяновске).

Характерна специфическая манера речи — американизированные интонации типа *rising tune*, характер обращения СМИ и других отправителей публичной речи со своей аудиторией (*пиплы*, *хай*, *хавать будем*) — неуважительный, порой агрессивный тон, вызывающий негативную ответную реакцию “адресата”, к которому речь обращена.

Характерны бюрократизация, наличие бюрократических жаргонизмов (типа *отзвониться*, *проплатить*, *озвучить*).

При изучении живого языка СМИ мы отмечаем следующие языковые феномены: стереотипии [2]. Нами разрабатывается вопрос соотношения понятия стереотипии и единиц языка: избитая метафоризация, эвфемизация, понятия с широкой, чётко не определенной семантикой, калькирование терминов, аксиологическая лексика, высокая пафосная лексика, сложность дефинитивности терминов, конъюнктурность, банальность метафоризации, “иностранные” синонимы, перифразы, нелепые штампы, неологизмы, затёртые слова, девальвированность слова (*религиозность*, *православие*, *творец*, *разум*, *вера*, *религиозное мировоззрение*, *толерантность*, *духовность*, *благодетель*), клише и штампы политического дискурса. Это новое семантическое явление в сфере исследований лингвистики лжи, демагогии и пропаганды [3: 355], политической корректности в гендерном, расовом, возрастном, личностном, имущественном, профессиональном аспекте. Присущи широкое заимствование элементов рекламы, слоганов, политического новояза.

Все вышеуказанные процессы имеют явные лингводидактические импликации для формирования вторичной языковой личности при обучении на продвинутом этапе, приближающемся по своим задачам к обучению и компетенции носителя языка.

С изучением вышеуказанных феноменов коррелирует и исследуемый нами феномен коллоквиальности (разговорности) речи, которая есть, несомненно, одна из наиболее сложных способностей, подлежащих освоению языковой личности. Она особенно актуальна при установке на работу в условиях устной коммуникации, неформальное общение. Разговорная речь — разновидность устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющая функции общения и воздействия. Как форма существования литературного языка разговорная речь характеризуется основными его признаками (наддиалектностью, устойчивостью, нормативностью, многофункциональностью).

В филологии сравнительно давно изучается взаимодействие разговорной речи с разговорным типом письменно-литературного языка в художественных произведениях (А. Н. Островский,

Н. С. Лесков, В. М. Шукшин, М. М. Зошенко, В. П. Астафьев, А. И. Солженицын, А. А. Галич, С. Д. Довлатов), где речь разговорная “олитературируется” (В. В. Виноградов).

Неподготовленность, линейный характер, непосредственный характер речевого акта — параметры, отчётливо выделяющие разговорность. Коллоквиальность проявляет себя на лексическо-стилистическом и синтаксическо-стилистическом уровне. Особенности коллоквиального синтаксиса посвящены работы Ю. М. Скребнева, в которых рассмотрены описательная и сокращённая номинация, парцелляция, присоединение, антиципация, добавление темы-уточнителя, прерванные структуры, вопросно-ответные единства, повторы, стяжения, перифразы.

Естественность и спонтанность общения и перевода предполагает свободное и активное владение жанрами устной речи, предполагающими коллоквиальность. Неформальные жанры, спонтанная бытовая, разговорная, сниженная речь являются собой предмет интереса в этой связи [5: 245]. Велико вторжение в разговорный язык общего жаргона (термин и понятие разрабатывались Е. А. Земской в связи с созданием соответствующего словаря на материале русской разговорной речи). Трюизмом стала мысль о том, что при помощи языковой игры, сленга национальный язык пытается защититься от своей всеобщности в её обедненной прагматической интернациональной версии.

Просторечие вместе с народными говорами и жаргонами составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации — общепонятный народно-разговорный наддиалектный язык. Литературное просторечие, служащее границей литературного языка с народно-разговорным языком, — особый стилистический пласт слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской сниженности, грубоватости, фамильярности. Недаром сленг называется поэзией обыденного языка. Наряду с просторечными словами входят диалектизмы и жаргонизмы, утратившие свою локальную и социально ограниченную прикреплённость.

Исследования вышеуказанных феноменов позволяют отчётливо видеть новый ракурс языковедения — перевыражение социальности в языке и формирование языка социальности и культуры.

1. Бушев А. Б. Наука о языке и вульгаризация речи в СМИ // Междунар. Интернет-конф. “Российская наука и СМИ” — Моск. представительство Фонда К. Аденауэра; Президиум РАН; ИНИОН РАН; Агентство научных новостей “Информнаука”; научно-популярный журнал “Ломоносов” www.adenauer.ru. Печатная версия: Российская наука и СМИ. Сб. статей / Под ред. Ю. Ю. Чёрного. — М., 2004. — С. 121–129.
2. Бушев А. Б. Семантика социально-политического дискурса: автоматизации, стереотипии и штампы // Электронная конф. “Рефлексия. Смысл. Герменевтика” на портале www.auditorium.ru / Каф. английской филологии Тверского гос. унив.; Образовательный портал “Социально-гуманитарное и политологическое образование” (РУДН); Ассоциация развития информационных технологий в образовании “Интернет-социум”.
3. Бушев А. Б. Риторический феномен семантической расплывчатости // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. — М., МГУ, 2004. — С. 354–355.
4. Бушев А. Б. Стиль и мысль: русские французы и российская молодёжная пресса о культуре // Интернет-конф. “Актуальные проблемы изучения русской речевой культуры” на портале www.auditorium.ru / Каф. стилистики и литературного редактирования Волгоградского гос. унив.; Ассоциация разв. информ. технологий в образовании “Интернет-социум”.
5. Бушев А. Б. Неориторические исследования // Русская речь в современном вузе: Мат-лы II Междунар. научно-практ. интернет-конф. 15.10–15.12.2005 / Отв. ред. проф. Б. Г. Бобылев. — Орёл: ОрёлГТУ, 2006. — С. 245–254.
6. Бушев А. Б. Современные особенности языка российских СМИ (социолингвистические заметки) // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Методика. — М., 2005. — № 5. — Ч. 1–2. — С. 67–72.

A. B. Bushev

SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENA OF COMMUNICATION IN BLOGS

The article sheds light upon social and cultural phenomena in blogs of the Internet. It discusses the characteristic traits of these discourses and dwells on their cultural value. Having this material under scrutiny, the author presents the analysis of linguistic characteristics of Russian media discourse in general. The inherent features of media discourse in modern blog Russian are barbarisms, vulgarisms, stereotypes and other phenomena of the language.

Key words: media discourse, discourse in blogs, barbarisms, vulgarisms, stereotypes, creativity in the language.

О. Б. Бушев

НОВІ ФАКТУРИ МОВЛЕННЯ: РОСІЙСЬКА МОВА В ІНТЕРНЕТІ Й У СУЧАСНОМУ МЕДІЙНОМУ СОЦІУМІ

Статтю присвячено соціальним і культурним аспектам блогерства, особливостям мовної та комунікативної взаємодії, видам дискурсу в сучасній блогосфері. Відштовхуючись від особливостей мови в даній фактурі мовлення, автор аналізує функціонування цього феномена в ширшому середовищі — медійному соціумі. Розглянуто характерні властивості варваризації, вульгаризації, стереотипізації та мовної гри, притаманні сучасному медіадискурсу.

Ключові слова: неологізми, транслітерації, варваризми, стереотипії, вульгаризми, медіа-дискурс, дискурс у блогосфері.

УДК 81–116.6'23

С. В. Плотницькая

Учение Н. Хомского в становлении КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Статья посвящена роли учения Н. Хомского в истории становления когнитивной лингвистики; дан анализ основных положений его теории.

Ключевые слова: ядерные структуры, трансформационная грамматика, разветвлённые синтаксические структуры, лингвистическая компетенция.

Языкознание последних десятилетий развивается под знаком коммуникативной лингвистики, которую можно рассматривать в качестве составляющей когнитологии, изучающей познавательную-мыслительную деятельность. Когнитология как наука появилась в XX веке и связана с таким сложным феноменом природы, как человеческое сознание и разум. Когнитивная лингвистика отвечает на эти вопросы в их непосредственной связи с языком; это наука, которая изучает соотношение когнитивных и языковых структур. Поворот в развитии лингвистики связан с именем Ноэма Хомского (Noam Chomsky), который создал порождающую модель языка, т.е. выработал определённый набор правил, способных породить правильные предложения языка, и предложил для этого ряд трансформационных методик. Он утверждал, что грамматика — это не конструктор, изобретённый лингвистами, а формальный объект, обладающий психологической реальностью в жизни человека, и что все языки имеют одну и ту же внутреннюю структуру. Н. Хомский и его последователи увидели новую цель лингвистической теории — ориентацию на решение проблем массовой коммуникации. Учение Н. Хомского и его школы породило развитие определённых областей знания: утвердился приоритет дедуктивного языкознания, началась разработка теории синтаксиса, зародился семантический синтаксис, появился интерес к внутренним ментальным, т.е. ядерным репрезентациям языкового знания, впервые в область интересов лингвистики были включены когнитивные аспекты языковой личности при усвоении языка. Эти открытия создали основу для возникновения когнитивной лингвистики.

Аврам Ноэм Хомский (родился в семье эмигрантов из Российской империи 7.12.1928, г. Филадельфия, США) — выдающийся лингвист нашей эпохи, профессор Массачусетского технологического института. Его основные интересы — лингвистика, психология, философия языка, философия сознания. Значительные идеи — порождающая грамматика, универсальная грамматика, трансформационная грамматика.

Трансформационная грамматика Н. Хомского — это наука, которая отражает “созидание” в языке, обнаруживает глубинные закономерности порождения речи. Включая в себя механизм конструирования синтаксических структур из некоторого числа ядерных предложений, трансформационный метод может обеспечить наиболее точное и ясное понимание процессов порождения фраз и правил их включения в предложение. Трансформационная грамматика даёт

правила интрамодальных трансформаций, необходимых для цементации двух главных групп предложения, для их превращения в поверхностную структуру. Имеются три слоя связей, устанавливающих контакт подлежащего и глагола-сказуемого. Их следует рассматривать как глубинную связь — порядок следования; морфофонемную связь — согласования; категориальную связь, выражаемую категориями времени и наклонения глагола. Эти связи можно свести к двум категориям: глубинные — поверхностные. Сопоставив строй синтаксического ядерного предложения со строем логического суждения, приходим к выводу о том, что модель суждения, как и модель предложения, можно рассматривать на разных ступенях отвлечённости категорий. Классическая логика вычленяет в суждении два основных элемента, называемых “терминами суждения” — субъект как *понятие о предмете мысли*, относительно которого нечто утверждается или отрицается, и предикат как понятие о том, *что* утверждается или отрицается относительно предмета мысли. Эти термины выражаются в предложении языковыми элементами, которые в грамматике принято называть *членами предложения*. Существуют главные и второстепенные члены предложения, причём последние могут трансформироваться в придаточные предложения.

По Н. Хомскому, порождение речи представляет собой процесс последовательной реализации семантических, грамматических и прагматических правил, формирующихся у носителя языка на базе врождённых когнитивных структур, т.е. существует некая универсальная грамматика, состоящая из комплекса глубинных структур и эксплицирующая основные свойства человеческого разума. Н. Хомский говорит, что предложение может быть либо ядерным, либо преобразованным из ядерного с помощью трансформации. Так, предложение *Рабочие строят дом* — пример типичного ядерного предложения со структурой: $N_1 V_{trans} N_4$, где N — существительное в соответствующем падеже, а V_{trans} — переходный глагол. А предложение *Дом строится рабочими* представляет собой пассивную конструкцию. И структура предложения иная: $N_1 V_{возвр} N_5$, где $V_{возвр}$ — возвратный глагол. Такое предложение уже не ядерное. Оно получено путём одной из операций трансформации, а именно операции пассивизации из ядерного (активной структуры):

Рабочие строят дом \Rightarrow *Дом строится рабочими*

Таким образом, все предложения делятся на ядерные предложения и трансформы. С помощью анализа по НС (непосредственно составляющим) можно адекватно проанализировать предложения. Например, фраза *Молодые рабочие очень быстро строят многоэтажный дом* — результат развёртывания по НС ядерной структуры всё той же фразы *Рабочие строят дом*. После операции пассивизации получается новая фраза: *Многоэтажный дом очень быстро строится молодыми рабочими*.

Глубинные структуры на поверхностном уровне могут быть либо просто воспроизведены, либо воспроизведены в виде трансформ, т.е. появляется чёткое разграничение чего-то поверхностного, реализованного в тексте, привычного для анализа в дескриптивной лингвистике, и чего-то глубинного, что в тексте не отражено, но каким-то образом там всё же присутствует.

По сути, берётся уже готовая, хотя и глубинная, структура, и на каком-то этапе включаются соответствующие правила, преобразующие её в поверхностную структуру. Порождающая семантика делает ещё один шаг в глубину мыслительных процессов, поскольку она берёт в качестве исходной не ядерную конструкцию в целом, а отдельные семантические параметры. Эти параметры комбинируются в те или иные узлы, к которым подбираются отдельные слова. Концепция Хомского — проекция лингвистической модели в психику.

Согласно Н. Хомскому, знание языка, *языковая компетенция*, предполагает совершенное владение грамматическими процессами. Глубинная структура соотносится с поверхностной структурой посредством некоторых мыслительных операций, т.е. грамматических трансформаций. Трансформационные операции, связывающие глубинную и поверхностную структуры, являются действительными мыслительными операциями, выполняемыми мозгом. Когда предложение реализуется как физический сигнал, в мышлении образуется система суждений, выражающих значение предложения. Этот физический сигнал и система суждений, концептов связываются грамматическими трансформациями. Поверхностная структура связана с физическим сигналом; в основе поверхностной структуры лежит глубинная структура, а также система катего-

рий более абстрактного характера. Глубинная структура выражает семантическое содержание предложения; поверхностная структура определяет форму предложения. Методом вскрытия глубинной структуры и объяснения становления поверхностной структуры является трансформационный анализ. Трансформируя глубинную структуру в поверхностную, мы обнаруживаем логико-семантические свойства первой. Принцип применения трансформации действует на синтаксическом уровне и включает, по нашему мнению, в применении к *разветвлённым синтаксическим структурам (РСС)* (термин наш) три основные операции: опущение, дополнение (объединение) и замену. Так, РСС, являющаяся сложноподчинённым предложением, — трансформ, образовавшийся в результате объединения или скрещения двух и более простых предложений. Предложение, лежащее в основе главного, — рамочное предложение (РП), матрица, а предложение, лежащее в основе придаточного — составляющее предложение (СП). Их объединение происходит посредством трансформации генерализации. Частные случаи трансформации генерализации — это трансформация конъюнкции (объединения) и трансформация вклинения. Существуют иные виды трансформации. Ex.: РП: *I know he was here*. СП: *I saw him*. ⇒ *I know he was here because I saw him*. (Трансформация добавления) и т.д.

Набор трансформационных возможностей некоторых конструкций называется трансформационным потенциалом, практически это та или иная часть всех преобразований, которым может подвергаться данная конструкция; возможности структурных изменений практически неисчерпаемы.

Н. Хомский выделил в рамках своей концепции понятие *компетенции* (прирождённой способности к речи — *competence*). Компетентный говорящий / слушающий должен, по мнению Н. Хомского, образовывать / понимать неограниченное число предложений по трансформационным моделям и иметь суждение о высказывании. Термин “языковая компетенция” был введён Н. Хомским в контексте лингвистических исследований. Он рассматривал её как полное знание о родном языке, которое позволяет “идеальному говорящему-слушающему” судить о правильности и осмысленности высказываний. Это знание описывается грамматикой, включающей в себя набор правил, регулирующих порождение всех возможных в данном языке структур предложений путём преобразования исходной конструкции, а также описание грамматических отношений в самих предложениях и между ними. В отечественной науке нет общего мнения о том, что следует понимать под языковой компетенцией. В дидактике и методике преподавания языка этим термином, как правило, обозначают совокупность конкретных умений и навыков. Причём в разных работах даются различные перечни этих навыков и умений. Отсутствует также единообразие в терминологии: сам термин “языковая компетенция” употребляется не всеми. Различные подходы к разработке понятия языковой компетенции более подробно представлены в работах В. Л. Скалкина, Е. Д. Божович, М. М. Гохленер, М. Е. Ейгер и других. Анализ этих подходов показал, что проблемы психологического содержания языковой компетенции, её развития и измерения остаются во многих аспектах нерешёнными. В идеале языковая компетенция может быть представлена как система правил для передачи знаний с помощью единиц языка различных уровней, тех правил, которыми оперирует человек. Говорящий из готового материала строит правилосообразные, но каждый раз новые по содержанию фразы и высказывания, отработанные с точки зрения их ситуативной отнесённости и коммуникативных задач. Таким образом, границы между произвольным и непроизвольным, осознанным и неосознанным, автоматизированным и творческим нестабильны, подвижны и меняются под влиянием целого ряда факторов, включая сам процесс развития умений и навыков. Коммуникативная компетенция определяется как сумма умений и навыков говорящего — слушающего использовать иностранный язык в изменяющихся речевых ситуациях и порождать не только грамматически правильные, но и социально-приемлемые высказывания. Эффективность коммуникации как одного из видов взаимодействия заключается в установлении строгих соответствий между речевыми единицами, мыслями и речевыми высказываниями. Для эффективной коммуникации характерны точность выражения, ясность, целенаправленность, строгий подбор слов, логичная организация материала, последовательность в изложении мысли.

При переводе с одного языка на другой меняется материальная сторона, но сохраняется смысловая. Для кодовой интерпретации языка важна частотность появления языковых элементов в речи и вероятностные связи между ними. Если в языке знаки одного яруса равноправны, то

в речевой практике их положение становится ранговым. Канал связи пропускает максимальное количество информации, если он согласован с кодом, т.е. если время, необходимое для передачи кодового знака, пропорционально логарифму его вероятности. Вероятностные связи между словами уменьшают время реакции на слова в контексте и облегчают выбор нужного продолжения как при порождении, так и при восприятии устного высказывания.

Эффект порождения речевого высказывания на иностранном языке является более сложным в психолингвистическом смысле, чем вообще операции, описываемые такими понятиями, как навык или умение. Говоря о порождении речевого высказывания на иностранном языке, методисты пришли к идее так называемого вторичного умения. По мнению В. Л. Скалкина, более подходящим психолингвистическим термином для описания феномена владения языком вместо вторичного умения является *иноязычно-речевая коммуникативная компетенция* [7: 23–24, 30], которая понимается как способность к смыслокодирующей и декодирующей деятельности и профессионально-информационной ориентировке в ситуации общения, опирающейся на весь комплекс знаний, умений и навыков и предполагающей сознательный выбор и конструирование нового на основе фразового контура и лексических единиц, составляющих основу данного подязыка, автоматизм и воспроизведение готового, повторяющегося, ранее встречавшегося и хранящегося в памяти элемента профессиональной речи.

Таким образом, учение Ноэма Хомского стало одним из краеугольных камней в истории возникновения когнитивной лингвистики и развитии многих дисциплин, в том числе методики преподавания иностранных языков.

1. Алтаев В. М. История лингвистических учений. — М., 1998; Березин Ф. М. История лингвистических учений. — М., 1975.
2. Гурьянова Н. В. Понятие языка, знания языка и овладения этим знанием в концепции языка и мышления Н. Хомского // Учён. зап. Ульянов. гос. ун-та. Сер.: Образование. — Ульяновск, 1999. — Вып. 2. — С. 182–191.
3. Гурьянова Н. В. Современная лингвистическая концепция Н. Хомского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / [Московский гос. лингвистический ун-т]. — М., 1998.
4. Капишин А. Е. “Генеративная лингвистика” Н. Хомского // Иностранный язык в школе. — 2002. — № 2. — С. 81–86.
5. Литвинов В. П. Мышление Ноама Хомского: Курс лекций / Международная академия бизнеса и банковского дела. — Тольятти, 1999.
6. Радомская С. В. Обучение монологизированию с использованием разветвлённых синтаксических структур: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 [Одесский педагогич. ун-т]. — Одесса, 1996.
7. Скалкин В. Л. Основы теории обучения устноречевой коммуникативной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.03. — М., 1986.
8. Хомский Н. Язык и мышление. — М.: Изд. МГУ, 1972.

S. V. Plotnitskaya

N. CHOMSKY'S DOCTRINE IN FORMATION OF COGNITIVE LINGUISTICS

The article deals with the role of N. Chomsky's doctrine in history of cognitive linguistics formation; the analysis of main positions of his theory is given here.

Key words: kernel structures, transformational grammar, multilevel syntactic constructions, linguistic competence.

С. В. Плотницька

ДОКТРИНА Н. ХОМСЬКОГО У СТАНОВЛЕННІ КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

Статтю присвячено ролі доктрини Н. Хомського у становленні когнітивної лінгвістики. Робота містить аналіз головних положень його теорії.

Ключові слова: ядерні структури, трансформаційна граматики, розгалужені синтаксичні структури, лінгвістична компетенція.

Одобрение как акт речи

Статья посвящена анализу модальных функций высказываний, содержащих элемент одобрения. Одобрение рассматривается как акт речи, даются его экспликации, приводятся лингвистические средства для раскрытия и анализа реплик, содержащих описываемое явление. Приведены и описаны некоторые показатели этого акта речи в русском, польском и английском языках, а также примеры сочетаемости одобрения с другими актами речи.

Ключевые слова: одобрение, акты речи, модальные функции, русский язык, польский язык, английский язык.

В начале 80-х годов XX века работы Дж. Остина [12] и Дж. Серла [17] открыли новый этап лингвистических исследований. Сегодня теория речевых актов составляет настолько сильный центр прагмалингвистики, что ее можно считать отдельной дисциплиной. Появились работы, посвященные изучению как теоретических основ [1:16–30; 11:183–228; 13:53–88], так и отдельных видов [3:59–67; 9:66–71; 16:26–40] и других аспектов речевых актов [6:36–47; 10; 14]. Все же остается еще много неопisanного, как, например, речевой акт одобрения, который до сих пор не получил подробного рассмотрения в конфронтативном плане. Поэтому цель настоящей работы — определить дистинктивные признаки именно одобрения как речевого акта и представить лингвистические основы раскрытия и анализа высказываний, содержащих данное явление.

Для изучения непосредственного речевого взаимодействия необходимо обратиться к теории диалога, учесть фактор участников диалога, правила речевого этикета и многие другие, а также преодолеть проблему многозначности высказывания и коммуникативных неудач.*

Речевой акт понимается как высказывание, которое порождается и произносится говорящим с определенной целью. Как правило, с помощью речи мы совершаем определенные практические или ментальные действия. Речевой акт состоит из трёх фаз:

- локуции, в которой происходит выбор и организация языковых средств. Она исполняет функцию референции и предикации и выражается в пропозиции высказывания;
- иллокуции, в которой осуществляется коммуникативное намерение говорящего с помощью языковых средств совершить определенное действие. Она связана с понятием интенции говорящего. На этом уровне высказывание получает интенциональное значение и иллокутивную функцию;
- перлокуции, которая содержится в достижении иллокутивного воздействия на адресата и получения результата (желанного или нежеланного). Она часто понимается как достигнутый вербальный и/или невербальный эффект.

Например, в предложении *Закрой, пожалуйста, окно* локуция — это поверхностная структура этого высказывания, иллокуция — намерение говорящего так повлиять (с учетом правил вежливого общения) на слушающего, чтобы он произвел действие (закрыл окно), а перлокуция — это действие, которое выполнит слушающий (который может закрыть окно или отказаться).

Основой классификации речевых актов является, как правило, иллокутивная сила данного высказывания. Дж. Остин проанализировал около 1000 глаголов, способных образовать высказывание-действие (типа: *я обещаю, прошу, приказываю*), и на основе того, какое действие с их помощью совершает говорящий, выделил пять классов речевых актов: 1) вердиктивы, 2) экзерситивы, 3) комиссивы, 4) бехабитивы и 5) экспозитивы [12:149]. Сам Дж. Остин подчеркивал, что это рабочая, далекая от совершенства классификация. С тех пор появилось много удовлетворительных попыток создания типологической классификации, и сам процесс поисков представляется результативным для изучения истинной природы речевых актов.

В настоящей работе мы поддерживаем подход А. Авдеева, в котором классификация опирается на выполняемые высказыванием прагматические функции [13]. Вслед за ним выделяем функции модальные, эмотивные и иллокутивные, а также модально-синтагматические и смешанные. Их дальнейшее деление представляет следующая диаграмма:

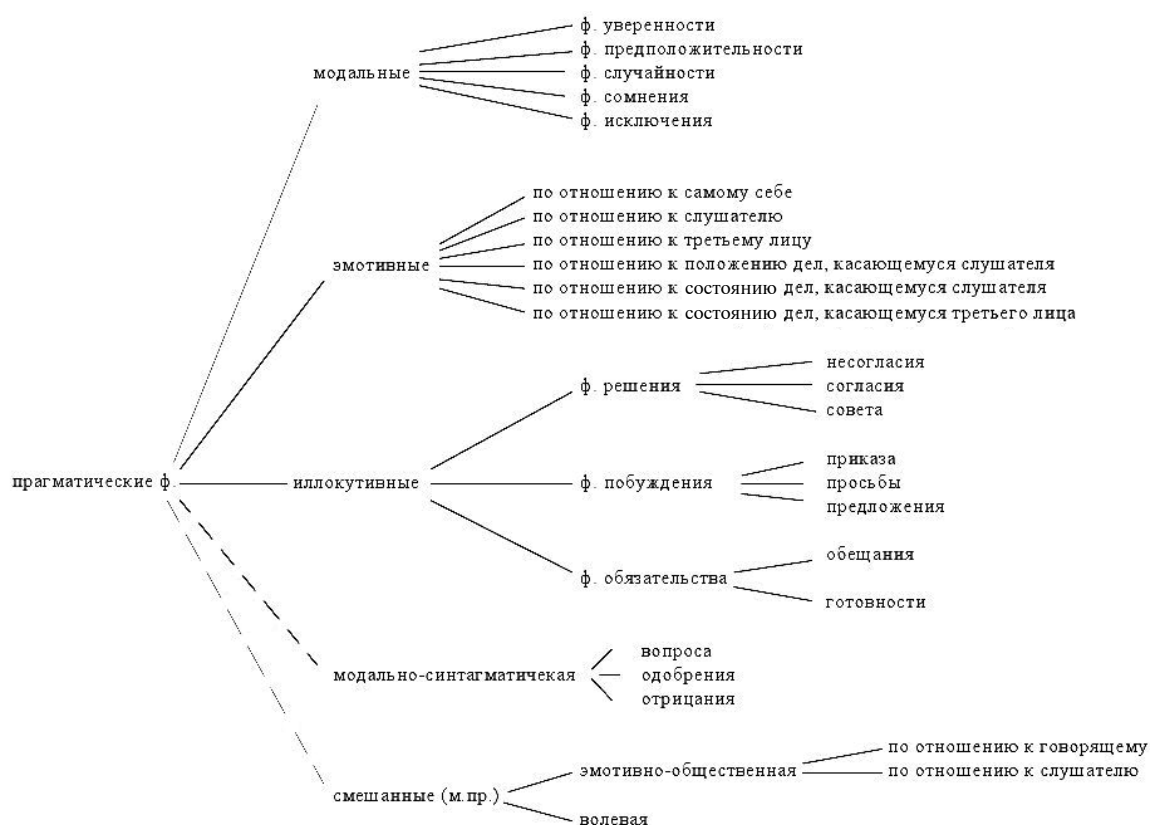

Диаграмма 1. Прагматические функции

Одобрение словарники толкуют как 1) действие, в котором кто-нибудь отзывается положительно, с похвалой о действиях кого-либо, считает правильным поступок, поведение кого-либо, принимает что-либо, соглашается с чем-либо, 2) признание хорошим, правильным, положительный отзыв, похвала [5]. Способы выражения этого речевого акта разнообразны — от самых простых, однословных реплик типа *окей, молодец, хорошо* и т.д., до более сложных, выраженных целым высказыванием, напр.: *Ты совершенно прав, я не могу с тобой не согласиться*. Будучи реакцией на чье-либо поведение (вербальное или невербальное), одобрение — всегда реплика вторичного типа по отношению к одобряемой действительности. Оно выполняет модально-синтагматическую функцию одобрения, которую (наряду с функциями вопроса и отрицания) можно считать метафункцией, так как, в отличие от основных функций, самостоятельно не выступает в отдельных высказываниях, а связывается с другими функциями на синтагматическом уровне и соединяет значения двух функций — эмотивной (положительных эмоций), которую можно эксплицировать:

Я одобряю/мне нравится X и оцениваю X положительно,

где *X* — это чье-либо поведение, ситуация и т.п., и функция согласия, смысл которой раскрываем как:

Я даю согласие на действие X или на результат действия X.

Вышеприведённые экспликации могут послужить инструментом для проверки присутствия в анализируемом высказывании функции одобрения. Чистым воплощением описываемого акта можно считать предложение *Я одобряю тебя/твое поведение*, оно является самым употребительным. Множество сообщений выражает свою иллокуцию косвенно, без помощи глаголов, способных образовать высказывания-действия. Например, вместо: *Я одобряю твое поведение* носитель языка, скорее, скажет *Ты прав / Совершенно верно / Хорошо придумано*. Нельзя отождествлять определенную иллокуцию с присутствием в поверхностной структуре перформативного глагола.

Анализ показателей данного акта речи должен учитывать не только их лексико-грамматические формы, но прежде всего коммуникативные функции, которые в данной ситуации выполняет описываемое высказывание. Следует согласиться с тем, что для каждого акта речи можно подобрать группу лексем, словосочетаний и более сложных единиц, которые в стандартном употреблении выполняют приписанные ему функции. Для одобрения — это синонимический ряд глагола *одобрять* в русском языке (*согласиться, разрешить, дать согласие*, и т.п.), глагола *aprobować* в польском (*zgodzić się, akceptować, pochwalać* и т.п.) и глагола *to endorse* в английском языке (*approve, agree, accredit, certify, sanction* и т.п.).

Нельзя не заметить, что многие реплики совмещают более чем одну иллокутивную функцию, даже в изолированном, идеализированном высказывании. Описываемый речевой акт довольно часто соединяется с актом похвалы, напр.:

*Великоленная мысль, так и сделаем.
Хорошо придумано, молодец!
Genialnie!
Wspaniale, zróbmy tak!
Clever guy, let's do it!
That's a pretty good idea!*

Когда одобрение — не единственная функция высказывания, наблюдаем случаи, когда оно выполняет либо доминирующую функцию в реплике, либо лишь дополняет значение другого акта. Совмещение прагматических функций и перемещение центра тяжести в пользу одной из них обусловлено контекстуально и прежде всего зависит от характера задаваемого вопроса, а также от конситуации в целом [4:97].

Функция одобрения реализуется как в русском, так и в польском и английском языках таким же образом. Проведенный анализ показывает, что чистое воплощение описываемого акта (*одобрять / aprobować / I endorse*) менее распространено, чем его синонимы; для выражения одобрения в очень похожей ситуации нередко употребляются полные эквиваленты**, а наиболее употребительной в этих трех языках является лексема *ОК*. Русский, польский и английский материал показывает, что сравнительно часто одобрение связывается с другими актами, особенно с похвалой.

Одобрение как речевой акт обозначает положительную оценку поведения собеседника, как правило, включающую его поддержку, совмещает функции иллокутивную, решения и эмотивную. У него определенное место в структуре диалога (ответная реплика). Инструменты анализа этого речевого акта должны учитывать как его лексико-грамматическую структуру, так и коммуникативные функции, реализованные в данном высказывании. Дальнейшее исследование акта одобрения должно сосредоточиться на установлении его формальных показателей (в особенности более сложных единиц), а также на анализе его корреляций с другими речевыми актами.

Примечания

* Ср. между прочим.: *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог. — Екатеринбург, 2001; *Bralczyk J.* Hipotetyzująca postawa nadawcy jako składnik treści zdania // *Studia Semiotyczne VIII*. — 1977. — С. 173–180; *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. — М., 2002; *Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. — М., 2007.

** Ср. следующие цитаты из романа “Мастер и Маргарита” М. Булгакова и его польского и английского переводов (*Булгаков М.* Мастер и Маргарита. — М., 1984; (transl.) *Pevear R., Volokhonsky L.* Master and Margarita. — London, 1997; (tłum.) *Lewandowska I., Dąbrowski W.* Mistrz i Małgorzata. — Kraków, 2004):

— *Очень хорошая мысль, — одобрил прокуратор, — послезавтра я её отпущу.*
— *To bardzo dobra myśl — zgodził się z nim prokurator. — Odeślę ją pojutrze, sam.*
‘A very good thought,’ the procurator approved, ‘I will dismiss it the day after tomorrow.

1. *Баранов А. Н., Паршин П. Б.* Процедурный метаязык в лингвистической семантике // *Известия АН СССР*. — СЛЯ. — Т. 49. — 1990. — № 1. — С. 16–30.
2. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог. — Екатеринбург, 2001.
3. *Крестинский С. В.* Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания // *Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц* / Ред. Заулина О. А., Иванова Т. И. — Тверь, 1993. — С. 59–67.
4. *Сеиридова Т. М.* Структура и семантика ответных реплик со значением согласия в диалоге // *Исследования по семантике и прагматике языковых единиц*: Межвуз. сб. научных трудов. — Уфа, 2001. — С. 96–106.
5. *Современный толковый словарь русского языка* / Ред. Кузнецов С. А. — СПб., 2006.

6. Фава Э., Говорухо Р. А. Синтаксис и семантика вводных слов — показателей иллокутивной силы высказывания (русско-итальянские параллели) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. — 2001. — №4. — С. 36–47.
7. *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. — М., 2002.
8. *Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. — М., 2007.
9. *Шмелёва Е. А.* Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты // Функционально-типологические аспекты анализа императива. — Ч.2: Семантика и прагматика повелительных предложений / Ред. Бирюлин Л. А., Храковский В. С. — М., 1990. — С. 66–71.
10. *Ardissono L., Boella G., Lesmo L.* Indirect Speech Acts and Politeness: A Computational Approach — Pittsburgh, 1995 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.di.unito.it/~gull/HTML/PRAGMATICS/CS/cs-per-www.html>
11. *Asher N., Lascarides A.* Indirect Speech Acts // Synthese. — 2001. — #128. — P. 183–228.
12. *Austin J. L.* How to Do Things with Words. — Oxford, 1962.
13. *Awdziejew A.* Klasyfikacja funkcji pragmatycznych // Polonica. — 1983. — IX — S. 53–88.
14. *Bralczyk J.* O leksykalnych wyznacznikach prawdziwościowej oceny sądów. — Katowice, 1976.
15. *Bralczyk J.* Hipotetyzująca postawa nadawcy jako składnik treści zdania // Studia Semiotyczne. — 1977. — VIII. — S. 173–180.
16. *Madej J.* Perswazyjne akty mowy w komunikowaniu politycznym // Poradnik Językowy. — 2008. — Z.1. — S.26–40.
17. *Searle J. R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. — Cambridge, 1969.

A. Czapiga

ENDORSEMENT AS A SPEECH ACT

The article deals with the analysis of modal functions of utterances in the speech act of endorsement. It also gives transformations of the act and tries to define the linguistic tools for the analysis. Some markers of the act in Russian, Polish and English are presented and analysed. The article gives examples of other speech acts that can coexist with endorsement in one utterance.

Key words: endorsement, speech acts, modal functions, Russian, Polish, English.

A. Чапіга

СХВАЛЕННЯ ЯК МОВЛЕННЄВИЙ АКТ

Стаття присвячена аналізу модальних функцій висловлення, яке містить елемент схвалення, що розглядається як акт мовлення. Подано експлікації, наведено лінгвістичний інструментарій для опису та аналізу реплік з елементами схвалення. Вказано деякі показники схвалення як акту мовлення в російській, польській і англійській мовах, а також приклади сполучення акту схвалення з іншими актами мовлення.

Ключові слова: схвалення, акти мовлення, модальні функції, російська мова, польська мова, англійська мова.

М. Д. Чертыкова

К вопросу о когнитивной основе классификации глаголов говорения (на материале русского, хантыйского и хакасского языков)

В статье исследуются когнитивные основания особенностей классификации глаголов говорения в трёх неродственных языках: русском, хантыйском и хакасском. Сделана попытка сравнить ядро и периферию аналогичных глаголов данной семантической группы в этих языках. Рассмотрены некоторые различия в функциональной эквивалентности и контекстуальной обусловленности сравниваемой группы глаголов.

Ключевые слова: глаголы говорения, когнитивно-познавательная функция языка, русский язык, хантыйский язык, хакасский язык, функциональная и семантическая эквивалентность, контекстуальная обусловленность.

Когнитивно-познавательная функция входит в триаду функций любого естественного языка, наряду с номинативной и коммуникативной. Исследуя эту функцию применительно к лексическим единицам, мы неизбежно задаемся вопросом о том, “для наречения каких сущностей, величин и т.п. этот класс слов служит, обозначение каких явлений он отражает” [1: 346]. Глаголы говорения иначе именуется еще глаголами речи, но в любом случае подразумевается, что этими глаголами обозначается членораздельное произношение звуков, речевое поведение, а поскольку образцов речевого поведения человека существует множество, в разных языках насчитывается до 200 и более соответствующих глаголов [6: 157]. При выделении лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов говорения учитывается и то обстоятельство, что часто в конкретном употреблении этих глаголов наблюдается совмещение основного значения с обозначением внешнего проявления эмоций: привычное внешнее проявление сопереживания, раздражения, досады, недоумения, ярости, бешенства... [2: 153].

Как всякая системная группировка, ЛСГ глаголов говорения имеет иерархическую структуру, в основе которой лежит принцип уточнения. У глаголов говорения хантыйского языка самое общее значение основного (базового) глагола уточняется в других глаголах данной лексико-семантической группы (образование аналитических форм глаголов очень естественно для хантыйского языка): *путартты* — говорить; *лутты* — сказать, *нѣхумты* — сказать быстро; *вохты* — звать; *вўцца вєрты* — здороваться, *ляватты* — бранить; *нємтасыйлты* — дразниться; *путар олаң вўты* — заговорить, *ух тэты* — командовать и т.д. [4: 89–166].

Глаголы говорения объединяются в одну ЛСГ категориальной семьей “устная речь”. Полным выразителем этой семьи является базовый, ведущий многозначный глагол-идентификатор, составляющий семантическую основу группы и уточняющийся в каждом члене группы с помощью дифференциальных сем. Процесс речепроизводства человека устроен сложно и только кажется простым. Например, в глаголе русского языка ‘говорить’ находят восемь значений (правда, при этом учитываются и переносные значения, и значения причастных и деепричастных форм):

ГОВОРИТЬ ... несов. 1. Владеть устной речью, владеть каким-н. языком. *Ребёнок ещё не говорит. Говорит по-русски. ... 7. на кого.* Называть кого-н. как виновника чего-н. (прост.). *Подозревают его, а он говорит на соседа. 8. говоря.* В сочетании с наречием или косв. п. существительного входит в устойчивое сочетание — вводное слово со знач.: выражаясь, излагая что-н. так, как обозначено этим наречием или существительным. *Строго говоря* (выражаясь точно). ... [3: 138].

В хакасском языке базовым глаголом ЛСГ глаголов говорения является *чоохта-* ‘говорить, рассказывать’, с которым привативно связаны более содержательные, не уступающие ему по частотности глаголы говорения. Объединившись вокруг идентификатора *чоохта-*, они составляют ядро лексико-семантической группы. Это такие глаголы, как *айт-* ‘сказать, рассказывать’, *искір-* ‘сказать, сообщать’, *сөле-* ‘сказать, рассказывать’, *танса-* ‘сказать, молвить’, *тi-* ‘сказать’, *хабарла-* ‘рассказывать’, стоящие на второй ступени конкретизации.

Далее глаголы говорения объединяются в отдельные подгруппы по общим для них признакам. Каждая подгруппа имеет какую-либо инвариантную сему. Например, выделяются глаголы, дифференцирующиеся по семе “взаимность”: *чоохтас-* ‘разговаривать’, *хабарлас-* ‘разговаривать, беседовать’, *тилбірес-* ‘болтать друг с другом’, *хырыс-* ‘ругаться’ и так далее.

При этом какой-либо глагол говорения по наличию в его значении дифференциальной семы может входить в две или больше подгрупп. Границы между подгруппами подвижны. Так, глагол *хырыс-* ‘ругаться’ по лексико-семантическому варианту (ЛСВ) ‘ругать кого-либо’ входит в подгруппу эмоциональной (отрицательной) оценки, а по ЛСВ ‘ругаться с кем-либо’ — в подгруппу глаголов общения.

Внутри ЛСГ существуют синонимические отношения, т.е. в каждой подгруппе глаголы говорения образуют синонимические ряды. Например, глаголы *хырыс-* ‘ругать’, *көксе-* ‘ругать, бранить’, *хызаанна-* ‘сильно и долго ругать кого-либо за какую-либо провинность’, *күрле-* ‘отчитывать’ синонимичны по общему значению “ругать” и входят также в подгруппу глаголов эмоциональной оценки. В роли интегральных в синонимическом ряду могут выступать как минимум три семы: общая категориальная сема ЛСГ, инвариантная сема подгруппы и общее значение синонимического ряда. Так, глаголы говорения ряда *хырыс-* ‘ругать’, *көксе-* ‘ругать, бранить’, *хызаанна-* ‘сильно и долго ругать кого-либо за какую-либо провинность’, *күрле-* ‘отчитывать’ обладают общей категориальной семой ЛСГ “устная речь”, инвариантной семой подгруппы “давать оценку кому-либо или чему-либо” и общим значением синонимического ряда “ругать кого-либо”.

Внутри синонимического ряда глаголы могут подразделяться по общности в оттенках значения в подряды. Чем больше удалена лексическая единица, входящая в группу, от базового глагола, тем более конкретно и содержательно ее значение. Такая, иерархическая, организация ЛСГ, выражающаяся в многоступенчатости внутрисистемных отношений, позволяет “распределять роли” и, в конечном итоге, успешно функционировать каждому глаголу в отдельности и всей группе в целом.

Внутри ЛСГ взаимоотношения между отдельными группировками различны. Одна из разновидностей таких связей между глаголами говорения — возникновение переносных значений и установление контекстуальной обусловленности у каждого из этих переносных значений:

БРАНИТЬ ... 1. Порицать, выражать своё недовольство бранными словами. *Б. за шалость. 2. перен.* Подвергать осуждающей критике. *Статью бранят в журналах. ... [3: 63].*

ГОВОРИТЬ ... 5. *перен., о чём.* То же, что свидетельствовать. *Данный факт о многом говорит. ... 6.* (1 и 2 л. не употр.), *перен., в ком.* Проявляться в чьих-н. поступках, словах. *В нём говорит гордость. ... [3: 138].* В последнем случае возможно отнесение данного переносного значения к другому лексико-семантическому полю — глаголов эмоции.

Внутри группы глаголов говорения распространено и явление функциональной эквивалентности. Эти глаголы говорения, не являясь синонимами, могут взаимозаменяться в контексте. Например: 1) *Петр Крзанга тапсаан: “Адың нога андаг оогазахтыр?”* — Пётр Крзану сказал: “Лошадь твоя почему такая мелкая?”. В данном предложении глагол *тапса-* ‘сказать’ можно заменить глаголом *сур-* ‘спрашивать’. 2) *Улуг частыг кізі, чон аразынаң көдіріліп, тапсаан (алгаан): “Ибіңерге толдыра ис ползын. Хазааңарга толдыра мал ползын”.* — Пожилой человек, поднявшись среди людей, сказал (благословил): “Пусть ваш дом будет полон богатства. Пусть в вашей стойле будет полно скота”.

Из примеров видно, что в хакасском языке глаголы говорения *тапса-* ‘сказать’ и *сур-* ‘спрашивать’, *тапса-* ‘сказать’ и *алга-* ‘благословлять’ являются единицами с разным лексическим значением, но в определенных контекстуальных условиях становятся эквивалентными. Сказанное можно отнести и к таким глаголам хакасского языка, как *хос-* ‘добавить’, *аралас-* ‘вставить реплику’, *сөб тарт-* ‘тянуть’ и другим, которые приобретают сему говорения лишь в речи, в определённом контексте: 1) *Ол ирін тогыстаң чидікпин сахтапча, анзы орай килзе, кібіренче* ‘Она мужа с работы ждёт с нетерпением, если тот приходит поздно, ворчит’. 2) *Хайдар парчаң? Ибде ічезі, көре ле, сизін салар, пабазы пулбырир* ‘Куда же идти? Дома мама, только увидев, все заметит, отец будет ворчать’.

В этих примерах глаголы говорения хакасского языка *кібірен-* ‘бормотать, говорить тихо, невнятно, про себя’ и *пулбыран-* ‘бормотать’ синонимичны в своих основных лексико-семанти-

ческих вариантах и употребляются в контекстно-обусловленном лексико-семантическом варианте “ворчать”.

Итак, глаголы говорения объединяются в одну лексико-семантическую группу категориальной семьи “устная речь”, и эта сема имеет реальную когнитивную основу. Глаголы говорения отражают познанный человеком (и закреплённый в словах) процесс речепроизводства (во всем его многообразии), и во всех языках, имеющих категорию глагола, идентификатором является глагол со значением ‘говорить’. В свою очередь, в большинстве языков сам этот центральный глагол, как правило, является неоднозначным, что лишний раз свидетельствует, как тернист путь “познания самого себя” человеком. В случае с речью этот путь на самом деле сложен, потому что все оттенки речи необходимо отразить максимально точно. Для этого и появляется система глаголов говорения, которая успешно функционирует в своей структурной организации. Основной (базовый) глагол является многозначным и проявляется в контекстах различными оттенками своего широкого значения; множество других глаголов говорения менее многозначны, а большинство — однозначны, и каждый из них имеет узкое, уточняющее, конкретизирующее значение.

1. Кубрякова Е. С. Ономазиология // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С.345–346.
2. Кутина Н. А. Функционально-текстовые глагольные подсистемы и их специфика // Лексико-семантические группы русских глаголов / Под ред. Э. В. Кузнецовой. — Иркутск, 1989. — С.146–156.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 70000 слов. 22-е изд. — М., 1990.
4. Кононова С. П. Русско-хантыйский тематический словарь: Казымский диалект. — С. Пб., 2002.
5. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сүстүк / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков и др. — Новосибирск, 2006.
6. Чертыкова М. Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). — Абакан, 2005.

М. Д. Чертыкова

ДО ПИТАННЯ ПРО КОГНІТИВНІ ПІДВАЛИНИ КЛАСИФІКАЦІЇ ДІЄСЛІВ ГОВОРІННЯ (НА МАТЕРІАЛІ РОСІЙСЬКОЇ, ХАНТИЙСЬКОЇ ТА ХАКАСЬКОЇ МОВ)

У статті досліджуються когнітивні підвалини особливостей класифікації дієслів говоріння у трьох неспоріднених мовах: російській, хантыйській і хакаській. Зроблено спробу порівняти ядро та периферію аналогічних дієслів даної семантичної групи у цих мовах. Розглянуто деякі розбіжності у функціональній еквівалентності та контекстуальній обумовленості порівнюваної групи дієслів.

Ключові слова: дієслова говоріння, когнітивно-пізнавальна функція мови, російська мова, хантыйська мова, хакаська мова, функціональна та семантична еквівалентність, контекстуальна обумовленість.

M. D. Chertykova

TO THE VERBS OF SPEAKING CLASSIFICATION ON COGNITIVE BASIS (THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, KHANTY AND KHAKAS LANGUAGES)

The article is devoted to the verbs of speaking peculiarities investigation on cognitive basis in three unrelated languages: Russian, Khanty and Khakas.

The author made an attempt to compare the nucleus and periphery of the given semantic similar verbs in these languages, to classify them. He examined some differences in their functional equivalence.

Key words: verbs of speaking, cognitive-experienced function of the language, Russian, Khanty, Khakas, functional and semantic equivalence, contextual conditionality.

ПИТАННЯ КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

УДК 811.161.1'233'367.635:801.561

И. А. Нагорный

**Коммуникативно-прагматическая ситуация сомнения
в концептосфере индивида**

Статья посвящена рассмотрению сущности сомнения в концептосфере индивида. Анализируется коммуникативно-прагматическая ситуация сомнения и средства её репрезентации в русском языке, а также модально-кваликативные смыслы в высказываниях с персуазивными частицами.

Ключевые слова: сомнение, коммуникативно-прагматическая ситуация, модально-кваликативные смыслы, концептосфера, частицы.

Ситуативная сущность сомнения обусловлена тем, что концептосфера индивида базируется на комплексе динамических параметров, среди которых параметр персуазивной квалификации события является одним из наиболее универсальных. Сомнение как операция ментального уровня характерна для субъекта говорящего, мыслящего, чувствующего. Это операция, помогающая субъекту постичь действительность, высказать своё отношение к ней. Сомнение универсально по сути, поскольку оно применяется по отношению к любым явлениям, процессам, временным и пространственным координатам. Мотивация сомнения может быть различной, объекты сомнения ограничены объемом индивидуальных картин мира.

Попытки исследования сомнения как ментальной логической операции предпринимались неоднократно. В то же время достаточно очевидна фрагментарность лингвистических описаний этой проблемы, что обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, сомнение базируется на целом комплексе аспектов характеристики предложения как языкового средства выражения мысли, поскольку сомнение является смыслом конкретизирующего характера, который развивается на основе базовых для него смыслов “возможность”, “вероятность”, “предположение”. Во-вторых, в лингвистике пока, к сожалению, отсутствует выработанная системность в подходах к изучению сомнения как кваликативного смысла модусной сферы.

Как универсальная, операция сомнения оказывается, с одной стороны, характерной для субъекта вообще, вне зависимости от принадлежности последнего к тому или иному культурному, историческому или духовному социуму. С другой стороны, универсальность сомнения интегрируется с яркой специфичностью средств его выражения в национальных языках. Национальный менталитет вырабатывает оригинальные языковые и внеязыковые формы, средства и способы выражения сомнения. Данные языковые и внеязыковые факторы систематизируются в национальных языковых картинах мира и представляют собой упорядоченную сферу с чётко проявленной полевой организацией с ядром и периферией.

Сомнение предполагает ряд обязательных характеристик: отношение факта к реальной действительности с точки зрения возможности и вероятности его осуществления; отношение факта к говорящему; отношение говорящего к возможности осуществления факта. Сомнение базируется на субъективно-авторском мнении и имеет своим выражением мысль о возможном несоответствии факта действительному (“здесь” и “сейчас”) положению вещей: — *Вот отведу — и отойду. И совсем уйду. — Ну, брат, **наверяд!*** (И. Бунин); — *А с Лизой в споре я? — Хоть тем могу я льститься, Что Лизе **вряд ли** он успеет полюбиться* (А. Грибоедов); *Рассказками этими **едва ли** можно было прошибить здорового* (А. Солженицын).

Сомневаясь, говорящий лично, субъективно квалифицирует событие. Данная квалификация осуществляется “здесь” и “сейчас” как констатация недостоверности сообщаемого, вводит в предложение-высказывание оценочную модусную характеристику, накладывая её на

диктумное содержание предложения. Операция квалификации осуществляется, таким образом, субъектом относительно объекта квалификации, и в операционном ключе имеет собственный план содержания и план выражения.

План содержания сомнения как квалификативного смысла типичен в своей основе для национальных языковых картин мира. Частные отличия базируются на коннотативных факторах, обусловленных разного рода социальными, историческими и культурологическими условиями. Межкультурная универсальность сомнения как ментальной операции субъекта противопоставлена яркой специфичности языковых и внеязыковых средств выражения сомнения в национальных языках.

В плане выражения для русского языка характерна стройная ядерно-периферийная организация языковых средств, в состав которых включаются: знаменательные части речи с соответствующим значением (*сомневаться, сомнение, сомнительный, сомнительно* и под.); функционально-синтаксический способ (например, вопросительный тип конструкции); различные просодические средства; модально-сомнительные частицы (*вряд ли, едва ли*). Функционально-семантическое поле сомнительности — сложное, иерархически организованное образование с четко проявленным ядром и богатой периферией.

Смысл “сомнение”, являющийся семантическим составляющим языковой ситуации недоверности, включается в группу прагматических смыслов. Данные смыслы, по сути, модально-кваликативные, выражающие коммуникативно оформленный результат персуазивной квалификации события субъектом. Если логические смыслы “возможность” и “вероятность” основываются на объективных условиях возможного осуществления ситуации, то модально-кваликативные смыслы вводятся говорящим непосредственно для решения поставленной коммуникативной задачи. Это смыслы уточняющего характера, которые соотносятся с речевой ситуацией и определяют соотношение высказываемого и действительности в координатах “здесь” и “сейчас” в приложении на точку зрения говорящего. Смысл “сомнение” сконцентрирован на уточнении пропозиции предложения. Как сугубо “личностный” смысл, сомнение связано с действительностью в большинстве случаев опосредованно — через логические смыслы “возможность” и “вероятность”.

Концептуальная база для сомнения — предположение. Последнее исходит из возможности. Предполагать можно то, что является возможным или невозможным, что потенциально осуществимо либо неосуществимо. Таким образом, связь предположения и возможности налицо. Но предположение, в отличие от возможности, всегда субъективно. Оно преломляется исключительно через “я” индивида, в то время как возможность зависит не только и не столько от субъективного фактора, сколько от условий, которые существуют вне данного фактора в объективной реальности. Таким образом, предположение — основа для реализации сомнения. Второе без первого невозможно, в то время как первое без второго эксплицируется достаточно часто: *-Ну, прощайте, други... Засиделись мы у вас — и вам, чай, надоели (И. Тургенев); -Хе-хе... Мечтай, Илька! Чего не бывает на свете! Авось все, что я говорю, правда! (А. Чехов).*

В высказываниях, где выражено сомнение, всегда имеется некая доля предположительности, однако последняя не превалирует, так как интенция говорящего заключается не столько в том, чтобы предположить об описываемом, сколько в том, чтобы выразить неуверенность в достоверности или недостоверности факта, в истинности чего-либо, актуализировать ретушированность, некую спорность проблемы, колебание, возникающее при необходимой для говорящего квалификации события: *Ты вроде уже говорил мне об этом (В. Шишков); -Она прежде была испорчена и на голоса крикивала, да, верно, ей это прошло. — Не знаю, — говорю, — что-то будто и не слышно, не кричит (Н. Лесков); Как вдруг из расспросов сиделки, Покачавшей головой, Он понял, что из переделки **Едва ли** выйдет он живой (Б. Пастернак); -Ну, а почему бы и нет?.. — Да **неужели?** (В. Шукшин).* В результате высказывания, выражающие сомнение, активно смещаются к смысловому полюсу отрицания. Это логически оправданно: чем большая доля авторского сомнения фиксируется в высказывании, тем более последнее в семантическом аспекте приближено к обозначенному полюсу. В то же время с отрицательными подобные высказывания не смыкаются. Возможность осуществления факта хотя и подвергнута говорящим сомнению, однако не отрицается полностью. На это у автора либо нет достаточных оснований, либо, напротив, имеются особые причины, препятствующие нейтральной утвердительной или отрицатель-

ной констатации. Отрицания не происходит даже в том случае, когда в высказывании выражена глубокая степень сомнения, как правило, базирующаяся на знании говорящим объективных обстоятельств, на основе которых и возникает его субъективное мнение: — *Ты помнишь меня, малышка? — спросил он. — Хотя **вряд ли**: тебе было всего три года, когда я был у вас в последний раз (А. Волков); Как уже случалось раньше, он **едва ли** придет (“Комсомольская правда”).*

Проблема осведомлённости актуализирует аспект обоснованности сомнения. Как языковая, так и внеязыковая мотивация степени осведомленности субъекта может служить базой для градации оттенков сомнения, диапазон которых достаточно обширен — от логически обоснованного сомнения до сомнения необоснованного, случайного. В то же время даже при поверхностном анализе проблемы выясняется, что логически обоснованное, “подкрепленное” сомнение никогда не может быть приравнено к отрицательной констатации факта. Дистанцирование от ответственности за фактичность высказываемого даёт говорящему право “синтаксически дипломатично” квалифицировать результат ситуации: ***Вряд ли** есть вообще что-либо достойнее, чем стремление совершенствовать свой дух, увековечить себя в труде, в творениях своих (О. Гончар); — Ага... Так... **Чай**, теперь все пошло по-новому, не так, как при нас было (А. Чехов); — Ну вот, — сказал Дик, — **вроде** замотал я тебя сносно (К. Булычев).*

Выделение смысла “сомнение” ориентирует на учёт не только лингвистических, но и суперлингвистических факторов. В этом аспекте формальные языковые элементы характеризуются как показатели, отражающие лишь начальный стимул для актуализации квалификативного смысла, далее конкретизируемого подключением средств других уровней, в первую очередь контекстуального и интонационного. Как следствие этого, возникает множество переходных ступеней и довольно большое количество высказываний, в семантике которых трудно однозначно дифференцировать наличие неосложнённого смысла “сомнение”, фиксируемого формальным языковым элементом. Кваликативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавное наложение одного смысла на другой, совмещение их: *Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, **вряд ли** кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует (Н. Гоголь); — **Небось** и не придет больше, — терзался сомнениями сосед (Ю. Тупицын); Но **вряд ли** вам, Аристарх, удастся быстро отыскать узел пересечения, даже если он существует (В. Головачёв); И **вряд ли** мне удастся достичь совершенства (Ю. Тупицын); Но **едва ли** он видел эти узоры (В. Головачёв).*

Одним из дифференциальных критериев может служить параметр обоснованности мнения, на который ориентируется говорящий при построении модально-кваликативного высказывания (Ср.: *Всё-таки когда-нибудь счастливой / **Разве** ты со мною не была? (А. Блок) — сомнение, осложнённое желательностью; Скептики на это замечали, **мол, как бы** не случилось непоправимого (Е. Носов) — предположение, осложнённое опасением; Он **вряд ли** мог мечтать о таком развитии события — предположение, осложнённое возможностью; Действительно, он **едва ли** сможет вовремя вернуться — предположение, осложнённое акцентированным подтверждением. При этом должен быть учтён фактор, что структура персуазивного смысла сложна. Редким исключением являются случаи, когда персуазивный смысл, в том числе и смысл “сомнение”, выступает в своем неосложнённом варианте. Осложнения, образуемые коннотативными, текстовыми наслоениями, разного рода оценочными и авторизационными факторами, прагматически обусловленными и оправданными, — все это подводит к тому, что сфера общего квалификативного смысла высказывания в тексте должна исследоваться системно и поэтапно, с коммуникативно-прагматических позиций.*

Универсальность сомнения как квалификативного смысла концептосферы индивида базируется на универсальности ментальной операции сомнения, логически обоснованной, связанной с факторами субъекта и адресата, обусловленной данными факторами, имеющей прямое отношение к ситуации сомнения, языковой и концептуальной картина мира социумов, сферам ментальности и оценки. Данная проблема интересна по своей сути и требует специального изучения. Модально-кваликативные смыслы, в частности явившийся предметом нашего внимания смысл “сомнение”, — важные составляющие концептосферы индивида. В ментальном и коммуникативном процессах они характеризуются как динамичная, развивающаяся система, предназначенная для решения поставленных перед говорящим задач. Тем не менее фактор необходимой иерархизации смыслов, их упорядочивания и систематизации при

исследовании концептологического аспекта проблемы, несомненно, присутствует. Дальнейшее детальное исследование блока модально-кваликативных смыслов, обслуживающих особую, специфическую область ментально-информационного пространства индивида, представляется перспективным.

I. A. Nagorny

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC DOUBT SITUATION IN THE INDIVIDUAL CONCEPTOSPHERE

This article is devoted to consideration of the essence of the individual doubt conceptosphere. The communicative-pragmatic situation of doubt, its representation in the Russian language and the modal-qualificative meanings of utterances with persuasive particles are analyzed.

Key words: challenge, communicative-pragmatic situation, the modal-qualification meanings, conceptosphere, particles.

І. А. Нагорний

КОМУНІКАТИВНО-ПРАГМАТИЧНА СИТУАЦІЯ СУМНІВУ В КОНЦЕПТОСФЕРІ ІНДИВІДА

У статті розглянуто сутність сумніву в концептосфері індивіда. Аналізується комунікативно-прагматична ситуація сумніву і засоби її репрезентації в російській мові, а також модально-кваліфікативні смисли у висловлюваннях з персуазивними частками.

Ключові слова: сумнів, комунікативно-прагматична ситуація, модально-кваліфікативний смисл, концептосфера індивіда, частка.

УДК 811.161.1'23'373.612.2:33

Г. С. Яроцкая

Семантико-когнитивный анализ экономической метафоры в русской языковой картине мира на материале концепта “кризис”

В статье анализируются структурные и содержательные особенности концепта “кризис” как одного из ключевых репрезентантов политэкономической картины мира в сознании современного носителя русской лингвокультуры. В качестве методики исследования используется методика анализа когнитивной метафоры.

Ключевые слова: концепт, когнитивная метафора, политэкономическая картина мира, русская лингвокультура.

Принципы антропоцентризма и методологизма, характеризующие современную общенаучную парадигму, приводят к всё большей междисциплинарности и полиаспектности лингвистических исследований, так как декларируют необходимость связи научных изысканий с актуальными проблемами общества. В связи с современными событиями в мировой экономике, затронувшими также все остальные сферы человеческой жизни (политическую, правовую, морально-этическую, бытовую), интересно проследить языковые изменения (как отображение изменений в мыслительном (концептуальном) аппарате человека), сопутствующие этим процессам и отображающие их.

Экономика (или “политэкономия” — данный термин показывает тесную взаимосвязь политики и экономики как единого аспекта жизнедеятельности человека в социуме), являясь по сути системным представлением знаний, представлений, установок, эмоций, чувств человека, связанных с определённой деятельностью — хозяйствованием, — образует отдельную концептуальную систему в сознании человека, которую можно назвать политэкономической картиной мира. Политэкономическая картина мира как элемент сознания человека взаимосвязана с другими концептуальными системами (этической, правовой, бытовой картиной мира) и обусловлена системой культурных ценностей, установок, традиций, стереотипов.

Как концептуальная система, политэкономическая картина мира необходимо имеет “фундамент”, базис, состоящий из концептов, являющихся ключевыми в данной области, определяющих ее специфику. Учитывая “двойственный” характер изучаемого явления, можно утверждать, что ключевые политэкономические концепты играют значительную роль как в сфере экономики, так и в сфере политики и определяют взаимосвязь этих двух сфер.

Одним из таких концептов, особенно актуальным в настоящее время, является концепт “кризис”. В частности, по данным социологии, именно лексема *кризис* стала наиболее частотным словом, употребляемым разными социальными слоями общества в странах Америки и Европы в 2008 году [3]. Часто встречаемые сегодня как в публицистике, так и в бытовой речи словоупотребления “*финансовый кризис*”, “*политический/экономический кризис*”, “*мировой кризис*” подтверждают значительную актуализацию этого концепта в современной русскоязычной политэкономической картине мира.

Целью данной работы является выявление ценностной специфики и особенностей структуры концепта “кризис” как фрагмента политэкономической картины мира в современной русской лингвокультуре. Задачей статьи является рассмотрение когнитивных репрезентаций концепта “кризис” в языковом сознании представителей русской лингвокультуры, а также осуществление метафорического моделирования на материале экспериментальных данных.

Изучение картины мира как результата концептуализации смыслов должно учитывать специфику мышления человека, “приведшего” к образованию данной картины мира. Современные когнитивные исследования показывают, что одним из неотъемлемых и наиболее продуктивных механизмов мышления является когнитивная метафора. После появления известной работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона “*Метафоры, которыми мы живем*”, многочисленные лингвистические исследования показали функционирование когнитивной метафоры в различных областях человеческой деятельности — фольклоре (работы В. Проппа, О. Плаховой, Э. Платоновой, О. Фрейденберг, Ю. Шилкова), политике (Ю. Караулов, А. Чудинов, Ю. Сорокин, П. Паршин), в научном дискурсе (А. Плисецкая, К. Алексеев, В. Гогоненкова) и во многих других. Как утверждают Дж. Лакофф и М. Джонсон, изучение метафоры необходимо опирается на лингвистические данные. Благодаря языку мы получаем доступ к метафорам, структурирующим наше восприятие, наше мышление и наши действия [2: 33].

Изучение когнитивных метафор также способно выявить культурную и ценностную специфику нации, пользующейся данным языком. “Наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры” [6: 181].

Словарь С. И. Ожегова отводит лексеме “кризис” 3 статьи, определяющие ее значение как “*периодический процесс экономического спада*” (*К. перепроизводства. В тисках кризиса*), “*затруднительное положение*” (*С деньгами у него к.*) и “*резкий, крутой перелом в чем-нибудь*” (*К. болезни. Духовный к. Правительственный к.*) [5].

В словаре русских синонимов статья “кризис” представлена лексемами *затруднение*, *опасность* и *упадок*. Этимологически это слово восходит к греч. *krisis* “кризис, переломный момент”, производному от *krinō* “разделяю”. *Кризис* буквально — “граница, водораздел” (между двумя состояниями) [9:115].

Следует отметить частое употребление лексемы “кризис” в медицине:

1. Переломная точка в ходе заболевания, после которой у больного наступает или улучшение, или ухудшение состояния. 2. Внезапное возникновение сильной боли при некоторых заболеваниях [10]. Такое осмысление “кризиса”, в силу взаимопроникновения концептуальных систем в человеческом сознании, также является частью понятийного слоя концепта “кризис”, вызывающей однозначно отрицательные коннотации.

Употребление лексемы “кризис” для обозначения политэкономической ситуации, таким образом, является метафорическим переосмыслением социальных процессов в терминах медицины. Как отмечалось ранее, метафора — это особый способ мышления, повседневная реальность языка, обусловленная проявлением аналоговых возможностей человеческого мышления [6: 124]. Метафорическое моделирование способно выявить способ осмысления (ментальной репрезентации) того или иного явления, его характерные черты, используемые при переносе значения. В связи с этим интересно проследить специфику метафоризации понятия “кризис” в современном русскоязычном сознании.

В качестве исследуемого материала были использованы данные лингвокогнитивного эксперимента, направленного на выявление непосредственных ментальных репрезентаций лексемы “кризис” в сознании представителя русской лингвокультуры. Информантам предлагалось изложить свои мысли на тему “Кризис — это ...”.

Полученный материал был исследован нами по методике построения метафорических моделей, описанной А. П. Чудиновым в работе “Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры” [7: 16].

В результате анализа материала нами были выделены 7 метафорических моделей, основанных на структурных метафорах:

1. КРИЗИС — ЭТО ЯМА, ПРОПАСТЬ

Исходная понятийная область: яма, пропасть. В данном случае поводом для метафорической экспансии являются такие понятийные компоненты, как *падение, препятствие* (на пути), *безыходность* (в случае с “пропастью”).

Новая понятийная область: кризис. В описываемой метафорической модели актуализируется возможность *плохого исхода* кризиса, также выделены компоненты *спада, ухудшения состояния*.

Относящиеся к данной модели фреймы, представленные в виде сценария (сценариев) развития событий (необязательные или актуализируемые лишь в определенных условиях компоненты сценариев отмечены знаком *):

*подготовка (рытьё) ямы — путь (поход) — падение — поиск путей наверх / поиск альтернативных путей — продолжение пути / голодная смерть

Отметим, что вышеперечисленные компоненты сценария находят подтверждение в сочинениях информантов (ср., например, событие *рытьё ямы (кем-либо)* и высказывания информантов: “*кризис всегда кому-то выгоден*”, “*кризис организован властной элитой*”).

Составляющие каждый фрейм типовые слоты:

Рытьё ямы: лопата (другой инструмент) — законы, реформы и т.д., копающий — небольшая группа “*олигархов*”, цель рытья — *собственная выгода*.

Путь: дорога — экономическая действительность, идуший — народ, государство, цель пути — благосостояние.

Падение: случайное / намеренное, неизбежное, долгое / непродолжительное, болезненное / безболезненное.

Поиск путей наверх / альтернативных путей: с помощью подручных средств / без подручных средств, коллективно / индивидуально, с помощью 3-го лица / без посторонней помощи.

Компонент, связывающий первичные и метафорические смыслы охватываемых данной моделью единиц: *тяжёлое (бедственное) положение, спад (производства, благосостояния)*.

Дискурсивная характеристика модели: для данной модели характерны несколько концептуальных векторов, отличающихся различными прагматическими коннотациями. *Кризис* рассматривается как неизбежное явление, несущее негативные последствия. Переживание этого явления и преодоление его во многом зависит от субъекта / субъектов и отношений между ними (коллективизма / индивидуализма). Характерно возможное наличие 3-го лица, которое может помочь преодолеть кризис. Возможно, эти компоненты можно объяснить подсознательной установкой информантов на помощь в выходе из экономического кризиса от других стран. Важными также представляются компоненты поиска альтернативных путей и, в случае их нахождения, переосмысления допущенных ошибок, в противном случае — голодной смерти, что значительно пересекается с современными экономическими реалиями.

2. КРИЗИС — МАНИПУЛЯЦИЯ

Компоненты, обусловившие метафорический перенос (выражения, использованные информантами): *пустое слово, только слово — и больше ничего, искусственное явление, кому-то выгоден*.

В данном случае ставится под сомнение статус *кризиса* как явления, события реальности.

Здесь мы видим типичный сценарий манипулятивного воздействия:

Использование (придумывание) слова манипулятором — донесение его другим людям (реципиенту) — необходимые манипулятору действия реципиента

Использование слова манипулятором: субъект (манипулятор), его цель, имеющееся положение дел, “новое” слово.

Манипуляция реципиентом: манипулятор, реципиент, предмет манипуляции, контекст манипуляции, действия реципиента.

Компоненты, связывающие исходную и понятийную области: *манипуляция, искусственность “кризиса”, несоответствие реальному положению дел (состоянию экономики)*.

Использующие данную метафору информанты описывали *кризис* как явление “*несправедливое*”, “*выгодное нескольким людям*”, “*при котором кто-то становится намного богаче, а кто-то — беднее*”. Следует отметить, что данное понимание “кризиса” пересекается с вышеупомянутыми описаниями осознанного словоупотребления для обозначения этого понятия (кризис — это глобализация, рецессия, застой). В данном случае возможные векторы развития модели можно определить как осознание реципиентом (основной частью населения) манипуляции и неприятие идеи “кризиса”, что, возможно, чревато неприятными последствиями для манипулятора, или приятие им установки манипулятора и, как следствие, проигрыш (значительное обеднение).

3. КРИЗИС — СИГНАЛ (о чём-либо)

Сигнал в данном случае понимается двояко: как “*предвестник чего-то нового*”, “*предупреждение людям*”; и как “*лакмусовая бумажка, показывающая настоящее положение в обществе*” (в кавычках приведены высказывания информантов).

Компонент значения лексемы *кризис*, способствующий такому пониманию, — “*показатель неэффективности существующей системы*”.

Сценарий: ситуация — подача сигнала — восприятие и анализ сигнала — корректировка действий в соответствии с сигналом — изменение ситуации — * ответный сигнал.

4) В данном случае в пункте 3) фактически описан один фрейм, поэтому приведенные слоты являются общими для всех компонентов сценария: субъект, подающий сигнал: человек / машина / система;

субъект, воспринимающий сигнал: человек / машина;

содержание сигнала: предупреждение, оповещение, побуждение к действию;

тип сигнала: звуковой, цветовой, электрический и т.д.;

реакция на сигнал: адекватная / неадекватная, изменение схемы действий / сохранение схемы действий, возможность / невозможность реагирования.

Связывающий компонент — *предупреждение о несостоятельности сложившейся системы взаимодействия людей в социуме*.

В данной метафорической модели прослеживается понимание кризиса как закономерного явления, возникшего в результате неэффективности функционирования сложившейся системы взаимодействия людей в мире. Следует отметить несколько концептуальных векторов развития модели: реагирование обществом на сигнал и изменение сложившейся ситуации, которое может привести как к восстановлению, так и разрушению системы; восприятие сигнала без соответствующей реакции; невосприятие сигнала и, как следствие, ухудшение собственного положения. В этой модели “ответственность” за кризис возлагается на все общество и каждого индивида в отдельности, в отличие от предыдущих моделей, в которых эта ответственность возлагалась на определенную часть общества. Такое понимание, возможно, продиктовано активной социальной установкой информантов.

4. КРИЗИС — БОЛЕЗНЬ

Связывающие компоненты значения — *плохое состояние, спад жизненной активности, невозможность вести продуктивный образ жизни*.

Соответствующие компоненты в понятийной области: *спад об'ємів виробництва, безробіття, погіршення настроїв в суспільстві.*

Сценарій: появление симптомов — установление диагноза — назначение лечения (лекарств) — осуществление лечения — выздоровление.

4) симптомы: температура, общее плохое состояние и т.д. — *спад темпів розвитку економіки, обеднение части населення, безробіття;*

установление диагноза: заболевание органа / инфекционное заболевание / хроническое заболевание — *несостоятельность законодательной, исполнительной систем / коррупция / “пороки”, сопутствующие сложившейся системе (капитализму): чрезмерное потребление, установка на материальное* и т.д.

назначение и осуществление лечения: врач — *эксперты, политики* и т.д.; прием лекарств — *антикризисные действия правительства и общества.*

выздоровление: восстановление хорошего самочувствия и работоспособности — *повышение благосостояния населения.*

Ключевой связывающий компонент — спад жизненной активности и ухудшение морального состояния, возможность избавления от болезни вследствие правильных действий.

В данной модели “кризис” концептуализируется как бессубъектное явление, характерное для экономического, политического и т.д. развития. Интересно, что, отмечая внеличностную природу кризиса, информанты в качестве “больного” определяют “общество” (*Кризис — это болезнь, от которой общество нужно лечить*). Это явление необходимо “лечить”, для чего должны быть приняты определенные меры как самим “больным” (обществом), так и “врачом” (государством, правительством).

5. КРИЗИС — ПРОТИВНИК, С КОТОРЫМ НУЖНО БОРОТЬСЯ

С кризисом необходимо бороться, его необходимо преодолеть.

Кризис мешает достижению народом / государством своих целей (улучшению благосостояния народа).

Сценарій: борцовский ринг — противники — тренеры — рефери — зрители — борьба — победа / поражение — награждение победителя

4) ринг: экономика / финансы / политика, мировые процессы / локальные

противники: равные по силе / неравные, профессиональные / любители

тренеры: профессионал (эксперт) / любитель

рефери: справедливый / несправедливый (ангажированный)

зрители: болельщики / пассивные зрители

борьба: по правилам (честная) / без правил

награждение победителя: приз / титул, аплодисменты

Связывающий компонент — приложение усилий (физических, моральных) к изменению сложившейся неблагоприятной ситуации.

В данной модели также присутствует онтологическая метафора — “кризис” персонифицируется как реальный противник, которого необходимо победить, для чего должны быть приложены соответствующие усилия. Подобная модель также свидетельствует об активной социальной установке информантов.

6. КРИЗИС — ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР

Связывающие компоненты:

В естественном отборе выживает сильнейший; необходимо приложить усилия, чтобы выжить.

Принятие / непринятие индивидом современной ему экономической реальности, умение / неумение действовать в соответствии с ней — *экономическая приспособленность личности.*

Сценарій: недостаточное количество ресурсов — борьба за контроль ресурсов — победа более приспособленного противника — захват победителем всех ресурсов

4) ресурсы: материальные / духовные (культурные)

борьба: законная (по правилам) / незаконная

победитель и проигравший: отдельные личности / государства.

Основной связывающий компонент: *в период кризиса высокий или средний уровень благосостояния характерен только для людей, приспособленных к данной экономической среде, имеющих согласованную со средой систему ценностных установок.*

Данная модель демонстрирует возможное завершение “кризиса” — захват большого количества стратегических ресурсов наиболее “приспособленными” экономическими и политическими субъектами, следствием чего может являться несправедливое распределение ресурсов (ср. высказывания информантов: *Во время кризиса кто-то очень хорошо наживает; В кризис у людей не хватает денег на удовлетворение элементарных потребностей*). Возможными концептуальными векторами развития являются *приспособление личности (общества) к существующей экономической реальности* и, как следствие, — изменение системы ценностей личности / общества или *неприспособление личности (общества)*, вследствие чего, по правилам естественного отбора, она будет “исключена” из данной системы отношений (социальный конфликт).

7. КРИЗИС — БЕЗДЕНЕЖЬЕ

Связывающие компоненты: *невозможность приобрести необходимое, вследствие чего ухудшается моральное и физическое состояние субъекта.*

Резкое снижение доходов / благосостояния основной массы населения.

Сценарий: необходимость в определенных благах — недостаточное количество денег для приобретения блага — поиск способов приобретения денег — приобретение необходимого блага.

4) определённые блага: пища, жильё.

способы приобретения денег: возможность / невозможность заработать — наличие / отсутствие спроса на рынке труда, законные (работа, одалживание денег в кредит) / незаконные (воровство).

Основной связывающий компонент — *ухудшение материального положения и, как следствие, отсутствие возможности удовлетворить элементарные потребности человека.*

В данной модели главное внимание информантов обращено на материальный аспект “кризиса”, который, при разворачивании модели, переходит также в духовную проблему (в основном это относится к слоту *законное / незаконное зарабатывание денег*). К концептуальным векторам дальнейшего развития модели можно причислить изменение морального состояния личности, возможность как самосовершенствования (*переквалификации, поиска новых сфер занятости, занятия изобретательством*), так и деградации (*проявления агрессии, воровства, готовности ради денег пойти на все*) личности и общества в целом.

Приведённые метафорические модели осмысления концепта “кризис” характеризуют кризис с различных сторон, в целом обозначая его как негативное явление для большей (чаще всего — наименее обеспеченной) части общества. Представленные модели характеризуются концептуальными векторами *преодоления сложившейся ситуации, учёта ошибок, построения новой системы политэкономического взаимодействия*. Присутствуют также векторы *безысходности, несправедливости, неуверенности в будущем, упадка физических и моральных сил*. Таким образом, метафорическое моделирование понятия “кризис” в политэкономической картине мира представителей русской лингвокультуры характеризуется влиянием “первичного метафорического моделирования” *кризиса как этапа протекания болезни*, что и обуславливает соответствующие концептуальные векторы (болезнь — однозначно негативное понятие в сознании носителя любой культуры). Исследованный материал показал частотное обращение в представленных моделях к ключевым ценностям русской культуры — *справедливости, коллективизма, труда, осуждение “нечестного” богатства* [8:68]. Ссылка на эти ценности, использование их в метафорическом моделировании свидетельствует о культурной обусловленности вышеприведённых моделей, являющихся базой фрагмента русской политэкономической картины мира.

Стоит отдельно отметить концептуализацию “кризиса” информантами как предмета манипуляции сознанием (населения). Такая трактовка “кризиса” описывается и в трудах некоторых современных экономистов и политологов (И. Валлерстайна, М. Ротбарда, С. Г. Кара-Мурзы). В частности, С. Кара-Мурза в книге “Манипуляция сознанием — 2” говорит об отдельных научных экономических лексемах как “лукавых терминах”, призванных скрыть настоящее положение дел. К таким терминам относятся “ВВП”, “реструктуризация экономики”, “рефор-

мы” и т. д. [1:172]. Подобное осмысление содержания и функции экономических концептов, в частности, “кризиса”, показывает возможность выделения отдельной, перспективной для дальнейшего изучения, области манипулятивных технологий — *экономической манипуляции сознанием*.

1. Кара-Мурза С. Г., Смирнов С. Манипуляция сознанием-2. — М.: Экспо: алгоритм, 2009. — 528 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. — М.: Эрудит, 1990.
3. *Мировой экономической кризис* в социально-политическом разрезе: Материалы круглого стола // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. — 2009. — №1.
4. *НОССРЯ* — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — М.: Едиториал УРСС, 1997. — 552с.
5. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — 12-е изд. — М.: Русский язык, 1978. — 846с.
6. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: Учеб. пособие. — 3-е изд., испр. — М.: Флинта : Наука, 2008. — 256с.
7. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.
8. *Шмелёв А. Д., Левонтина И., Зализняк А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. — №3. — 2002. — С. 65–78.
9. *Этимологический словарь* русского языка / Ред. Б. А. Ларин. — В 4-х т. — М.: Прогресс, 1964.
10. *Словарь медицинских терминов*. — [Электронный ресурс] — <http://www.medicinform.net/slovar/crysis/>.

G. S. Yarotskaya

THE SEMANTIC AND COGNITIVE ANALYSIS OF ECONOMIC METAPHOR IN THE RUSSIAN PICTURE OF THE WORLD (CONTENT AND STRUCTURE OF THE “CRISIS” CONCEPT)

The article provides the research of the content and structure of the “crisis” concept as one of the main world picture concepts in the mind of modern native speaker of Russian. The method of the research is the cognitive metaphor analysis.

Key words: the concept, the cognitive metaphor, the politically-economical picture of the world, the Russian lingual culture.

Г. С. Яроцька

СЕМАНТИКО-КОГНІТИВНИЙ АНАЛІЗ ЕКОНОМІЧНОЇ МЕТАФОРИ В РОСІЙСЬКІЙ МОВНІЙ КАРТИНІ СВІТУ НА МАТЕРІАЛІ КОНЦЕПТУ “КРИЗА”

У статті наводиться аналіз структурних та змістових особливостей концепту “криза” як одного з ключових репрезентантів політекономічної картини світу у свідомості сучасного носія російської лінгвокультури. Як методика дослідження використовується аналіз когнітивної метафори.

Ключові слова: концепт, когнітивна метафора, політекономічна картина світу, російська лінгвокультура.

Вербализация концепта “море” в фольклорной картине мира русских и поляков

Статья посвящена проблеме взаимоотношений идеальной концептуальной системы с материальной основой её объективации. В процессе экспликации структуры концепта “море” выявлены компоненты фрагмента фольклорной картины мира в русском и польском языках.

Ключевые слова: русский и польский языки, концепт, стереотип, фольклор, языковая картина мира.

Условия жизнедеятельности людей, историческое прошлое, социальный и духовный опыт предшествующих поколений определяют содержание когнитивных стереотипов сознания человеческой общности, система которых образует картину мира. При такой трактовке картина мира предстаёт как субъективный образ объективной реальности и входит в класс идеального, которое, не переставая быть образом реальности, опредмечивается в знаковых системах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них [12:21]. Будучи содержательно детерминирована культурой, картина мира сама обеспечивает действие социокультурного механизма трансляции и воспроизводства опыта, что делает её феноменом культуры [12:25].

Связь картины мира с языком проявляется как взаимоотношение идеальной концептуальной системы с материальной основой её объективации. Современные представления о языковой картине мира представлены в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Е. Бартминского, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелёва, Т. В. Булыгиной, А. Зализняк, А. А. Залевской и др. [1; 2; 3; 5; 16; 17; 18; 4; 8; 7].

Картина мира репрезентируется в текстах, различающихся по субстанции образующих их знаков. Представление общей картины мира с помощью языка служит основой общепризнанного в науке различения концептуальной (научной) и языковой картин мира [11:68; 12: 107, 115, 142].

В естественном языке отражается “наивная картина мира”, составляющая содержание “обыденного сознания” его носителей [1,1: 56–59]. И. Мацкевич противопоставляет научные и наивные картины мира на основе оппозиции *научное / ненаучное знание*. В наивном познании номинируются близкие, известные и необходимые объекты, предметы, явления, а в научном познании перспектива расширяется за счет включения объектов и явлений, существующих на земном шаре. Для наивного опыта важным представляется мир предметов, нахождение схожих, стереотипных явлений, тогда как для науки важными являются состояния предметов, их подобные и отличные черты [19: 14, 140].

Архаическая картина мира генетически связана с фольклорной картиной мира (ФКМ), под которой подразумевается “особая фольклорная реальность, выраженная с помощью языка традиционного народного творчества” [10:15]. Фольклор является средоточием народных стереотипов сознания благодаря его неразрывной связи с народной культурой, в функции которой входит не просто сохранение культурной информации, но и активное ее воспроизведение в социорегулятивных целях.

В картине мира славян древнего периода, напр., обнаруживаются следующие оппозиции: *земля — вода, сухой — мокрый, суша — море* [9].

В ФКМ русского и польского языков воплощены такие стереотипные оппозиции: *земля / берег* (на основе противопоставления “мокрый : сухой”, “безопасный : опасный”), *море: горы / тучи, море: дуб / сосна* (“вода : дерево”), *море: небо* (“глубокий : высокий”), *море: озеро / река* (“большой : небольшой”, “глубокий : мелкий”). Эквивалентами временных оппозиций в ФКМ (*светло / темно, день / ночь*) выступают небесные светила (*солнце, месяц*).

Стабильность фольклора обеспечивает восприятие мира его носителями в системе тождеств и повторений, содержание фольклорного текста является важным, значимым и приемлемым для народа, выражает общенародное мировосприятие.

Большой вклад в изучение ФКМ как способа познания культуры, определённого отношения к миру и своеобразной ментальности, выраженной в языке, внесли ученые Люблинской этнолингвистической школы, возглавляемой проф. Ежи Бартминским. В работах Е. Бартминского, Р. Токарского, Я. Пузыниной, И. Мацкевич, М. Мазуркевич используется когнитивная дефиниция, а предметом описания являются языковые стереотипы — “комплексы определённых суждений, более или менее отображенные в языке, которые содержатся в значениях слов или имплицированы этими значениями, дают представление об особенностях и способе существования объектов внеязыкового мира”. Стереотипами являются принятые в данном обществе суждения о материальных и ментальных объектах, языковые клише, связанные с ними, и сами наименования объектов [18: 72; 17: 65].

Применяя лингвокультурологический подход к исследованию, мы придерживаемся определения *концепта*, данного С. Г. Воркачёвым: *концепт* — единица коллективного знания или сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная лингвокультурной спецификой [6: 269].

Средством доступа к концептуальному знанию является слово, функционирующее в системе языка, который объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлён, категоризован сознанием. С помощью метода концептуального моделирования, основанного на сравнении и интерпретации основных семантических признаков в сознании носителей русской и польской ФКМ, охарактеризуем знания, закодированные в ней.

Экспликация структуры концепта “море” в процессе установления категориальных признаков, приписываемых данному понятию, позволила выявить, что концепт “море” как один из устойчивых древних мотивов принадлежит менталитету и сознанию всего человечества и имеет в своей основе ряд архетипических признаков. Ядро концепта составляют признаки, определяющие семантику ядерного члена поля, лексемы *more* “часть Мирового океана, более или менее обособленная сушей или возвышениями подводного рельефа и отличающаяся от открытой части океана гидрологическим и метеорологическим режимом” [МАС 2: 299].

В процессе анализа выявлены следующие концептуально значимые компоненты: 1) *more* как часть океана, нестабильная субстанция, обладающая свойством течь, источник жизни рек, озёр; 2) *more* обособлено сушей или подводными возвышениями; 3) *more* характеризуется визуальными и кинетическими характеристиками (прозрачность, движение, возможная форма, скорость течения); 4) *more* по сравнению с другими пространствами имеет свою специфику; 5) *more* жизненно необходимо человеку, природе в целом; 6) *more* является опасной для человека стихией и средой.

Этимологические данные указывают на то, что древнейшим значением слова *more* и. — е. *mor-* / **mor-* “болото; озеро; море; большая река”, псл. **morje* “море, большая вода, болото”, ст. — сл. *more*, русск., укр., белор. *móre*, болг. *морé*, серб. *морје*, словенск. *morjê*, чешск. *toře*, словацк. *more*, польск. *morze*, в. — луж., н. — луж. *morjo*, родственно лит. *mārios, mārės* мн. “Куршский залив”, жем. также в значении “море, Балтийское море” является “какое-либо водное пространство”, “болото”. Словари фиксируют также значение “озеро”, ср. русск. диал. *móre* “озеро”, олонек., онежск., др. — русск. *more Чудское* “Чудское озеро”, польск. *Pucké morze* “Пуцкий залив”.

Следует отметить, что в русских и польских фольклорных текстах *more* часто обозначает “озеро”. В русском фольклоре большие озёра (Ладожское, Онежское, озеро Байкал) могут называться морем: *Славное море — священный Байкал*.

Синонимами *моря* в польском фольклоре являются *dunaj, jezioro, wista, rzeka, staw: Iżesz swawolny młodzieniec, Zdjąłbyś mi z mej głowicki wieniec. A tyś mi go sama dała, Do dunaju go wrzuciła, Ej, do Dunaju za morze*.

В ФКМ русских и поляков, таким образом, присутствуют: *озеро* (несоленое) и *more* (солёное); *Не обязательно выпить всё море, чтобы узнать, что вода солёная; Nad przepaścią usiadł Orfeusz i płakał rzewnie: i wszystkie łzy jego w otchłań kapały i zrobiło się morze*.

В германских и балтийских языках слово *more* имело значение “стоячая вода” в противоположность “текучей воде” — реке, ср. др. — прусск. *mary* “залив”, латышск. *mare, maņa* — то же, готск. *marei* ж. “море”, др. — в. — нем. *meri* — то же, ирл. *muir* “море”, лат. *mare*, возможно, также др. — инд. *maryādā* “берег моря”, др. — в. — нем. *muor* “лука, болото”, англос. *mór*, др. — фриз. *mâr* “пруд, ров”, англ. *marsh*, нов. — в. — нем. *Marsch* “болотистая низина”, нем. *Moor* “болото” [ЭСРЯ Фас 2: 654–655; ИЭС СРЯ Чеп 1: 543; Br : 344; SJK: 96].

Славянская культура заимствовала индоевропейские представления о космическом море: в ФКМ русских и поляков *море* как часть океана является праматерией, из которой образовались земля и весь мир. В космогоническом порядке *море* является элементом пространства, который существует вечно: “*Przed stworzeniem świata nie było nic, tylko niebo i morze*”, отсюда определение *wieczne morze* [SSSL 1: 384].

Образ моря воплощает бесконечность времени, вечность, праматерию, бездонность, глубину, изменяемость: *Часом море не переедешь*.

У Эврипида различаются большое внешнее море (*океан*) и внутренние *моря*. Эта традиция запечатлелась в славянском фольклоре: *Слова эти больно огорчили купца с купчихою, и решились они сбывать своё детище; построили небольшую лодочку, в тёмную ночь положили в нее сонного мальчика и пустили в открытое море* (сказка “Птичий язык”); *Ты правишь в открытое море, Где с бурей не справиться нам. В такую шальную погоду Нельзя доверяться волнам* (“Окрасился месяц багрянцем”).

Согласно древним верованиям, отображённым в польской ФКМ, земля плавает по морю: *ziemia pływa po morzu jako placek, ciężki krąg, półkula, wielka wyspa; Ze ziemia pływa po wodach morskich, stąd ludzie wiedzą: bo gdzie bądź wybić studnię, wszędy woda najdzie; na ziemi są morskie oka bezdenne*. В море каждый вечер прячется солнце: *co wieczór spuszcza się, chowa się, zapada słońce, zanurza się w morzu, kapie się, kładzie się do snu; słońce, miesiąc, gwiazdy topią się w morzu i wtedy jest noc, rano wupływają zeń i wtedy robi się dzień* [SSSL 1: 390].

В славянской традиции утвердилась морская мифология, распространившаяся в эпоху Великих географических открытий (с XV в.), построенная на синтезе мотивов, связанных с опасностью моря, и отражающих приобретённый опыт морских путешествий (далекие страны, заколдованные острова, сказочные сокровища, таинственные существа, живущие в морских глубинах).

Древние славяне приносили морю жертвы и считали, что посредине моря находится священное место — остров. Море и остров часто упоминаются в русских заговорах. О “море” русского фольклора Б. А. Рыбаков писал: “Это — реальное историческое черноморско-азовское море, издавна известное славянам и даже носившее временами название “Русского моря”... В этом море есть сказочный остров Буян, в котором без труда угадывается остров Березань (Борисфен), лежавший на наезженном пути в греческие земли; на этом острове в X в. оснащались русские торговые корабли” [13: 761].

Море в русском фольклоре может быть черноморско-азовским, без арктических признаков, на нём ловят рыбу, плавают на кораблях, отсюда Змей Горыныч направляется в свои налёты на святую Русь; а может находиться где-то на краю земли, на севере, где на стеклянных горах стоит хрустальный дворец Кошеля Бессмертного, сверкающий всеми цветами радуги.

Расположение и цвет морей отражаются в именах собственных, напр., *Чёрное* (“Русское”) *море*, *Средиземное море*, *Балтийское море*, *Morze Śródziemne*, *Bałtyk*, *Morze Północne*. На Красное море в польских заговорах отсылаются болезни: *Boleśnica! Idź na Czerwone morze! Tam ci będzie bardzo dobrze*.

Море является источником жизни рек и озёр: *И быстрой (и большой) реке слава до моря; От того море всеми реками завладело, что оно ниже рек; Иди вдоль реки — к морю выйдешь; Чужь jest taki ojciec, co pożuro swoje dzieci?* (Morze a rzeki).

Концепт “море” в ФКМ характеризуется размером, формой, цветом. Типичным для фольклорного моря русских является *синий* цвет, тогда как в ФКМ поляков море ещё и *зелёно-голубое*: *Поезжал назад во Новгород, Поезжал он по синю морю. На синем море сходилась погода сильная, Застоялись черлёны корабли на синем море.* (Былина о купце Садко); *Co sine bez “sinienia”?* (Morze).

Море имеет вкус, температуру (*холодное и тёплое*) (*Шилом моря не нагреешь*), количество (*безмерное*) (*разливанное море*), поверхность (*подвижное*) (*На море след не остаётся*). Морская стихия дышит и живёт: *Morze ma wielkie serce, słone wąpzia, paszczę, duszę; W szęte morza poznajesz, że ono ma dęszę*.

Море растянуто очень далеко: *Рядом с морем и небо кажется с овчинку; за морзе іść / wędrować, за морзем być, żyć, posyłać kogo za morze, wziąć kogo na morze* “далеко”, *ktoś poszedł do morza po wodę* “о человеке, который долго не возвращается”.

В зависимости от направления, силы и интенсивности ветра кашубские рыбаки различают спокойное море (*cysza*), поверхность моря может быть как стеклянное зеркало (*letkô bryza*), легко колыхаться (*bryza*), море начинает волноваться (*swardo bryza*), море двигается с нарастающей интенсивностью (*sztynny wiatr, sztormisty wiatr*), на море появляется пена (*sztorm*), морские валы вступают в танец с вихрем (*sarczësty sztorm*), ураган поднимает морские волны (*arkun*).

Море является незамкнутым пространством, бесконечным и большим (*Высохло море, а всё не луже чета; Wielki jak morze, Morza się nie wypije; morze łez, krwi, smutków, litości, miłosierdzia, wody*), широким (*Только распустили корабли паруса и поплыли в широкое море* (сказка “Царь-девица”); *Morze rozległe, morza nie mają końca*), длинным, высоким (*Челном (щепкой) моря не переехать; Morze je długie, szerokie, wësokie*) и глубоким (*Один глупый камень в море бросит, а сто умных не вынут; Сколько по морю не плавал — Моря дна не доставал* (песня “Матаня”); *Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно* (сказка “Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что”); *niez głębiou jak morze* “очень глубокий”; *Morze nie wémierzisz*).

На море происходит постоянное перемещение, а также создаётся препятствие при движении: *Жизнь пережить, что море переплыть; Царь прискакал к морю, видит, что дорога заставлена, и поворотил домой*.

Море в славянской мифологии представляет собой водную стихию, которая лежит на пути в царство мёртвых, в мир иной. Море — это граница между “своим” и “чужим” краем, миром реальным и ирреальным, перейдя которую можно гармонично решить все противоречия бытия и присоединиться к вечному: *За морем теплее, у нас светлее; За морем и синица птица; А царю была по сердцу красавица царевна, что живёт за горами, за морями* (сказка “Семь Симеонов”); *Всего света не изъездишь, во всех морях не побываешь*.

Согласно польским народным поверьям, море окружает землю и встречается с небом, море находится под землёй, над подземным миром. В море много воды, жидкости: *Хвалилась синица море спалить; Царь, пусти меня на море сходить, водички испить; И море из малых капель состоит; pojechać za wielką wodę* [SSSL 1: 383].

Море — это место обитания рыб и птиц: *Лес по дереву, а море по рыбине не тоскует; Рыба в море, а улов на спине; На то и щука в море, чтоб(ы) карась не дремал; Как только упало кольцо в синее море, тотчас подхватила его рыба-белужина и проглотила на моих глазах* (сказка “Волшебное кольцо”); *Утка в море, хвост на заборе* (ковш); *Как пройти море? Сидит на берегу да думает; щука словно знала его думу, легла поперек моря. Иван-царевич прошёл по ней, как по мосту* (сказка “Кощей Бессмертный”); — *Ах, Иван-царевич, — молвила щука, — сжался надо мной, не ешь меня, брось лучше в синее море!* (сказка “Царевна лягушка”); *Zarzucił nasród morza, ułowił wegorza; Bóg obdarzył morza i rzeki rybami*.

Согласно стереотипным представлениям в ФКМ, на берегу моря встречаются юноша с девушкой (*Chodziła tu zorza, zaglądała w chaty, gdzie dziewczyna hoża*).

Море является местом работы моряков, рыбаков (*Много море народу кормит; Море — рыбацье поле; Kiej bē nie to morzełko, tēj bē rēbācē ni tielē z czeiō žēc*) [SGK Sych 3: 114; SSSL 1: 393].

В ФКМ русских и поляков море является бурным и непредсказуемым пространством: *Горе, когда шумит море; Кто в море не бывал (не бывывал), тот досыта богу не маливался (тот горя не видал); Не верь тишине морской; Тихо море, поколь на берегу стоишь; Дальше моря — меньше горя; Кто зна морзе, wie co gorze; Nie puszczaj się na morze, jeśli roli przywykł*.

Морские глубины пробуждают в человеке не только восхищение, но и боязнь, так как в море часто гибнут люди: *Море кого любит, а кого губит; Между моряком и смертью только борт корабля; На море погоду видишь, да едешь — сам себе убивец (убийца); Morze to jedna wiélgô wojna; Jidzesz na wojnę modlę się róż, jidesz na morze — dwa razē; Na morzu le Bóg pomoże; Ciej się morze rēsżô, polec Bogu dēsżę; Morze niesie chléb i śmierc, plón i zgón*.

Морское дно — труднодоступное место для человека и вещей, которые там пропадают: *То пропало, что в море упало; Утка тотчас яйцо уронила, и упало это яйцо в море; А Семён — малый юныш, как сказано, упал в море. В ту же минуту подхватил его морской царь и унёс в самую глубину* (сказка “Скорый гонец”); *W niedziele raniusieńko kapało się słonejko, Marysia go łapała, sama w morzejko wpadła. Już ja ci nie zratuję, bo tata nie zgrontuje, bo morze szeroczeńkie, do tego głęboczeńkie*.

Море в польском фольклоре — чужая страна, в которой люди впадают в вечный сон, для кашубов море “мокрый гроб”, а морская вода имеет “вкус смерти”: *W mūrzu jō wici lędzi, jak na kraju*.

Смерть в море является частым мотивом русских и польских народных сказок, песен: *Выкололи царевне глаза, засмолили вместе с ребёнком в бочку и бросили в море* (сказка “Во лбу солнце, на затылке месяц, по бокам звёзды”); *Wiatr silny zawiał, ona zadrżała I w fale morskie rzuciła się*.

В польских народных балладах любимый топит девушку, мать — внебрачного ребёнка, отец — дочку, которая утратила честь, муж — жену, неверная жена — мужа. Смерть молодого неженатого юноши в море интерпретируется как свадьба, а смерть девушки — как сон. Молодые рыбаки гибнут в море, потому что их очаровывают сирены. Кашубские рыбаки верят, что душа умершего превращается в чайку. Купание в море может изменить человека (преступника), что связано с очищающей символикой воды: *Coś od matki miała i to nie pomoże, musisz ty, Kasieńku, zgruntować te morze. Chodziła Elżunia po łączce, Nosila dzieciątko na rączce, A tak długo nosiła aż go do morza wrzuciła* [SSSL 1: 393–394].

Море — это также волшебное место, где обитают мифические существа, например, *морской царь* (Водяник, Поддонный царь) — вымышленный персонаж, который встречается в былинах о Садко и в русских народных сказках, поддонная царица Водяница, толпы морских девиц, змей (*Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя моря змей выходит, в гору подымается* (сказка “Два Ивана — солдатских сына”). Жилище морского царя находится то в синем море, то на острове, то в Ильмень-озере. В былинах о Садко он требует его к себе в подводное царство: *Говорит Садко-купец, богатый гость, Ко своей дружине ко хоробрые: — Ай же ты, дружинушка хоробрая! Как мы век по морю ездили, А морскому царю дани не плачивали* (былина “Садко”).

В ФКМ поляков повествуется о волшебных предметах, богатствах, ценных предметах, находящихся в море, таинственных существах, обитающих в морях: *Siedzi w morzach różna gadzina, są takie okrutne, psy, konie, świnie, ptastwo różne, wieloreby... syreny pół ryby, pół pany, co na deszcz śpiewają*.

Высокая степень сохранности традиционной культурной информации в произведениях народной словесности обуславливает актуальность концептуального анализа языка фольклора. Анализ ФКМ подтверждает, что водные культы играли важную роль в жизни и сознании русских и поляков, которых притягивала тайна моря, бесконечная изменчивость его обликов, необозримость, терпеливость и гнев, ласка и тайное молчание. Выявленные вербализованные концептуальные признаки концепта “море”, выступающего символом жизни, изменчивости, одиночества, опасности, отражают древний этап развития, наивную картину мира, в которой совмещаются объективно-исторические, мифологические и религиозные взгляды славян.

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2-х т. — М., 1995. — Т.1.
2. Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Известия Академии наук СССР. Сер. лит. и яз. — М., 1994. — Т.53. — № 4. — С.27–41.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — 2-е изд., испр. — М., 1999.
4. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелёв. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
6. Воркачёв С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского гос. технологического ун-та. Сер. Гуманитарные науки. — Т.17. — Вып.2. — Краснодар, 2003. — С.268–276.
7. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. — Воронеж, 1990.
8. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М., 2005.
9. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). — М., 1965.
10. Петренко О. А. Народно-поэтическая лексика в этническом аспекте (на материале русского и английского фольклора): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Орёл, 1996. — 18 с.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж, 2001.
12. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постова-лова и др. — М., 1988.
13. Рыбаков Б. Язычество древней Руси. — М., 1987.
14. Урысон Е. В. Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. — М.: Индрик, 1999. — С.11–26.
15. Bartmiński J. Językowe podstawy obrazu świata. — Lublin, 2007.
16. Bartmiński J. Językowy obraz świata. — Wyd.2. — Lublin, 2004.

17. *Bartmiński J.* Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem — na przykładzie matki // Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne / Pod red. J. Anusiewiczza i J. Bartmińskiego. — Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998. — S.63–83.
18. *Bartmiński J., Tokarski R.* Językowy obraz świata a spójność tekstu // Teoria tekstu. Zbiór studiów / Red. T. Dobrzyńska. — Wrocław: Ossolineum, 1986. — S.65–81.
19. Maćkiewicz J. Nienaukowy i naukowy obraz świata. Na przykładzie języka polskiego i angielskiego. — Gdańsk, 1991.

Список сокращений

- ИЭС СРЯ Чер — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — 3-е изд., стереотип. — М.: Русск. яз., 1999.
- МАС- Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 3 изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1985.
- ЭСРЯ Фас — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёв: В 4 т. — М.: Прогресс, 1964–1973.
- Br — Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. — Warszawa: Wiedza Powszechna, 1970. — 806 s.
- SGK Sych — Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. — Wrocław etc.: PAN, 1967–1976. T.1–7.
- SJK — Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego zebrał i opracował Stefan Ramułt. — Kraków: Wyd. Akademii Umiejętności, 1893. — 298 s.
- SSSL — Słownik stereotypów i symboli ludowych / Red. J. Bartmiński. — Lublin: Wyd. UMCS, 1999. — T. I: Kosmos, cz. 1. Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie, cz.2. Ziemia. Woda. Podziemia. — 482 s.

O. A. Voytseva

VERBALIZATION OF THE CONCEPT “SEA” IN THE RUSSIAN AND POLISH FOLKLORE WORLD PICTURES

This article is dedicated to the problem of the interrelation of ideal conceptual system with the material basis of its objectification. In the process of the explication of the structure of the “sea” concept the author reveals the components of the fragment of the world folklore picture in the Russian and the Polish languages.

Key words: the Russian and the Polish languages, concept, stereotype, folklore, the lingual picture of the world.

O. A. Войцева

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ “МОРЕ” У ФОЛЬКЛОРНІЙ КАРТИНІ СВІТУ РОСІЯН І ПОЛЯКІВ

Стаття присвячена проблемі взаємовідношень ідеальної концептуальної системи з матеріальною основою її об’єктивності. У процесі експлікації структури концепту “море” виявлено компоненти фрагмента фольклорної картини світу в російській та польській мовах.

Ключові слова: російська і польська мови, концепт, стереотип, фольклор, мовна картина світу.

УДК 811.161.1'23'367:801.631.5'671.3:165.745 Кушнер

А. Н. Вытушняк

Реализация концепта “жизнь” в книге стихов А. С. Кушнера “Облака выбирают анапест”

Книга стихов “Облака выбирают анапест” воплощает важную составляющую философии поэтического творчества А. С. Кушнера, а именно понимание поэзии как особой стихии, с одной стороны, отражающей всё многообразие доступной наблюдению действительности, а с другой — преображающей эту действительность. Автор раскрывает в рамках отдельного сборника тему земной жизни человека как главного предмета поэтического творчества, тему, которая в структуре содержания книги стихов как единого сверткста может быть описана как единый концепт. В статье анализируется структура концепта, а также основные способы его представления в книге стихов.

Ключевые слова: книга стихов как особый жанр, структура концепта “жизнь”, концептуальные признаки, мотивные реализации, “поэтическое” содержание слова, способы представления концепта.

В своих последних по времени стихотворных сборниках (“Кустарник” (2002), “Холодный май” (2005) и “Облака выбирают анапест” (2008)) А. С. Кушнер остаётся верен тем поэтическим темам, с которыми он ещё в 1960-е годы вошёл в русскую поэзию и благодаря которым определилось его восприятие как поэта, открывшего для лирики частную жизнь человека. По-прежнему в центре внимания автора остаются такие вопросы, как природа поэтического творчества, особая роль художника в познании и осмыслении окружающего мира и человека в этом мире, понимание поэзии как явления иного мира (ср., напр., стихотворение из сборника 1984 года “Пятая стихия” “Поэзия — явление иной...” [2: 231]).

Наше внимание к поэтическому сборнику как единому, определённым образом построенному свертксту обусловлено тем, что книга стихов становится в поэтике А. С. Кушнера “основной жанровой единицей” [6: 24]. В книге стихов, по словам самого поэта, может быть отражён как некий этап развития человеческой души, так и суть эпохи, некоего отрезка времени. Единство книги стихов может обеспечивать и новая поэтика, метод: “Новая поэтическая манера, овладение новым поэтическим методом и материалом могут стать не менее драматическим и захватывающим событием. Есть поэты, у которых от книги к книге идёт борьба за новую точку отсчёта, новый ракурс и угол зрения” [3: 38].

На наш взгляд, новизна книги стихов “Облака выбирают анапест” определяется, в первую очередь, её содержанием, а именно тем фактом, что в ней заново подвергается осмыслению феномен человеческой жизни, а вместе с ним и поэтическое творчество в целом. Если в сборнике “Холодный май” поэзия понималась как нечто, обращённое к иным мирам, то в сборнике “Облака выбирают анапест” воспевание именно “земной жизни” оказывается сутью поэтического творчества. Поэтому можно сказать, что концепт “жизнь” выступает в качестве доминанты, определяющей единство и целостность рассматриваемой книги стихов.

Слово “жизнь” частотно (это особенность не только рассматриваемой книги стихов): оно встречается (наряду с однокоренными образованиями “жить”, “живой”, “жизнелюбие”) в 26 стихотворениях из 62, при этом оно зачастую оказывается выделенным. Например, лексема “жизнь” и образованные от неё слова часто выделяются анафорой (“Первым узнал Одиссея охотничий пес...” [1: 11]):

*Жизнь — это море с его белогривой волной,
Жизнь — это дом, где в шкафу размещаются книги,
Жизнь — это жизнь, назови её лучше женой.
Смерть — это кем-то обобранный куст ежевики.* [1: 11]

Слово “жизнь” может анафорически связывать композиционные части текста (как в стихотворениях “Живущий в доме том не знает, как горит...” [1: 44], “Когда на жизнь смотрю чужую...” [1: 14]). В двух текстах слово “жизнь” выделяется средствами стихового переноса (“Ты из пены

вышла, Афродита...” [1: 59], “Я не люблю иронии твоей” [1: 67], и в обоих случаях оторванным оказывается оценочный эпитет, что подчёркивает невозможность определить феномен “жизни” однозначно, только как что-то мрачное или, наоборот, светлое и радостное:

*Я не люблю иронии твоей...
Я и себе её не позволяю:
И так мрачна, а с ней ещё мрачней
Жизнь — и нечестно быть как будто с краю,
Как будто сбоку или в стороне... [1: 67]
Без любви счастливей и просторней
Жизнь и больше знанье о добре. [1: 59]*

В лирике А. С. Кушнера концепт “жизнь” представлен следующими концептуальными признаками (всего в БАС зафиксировано восемь ЛСВ лексемы “жизнь”):

1. Жизнь — состояние всего живого от зарождения до смерти; существование. (1 раз)
2. Жизнь — действительность (встречается 10 раз)
3. Жизнь — время (целиком или частично) от рождения до смерти живого существа; век. (4 раза)
4. Жизнь — жизненный уклад, быт; житье. (2 раза)

В одном стихотворении слово “жизнь” сближается по смыслу со словом “судьба”:

*Для встречи им в фойе театра
Минут пятнадцать отвела
Судьба. Как будто к карте карта
В игре азартной подошла
И жизнь обоим подыграла. [1: 26]*

Определяющее значение для рассматриваемого концепта имеет еще один концептуальный признак: “Полнота проявления физических и духовных сил; душевный подъём, одушевлённость” (БАС), “Энергия, внутренняя бодрость, полнота духовных и нравственных сил”. (Словарь Ушакова). Интересен случай противопоставления в контексте одного стихотворения двух употреблений слова “жизнь”, противопоставленных именно по наличию данного признака:

*Когда на жизнь смотрю чужую,
Такую страшную, такую
Однообразную...
...Когда на жизнь смотрю свою,
На этот коврик у порога,
На тех, кого хотя б немного
Любил, на ту, кого люблю... [1: 14]*

И хотя в словаре зафиксировано 8 значений слова “жизнь”, очевидно, что в рамках поэтического текста слово неизбежно несёт значительно больше смысловых оттенков, чем те, которые могут быть отражены в словаре. Например, в одном из стихотворений описывается прогулка по каналам Венеции:

*На фотоснимке с тенями сквозными
Два гондольера и я между ними,
Ты попросила их сняться со мной,
Веет прохладой и вечной весной.
Майки в полоску и круглые шляпы.
Я вроде дедушки им или папы,
Впрочем, неплохо смотрюсь, молодежав, —
Мне помогает отходчивый нрав.
Я и на жизнь посержусь — и забуду,
Я и твою выполняю причуду:
Скажешь, чтоб встал с гондольерами в ряд, —
Встану, согласен на рай и на ад. [1: 23]*

Слово “жизнь” в данном контексте обозначает не просто те заботы и неурядицы, с которыми каждый человек неизбежно сталкивается, но вбирает в себя значение контекста, который

содержит размышление о приближающейся старости. Слова-символы (“вечная весна”, “тени сквозные”, “прохлада”), носящие сквозной характер и реализующие в тексте мотив нахождения на границе с иным миром, позволяют осмыслить “жизнь” как постоянное пребывание на границе со смертью. Город Венеция также в культуре традиционно воспринимается как город, находящийся на границе между мирами.

Слово “жизнь” наряду с другими словами абстрактной семантики (“тоска”, “вечность”, “душа”, “рай”, “судьба”), сопровождая в тексте представление того или иного фрагмента действительности, раскрывает авторскую интерпретацию изображаемого. Например, в стихотворении “Большая восьмёрка” развёрнутое описание сна лирического субъекта завершается восклицанием:

*Как таинственна жизнь, как легко, через все заслоны,
Мифологией веет и мёдом со всех земель. [1: 36]*

Текст стихотворения, однако, может и не содержать самого слова “жизнь”, однако передавать восхищение тем фрагментом действительности, который попал в поле зрения автора. Можно сказать, что восхищение перед земной жизнью — то главное лирическое переживание, которое автор стремится передать читателю. Эта эмоция восторга перед жизнью представляется одним из важнейших факторов, обеспечивающих единство и целостность рассматриваемой книги стихов. Чрезвычайно важным представляется в этой связи признание самого автора в эссе, посвящённом Гомеру: “Я и о Гомере пишу здесь потому, что, мне кажется, им владело примерно то же чувство. Назвать его можно благоговением перед жизнью или, если говорить не так торжественно, — интересом и доверием к ней. “Дарёному коню в зубы не смотрят”. Ахилл в загробном мире...завидует живому поденщику, работающему в поле” [4: 658].

Восхищение жизнью во всём её богатстве и разнообразии передаётся с помощью традиционных поэтических средств: перечислений, восклицательной интонации, инверсии, синтаксического параллелизма:

- а) *На вашей стороне — провидцев многословный
Рассказ, и мудрецы — на вашей стороне,
И Бог, и весь обряд ликующий, церковный,
И в облаке — Святой, и мученик — в огне... [1: 16]*
- б) *Эти скрипки, и юбки, и таборная метель!
Как таинственна жизнь, как легко, через все заслоны,
Мифологией веет и мёдом со всех земель. [1: 37]*
- в) *И влажность мягкая и мгlistость иногда
Бывают яркости желаннее и зноя... [1: 55]*
- г) *Но только английский хорош детектив.
И только французские сладки духи... [1: 38]*

Особую роль в передаче названной эмоции восхищения жизнью играет приём перечислений, когда структуру поэтического текста организует ряд слов, относящихся к одному семантическому полю. Например, в стихотворении “Хороши рябины и берёзы” [39] это названия различных деревьев, в стихотворении “Афанасий, Евстафий, Зосима, Ефим, Феоктист...” [1: 10] — старинные русские имена, в стихотворении “Большая восьмёрка” — женские имена [1: 36].

Структуру концепта *жизнь* составляют следующие оппозиции: *жизнь* — весь мир, вся действительность, историческая и социальная” — частная *жизнь* отдельного человека с мелкими неурядицами, заботами; тоска, мрак, скорби *жизни* — рай земной *жизни*; полнота *жизни* — смерть, приближение старости; земная *жизнь* как рай и истинная вечность — вечность “нездешнего края”; дом человека — Вселенная.

Глобальный масштаб задаётся уже первым стихотворением сборника “Хотел бы я поверить в час ночной...” [1: 7]. Здесь реализуется основополагающая для рассматриваемого концепта оппозиция “земное житъе — нездешний край”. При этом “нездешний край” остаётся сферой чего-то неизвестного и далёкого от нас. Неслучайно при описании “нездешнего края” используются формы сослагательного наклонения, вопросительные конструкции, антонимические пары, сравнительные обороты:

*Хотел бы я в разумный небосвод
 Поверить, в предназначанность орбит,
 Хотел бы я поверить, что живёт
 Душа и там, где наших нет обид... [1: 7]
 Неужели выдохнется него,
 Спустят с верхней палубы нас в трюм?
 Неужели он после забега
 Также будет мрачен и угрюм? [1: 21]
 Встану, согласен на рай и на ад. [1: 23]
 Её, наверное, пленяет перспектива
 Иных возможностей, сновидческим под стать.
 И что-то в этом есть еще от детектива... [1: 28]*

Представление о соседстве земного существования с “нездешним краем” реализуется в следующих мотивах: ехать в неизвестную страну, прощаться с родным краем [1: 12, 21, 28, 91]; испытывать ощущения холода или холодного ветра, вечной весны [1: 29, 32].

Именно “земное житьё” представляет для лирического субъекта А. С. Кушнера истинную ценность и выступает в качестве доминанты оппозиции. В замыкающем сборник стихотворении “Архилох” автор определяет себя как поэта земной жизни, утверждая ценность и вневременность лирики, воспевающей именно “земное житьё” [1: 92].

Суть названной оппозиции “мрак жизни” — “земной рай, счастье жизни” выражена автором афористически кратко:

*Жизнь — это радость, при том что без горя и слёз
 Жизнь не обходится, к смерти склоняясь и мраку. [1: 11]*

Вариант концепта “жизнь”, обозначенный здесь как “мрак жизни”, представлен следующим набором мотивов: жить — находиться во тьме, которая окутывает мир [1: 13, 48, 78, 80, 86, 87, 77], пожинать бесплодную жатву [1: 73].

О значимости концепта “жизнь” в структуре книги стихов говорит и тот факт, что “земная жизнь” — единственный феномен, осмысляемый с помощью многочисленных образных уподоблений.

Рассмотрим основные образные реализации этого варианта концепта: *жить* — читать мрачную книгу [1: 73], *жизнь* — тёмное помещение, тюрьма, *жить* — быть узником, находиться в темном помещении [1: 35, 79, 24], участвовать в спортивных соревнованиях; жизненный путь человека — заезд [1: 20–21, 29]

Вариант концепта, обозначенный как “жизнь — рай”, представлен следующими мотивами: сидеть над морем [1: 11, 14, 30], идти по лесной тропе [1: 15, 42], возвратиться домой, в родную Итаку, находиться на даче, в раю [1: 11, 13, 44, 45], на пиру [1: 47, 61], наблюдать волны, маяки [1: 61], кусты и травы [1: 55, 67, 58], жёлтый костёр в тумане [1: 37], слушать музыку [1: 58], вьюгу, метель [1: 58, 8].

Оппозиция “полнота жизни — приближение смерти, увядание” реализуется в мотивах: *жить* — сидеть в пыльном, убогом саду [1: 14, 74], исчезнуть, утратить способность слышать и воспринимать [1: 82].

Всё выше сказанное подтверждает значимость концепта “жизнь” для книги стихов “Облака выбирают анапест”, однако рассмотрение одного лишь концепта “жизнь” не позволяет объяснить название книги стихов. О важности названия для поэтического сборника А. С. Кушнер пишет в одном из своих эссе: “Найти точное, выразительное название для поэтической книги, в которой бы в сжатой форме был сформулирован её смысл, — занятие трудное и увлекательное” [5: 687]. “Облака” является одним из ключевых слов-символов, представляющих в лирике А. С. Кушнера тему поэзии, поэтического творчества. В слове “облака” ударение падает на третий слог, и слово само, по замечанию А. С. Кушнера, “выбирает” размер, которым будет написано стихотворение. В названии сборника выражается важная, по-видимому, для автора мысль о том, что уже сам предмет изображения определяет поэтику стиха:

*Облака выбирают анапест,
 Им трёхстопная мера мила.
 Я послушен их воле, покладист,
 Хорошо мне сидеть у стола... [1: 18–19]*

Именно поэзии как особой стихии принадлежит главная роль в преобразении жизни, в победе над “несчастьями и обидами” [1: 62]:

*...Отменяет сирень неудачу
И досаду, завесой вися.
Только эту живую задачу
И решает поэзия вся!* [1: 35]

В книге стихов 2008 года “Облака выбирают анапест” А. С. Кушнер, оставаясь верен многим важным особенностям своей поэтики и основным темам своей лирики, ставит задачу раскрыть в рамках отдельного сборника тему земной жизни человека как главного предмета поэтического творчества, тему, которая в структуре содержания книги стихов как единого сверхтекста может быть описана как единый концепт, отражающий важную составляющую авторской философии поэтического творчества.

1. Кушнер А. С. Облака выбирают анапест. — М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. — 95 [1] с. (Поэтическая библиотека).
2. Кушнер А. С. Таврический сад: Избранное. — М.: Время, 2008. — 528 с. (Поэтическая библиотека).
3. Кушнер А. Книга стихов / Волна и камень: Стихи и проза. — С. Пб.: Logos, 2003. — С. 30–41.
4. Кушнер А. “С Гомером долго ты беседовал один...” / Там же. — С. 646–678.
5. Кушнер А. С. Название для книги / Там же. — С. 686–689.
6. Роднянская И. Опыт словарной статьи об Александре Кушнере // Литературная учеба. — 1997. — №4. — С. 24–28.

Словари

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т.1–17. М. — Л.: Изд. АН СССР, 1955. Т.4. Ж-з
Словарь Ушакова — Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Вече, Мир книги, 2001. — Т.1

A. N. Vytushniak

THE REALIZATION OF THE CONCEPT ‘LIFE’ IN THE BOOK OF VERSE BY A. S. KUSHNER ‘CLOUDS ARE CHOOSING THE ANAPAEST’

The book of verse ‘Clouds are choosing the anapaest’ reflects an important part of the A. S. Kushner’s philosophy of poetry, that is understanding of poetry as a unique elemental force that, on the one side, is capable of reflecting all the variety of the observed reality and, on the other side, transforming this reality. The author treats the topic of earthly life of man as the main subject of poetry. This topic is analyzed in the article as a concept that plays a major role in the book’s meaning structure. The article deals with the structure of the named concept and its main representations in the book of verse.

Key words: a book of verse as a genre, the structure of the concept ‘life’, conceptual attributes, motive realizations, the representations of the concept.

О. М. Витушняк

РЕАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ “ЖИТТЯ” У КНИЗІ ВІРШІВ О. С. КУШНЕРА “ОБЛАКА ВИБИРАЮТ АНАПЕСТ”

Книга віршів “Облака вибирають анапест” втілює важливу складову філософії поетичної творчості О. С. Кушнера, а саме розуміння поезії як особливої стихії, яка, з одного боку, відображає все розмаїття доступної для спостереження дійсності, а з іншого — перетворює цю дійсність на краще. Автор розкриває в рамках окремої збірки тему земного життя людини як головного предмета поетичної творчості, тему, що може бути описаною як єдиний концепт у структурі змісту книги віршів як єдиного надтексту. У статті аналізується структура концепту, а також основні способи його виявлення у книзі віршів.

Ключові слова: книга віршів як особливий жанр, структура концепту “життя”, концептуальні ознаки, мотивні реалізації, “поетичний” зміст слова, способи виявлення концепту.

Л. А. Романец

Особенности выражения концепта 'Одесса' в поэтических произведениях разных жанров

Статья посвящена определению особенностей вербального воплощения и реализации концепта 'Одесса' в русских поэтических текстах разных жанров. Предпринята попытка представить некоторые средства языковой объективации топонимического концепта 'Одесса' в русской лирике.

Ключевые слова: топонимический концепт, поэзия, лирика, жанр, языковые средства, Одесса.

В литературоведении существует традиция классификации жанров поэтических художественных текстов. Так, в лирике выделяют жанры оды, гимна, послания, эпиграммы, элегии, баллады и некоторые другие. В литературе XX—XXI вв. происходит интенсивный процесс взаимодействия и модификации жанров, смешения жанровых форм [6: 107]. Таким образом, в художественной практике активно развиваются произведения гибридной жанровой природы.

Для любого лирического произведения характерным является непосредственное выражение внутреннего состояния, мыслей, чувств и переживаний автора, который с целью создания неповторимых психологических и эмоциональных образов как творчески самодостаточная личность развивает свой способ построения, отражения и преломления действительности, демонстрируя богатство возможностей художественного слова, раздвигая тем самым границы поэтических форм. Таким образом, современная лирика как род литературы имеет свойство воплощаться в самые разнообразные виды (собственно жанры), часто заимствуя их не только из прозы и драмы, но и из других видов искусства (изобразительного искусства, музыки).

Нередко авторы сами сопровождают свои произведения жанровыми характеристиками (в самом названии или в подзаголовке). Например, "Эпистолярная". Поэма [3: 176—182], "Молитва об одесситах" [1: 154—155], "Одесская элегия" [1: 148—149], "Южнорусский романс" [4: 48—51], "Провинциальные истории" [4: 61—66], "Шутливая песенка" [7: 61—62]. Такое жанровое указание не является элементом заранее заданной системы, а носит творческий характер, подчас имеет самостоятельную мотивировку в замысле автора и возникает в соответствии с художественными задачами текста.

Точная систематизация лирических жанров, учитывая современное многообразие художественных форм, ещё не осуществлена по какому-либо единому набору параметров. Поэтому мы будем определять жанр самостоятельно, исходя из разнородных принципов, а именно: на основе преобладающего эстетического качества (идейно-оценочного настроения: сатирического, патетического, трагического), объёма произведения, способа построения образа, наличия эпических признаков, на основе тематической направленности (философская, гражданская, любовная лирика), предмета изображения (портрет, этюд, пейзаж), характера изображения (шарж), назначения текста (песня).

Концепт как целостное психоментальное образование имеет вербальное воплощение, сохраняется и функционирует в словах, словосочетаниях и других языковых единицах. Его содержание репрезентируется в семантике языковых знаков, включает в себя определённые коннотации, визуально-образные ассоциации, проявляется в чувственных образах. Через языковые средства происходит объективация концепта. Анализ актов речи (поэзии) даёт возможность проследить вербальные особенности выражения концепта [5: 6].

Цель данной статьи — определить особенности реализации концепта 'Одесса' в поэзии разных жанров. В ходе достижения данной цели мы проанализировали более полусотни разножанровых поэтических произведений XX—XXI вв. разных авторов.

В небольшой фрагментарной зарисовке с натуры, посвящённой частному вопросу, "Одесса. Экологический этюд" современного поэта Е.Ярошевского концепт 'Одесса' обширно представлен с помощью прецедентных имён и описательных конструкций, заменяющих топоним, — топонимических перифраз. *Привоз* (эргоним), *Молдаванка* (название района города), *Дофиновка*

(комоним), *Отрада*, *Ланжерон* (название пляжей) — городские прецедентные феномены. *Одесское лето*, *одесские сумасшедшие* — топонимические перифразы, они репрезентируют целое по его когнитивным компонентам, представляют какие-либо признаки топонима, обладают образностью, иносказательностью [2: 258]. Топонимические перифразы данного текста на основе классификации Л.Н.Гуковой и Л.Ф.Фоминой [2: 258] мы распределили в три группы. 1) Перифраза состоит из нарицательных имён, но отсылает к имени собственному — топониму. */Моего любимого греческого полиса/* [10: 162] — в 8–6 в. до н.э. в Северном Причерноморье греками были основаны города-колонии; известно, что на нынешней территории города Одессы тоже существовало несколько античных полисов. 2) В составе перифразы есть имя собственное, отсылающее к иному имени собственному-топониму. */Моей старушки Пальмиры/* [10: 162] — здесь имеется прецедентная метафоризация: Одессу часто называют Южной Пальмирой, поэтически сравнивая с античным городом легендарной красоты и богатства и Северной Пальмирой — Санкт-Петербургом. 3) Перифраза образует конструкцию, в которой главное слово — имя нарицательное — выражает когнитивный признак топонима, а зависимое является дериватом имени собственного-топонима, оттопонимическим прилагательным. Это самая обширная группа топонимических перифраз, с помощью которых концепт ‘Одесса’ объективируется иносказательно: посредством исторических отсылок */Это ... одесское гетто/* [10: 162], неожиданных коннотаций */косноязычие одесских долгожителей,/ подвешенных поэтов, тихих задумчивых сумасшедших/* [10: 162] (в Одессе существует Клуб одесских сумасшедших, который объединяет известных художников, композиторов, писателей и общественных деятелей, не равнодушных к жизни Одессы).

Ирина Дубровская в подзаголовке к стихотворению “Эпистолярная” сама определяет его жанр: поэма. Письмо предполагает знание адресатом местонахождения адресанта, поэтому топоним *Одесса* и производные от него слова в тексте не употребляются. Следовательно, здесь используются лишь средства опосредованного выражения концепта ‘Одесса’. Читатель догадывается о присутствии в тексте данного концепта через указание на прецедентные феномены, связанные с экономической историей города */Была весна — российская отчасти,/ поскольку мы желали бы с Москвой/ и с Севером делить её по-братски,/ по-порто-франковски — охватом в шар земной!/* [3: 176]; с личностями известных одесситов */Ты помнишь этот смех,/ жизнь “по Жванецкому”.../* [3: 176]; с одесской ментальностью */...Пока доступен нам глоток свободы/ под этим авантюрным небосводом/* [3: 176] — в этих строках актуализируются такие слоты концепта ‘Одесса’ как “свобода” и “авантюризм”. Богатый торговый город-курорт всегда привлекал и воспитывал сам людей с преступными наклонностями (это неоднократно отражалось в художественной литературе). И являясь политической провинцией, Одесса всегда была более свободным городом, чем столицы (относительную свободу здесь находили многие политически неблагонадёжные граждане). И эпистолярный жанр, и жанр поэмы предполагает особенное, лично заинтересованное отношение автора к описываемым событиям. Субъективное часто находит своё выражение в образности, навеянной одесскими реалиями. На протяжении всей поэмы используются лексические средства, частотные при описании южного приморья либо конкретно Одессы: */А помнишь: май, и розовые дюны, и чайка, аркадийская фортуна/* [3: 179]; */... душа твоя на тот вернётся пляж,/ на побережье солнечного мая,/ на катерами взбитую волну/* [3: 181]; */У нас бесснежно. Южная зима/* [3: 182]; */И как маяк — твоё включаю имя/* [3: 177] и др.

Элегия как жанр раздумья предполагает сначала изображение внешнего явления, а затем настроения, вызванного им. Так, в уравновешенной, ритмически неторопливой элегии одесситки-эмигрантки И. Богачинской производное от топонима *Одесса* прилагательное заявлено только в заголовке “Одесская элегия”. В самой элегии концепт ‘Одесса’ явно не представлен. Настроения, идеи и образы, близкие автору и опосредованно выражаемые лирическим героем, указывают на положительные коннотации, связанные с одесским патриотизмом: */Я не разучилась уметь/ Верность в дружбе чтить./ Честь./ И свой город/ И поэтому мне/ хоть однажды в году/ Надо к коже его прикоснуться/* [1: 149]. Эмигранты-одесситы помнят, любят и чтят город, в котором некогда жили, испытывая непреодолимую тягу посетить его, продолжают считать всегда своим. */Как в нектар,/ приземляюсь в любимый язык/* [1: 148] — Одесса многонациональный город со своим ярким гетерогенным городским койне, называемым горожанами “одесским языком” [8]. Одним из слотов концепта ‘Одесса’ в этой элегии является прецедентное имя *Отрада* — назва-

ние популярного городского пляжа: /Захожу я на с детства захоженный пляж./ Что бессрочно — под флагом *Отрады*/ [1: 148].

Жанр молитвы находит своё выражение в процессе развития и ведения диалогического единства (разговора с Богом, обращения к нему), хотя не предполагает вербально выраженной реплики-реакции на реплику-стимул. [9: 281]. В молитве человек высказывает свои глубинные помыслы, чувства. Жанр молитвы предполагает обращение к адресату, в роли которого выступает сверхъестественная сила (Бог, святые, духи предков и под.), реже — авторитетные личности. Адресант обычно выражен личным местоимением первого лица либо глагольной словоформой первого лица. Объект молитвы всегда волнует молящегося. Для себя либо для других молящийся просит предпочтений от сверхъестественных сил. В поэтической “Молитве об одесситах” И. Богачинской концепт ‘Одесса’ объективирован антропоурбанонимом *одесситы*, который обрамляет текст, будучи названным в заглавии и в абсолютном конце (последнее слово текста), и родовым для данного концепта, ключевым для урбанистики словом *город*, рефреном проходящим через всё стихотворение, с указательным местоимением *этот*, выполняющим здесь уточняющую функцию. В “Молитве об одесситах” собственно молитва, в которой автор обращается к Господу, — это последняя строфа, состоящая из 12 контактно парами рифмующихся строк. В ней И. Богачинская просит облегчить *непосильную ношу* жизни одесситов в современной Одессе, называя многие городские атрибуты, сигнализирующие об отрицательных коннотациях: аварийный театр, улицы во мраке, рвущаяся телефонная связь, холод зимой и засуха летом... Господа автор призывает в помощники одесситам, чтобы не увядал их юмор, чтобы в море всегда можно было увидеть белый парус, чтобы все были сыты и не было печали и грусти в душах. Преамбула, которая в три раза длиннее молитвы, призвана обосновать причину обращения к Господу с молитвой. В этой части текста поэтесса показывает историю своей жизни в *этом городе* и бегства из него. Графическое выделение слова ОДЕССИТЫ заглавными буквами (*Помоги им, Господь! Ведь они — ОДЕССИТЫ* [1: 155]) свидетельствует о том, что в индивидуальной картине мира Инны Богачинской это слово имеет дополнительные семы ‘особенность’, ‘исключительность’. Частица *ведь* подтверждает это. Молящийся убеждён, что одесситы имеют веские основания для защиты, покровительства высших сил.

Таким образом, исследовав лирические произведения разных жанров, в которых объективируется концепт ‘Одесса’, мы пришли к следующим выводам.

Совокупность формальных и содержательных особенностей поэтического текста, то есть его жанровое своеобразие, обуславливает актуализацию разнообразных языковых средств объективации концепта в тексте. Так, основным средством языковой объективации топонима ‘Одесса’ в поэтическом этюде выступает сам топоним и многочисленные прецедентные имена, большая часть которых является разного рода микропонимами, находящимися в гипонимических отношениях с основным урбанотопонимом. Жанровое своеобразие поэтического письма диктует необязательность использования в нём наименования самого топонима, однако предполагает более широкое, чем в поэтическом этюде, употребление в роли языковых средств объективации концепта ‘Одесса’ городских прецедентных имён, ситуаций, высказываний, производных от них единиц, “языковых визиток” города. Среди прецедентных феноменов в поэтическом письме одинаково часто используются прецедентные наименования районов, улиц, исторических событий, социальных групп, авторитетных лиц разных сословий и сфер деятельности, ситуаций местного быта, климатических явлений, а также выражения из одесского фольклора. В поэтическом письме закономерным является появление лексических, фразеологических, грамматических одессизмов либо упоминание о них. Для *элегий* характерными слотами концепта ‘Одесса’ являются имена, называющие обобщённые понятия, чувства, которые опосредованы привычками, традициями, ментальными и поведенческими предпочтениями одесситов. Направленность поэтической молитвы с концептом ‘Одесса’ на защиту города и его жителей диктует ситуацию, при которой основными средствами языковой объективации этого топонима в текстах такого жанра является сам топоним *Одесса* либо его родовое наименование (*город*) и наименование жителей города — антропоурбаноним *одесситы*. Для произведений всех жанров лирики характерно использование описательных конструкций, заменяющих топоним ‘Одесса’, — топонимических перифраз (наиболее часто — когнитивных перифраз).

1. *Богачинская И.* Репортаж из параллельного мира. Стихи, эссе, поэтические посвящения автору, отзывы, письма. — Нью-Йорк — М.: Peace-Maker Translation & Publishing, 2007. — 405 с.
2. *Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф.* Семантика и структура топонимической перифразы // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одеса: Астропринт, 2006. — №11. — С. 253–262.
3. *Дубровская И. А.* Под знаком стихии. Стихотворения и поэмы. — Москва: Р.С., 1991. — 200 с.
4. *Дубровская И. А.* Страна души. Стихотворения. — Одесса, 1996. — 132 с.
5. *Карпенко О. Ю.* Проблематика когнитивной ономастики: Монография. — Одеса: Астропринт, 2006. — 325 с.
6. *Кожин В. В.* Жанр // Литературный энциклопедический словарь (Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др.) — М.: Сов. энциклопедия, 1987. — С.106–107.
7. *Рядченко И. И.* Влюбленный ветер. Лирика. — Одесса: Маяк, 1978. — 159 с.
8. *Степанов Е. М.* Російське мовлення Одеси: Монографія. — Одеса: Астропринт, 2004. — 496 с.
9. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи / АН СССР, Ин-т русского языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 377 с.
10. *Ярошевский Е.* Одесса. Экологический этюд // Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах / Всемирный клуб одесситов: Сост.: Ф. Д. Кохрихт, Е. М. Голубовский, О. И. Губарь. — Одесса: Печатный дом, 2007. — Кн. 29. — С. 162–163.

L. A. Romanets

PECULIARITIES OF 'ODESSA' CONCEPT IN POETRY OF DIFFERENT GENRES

The article is devoted to definition of a verbal embodiment and realization of "Odessa" concept in different genres of Russian poetry. The author analyses some means of linguistic representation of the toponimic "Odessa" concept.

Key words: toponymical concept, poetry, lyrics, genre, language means, Odessa.

Л. О. Романець

ОСОБЛИВОСТІ ВИРАЖЕННЯ КОНЦЕПТУ 'ОДЕСА' У ПОЕТИЧНИХ ТВОРАХ РІЗНИХ ЖАНРІВ

Стаття присвячена визначенню особливостей вербального втілення і реалізації концепту 'Одеса' в російських поетичних текстах різних жанрів. Зроблено спробу подати деякі засоби мовної об'єктивації топонімічного концепту 'Одеса' в російській ліриці.

Ключові слова: топонімічний концепт, поезія, лірика, жанр, мовні засоби, Одеса.

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

УДК 811.16: 81–115: 81'442:81'37: 81:28

И. Н. Нечитайло

Формирование семантики праславянских диалектизм

Сравнительно-историческое исследование лексико-семантической системы отглагольных имен славянских языков в координатах славянской этимологии расширяет возможности воссоздания важных фрагментов формирования словарного состава праславянского языка, его диалектной стратификации и направлений миграции.

Ключевые слова: праславянский диалектизм, девербативная лексика, семантические трансформации, изоглоссы.

За общими закономерностями лексико-семантических систем генетическая и типологическая близость славянских языков подчас очень глубоко скрывает индивидуальные особенности формирования каждой национальной деривационной системы. Однако, на наш взгляд, важным средством преодоления трудностей спецификации в данной сфере могут служить рефлекс праязыка узлокального распространения, точно зафиксированные в современных славянских языках. Лексика этого вида, называемая праславянскими диалектизмами, играет серьезную диагностирующую роль в воссоздании древнейших состояний фрагментов праславянского языка на разных этапах его развития [10–12]. Изучение того, как проходили процессы образования частей речи, выявление сходств и различий в их семантике, мотивационных связей позволят по-новому взглянуть на проблему членения славянского языкового мира, подойти к ее решению с позиций семантико-словообразовательного критерия. В настоящее время фрагментарно изучены праславянские диалектизмы восточнославянских и части южнославянских языков, причем внимание обращалось на имена существительные, преимущественно сформировавшиеся в праиндоевропейскую или раннюю праславянскую эпоху по праиндоевропейским моделям. Объектом нашего исследования выбраны способы отглагольного образования праславянских диалектизм с локальным значением с целью проследить их соответствия в разных регионах Славии.

Когнитивная модель семантики мотивирующих праславянских глагольных основ строится как аналог определенного вида деятельности — биологического, физиологического, физического, компонентами ее структуры являются: 1) ядерный элемент — сама деятельность (вид действия), 2) тот, кто осуществляет действие или является источником этого действия (субъект), 3) инструмент (средство действия), 4) предмет, на который оно направлено (объект), 5) цель действия. Темпоральные и локальные параметры являются, по Е. С. Кубряковой, более отдаленными от семантического ядра глагола элементами [4:87–88]. Ядерный компонент жестко закреплен в структуре глагольной основы, а все последующие, подвергаясь метонимической трансформации, способны активизироваться и изменять свой статус среди других элементов. Основной механизм семантико-словообразовательной деривации девербативных имен — мена актуализации, т.е. веса одного из указанных компонентов. В этом состоит смысл определения семантических трансформаций глагольных праоснов, которые способны в процессе наименования воссоздавать более сложные и развёрнутые структуры в нашем сознании.

В южнославянском ареале характерной чертой праславянских диалектизм-девербативов являются отмеченные в болгарском языке названия места, производные от глаголов физического действия. Среди них глагол деформации праслав. **lamati* — итератив от **lomati*. Девербатив праслав. **lomъ* сформировался по модели “действие” → “место действия” и воплотился в болг. *лом* “яма с водой, омут”, диал. *лом* “лу́жа” (шклифов.) [13, XVI:28].

Аналогично произошел переход глагольного значения глагола воздействия праслав. **mykati*, **myrknŏti* “мочить; намочить” на название места праслав. **morŭka*, имеющее кон-

тинуантом в болгарском языке диал. *мрака* “низкая сырая местность в южном Граово и Радомирско”. Как родственные ему формы с огласовкой *-e-* указываются русск. диал. *мереча* “болото” (смол.), *меречь* “вязкое болотистое место, заросшее кустарником и мелким лесом” (орл.) [7,18:116]. Богатый ономастический материал представлен в разных славянских языковых группах: русск. *Мереча*, белор. *Морочь*, польск. *Mroczka, Mroczi, старолуж. Mrosčina, Mroscho < Mročina*, болг. *Мрака*. Родственные образования можно наблюдать за пределами славянских языков, например, латышск. *merki, mercu, mercēi* “мочить”, название места *merkinē* и др. [13, XIX:231–232].

Отглагольные существительные в сербском языке, объединенные в группу диалектизм “место действия”, образованы с формантом *-išće* от глагола деформации праслав. **lemiti*: это праслав. **lemišće*, серб. *лёмйште* ср. р. “мусорная яма, свалка”, “мусор” (черногор.) [6, XI:328].

Нередки случаи совмещения в одном слове локативного и процессуального значений, как, напр., рефлексы в южнославянских языках праслав. **kotidlo* — производного с суффиксом *-(i)dlo* от глагола праслав. **kotiti*. К ним принадлежат болг. *котило* ср. р. “логово, лежбище”, диал. *котило* ср. р. “место, где, по народным поверьям, зимуют змеи” (зап.), “рождение, род” (плевен., ихтиманск.), “место, где рождаются волчата, медвежата” (софийск.), “место, где рождаются зайцы” (доброслав., софийск.), *котилу* “гнездо (змеиное, мышинное и др.)” (врачанск.), *кутилу* ср. р. “животные одного помета” [1, I:252; 1, II:87; 1, V:26; 1, VI:187], макед. *котило* ср. р. “логово, лежбище”, “порода”, серб. *котило* ср. р. “место окота, лежка, гнездо”, “род”, “рождение” [6, X:326; 21, V:397], а также хорв. диал. *kotilo* ср. р. [13, XI:204].

Подобное явление наблюдаем при образовании локального префиксального названия праслав. **grě-jьd-lo* от основы глагола перемещения праслав. **jьti*. Слова, унаследовавшие этот девербатив и его значение, сосредоточены в хорватских и словенских диалектах: хорв. *prelo* (кайк.) “переправа на плоту, проход”, “отверстие” (белостен., винков.), словен. *gręlo* “проход” [20, 2:219; 22, III:33].

Группа отглагольных имен в сербском и хорватском языках также может быть отнесена к микросистеме диалектизм “место”, образованных от глагола поверхностного действия праслав. *lьręti*. Их образование прошло две стадии: праслав. **lьra* и (с формантом *-ikъ*) праслав. **lьrikъ*, серб. *липик, Липик* (пакрац.) “населенный пункт и баня с термальными источниками на р. Пакре, неподалеку от Пакраца”, хорв. *lipik* “липовый лес, липовая роща” [6, XI:462].

Становление семантической структуры девербатива словен. *sęd* жен. р., род. п. *sed* “шесть в курятнике” (белокран.), а также хорв. *sed kokošji* “*cubatura gallinarum*” (белостен.), *kokošji sijed* (загор.) прошло несколько этапов. Основа глагола праслав. **sędi-* обусловила образование праслав. **sebdь*, которое имело развтие значения *nomen actiones* → *nomen loci* [15, III:222].

Аналогично состоялось формирование локального названия праслав. **sьlogъ*, которое Л. В. Куркина считает соотносительным с глаголом праслав. **ležati*. Его размещение фиксируется среди диалектов болг. *слог* (софийск., ихтиманск.), серб. *слог, слóга* “гряда, цепь (гор)”, словен. *slòg, slóga* “тж.” [5:26].

В западном регионе парадигматический вариант к праслав. **myть* “место вырубки”, мотивированному глаголом **mytiti* “вырубать, корчевать”, — праслав. **myto* отобразилось в старочешском языке как *mьto* ср. р. “вырубленный в лесу участок, лесосека”, *mьto* “лесосека; участок леса, расчищенный под пашню; лес, снова выросший на вырубке” (богем. — морав.), чешск. *mьto* “вырубка”, а также *meyto, mьto* “вырубка; молодая поросль” [3, III:468; 16, II:427; 13, XXI:82]. Значение данного девербатива находится на границе значений “объект действия” и “место действия”, вследствие чего является усложненным.

Более ярким обозначением места действия является прежде всего девербатив праслав. **lęčina*, образованный присоединением суффикса *-ina* к праслав. **lęкъ* “изгиб” — производному со значением “результат действия” от глагола праслав. **lękti* “гнуть, искривлять”. Значение места действия унаследовано в ляхском диалекте чешского языка: чешск. диал. *l’аčina* “горный проход, перевал” [14:176].

В том же ареале название места действия праслав. **brestьje* — суффиксальное производное среднего рода от основы на *-i* **bresti*. В старочешском языке оно выглядело как *břstie* “брод” [16, I:104]. О. Н. Трубачев отмечал также словообразовательно-этимологический параллелизм между славянским **brestьje* и тохар. *brešciye* “ил, грязь” [13, III:15].

От праформы праслав. *čersti или более позднего варианта праслав. *čerxati произошел диалектизм праслав. *czyrslъ: его отражение видим в старопольск. czyrslъ “часть леса, на которой деревья высохли после того, как на их стволах была срезана кольцами кора” (мазов.) [13,IV:159].

Характерный при образовании отглагольных имен суффикс *-(ě)lъ выступил формантом производного от праслав. *glibati (< праслав. *gli-бъ “трясина, грязь; топкое, липкое болото” < праиндоевроп. *gleibh-) существительного праслав. *gliběль. Девербатив с локальным значением зафиксирован в польск. стар., диал. glibiel жен. р., а также gnibiel “пропасть, бездна” [3,I:523–524; 13,VI:124–125]. Судя по тому, что праслав. *gliběль имеет производные в другом языке (см. напр., серб. *глибѣлав*, прилаг., “грязный, топкий, илистый” [6,III:345], можно предположить, что анализируемая лексема имела больший ареал распространения среди славянских языков.

От глагола перемещения праслав. *lęgti с суффиксом *-ina* происходит праслав. *lęgovina. Его рефлекс на территории словинских говоров — словинск. редк. lag^oovinë “яичная скорлупа” [13,XV:56].

В западном ареале установлены ряды соответствий *nomen loci*: чешско-польскую изоглоссу образуют рефлекс праслав. *uzda (из *vǫz-ńa от праслав. *vęzati): чешск. huzda “сухие пласты без меда” (ходск.), польск. диал. węźnia “восковая основа, на которой пчелы строят соты” (в чешском варианте произошла диссимилятивная замена зубных *n* на *d* [18:192].

В восточном ареале праславянский глагол перемещения объекта *ložiti, родственный *ležati, происходит от праосновы праиндоевроп. *legh- “лежать” [3,III:212–213]. Его итератив праслав. *lagati [13,XIV:13] мотивировал праслав. *lagъ. Рефлексы данного девербатива встречаются в русских говорах *лаг* “яр, ложбина, овраг” (орл., новг., том.) [17,16:223].

Праславянское имя места действия *myvadlъn’a происходит от субстантивированного прилагательного праслав. *myvadlъnъ или от существительного *myvadlo с суффиксом *(-dl-)-ьnъ* (< праслав. *myvati) [13,XXI:88]. Его встречают в белорусском языке как диал. *мывальня* “баня” [8:264].

Производный от глагольной основы праслав. *lękti диалектизм *lęža, который сформировал русско-белорусскую изоглоссу, образован суффиксацией *(-ja)* от существительного праслав. *lęga, которое обозначало низкое сырое место, “лежащую” местность. Его продолжениями в современных русском и белорусском языках являются русск. диал. *ляжа* жен. р. “сырое топкое место (в лесу или на сенокосе)” (волог.), белор. *ляжа* жен. р. бот. “вид осоки” [13,XV:65].

Определение исконного названия для продолжений праслав. *brodъnъ следует, по нашему мнению, начать с исходного глагола праслав. *broditi, основа которого в сочетании с суффиксом *-ьnъ* дала рассматриваемый праславянизм. По мнению Р. В. Болдырева, праслав. *broditi родственно литовск. *brendù, bristi* “переходить вброд”, латышск. *bridu, brist* “бродить, переходить вброд”, тохарск. В *prešciye* “грязь”, сопоставимым с праиндоевроп. *bhred- [3,1:252–253]. Поэтому для праславянских диалектизмов русск. диал. *брóдень* “ручей, пролив среди болота с твердым песчаным дном” (псков.), “рыболовная снасть — невод” (свердл., том.), “человек, который бродит без цели” (перм., свердл., твер.) [7,3:184], староукр. *бродень* “невод (1557 г.)” [9,I:142], а также русск. *брóдни* “бахилы, обычная обувь сибиряка” (сиб.), “мужские широкие сапоги из мягкой кожи с мягкой подошвой” (урал.) [13,III:38] логично предположить, что наиболее старым является обозначение места действия — брода (псковский диалект).

Локальные значения праславянских диалектизмов-девербативов принадлежат большей частью диалектам болгарского, сербского, хорватского, словенского и русского, украинского языков. Образование праслав. *mokrūni имело двухэтапный характер: отглагольное прилагательное праслав. *mokgъ(jъ), затем существительное со значением времени, сформированным под влиянием суффикса *-uni*. Континуанты анализируемого деривата относятся к серб. диал. *мокриња* жен. р. “влага, сырость от дождя или снега”, русск. диал. *мокрыня* жен. р. “мокрое, топкое место на дороге, на лугу” (псков.) [7,18:213; 13,XIX:147].

Сербско-русская изоглосса соединяет также девербатив со значением места праслав. *gorevina, истоком которого является основа глагола праслав. *goręti с суффиксом *-v-ina*: серб. *горевина* жен. р. “пожар”, “костёр”, “обгоревшая часть предмета” [6,III:481], русск. диал. *горевина* жен. р. “выгоревшее место в лесу” (арх.) [7,7:31; 13,VII:43].

Значение локальности унаследовано праслав. *lazo от основы глагола праслав. *laziti, как и глагола с другой степенью вокализма праслав. *lęzti, в её вторичном значении “рубить, рас-

чищать, равнять, резать” от первоначального “ползти, пробираться, проходить” через степень “вырубать, расчищать, чтобы пробраться, пройти” и “влезать, чтобы вырезать”. В настоящее время праслав. *lazo воплотилось в хорв. lazo ср. р. “дыра, лаз в ограде” [21, V:935], русск. диал. *лазо* “лезвие” (псков.) (параллельно с ними праслав. *lězo — русск. яросл. *лезо* “лезвие ножа или топора”, самар. *лѣзо долота*, казан. *леза* жен. р. “лезвие ножа, бритвы”, древнерусск. *лезъ* “острие клинка”, русск. диал. *лез* “бондарный инструмент”, укр. *лезо*, белор. *лязо* “острие, лезвие”) [13, XIV:69].

Образование от глагола праслав. *gręzati, праслав. *gręza имеет южно- — восточнославянский ареал распространения. Общим происхождением объединены диалектизмы словен. gręza жен. р. “грязь” [20, I:251], древнерусск., русско-церковнослав. *грѣза*, *грѣза* “грязь, тина”, русск. диал. *грязя* муж. и жен. р. “неопрятный человек” (новг.), “вредный, плохой человек” (забайк.) [7, 7:188], укр. *грязь* жен. р. “грязь” [2, I:334; 13, VII:124].

Производное от основы праславянского отглагольного существительного *morġka название места праслав. *morġku, -tve имеет ареал рефлексации в укр. диал. *мороква*, род. п. — *ви*, жен. р. “трясина” (галицк.), *мороква*, -*ви* жен. р. “трясина, болото”, *мороква* “болото”, болг. диал. *мрака* “тж.” [13, XIX:234].

Как свидетельствует материал, праславянские отглагольные имена узколокального распространения микросистемы “место” представляют собой результат семантических трансформаций в структуре глагольных основ физического воздействия, перемещения, положения в пространстве и состояния. Наиболее частотны темпоральные названия-архаизмы в южном ареале, здесь установлены болгарско-сербско-хорватские, сербско-хорватские и хорватско-словенские соответствия. В западном ареале их распространение ограничено чешским и польским языками, а в восточном — русским и белорусским. Особую значимость приобретают этимологически связанные сербско-русские, словенско-русско-украинские, болгарско-украинские единицы.

Изучение формирования значений праславянской диалектной лексики во всех её современных локальных проявлениях позволяет глубже проникнуть в словообразовательную семантику праязыка, по-новому посмотреть на формирование и систему связей и отношений славянских языков.

1. *Българска диалектология*. — София: БАН, 1962–1967. — Т. I–VI.
2. *Грінченко Б. Д.* Словарь української мови. — К., 1958. — Т. I, II.
3. *Этимологічний словник української мови*: в 7-ми т. / За ред. О. С. Мельничука. — К.: Наук. думка, 1982–2007. — Т. 1–5.
4. *Кубрякова Е. С.* Глаголы действия через их когнитивные характеристики // *Логический анализ языка. Модели действия / Ин-т языкознания РАН / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева*. — М.: Наука, 1992. — С. 84–90.
5. *Куркина Л. В.* Праславянские лексические диалектизмы южнославянских языков // *Этимология 1979*. — М.: Наука, 1981. — С. 15–28.
6. *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. — Београд: Институт за српскохрватски језик, 1959–1978. — Књ. IX.
7. *Словарь русских народных говоров* / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. — Л.: Наука, 1961–1999. — Вып. 13.
8. *Сцяшковіч Т. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. — Мінск: Навука і тэхніка, 1972. — 619 с.
9. *Тимченко Є. К.* Историчний словник української мови. — Х.; К.: Держвидавництво України, 1932. — Т. 1, 2.
10. *Трубачёв О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // *Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*. — М.: Наука, 1963. — С. 159–195.
11. *Трубачёв О. Н.* Праславянская лексикография // *Этимология 1987*. — М.: Наука, 1985. — С. 3–19.
12. *Трубачёв О. Н.* Принципы построения этимологических словарей славянских языков // *Вопр. языкознания, 1957*. — № 5. — С. 58–72.
13. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / Под. ред. О. Н. Трубачева. — М.: Наука, 1974–2007. — Вып. 1–33.
14. *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. — Praha, 1906 (Archiv pro lexikografii a dialektologii, č. 6).
15. *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Kn. 3. — Ljubljana: Slov. Akad. Znanosti in Umetnosti. Institut za slovenski jezik, 1975–1995.
16. *Gebauer J.* Slovník staročeský. — Praha, 1903–1913. — D. 1–2.
17. *Hraste M., Šimunović P.* Čakavisch-deutsches Lexicon / Unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch // *Slavistische Forschungen 25/1*. — Köln-Wien, 1979. — T.1.
18. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. — Praha: ČSAV, 1957.
19. *Phuhl Dr.* Łužiski serbski słownik. — Budyšin, 1866.
20. *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. — Ljubljana: Knezoškobijstvo, 1884–1895. — B.1,2.
21. *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. — Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti, 1880–1967.
22. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. — Zagreb: JAZU, 1971–1973. — Knj. 1–3.

I. M. Nechytailo

FORMATION OF SEMANTICS IN THE PROTO-SLAVIC DIALECTISMS

The comparative-historical investigation of Slavic verbal nouns in co-ordinates of the Slavic etymology broadens horizons of reproduction of significant fragments of the Proto-Slavic vocabulary formation, Proto-Slavic dialectal stratification and directions of migration.

Key words: Proto-Slavic dialectism, verbal vocabulary, semantic transformations, isoglosses.

I. M. Нечитайло

ФОРМУВАННЯ СЕМАНТИКИ ПРАСЛОВ'ЯНСЬКИХ ДІАЛЕКТИЗМІВ

Порівняльно-історичне дослідження лексико-семантичної системи віддієслівних імен слов'янських мов у координатах слов'янської етимології розширює можливості відтворення важливих фрагментів формування словникового складу праслов'янської мови, її діалектної стратифікації та напрямків міграції.

Ключові слова: праслов'янський діалектизм, девербативна лексика, семантичні трансформації, ізоглоси.

УДК 811.161.1–112:82–343.5(045)

М. С. Горбунова

Структурно-жанровые особенности житийной литературы на примере “Жития Сергия Радонежского”

Статья посвящена изучению структурных особенностей списков “Жития Сергия Радонежского”, входящих в состав разных сборников XV в. Показаны текстологические различия между списками. Проведён анализ жанровых особенностей.

Ключевые слова: структура, канон, житие, сборник, список.

Житие святого — это не биография, а прежде всего описание типа его святости, описание пути к спасению. Отсюда и особое назначение житийной литературы: житие выступает как вид церковного поучения, где важно само изображение особых моментов земной жизни святого [7:87].

Жития святых создаются по особым правилам — канонам. Под каноним мы понимаем “систему устойчивых норм и правил создания художественных произведений определённого стиля” [6: 336]. При этом канон не является неким внешним ограничителем. Он “устанавливает внутреннюю, глубинную основу, на которую должен ориентироваться писатель. Внешнее выражение канона может проявляться в том или ином наборе количественно-структурных приемов создания произведений” [7:86].

Житие — это целое литературное сооружение, некоторыми деталями напоминающее архитектурную постройку. Оно начинается обыкновенно пространством, торжественным предисловием, выражающим взгляды на значение святых жизней для людского общежития [5:12]. Затем повествуется о деятельности святого, предназначенного с младенческих лет, иногда ещё до рождения, стать богоизбранным сосудом великих дарований; эта деятельность сопровождается чудесами при жизни святого. Далее следуют сопровождающие житие посмертные чудеса святого [1:335–339].

Житие обыкновенно заканчивается похвальным словом святому, выражающим благодарение Господу за ниспослание миру нового подвижника, осветившего житейский путь грешным людям. Все его части “соединятся в нечто торжественное, богослужбное: житие предназначалось для прочтения в церкви на всенощном бдении накануне дня памяти святого” [2: 324].

Обыкновенно житие писали в двух вариантах: коротком (проложном), который читался в церкви на службе, и длинном (минейном), который предназначался для чтения вслух вечерами всей семьёй.

Однако следование канону отнюдь не сводило творческий акт к механическому воспроизведению словесных формул, стилистических приемов и известных сюжетных мотивов [6:88]. Книжник не просто создавал текст жития, но при переписывании опускал или перерабатывал ту или иную черту источника. Он мог сокращать или дополнять текст при переписке “по личному разумению” или вкусу. Таким образом, текст житий от списка к списку подвергался варьированию, в результате чего появлялись разночтения в разных списках одного текста.

В своём исследовании мы обратились к сборникам XV века, хранящимся в РГБ ф. 304/1, в Собрании Библиотеки Троице-Сергиевой лавры и имеющим в своём составе списки “Жития Сергия Радонежского”: 1) № 746 (лл. 209–262). Сборник XV в. Разный почерк, в четверть, 416 листов; 2) № 763 (лл. 1–97 об.) Сборник состоит из разновременных рукописей XV в. Написан полууставом, разным, в четверть, 415 листов; 3) № 762 (лл. 33–148 об.) Сборник XV в. Написан полууставом, в четверть, 284 листа. 4) № 761 (лл. 27 об. — 159 об.) Сборник 1487 г. Написан полууставом, в осьмушку, 334 листа.

“Житие Сергия Радонежского” — древнейший агиографический памятник, посвященный известному церковному и общественно-политическому деятелю Руси Сергию Радонежскому (в миру — Варфоломею Кирилловичу), создателю и игумену подмосковного Троицкого монастыря. “Житие” составил его ученик Епифаний Премудрый. Во второй четверти XV века “Житие” переработал Пахомий Логофет.

Епифаний Премудрый, инок Троицкого монастыря и ученик Преподобного Сергия, написал самое первое Житие Преподобного через 26 лет после его смерти — в 1417–1418 годах. Для своего труда Епифаний в течение двадцати лет собирал документальные данные, воспоминания очевидцев и свои собственные записи. Создавая “Житие Сергия Радонежского”, Епифаний ориентировался на тексты южнославянской и русской агиографии и святоотеческой литературы. Он мастерски сочетал изысканный, насыщенный сравнениями и эпитетами стиль, получивший название “плетение словес”, с простым, близким к разговорному, языком. Житие в редакции Епифания Премудрого кончалось преставлением Преподобного Сергия. В самостоятельном виде эта древнейшая редакция Жития до нас не дошла, а ее первоначальный вид учёные реконструировали по позднейшим компилятивным сводам.

К авторству Епифания Премудрого сегодня причисляют Вступление или Предисловие, Похвальное слово Сергию и Молитву к преподобному, а также первые десять глав “Жития” из тридцати о посмертных чудесах святого. Помимо заканчивающей “Житие” похвалы Сергию Радонежскому, Епифанию приписывают и вторую похвалу Сергию под названием “*Слово похвално преподобному игумену Сергию, новому чудотворцу, иже в последних родах в Руси возсиявшему и много исцеления дарованием от Бога приемшаго*”.

Текст Жития сохранился в переработке Пахомия Логофета (Серба), афонского монаха, жившего в Троице-Сергиевом монастыре с 1440 по 1459 год. Пахомий писал после обретения мощей Сергия в 1422г. и основное внимание уделил чудесам, совершавшимся у гроба святого.

Описание жизни святого подверглось под пером Пахомия существенным изменениям: он сокращает пространное житие Епифания, убирает его лиризм и некоторые биографические детали, с тем чтобы сделать его пригодным для церковной службы, усиливает элемент похвалы святому в новом панегирическом стиле, удаляет нежелательные политические намёки. Пахомий изменяет стилистику, дополняет текст Епифания рассказом об обретении мощей Преподобного, рядом посмертных чудес, а также чудесами и цитатами из Священного Писания. Он создаёт службу Преподобному Сергию и канон с акафистом, придавая житию “парадную форму”. Пахомий неоднократно исправлял Житие Преподобного Сергия: по мнению исследователей, существует от двух до семи Пахомиевских редакций Жития.

Исследуемые нами редакции представляют собой разделенный на главы текст “Жития” (от рождения Сергия до самой смерти), сопровождаемый Предисловием, Похвальным словом и Молитвой к Преподобному. При этом списки № 762 и № 763 также имеют в своем составе службу 25 сентября Преподобному Сергию и Пролог (краткое Житие).

Начинається “Житие Сергия Радонежского” с прославления Бога, что было характерно для агиографической литературы, и прославления святого Сергия. Затем следует рассказ о рождении и жизни Сергия Радонежского, о его семье, о его пути к Богу и постриге в монахи, о построении лавры и монастырей.

Далее повествуется о чудесах Сергия: о создании источника, о воскрешении ребёнка, о беснующемся вельможе, о исцелении слепого. Во всех рассмотренных нами рукописях в тексте “Жития” выделены главки с собственными названиями, например: “О победе над татарами” (именно к Сергию отправился Дмитрий Донской, чтобы получить благословение пред Куликовской битвой), “О преставлении святого” (повествует о смерти святого). В списках № 746 и № 763 после главы “О преставлении святого” следует небольшая по содержанию “Похвала Святому”, не встречающаяся в остальных списках. Списки № 761 и № 762 дополнены главами “О провидении брашен” и “О лихоимце”, “О видении божественного огня”, “О преставлении Никона”.

Список № 763 отличается от остальных тем, что в нем опущены главы “О изгнании бесов молитвами Святого”, “О создании Голутвинского монастыря”, “О церкви во имя Богородицы”. Зато только в этом списке после повествования о смерти митрополита Алексея упоминается о восшествии на престол архимандрита Михаила.

В списке № 746 в главе “О составлении обители на реке Кержач” приведена молитва, не включенная в состав остальных рассматриваемых нами рукописей. Также здесь опущена глава “О Игнатии архимандрите”.

Списки № 746, № 762, № 763 содержат главу “О видении Богоматери святому Сергию” — первое свидетельство видения Богоматери русскому иноку.

Интересен тот факт, что названия глав, повествующих об одном и том же, в некоторых случаях различны (приведём некоторые из них): в списке № 746: “О умножении потребных молитвами святого” (лл. 222–223), “О видении чуда” (лл. 232–233), “О исцелёвшем человеке” (лл. 247 об–249). В списке № 761 соответственно: “О умножении молитвами святого пищи” (лл. 51–54), “О видении братства” (лл. 68–70), в главе об исцелении человека название опущено. В списке № 762 — “О умножении брашен молитвами святого” (лл. 84 об–86), “О видении святому учеников своих в образе птиц” (лл. 95–96), “О войне, избавленном от поганых” (лл. 140 об. — 143). В списке № 763 главы, повествующие о чуде появления пищи (лл. 34–35), о видении Сергием своих учеников в образе стаи чудесных птиц (лл. 42 об–44, на полях сделана пометка “Сокровенное”), о спасенном воине (лл. 74–75), приведены без названий, начало глав выделено прописной киншварной буквой.

Опираясь на полученные при сопоставлении текстов текстологические и структурные различия, можем утверждать, что рассматриваемые списки “Жития” относятся к разным редакциям.

Структурные различия, выявленные в списках, соответствуют общим тенденциям изменения текста, которые, с одной стороны, отражают общественно-исторические, идеологические явления и процессы, а с другой стороны, обусловлены “человеческим фактором” — особенностями языковой личности переписчиков. В результате анализа различий установлено, что наиболее варьируемыми оказались главы о посмертных чудесах святого, включенные в основной текст после его создания.

1. Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. — СПб., 1982.
2. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. — М., 1988.
3. Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. / Т. 7. Специальные курсы (продолжение) / В. О. Ключевский; под. ред. В. Л. Янина. — М., 1989.
4. Кусков В. В. Литература высоких нравственных идеалов // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). — М., 1982. — С. 5–22.
5. Недопасова Т. Русское юродство XI–XVII вв. — М., 1999.
6. Пак Н. И. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. — М., 2003.
7. Расстегаев А. В. Проблема художественного канона древнерусской агиографии // Вестник СамГУ. — 2006. — №5/1 (45).
8. Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси: исследования и заметки. — М., 1984.

M. S. Gorbunova

STRUCTURAL AND GENRE PECULIARITIES OF THE LIFE OF ST. SERGIUS OF RADONEZH

The article focuses on the structural peculiarities of the four versions of the life of St. Sergius of Radonezh contained in the 15th century compilations. It describes the results of research in character and genre of the narratives and adduces examples of structural and textual differences.

Key words: compilation, manuscript, structure, genre, life of a saint.

М. С. Горбунова

СТРУКТУРНО-ЖАНРОВІ ОСОБЛИВОСТІ ЖИТІЙНОЇ ЛІТЕРАТУРИ НА ПРИКЛАДІ “ЖИТІЯ СЕРГІЯ РАДОНЕЗЬКОГО”

Статтю присвячено дослідженню особливостей списків “Житія Сергія Радонезького”, які входять у склад різних збірників XV ст. Показано текстологічні відмінності між списками. Проведено аналіз жанрових особливостей.

Ключові слова: структура, канон, житіє, збірник, список.

УДК 811.161.1'04'373.4:930.272

Л. Ю. Астахина

Псевдогапаксы как явление науки об истории русского языка

Статья посвящена изучению слов, которых никогда не было в русском языке, но которые благодаря сплошной обработке большого массива лексики при работе над Словарем русского языка XI–XVII вв. постоянно выявляются в опубликованных и реже в рукописных источниках. Предлагаемый термин псевдогапаксы точно определяет сущность этой уже немалочисленной группы лексики.

Ключевые слова: историческая лексикология и лексикография, источниковедение, лингвистическая информативность, псевдогапакс, публикация, рукопись.

У Н. В. Гоголя был один герой, который любил читать и читал всё, что попадалось под руку: будь то повесть или статья из специального журнала. Встречая незнакомые слова, этот герой изумлялся: оказывается, есть слова в его родном языке, которые, как он говорил, “чёрт знает, что значат”.

Лексикограф при создании исторического словаря любого языка имеет дело с определённым объёмом лексики, организованной в миллионные картотеки. Русистам известна Картотека ДРС, по материалам которой с 1975 г. издаётся “Словарь русского языка XI–XVII вв.” (в 2008 году вышел 28 выпуск). Только лексикограф, обрабатывающий **всю** зафиксированную в картотеке лексику, может ответить на вопрос, тревоживший гоголевского героя. Вопрос же в процессе такой работы встаёт с особой остротой, конкретизируется и расширяется. Лексикограф не только отвечает на вопрос, что слово означает, но и на вопрос, **было ли** это слово в языке.

Всем известна описанная Н. С. Лесковым история появления поручика Киж. Слово “киже” О. С. Ахманова назвала в своём “Словаре лингвистических терминов” словом-призраком. Когда такие слова редки, они вызывают недоумение, улыбку, воспринимаются как своего рода курьёз.

При работе над историческим “Словарём русского языка XI–XVII вв.” таких слов уже накопилось более сотни. Следовательно, они стали своеобразным явлением, особенностью, харак-

терной для определённых источников лексики. Больше всего их встречается в изданиях рукописных памятников, реже — в самих рукописях.

То, что появляется из текстов самих рукописей, называем **описками**. Описки могут возникнуть по чисто механической причине, когда случайно переставлены буквы в слове (вм. *льготная грамота* в рукописи читаем слово *глотная* — Новгородская писцовая книга 1498 г.). Описки возникают и тогда, когда пишущий впервые встречается с незнакомым словом и записывает его, как услышал, как запомнил: вместо *исцеловые сапоги* писец написал *сытцеловые* — Кн. Антониева Сийского монастыря 1575 г. Причём дальше в этой книге тем же почерком написано несколько раз слово *исцельные сапоги*, из чего следует, что слово перестало быть для писца экзотикой.

Но больше всего встречается случаев, которые можно считать **ошибками**. Вспомним, что наибольшее количество изданий рукописных текстов приходится на конец девятнадцатого и начало двадцатого века. Это был своего рода вал публикаций, за которые чаще всего брались историки. Но и лингвисты старались не отстать. Эти публикации сейчас являются основными источниками, на материале которых составлялась Картотека ДРС для СлРЯ XI–XVII вв.

Характерно письмо А. И. Соболевского 1898 г., адресованное А. А. Шахматову, в котором он сообщает, что переписчик копирует рукопись неточно, пропускает буквы и титла. Эта сообщение проясняет способ работы с рукописью наемных писцов-копиистов, за которыми, видимо, не всегда осуществлялся контроль, необходимый для сравнения их копий с рукописным оригиналом. Поэтому в публикации “Дела патриарха Никона” [3: 204] встречаем слово *смутеник* (“*смутеникам не верит*”), которое исчезает, как только удалось рассмотреть, **что** на этом месте есть в рукописи. А там: “*смуте никакой не верит*”. Исчезает и слово *сток* (“*сток моря*”) — в рукописи — *оток моря* с начальной омегой из опубликованной Н. Субботиным грамоты Григория Неронова [8: 237].

Недавно удалось “ликвидировать” глагол *узуроснути*. Наряду с прозаическим вариантом повести о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове В. П. Адрианова-Перетц поместила рифмованный вариант и в издании 1937 г., и в издании 1954 г. [1 и 7] Но в первой публикации в подстрочном примечании приведён в качестве дополнения отрывок из Вахрамеевского списка XVIII в., хранящегося в Государственном Историческом музее, в котором и встретилось это слово: “И тут стали молодеш поговаривать: не пора ли нам, братцы, ерша внимать. И стали отведывать уши. Первой хлебнул, сказал: то то уха; другой хлебнул, сказал: тотто слаткая уха; третьей хлебнул да и сам *узуроснул*. И тут молотцам полюбилася уха...” [1:161].

При изучении рукописи оказалось, что первая буква в этом слове, принятая издательницей за древнерусский *ук*, на самом деле является буквой **в**: в других словах начальное **в** также поднимается над строкой и сильно отклоняется вправо. Третья буква, принятая за *у*, оказалась буквой **д** с незакрытой головкой и росчерком-петлей снизу, отходящим горизонтально влево. А буква **с** оказалась при рассмотрении типичной для данного почерка печатной буквой **г**, у которой крышечка отходит не только вправо, но и несколько влево, а внизу — особого рода горизонтальная подставка. Такие буквы **г** встречаются в рукописи повсеместно. Итак, слово нужно читать как “*вздогнул*”.

Другой случай помог “ликвидировать” еще один невероятный для русского языка глагол *уйтерпети*. В обширной публикации “Донские дела” сообщается о приезде в Москву донского станичного атамана Панкрата Степанова и есаула Потапа Семёнова в 1644 г. В войсковой отписке о набегах турок на казачьи юрты читаем: “и видя мы, холопы твои, к себе их лукавство и злое умышление, что хотят они нас за тем своим миром и за послами своими искутить, и, не *уйтерпя* мы, холопы твои, их лукавству для подлинных мы языков под Азов к ним казаков своих конных степью посылали” [4: 524]. Изучение лингвистической информативности рукописи показало, что слово *уйтерпя* написано с начальным *уком*, но из правого взмаха строго вниз проведён жирный росчерк, напоминающий *и десятеричное*, которое и было передано в публикации как *и краткое*. Однако издатели не рассмотрели точно такое же изображение этой же буквы в словах *умышление*, *украина* и эти слова напечатали правильно. Не было в русском языке слова *уйтерпети*, а было *утерпети*.

Примеров можно было бы приводить множество, когда написание в рукописях расходится с печатным текстом, и в картотеке и уже в Словаре появляются слова, которых не было в языке

(пенце, маштуки, киперить, трусченко, тынье, тыи и др.). Кроме слов появляются и невероятные словосочетания (например, сменные и пометные списки), которые не могли быть в русском языке [2: 326–331].

Постоянное накопление таких слов и словосочетаний было бы невозможно, если бы исследователь проводил выборочный отбор лексического материала. Но так как он вынужден изучать весь имеющийся в картотеке объем лексики, стало возможным выявление таких лексических единиц. Значительное количество их побуждает дать оценку этому явлению и определить отношение русистики к нему. Наше предложение: не называть эти слова словами-призраками вследствие их реальной фиксации в публикациях и словарях, а объединить их в группу псевдогапаксов. Отметим, что терминология с начальным псевдо- в настоящее время получает всё более широкое распространение в различных отраслях науки и практики, о чем писала в своей статье Кудрявцева в 2005 г. [6: 103–110]. Эта своеобразная приставка означает, что имеется в виду ложное, ненастоящее явление, противоположное тому, которое обозначено словом без этой приставки. Гапаксом в греческой филологии обозначается слово, которое встретилось в источниках один раз. Единичная фиксация слова и в нашей лексикографии всегда настораживает автора словаря, возникает сомнение в его реальном существовании в языке. Может быть, когда-нибудь слово это встретится еще раз. **Псевдогапаксом** же мы предлагаем называть слово (и словосочетание), о котором **наука точно знает**, что его нет и никогда не было в языке, что это доказано, подтверждено квалифицированным изучением лингвистической информативности источника.

Причины возникновения псевдогапаксов различны. Первая и главная — определённое отношение к тексту рукописного памятника. Историки, лингвисты и литературоведы по-разному относятся к тексту издаваемой рукописи. Историки ищут в рукописи истинности исторического факта, особенности языка для них становятся важными тогда, когда они затемняют или проясняют смысл текста. Литературоведам важно проследить особенности бытования, изменения и развития текста произведения на всём протяжении его существования. Они нередко строят свою публикацию, привлекая все известные списки литературного произведения. А для лингвистов каждая рукопись — это отдельный самостоятельный источник, всё их внимание направлено на особенности языка издаваемой рукописи. Отсюда в русистике сформировалось три направления источниковедения: историческое (как самое первое), лингвистическое и литературоведческое.

Скажу о лингвистическом источниковедении. В 1980 году вышла книга С. И. Коткова “Лингвистическое источниковедение и история русского языка” [5: 7–11], в которой он обосновал теоретические положения этой новой ветви русистики (первые же статьи его по этому вопросу были напечатаны в 1963 г.). Он дал всеобъемлющее понятие *источника* со стороны его содержания, способа формирования, физического состояния, места среди других источников, пригодных для исследования языка. Здесь же он обосновал понятие *лингвистическая содержательность* и *лингвистическая информативность*. В рецензии на его книгу был высказан справедливый упрек в том, что он мало уделил внимания лингвистической информативности. Теперь, когда историческая лексикография в своих поисках идентификации русских слов постоянно обращается к рукописным оригиналам, становится очевидной важность положений лингвистического источниковедения для таких поисков. Именно изучая лингвистическую информативность письменного памятника, можно с уверенностью подтвердить наличие или отсутствие в языке тех или иных слов и словосочетаний. Таким образом происходит внедрение теоретических положений новой ветви русистики в практическую работу по созданию исторического словаря.

1. Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. — М.: Л., 1937.
2. Астахина Л. Ю. Слово и его источники: Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. — М., 2006.
3. Дело о патриархе Никоне. — СПб., 1897.
4. Донские дела // Русская историческая библиотека. — СПб., 1906. — Т. 24.
5. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — М., 1980.
6. Кудрявцева И. Г. Эволюция процессов словообразования и морфемообразования в системе субстантивной префиксации // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Материалы Всероссийской Академической школы-семинара. — СПб., 2005. — С. 103–110.

7. *Повесть о Ерше Ершовиче* // Русская демократическая сатира XVII века. — Подгот. текстов, статья и комментарии чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1954. — С. 7–19.
8. *Челобитная Неронова* вселенским патриархам о рассмотрении его дела // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией “Братского слова”. — М., 1874. — Т. 1. — С. 224–240.

Л. Ю. Астахіна

ПСЕВДОГАПАКСИ ЯК ЯВИЩЕ НАУКИ ПРО ІСТОРІЮ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ

Статтю присвячено дослідженню слів, яких ніколи не було в російській мові, але які завдяки суцільно-му опрацюванню великого масиву лексики при роботі над Словником руської мови XI — XVII ст. постійно виявляються в опублікованих і, рідше, в рукописних джерелах. Пропонований термін *псевдогапакси* точно визначає суть цієї вже досить численної групи лексики.

Ключові слова: історична лексикологія та лексикографія, джерелознавство, лінгвістична інформаційність, псевдогапакс, публікація, рукопис.

L. Yu. Astakhina

PSEUDO-HAPAX AS PHENOMENON OF THE RUSSIAN LANGUAGE HISTORY SCIENCE

The article is devoted to the words which never appeared in Russian, but were constantly discovered in the Russian Dictionary of XI–XVII cc. and in the hand-written sources while working with the big corpus of vocabulary. The suggested term *pseudo-hapax* defines the main point of this numerous lexical group.

Key words: historical lexicology and lexicography, source study, lexical data, pseudo-hapax, publication, manuscript.

УДК 811.161.1'282.4'373.612.2:114

Л. В. Калинина

Нравственная оценка в диалектной пространственной метафоре

В статье анализируется номинативная модель *пространство*, формирующая лексико-семантическое поле нравственной оценки. Аргументируется следующий вывод: наименования пространственных обобщённых ценностей концептов “правда”, “ложь”, “справедливость”, “щедрость”, “жадность” и др. для диалектоносителей оказываются недостаточно мотивированными, что влечёт за собой привлечение понятной, бытовой лексики для номинации данных абстрактных понятий. Для анализа привлекаются метафоры, сохранившие свою внутреннюю форму. Мотиваторами в данной группе выступают лексемы, представленные преимущественно в оппозициях *верх — низ, прямо — криво, далеко — близко*. В качестве источников используются материалы диалектных словарей, а также авторские записи речи диалектоносителей Харьковской области.

Ключевые слова: русский язык, диалект, метафора, нравственная оценка, пространство.

Исследование проблемы реконструкции диалектной картины мира и разработка способов её концептуализации посредством языковых единиц находятся на своём начальном этапе. При этом абстрактная диалектная лексика, в том числе и лексика моральной оценки, чрезвычайно слабо изучена, хотя диалектологами давно признан тот факт, что диалектный материал позволяет раскрыть новые стороны языковой картины мира русского народа. Основная причина, по-видимому, в сложности выявления подобных лексем. При полевом сборе материала информацию об абстрактных понятиях, особенно о жизненных ценностях, трудно вычленивать и классифицировать. В программах для сбора диалектной лексики вопросов, касающихся нрав-

ственных оценок, крайне мало. Все они сводятся к описанию характеристик человека (напр.: “Как называют людей, которые не любят работать; людей, которые берут чужое; людей, которые важничают?”). Кроме того, информаторы, сталкиваясь с подобными вопросами, обычно либо перечисляют общеизвестные лексемы литературного языка: *ленивый, важный, жадный* и т.д., либо вообще отказываются отвечать.

Ю. С. Степанов понятие внутренней морали, нравственных норм человека называет “нравственным законом”, однако отмечает, что подобное название архаично и в современном русском языке не употребляется. Одной из причин утраты термина “нравственный закон”, как считает учёный, является “стыдливость, с которой мы сталкиваемся при описании интимных духовных концептов” [15: 772].

С подобной “стыдливостью” мы встречаемся и при изучении диалектного материала. С той лишь разницей, что в говорах она проявляется в большей мере. Моральность поступков определяется как содержанием и результатом произведенного действия, так и в не меньшей степени *намерением*, с которым оно было совершено, что существенным образом отличает моральность от законопослушности, приспособленчества, прислужничества или прилежности. “Изнутрипобудительный” характер императивности морали получает отражение в понятиях *долга* и *совести* [9:610]. Исходя из собранного полевого материала, можно предположить, что именно понятие *совести* является основным критерием нравственной характеристики человека для диалектоносителей. Ср.: *И кажутъ: останется не вим кому ваше богатство, ваше все царство. А я вам скажу так: совесть и справедливость должна быть, дети. Совесть и справедливость.* (Протопопова Мария Ионовна, 1927 г.р. с. Гурьев Казачок Золочевского района Харьковской области); *Люди здоровей булы, детка. И по характеру булы вежливей, простей. Совесть было больше.* (Гурьева Праксодия Семеновна, 1938 г.р. с. Гурьев Казачок Золочевского района Харьковской области).

Однако если понятие *совести* рефлексивируется диалектоносителями, другие нравственные категории обычно остаются за пределами их актуального сознания. Моральные понятия существуют преимущественно на уровне архетипов, которые заложены в подсознании и всплывают в зависимости от ситуации общения, поэтому специфические диалектные лексемы, как правило, эмоционально-экспрессивны и появляются чаще всего в особых коммуникативных условиях.

Один из путей исследования подобной лексики — выявление, систематизация и изучение определенных номинативных моделей, формирующих соответствующие лексико-семантические поля. Лексические мотиваторы, формирующие номинативную сферу моральной оценки, можно условно разделить на три группы: процессуальные, субстанциональные и атрибутивные.

Первая группа наиболее многочисленна, в ней мотиваторами являются лексемы с пространственным значением, представленные преимущественно в оппозициях верх — низ: (*выситься* ‘кичиться, гордиться’ Том.), далеко — близко (*ближничать* ‘лстить’ Нижегород.), прямо — криво (*кривлять* ‘говорить ложь, неправду’ Псков., Твер.) и др.; глаголы движения (*недвига* ‘ленивый человек’ Курск.); лексемы, обозначающие мануальные действия (*похватный* ‘завистливый, падкий на чужое’ Пск.); номинации, связанные с актом говорения (*балаболка* ‘бездельник’ Костром.) и др.

Ко второй группе относятся антропоморфные мотиваторы (соматизмы: *пригубина* ‘скрытный человек’ Новгород.); биоморфные мотиваторы (зоометафоры: *жеребёнок* ‘лентяй’, растительные метафоры: *коряга* ‘о скупом человеке’ Олон.); фетишные мотиваторы (наименования артефактов: *иголка* ‘скряга’ Пск., Твер. натурфактов: *намастить* ‘нальстить’); анимические мотиваторы (*заогневать* ‘начать врать’ Тобол.) и др.

Третью группу объединяют качественно- и количественно-характеризующие признаки: квантитативные оппозиции (пустой — полный: *неполный* ‘завистливый’ Смол., много — мало: *меньшиниться* ‘скупиться’ Твер. и др.), качественные характеристики (жесткий — мягкий: *разрыхлиться* ‘сделаться щедрым’, полезный — вредный: *надобный* ‘добрый’ Псков.) и др.

При этом следует отметить, что поле морально-этической оценки в диалектном языке представлено широким спектром номинаций, заимствованных из сферы конкретной лексики. Повидимому, в данном случае наблюдается реализация двух тенденций: во-первых, характерной для диалектного языка общей тенденцией к мотивированности лексических единиц (абстрактные общерусские наименования ценностных концептов, такие как *правда, ложь, добро, зло, справедливость, щедрость, жадность* и др., являясь для большинства диалектоносителей немотиви-

рованными, вытесняются в диалектной речи лексемами с прозрачной внутренней формой), а во-вторых, тенденцией к номинации абстрактных понятий посредством конкретных образов.

Попробуем подтвердить данную гипотезу на примере пространственных метафор, а именно оппозиции *верх-низ* как источника формирования диалектной лексики моральной оценки.

По мнению ученых, в формировании пространственных номинаций проявляется принцип, сформулированный в древности Протагором: *Ното mensura* — “Человек — мера всех вещей” [2:128]. В. Н. Топоров, говоря о пространстве в мифопоэтическом сознании, отмечает, что для его описания часто использовался антропоморфный код, “своеобразное “очеловечивание” вселенского пространства через его связь с частями человеческого тела: подножье горы, горный хребет, устье реки, глава горы, горловина и т.д., а также понятия правое/левое, верх/низ и др.”. [16:235]. В сфере моральной оценки, напротив, происходит обратный процесс — перенос пространственных характеристик внешнего мира на человека. Благодаря языку предметного пространства “внутренний мир человека параметризуется, а параметры внешнего мира психологизируются, кроме того, заведомо не имеющие единиц измерения явления получают количественную интерпретацию, имеющую аксиологический смысл” [12:108]. Ряд исследователей (А. Д. Шмелёв, Н. К. Рябцева, В. Г. Гак и др.) отмечают, что пространственные модели определяют в языке этническое, социокультурное своеобразие ценностных картин мира, “выступая в роли социальных, бытовых, духовных проявлений человека” [6:297].

Давно замечено, что пространственные метафоры отличаются четкой организованностью и существуют в оппозициях. Нравственные оценки человека в диалектном языке могут раскрываться в образах пространственной локализации (близко/далеко, высоко/низко, право/лево, прямо/криво и др.). Е. С. Яковлева указывает на то, что “в лингвистическом отношении система пространственных координат формирует пространство этики и является поставщиком нравственных оценок, ср. *высокий / низкий ум, низменные инстинкты, низменные помыслы, правое дело и левая работа*” [18:272].

При этом следует отметить, что в диалекте аксиологический механизм формирования оценки на базе пространственных представлений проявляется наиболее ярко. Это можно объяснить тем, что “образно-переносные значения развиваются в диалектных системах на основе конкретно-чувственных, конкретно-наглядных образов, на основе признаков, находящихся опору в опыте носителей говоров” [6:303].

Для большинства культур оппозиция *верх / низ* является наиболее значимой, поскольку “мифологические картины изображают мир преимущественно по вертикали” [8,2: 233]. Исследователи указывают на то, что традиционно координата “верх” используется для положительной оценки, объясняя это мифологическими и физиологическими факторами. Дж. Лакофф и М. Джонсон относят подобные метафоры к ориентационным. Эталонное расположение в пространстве человеческого тела — вертикальное, поэтому, по мнению исследователей, вертикальные пространственные ориентиры становятся базой для положительной и отрицательной оценки. Отсюда возникают оппозиции: счастье — верх, грусть — низ, здоровье и жизнь — верх, болезнь и смерть — низ, добродетель — верх, порок — низ и др. [3:396–402]. Вертикальное положение тела человека подчиняется закону тяготения, делающему естественной ассоциацию идеи высоты или подъема с идеей превосходства, в том числе нравственного, эстетического, а идеи низа, падения — с идеями греха, порока и хаоса [1:76].

Помимо связи пространственных ориентиров и расположения человеческого тела в пространстве, выделяют также мифологическо-религиозные основы формирования оценки. “Все нравственные категории, выражаемые языком пространств, противопоставлены по вертикальной оси, что изначально связано с религиозными представлениями: на небе — бог, в бездне — преисподняя” [5:295]. Зачастую данная оппозиция “трактруется как противопоставление неба и земли, вершины и корней мирового древа” [8,2: 233].

Итак, образ пространственной локализации со значением “низ” даёт преимущественно отрицательную оценку: *нищий* ‘подлый, бесчестный, низменный’ *Нищая твоя душа. Смол.*; ‘хитрый, ловкий, пройдошливый’ *Який этый хлопец нищий Брян.*; *Ты его не знаешь, он крепко нищий человек. Зап. — Брян.* [13, 21:243].

Признак высоты в современном русском литературном языке является преимущественно положительно маркированным (ср. *высокие мысли, высокие чувства, высокодуховный, высоконаправ-*

ственный и т.д.). Однако в диалектном языке подобные пространственные метафоры получают отрицательные коннотации со сквозным значением 'гордиться': *вышехаб* 'гордый, надменный человек' **Арх.**; *вышехабить* 'гордиться, чваниться' **Арх** [13, 6:59]; *высѣха* 'гордячка, надменная, надутая женщина или девушка' **Твер., Пск.** [13, 6:19]; 'гордая, надутая' **Твер.** [4:30]; *вЫсится* 'кичиться, ставить себя выше других, гордиться' *Кичливый ум высится и величается* [Даль, без указ. места] *Из колхоза выкинули, пускай теперь высится* **Том.** [13, 6:19]; *высистый* 'гордый, чванливый' **Пск., Твер.** [13, 6:19]; *высокоумный* 'гордый' **Орл.** [13, 6:26]. По видимому, подобная глубинная мотивация наблюдается и в лексемах *кичижиться* 'гордиться, чваниться' **Волог.** [10:83]; *кичень* 'гордец, кичливый' [4:80], поскольку они этимологически родственные *кичиться*, первоначально означавшему "поднимать чуб" (от *кика* "женский головной убор", "волосы" [17, 2:231]), ср. *нахохлиться*).

Негативные коннотации пространственной координаты "верх" в сфере моральной оценки можно объяснить влиянием христианской идеологии. По данным древнерусского и церковнославянского словарей эпитет "высокий" в составе наименований человеческих качеств обладает отрицательной характеристикой: *высокомыслити* 'возвышаться, гордиться'; *высокопаривый* 'заносчивый'; *высокосярдыи* 'высокомерный, заносчивый'; *высокоумие* 'гордость, заносчивость' [14: 451–452]; *высокий духомъ* 'высокомерный'; *высокий умом* 'высокомерный, надменный'; *высокое сердце* 'гордый дух, гордость, надменный'; *высокоглаголанье* 'похвальба, хвастовство'; *высокомудренный* 'много мечтающий о себе, надменный' и пр. [11:111].

В говорах отразилась связь с христианской идеей смирения, согласно которой высокие мысли и высокие чувства расцениваются как проявление гордыни. **Ср.:** в противовес этому у лексемы *низкий* появляется значение мелиоративной оценки: 'простой, незаносчивый': *Низка стала — перестала важничать* **Смол.** [13, 21: 226]. Согласно христианской традиции душа должна стремиться к Богу, к небесам, однако подобное стремление смертного, телесного человека расценивается как попытка стать равным Богу, а значит, является греховным проявлением гордыни.

Один из вариантов образа пространственной локализации по оси *верх — низ* манифестируют лексемы, исходную семантику которых можно определить как 'сгибаться, прогибаться, клониться', напр. *сгибенться* 'ломаться, чваниться, важничать' **Твер.** [4:239] *изгибЕня* 'лестивый человек' **Киров** [12, 12:116]; *гйѣнка* 'прозвище человека, который любит кокетничать, ломаться' **Волог.** [12, 6:239]. Л. И. Ермоленкина, исследуя подобные метафоры, мотивирует их появление представлениями человека о норме расположения его тела в пространстве. Так, в данном случае *гнуть* является усеченным вариантом фразеологизма *гнуть спину*. Спина — основная вертикаль в теле человека. В случае употребления слов и выражений "гнет спину", "гнется", "ломается" в значении "угодничает", метафорический смысл оценки интерпретирует такое положение тела человека как нарушение его вертикального положения (спина воспринимается как своеобразный моральный хребет человека, которому надлежит, согласно поведенческой норме, быть *прямым, не гнущимся*) [6:311]. Тот же принцип прослеживается и в образовании метафор с исходным значением 'кланяться': *низкопоклОнливый* 'низко кланяющийся, заискивающий, лстящий' **Яросл.**; *низкопоклОнный* 1. 'то же, что низкопоклонливый' *Уж ты староста церковный, старичок низкопоклонный! Ты в казну деньги собираешь, сам карманы набиваешь* [песня]. **Новг.** [13, 21:227], однако возможна и положительная оценка, ср. *низкопоклОнный* 2. 'вежливый, обходительный' *Хороший парень он такой, низкопоклонный, чистоплотный* **Яросл.** [там же]. В данном случае в метафоре сохранилась архаичная поведенческая норма, принятая на Руси (кланяться при встрече).

Мотивированность оценочных метафор со значением 'опускаться, падать' можно объяснить двумя факторами: во-первых, в этом случае наблюдается смещение точки координат вниз, во-вторых, происходит изменение вертикальной плоскости (которая является нормой для человеческого тела) в горизонтальную. То есть происходит двойное отклонение от нормы, что влечет за собой появление метафор с широким спектром отрицательной оценки: *палОй* 'упавший, павший. Говорится о человеке в отношении к его нравственному характеру' **Волог.** [4:172]; *падла* 1. 'лстец' 2. 'низкий, подлый человек' **Твер.** [4:172]; 'лстец; подлец' **Пск., Твер.** *Уворовал все, по-прятал где-то, падла ты, падла.* **Латв. ССР, Эст. ССР, Лит. ССР.** 5. 'о развратной женщине' **Сиб.**, 6. 'о презренном, подлом человеке'. **Сиб.** [13, 25:131]; *припАдать* 'лстить' **Твер.** [4:214]; *падинник*

'паль, стерво' **Твер**. [4:172]; *пАдлина* и *падлИна* 2. 'о презренном, ничтожном человеке' **Смол.**; *пАдло* и *падло* 7. 'о развратном мужчине' **Тобол**. [13, 25:132] *пАдлый* 'хитрый, плутоватый' *Ох и падлый мужичонка, ох и падлый*. **Арх.** [13, 25:133]; *пАдкий* 'завистливый' **Арх.** [13, 25:131]. Мотивирующим признаком образ падения выступает также в лексемах *листопадный* 'гадкий, мерзкий; пресмыкающийся' **Дон**. [13, 17:69], *западЕнь* 'скрытный, лукавый человек' **Пск.** (ср. *западня*) [13, 10:297] и *заваль* 'сволочь, всякий сброд' **Арханг.** [4:321]. В данных метафорах представлены отрицательные нравственные оценки различного уровня абстрактности, от названия конкретных пороков (подлость, лесть, разврат и др.), до общей пейоративной оценки ('о плохом человеке').

Продуктивность данной модели демонстрирует аксиологическую зависимость понятий пространства и нравственной оценки. Образы верха и низа в русской культуре являются архетипами, их противопоставление отражено в архаичных представлениях о структуре макрокосма (мир в целом, мировое дерево и т.д.), микрокосма (человек), социального коллектива. При этом обычно (до образования последующих более поздних представлений, предполагающих многоступенчатую структуру) *верх* связывался с положительным началом, а *низ* — с отрицательным [7:99–100]. Подобное противопоставление отчасти сохранилось в русском диалектном языке, однако на архаичные представления о верхе и низе накладывается христианская этика, согласно которой возвышение человека является признаком гордыни и воспринимается негативно.

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова — М.: Наука, 1988. — 388 с.
2. Гак В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка: Языки пространств / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Яз. рус. культуры, 2000. — С. 126–135.
3. Дж. Лакофф, М. Джонсон Метафоры, которыми мы живем / Лакофф Дж., Джонсон М. // Теория метафоры: сборник. — М.: Прогресс, 1990. — С. 387–413.
4. Дополнение к опыту областного великорусского словаря. — СПб., 1858. — 201 с.
5. Ермакова О. П. Пространственные метафоры в русском языке / О. П. Ермакова // Логический анализ языка: Языки пространств / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Яз. рус. культуры, 2000. — С. 289–298.
6. Ермоленкина Л. И. Пространственные метафорические модели этико-эстетической оценки / Л. И. Ермоленкина // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. — Томск: UFO-plus, 2007. — С. 296–325.
7. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. — М.: Наука, 1965. — 245, [1] с.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл.ред. Токарев С. А. — М.: "Советская энциклопедия". — Т. 2. — 1982. — 720 с.
9. Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль. — Т. 3. — 2000 с.
10. Опыт областного великорусского словаря. — СПб., 1852. — 274 с.
11. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений): пособие / сост. Г. Дьяченко. — <http://www.slavdict.narod.ru/>
12. Рябцева Н. К. Размер и количество в языковой картине мира / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка: Языки пространств / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Яз. рус. культуры, 2000. — С. 109–116.
13. Словарь русских народных говоров / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. — Л., 1965–2006. — Т. 1–40.
14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. / И. И. Срезневский — М.: Знак. — Т. 1. — 2003. — 776 с.
15. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — 2. изд., испр. и доп. — М.: Акад. Проект, 2001. — 989 с.
16. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику / В. Н. Топоров // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. — М.: ГРВЛ, 1988. — С. 232–245.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер — М.: Прогресс. — Т. 2. — 1986. — 672 с.
18. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия) / Е. С. Яковлева — М.: Гнозис, 1994. — 343 с.

L. V. Kalinina

MORAL EVALUATION IN THE SPACIAL DIALECT METAPHOR

This article studies the nominative model called *space*, which forms lexical and semantic field of moral evaluation. Grounds are given for making the following conclusion: names of abstract and generalized values and concepts, such as the *truth, lie, evil, justice, generosity, greed* and others are insufficiently substantiated for dialect speakers, which entails involvement of understandable, everyday vocabulary for such category of abstract notions. Metaphors, which maintain their own internal form, are used for analysis. Motivators for this group are lexemes presented mostly in opposition: *top-bottom, straight-curved, far-close*. Dialect dictionaries, as well as voice records of dialect speakers from Kharkiv region are used as data sources.

Key words: dialect language, metaphor, moral evaluation, space.

Л. В. Калініна

МОРАЛЬНА ОЦІНКА В ДІАЛЕКТНІЙ МЕТАФОРІ ПРОСТОРУ

У статті аналізується номінативна модель *простір*, яка формує лексико-семантичне поле моральної оцінки. Аргументується наступний висновок: номінації узагальнених цінностей концептів, таких як “правда”, “обман”, “справедливість”, “щедрість”, “жадність” та ін. для діалектоносіїв виявляються недостатньо мотивованими, що спричиняє залучення зрозумілої, побутової лексики для номінації даних абстрактних понять. Аналізуються метафори, що зберегли свою внутрішню форму. Мотиваторами в даній групі виступають лексеми, представлені переважно в опозиціях: верх — низ, прямо — криво, далеко — близько. Джерелами виступили матеріали діалектних словників, а також авторські записи говірок Харківської області.

Ключові слова: діалект, метафора, моральна оцінка, простір

УДК 811.161.1'282(477.74)

Л. Ф. Баранник

**Специфика переселенческих говоров Одесской области:
лексический аспект**

В статье выявлены основные лексико-семантические особенности русских островных говоров Юга Украины, которые более 200 лет функционируют в разноязычном окружении (украинском, болгарском, молдавском, гагаузском и др.) в отрыве от основного русскоязычного и материнского, южнорусского, массива. Иноязычное окружение способствует не только сохранению многих диалектизмов, утраченных в говорах метрополии, но и проникновению заимствований из соседних языков и диалектов, что порождает лексико-семантическое своеобразие русских островных говоров Юга Украины и приводит к особому развитию их лексической системы.

Ключевые слова: русская диалектология, южнорусские островные переселенческие говоры, межязыковые контакты, лексическое заимствование.

Русские говоры Юга Украины — Одесщины являются вторичными, переселенческими, островными. Длительное время (более 200 лет) они функционируют в разноязычном, разнодиалектном окружении (украинском, болгарском, молдавском, гагаузском и др.), в отрыве от основного русскоязычного и материнского, южнорусского, массива. Исследуемые говоры представляют собой по существу настоящий лингвофеномен, своеобразную “живую лабораторию языка”: в них можно наблюдать контакты между различными говорами одного диалекта, между разными диалектами одного языка и между разными языками как близкого, так и отдаленного родства. Характеризуются они массовостью и относительной одновременностью переселения на новую иноязычную территорию, изолированностью от материнских диалектов, сложностью

иноязычного и инодиалектного окружения разной степени родства, лингвистическим, этнокультурным и конфессиональным своеобразием.

История возникновения русских селений на территории нынешней Одесской области тесно связана с историей заселения Бессарабии. Возникли они в южной части Бессарабии, известной под названием Буджак. Буджаком (по-турецки *буджак* — угол) этот край называли татары и турки, господствовавшие здесь в XV–XVIII вв. В результате освободительных войн России с Турцией в 1812 г. по Бухарестскому миру Бессарабия была присоединена к России. Царское правительство предприняло заселение пустующих бессарабских земель. Стремясь быстрее заселить Буджак, оно решило привлечь в эти места иностранных колонистов — болгар, немцев, швейцарцев и др.

Первыми явились в Буджак запорожские казаки [2:138–139]. Вскоре в буджакские степи двинулись крестьяне из центральных областей России, переселенцы из Германии, Польши, Турции, Швейцарии. Прибывали и молдаване, болгары, сербы, гагаузы, цыгане. Вследствие этого Буджак приобрел своеобразную национальную пестроту, в значительной мере сохранившуюся и до наших дней. Национальный состав Буджака (Аккерманский, Измаильский, Бендерский уезды) уже в 1818 г. был очень пестрым. Население Буджака составляло 90061 человек, из них молдаван было 33307, или 36,98 % всего населения, болгар — 19329, или 21,46 %, украинцев — 16144, или 17,93 %, немецких переселенцев 8284, или 9,2 %, русских — 8049, или 8,94 % и т.д. [5:36]. В течение 1828 г. из внутренних губерний России и Украины прибыло 1306 семей (главным образом из Курской, Орловской, Рязанской, Полтавской, Таврической губерний) в составе 6507 человек. Переселенцы образовали на новых местах 18 сел (16 — в Аккерманском уезде и 2 — в Бендерском). В 1830 г. движение государственных крестьян в Буджак наблюдалось только из Курской губернии — 955 человек м. п. (из Обоянского уезда 768, Тимского — 68, Суджанского — 67, Курского — 37 и Щигровского — 15) [4: 56]. Русские переселенцы основали в Аккерманском уезде села Васильевку, Введенское, Вознесенское, Павловку, Спасское, Ярославку, деревни Борисовку, Дмитриевку, Ивановку, Корячки, Сергеевку, Петропавловку, Успенскую, Николаевку, Семеновку, Петровку, Покровку, Ярославскую, в Бендерском уезде села Троицкое и Михайловку, в Измаильском — Муравьевку. Русские переселенцы оказались в разноязычном окружении. По соседству с ними находились украинские, болгарские и молдавские села, а также немецкие колонии. Население Буджака, междуречья Днестра и Дуная, где расположена большая часть русских сел, по-прежнему многонационально. По итогам Всеукраинской переписи 2001 г. украинцы составляют в этом регионе 35,8 %, болгары — 24,8 %, русские — 17,7 %, молдаване — 15,25 %, гагаузы — 4,6 %, др. — 1,9 %. Профессор П. Е. Гриценко, директор Института украинского языка НАНУ, отмечает, что лингвистическая феноменальность данного региона “...полягає: а) у його латеральності — говірки кожної з мов (українські, російські, румунські, гагаузькі) становлять або межову зону поширення (далі поширена інша мова), або діалектну анклав (болгарські) в інодіалектному оточенні; б) у мовній / діалектній строкатості — наявності умов для багатосторонніх афронтальних контактів; в) у змінах наддіалектних форм комунікації: літературними мовами, які в різний час мали неоднакову сферу поширення, у регіоні (в усьому чи його частинах) були російська, румунська, українська, болгарська” [3: 3].

Иноэтническое окружение, в котором около 200 лет функционируют русские переселенческие говоры Одесской области, способствовало консервации в их словарном составе архаической лексики. Русские переселенческие говоры характеризуются устойчивостью своей системы, в том числе и лексической, наличием ярко выраженной тенденции к “самосохранению”. Лексика русских говоров Одесщины хранит много древних слов — реликтов общеславянского и исконно русского происхождения. В них до сих пор употребляются общеславянские и древнерусские слова: *вервь* (*верь*) 'веревка', *мброк* 'ненастье', *молонья* 'молния', *брезг* 'рассвет', *сбром* 'срам', *сбромно* 'стыдно', *перст* 'палец', *руда* 'кровь', *свьякры* 'свекровь', *днесь* 'сегодня', *лётось* 'в прошлом году', *позалетось* 'в позапрошлом году' и др. А также лексемы, сохранившие древнюю семантику (*бесёда* 'собрание, общество', *тёмный* 'слепой', *сла́дкий* 'вкусный', *туго́й* 'трудный', *ту́го* 'трудно', *ну́жа* 'бедность, нужда', *ну́жный* 'бедный', *ко́поть* 'пыль', *соха́* 'сук, кол, подпорка с развилиной', *німець* 'немой', *стра́нный* 'чужой, пришедший из других мест', *пыта́ть* 'спрашивать', *огоро́д* 'забор, ограда' и т. п.)

Как правило, архаизмы бытуют в речи старшего поколения, информантов, родившихся до 1945 г. Встречаются они и у части информантов среднего поколения (родившихся после 1945 г.). Младшее поколение (родившиеся после 1975 г.) этих слов не знает.

В речи информантов всех поколений функционирует большое количество лексем, характерных для южнорусского наречия, что свидетельствует об устойчивости словарного состава русских переселенцев. Степень устойчивости данной лексики определяется не только большим количеством активно употребляемых материнских слов, но и тем, что они, за немногими исключениями, не подверглись смысловым изменениям, сохраняют исконную семантику. Наиболее устойчивы в семантическом отношении такие лексико-тематические группы, как термины родства, наименования людей по их физическим и другим особенностям, обрядовая лексика, слова, обозначающие явления природы, флоры и фауны. Например: *братэник* 'брат', *братан* 'двоюродный брат', *няня* 'старшая сестра', *сродственник* 'родственник', *букатый* 'толстый', *вахлатый* 'нерасторопный, ленивый', *гладкий* 'полный', *стылый* 'вредный', *умильный* 'милый'; *своды, пропой, девішник, свадьбишний*; *жіто, бўльба, вишенник*; *негода, северка* 'сырая, мглистая погода при северном ветре' и др.

Длительное функционирование русских островных говоров Одесщины в отрыве от основного языкового массива, южнорусских диалектов, взаимодействие с языками близкого и отдаленного родства не могло не сказаться на их лексической системе. Словарный состав русских говоров пополнялся и продолжает пополняться заимствованиями из украинского языка и его диалектов, из болгарских и молдавских говоров, которые отражают специфические особенности местных условий быта, экономики, материальной и духовной культуры соседних этносов. Как правило, это слова, которые обозначают новые реалии, прочно вошедшие в жизнь русских переселенцев. К ним относятся, например, украинизмы: *ванно, ганок; капуста, вареники, вареницы; ваганы, карпётки, черевіки; молотарка, сивалка, сельрада, Верховна Рада* и др.; молдаванизмы: *вертута, плачинта (плацында), мамалыга, малай, бонда, набт, жардэля, пруня, мирабэля*; болгаризмы: *патлажаны (патладжаны), каварма, пастрамэ, сливовица, магарь (магар), магаріца, градина, градинар* и др.

Такие лексические заимствования укореняются в русских говорах настолько, что утрачивают свою инородность, активно ассимилируются ими, подчиняясь их фонетико-грамматической системе, полностью осваиваются семантически и функционально [1: 105–110].

Длительное межъязыковое и междиалектное контактирование, изоляция от материнского диалектного массива способствует появлению в русских островных говорах значительного количества новообразований, возникающих как на базе исконно русских (литературных и диалектных), так и заимствованных слов и корней: *веер* 'вентилятор', *ледник* 'холодильник', *гарага* 'долговязый, худой человек' (от болг. диал. *гарага* 'подпорка под виноградный куст'), *виски* '-парик', *гармановка* 'сбор урожая', *гармановать* 'собирать урожай' (от молд. *хэрман* 'ток') и др.

Укореняясь в русских говорах, заимствования вступают в лексико-семантические связи с русскими местными и литературными словами, что приводит к появлению в островных говорах большого количества лексических дублетов и синонимов.

По степени употребительности компонентов в группе дублетов, состоящих из заимствованного и русского слова, выделяются, во-первых, дублеты с преобладающим в употреблении русским компонентом: *кочет — петух — півень — петел* (в данном синонимическом ряду более употребительным является русское диалектное *кочет*), *кнут — батыг, крыльцо — ганок, колбдец — криница, поле — лан, гражданин — громадянин, государство — держава, баран — овен, стена — дувар, бревно — гринда*, во-вторых, дублеты с более употребительным иноязычным компонентом: украинским: *горіще — потолок — чердак; серныки — спички, болото — грязь, вечеря — ужин, горилка — водка, грбиши — деньги, крыга — льдина, ставок — став — пруд, позичать — занимать, спивать — петь, ховать — прятать, шукать — искать* и мн. др., болгарским: *куркан — индюк, магарь — осел, калиба — конура*, молдавским: *прашевать — подбивать — сапать, папушбй — кукуруза* и т.п.

Зачастую дублеты, состоящие из русских и заимствованных компонентов, дифференцируются стилистически, распределяясь по разным сферам употребления. Так, в разговоре с украинцами русские, как правило, пользуются украинскими лексемами, с молдаванами — молдавскими, с болгарскими — болгарскими.

Нередко от корней лексических заимствований по русским словообразовательным моделям в островных говорах образуются производные слова. Так, на базе заимствованного у болгар слова *магáрь* 'осел' в говоре сёл Вознесенка и Павловка Арцизского района образованы *магарёнок*, *магарёночек* 'детеныш ослицы', *магарята*, *магарятки* 'ослятки', а также глагольные экспрессивы *магáрить*, *магáрничать* 'тяжело работать' и производные от них *помагáрить*, *помагáрничать*, *намагáриться*.

Словообразовательные возможности заимствований определяются как лингвистическими факторами (семантикой слова, принадлежностью к определенной тематической группе, уровнем адаптации к говору-реципиенту), так и экстралингвистическими.

Русские говоры Одесщины, функционирующие в разноязычном, разнодиалектном окружении, характеризуются повышенной вариантностью. Особенно велика вариантность на уровне лексики, так как лексика — открытая, подвижная система. В лексической системе русских говоров Юга Украины представлены разнообразные типы вариантов слов: фонетические, морфологические, словообразовательные, семантические. Наиболее частотны и многообразны фонетические варианты слов. Обилие фонетических вариантов — яркая специфическая особенность русских островных говоров, функционирующих в полиязычном окружении.

Итак, специфическими особенностями, характеризующими русские островные говоры Одесской области, являются: 1. консервация древних (праславянских) слов, способных пролить свет на ряд проблем истории русского языка; 2. наличие большого количества лексических заимствований из соседних славянских и неславянских языков; 3. структурные и семантические трансформации иноязычных и исконно русских слов, обусловленные заимствованием, не отмеченные в русских говорах материкового массива; 4. параллелизм, пронизывающий всю систему островных говоров; 5. широкая разветвленная вариантность на всех уровнях диалектной системы; 6. активизация синонимии, омонимии, полисемии, гиперо-гипонимии в результате заимствования разных по происхождению, по языковой и диалектной принадлежности слов; 7. большое количество инноваций, словообразовательных и семантических, возникающих как на основе исконно русских, так и заимствованных из соседних языков и говоров корнеслов.

Лексика русских переселенческих говоров Одесской области даёт ценные сведения об исторической судьбе, ментальности и языковой картине мира её носителей, которые, несмотря на долговременное пребывание в разноязычном, разнодиалектном окружении, сохранили свой язык, свою исконную южнорусскую диалектную основу, богатую и своеобразную духовную и материальную культуру.

1. Баранник Л. Ф. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русских островных говорах Юга Украины // Язык и культура. — Вып. 6. — Т. V. — Ч. 1. Национальные языки в их специфике и взаимодействии. — К., 2003. — С. 104–111.
2. Батюшков Н. П. Бессарабия. Историческое описание. — СПб., 1892.
3. Гриценко П. Ю. Межиріччя Дністра і Дунаю у світлі лінгвістичної географії (стан і пріоритети) // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Вып. 21. — Ізмаїл, 2006. — С. 3–13.
4. Кабузан В. М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII — первая половина XIX в.). — Кишинев, 1974.

Л. Ф. Баранник

СПЕЦИФІКА ПЕРЕСЕЛЕНСЬКИХ ГОВІРОК ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ: ЛЕКСИЧНИЙ АСПЕКТ

У статті виявлено основні лексико-семантичні особливості російських острівних говірок Півдня України, які тривалий час (понад 200 років) функціонують у різномовному оточенні (українському, болгарському, молдовському, гагаузькому тощо) у відриві від основного російськомовного і материнського, південноруського, масиву. Іншомовне оточення сприяє, з одного боку, збереженню в острівних говірках багатьох діалектних слів, утрачених у говірках метрополії, з іншого — проникненню значного шару лексичних запозичень із сусідніх мов і діалектів. Саме це породжує лексико-семантичну своєрідність російських острівних говірок Півдня України та призводить до особливого розвитку їхньої лексичної системи.

Ключові слова: російська діалектологія, південноросійські острівні переселенські говірки, міжмовні контакти, лексичні запозичення, Одеська область.

L. F. Barannik

SPECIFICITY OF MIGRANT DIALECTS OF ODESSA REGION: LEXICAL ASPECT

The article reveals the major lexical-semantic features of the Russian island dialects of South of the Ukraine, which for a long time (more than 200 years) operate in multilingual environment (Ukrainian, Bulgarian, Moldavian, Gagauz and others) in isolation from the main Russian-language and mother, South-Russian, body. Foreign-language environment contributes, on the one hand, preserving a lot of dialect words, that have been lost in the dialects of the metropolis. On the other hand- the penetration of a significant body of lexical borrowings from neighboring languages and dialects, generates lexical-semantic peculiarity of Russian island dialects of South of the Ukraine and leads to a special development of their lexical system.

Key words: Russian dialectology, South-Russian island migrant dialects, interlinguistic contacts, lexical borrowings, Odessa region.

УДК 811.161.1'282.4'373.612.2(477.74)

Л. О. Забол्यान

Метафорические наименования лиц в русских переселенческих говорах Одесской области

Статья посвящена метафорическим наименованиям лиц в русских переселенческих говорах Одесской области. Рассматриваются различные определения метафоры, выделяются особенности диалектной метафоры в исследуемых говорах.

Ключевые слова: лексика русских переселенческих говоров, метафора, метафорические наименования лиц.

В русской лингвистике наблюдается большой интерес к изучению лексики русских говоров. За последнее десятилетие подготовлены и изданы десятки диалектных словарей, отражающих словарный состав Европейской части России, а также Урала, Сибири и Дальнего Востока. “Несомненно, исследование языка, материальной и духовной культуры сельских жителей в наши дни особенно актуально, т.к. в условиях урбанизации, промышленного развития и экономического кризиса ошутима острая необходимость и потребность в сохранении, изучении и переосмыслении богатого наследия традиционной народной культуры, базовой основы всякого национального возрождения” [3: 161]. Особое значение среди русских говоров занимают русские говоры ближнего и дальнего зарубежья, которые в силу их островного характера дольше сохраняют исконные диалектные лексемы, нередко утраченные в материнских диалектах, а также заимствуют из соседних языков и диалектов яркие метафорические наименования, отражающие языковую картину мира русских переселенцев. “Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики” [6]. Как известно, особую роль в формировании мировоззрения, мироощущения и мировосприятия в человеческом сознании играет метафора. Метафорическая речь обладает удивительной “способностью осваивать любое знаковое пространство. Действительно, метафорой могут стать любой материал, любая вещь, предмет, любые качества, способности, свойства, любая образная абстракция, даже такая чистая абстракция как число” [10: 52]. Разработкой теории метафоры занимались крупные отечественные и зарубежные философы и лингвисты: Ф. Ницше, М. Блэк, Д. Серль, М. Редди, Ш. Балли, Д. Лакофф, М. Джонсон, П. Рикер, Д. Дэвидсон, Э. Мак-Кормак, А. Калберт, У. Эко, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, К. К. Жоль, К. А. Кедров, Л. А. Кудрявцева, Н. А. Кожевникова, В. П. Москвин, В. В. Меликов, Л. Н. Мурзин, Т. А. Муминов, А. А. Потеня, В. В. Петров, Б. А. Плотноков, В. М. Русановский, Т. В. Симашко, Г. Н. Скляревская, А. А. Тараненко, В. Н. Телия, А. П. Чудинов, А. М. Шахнарович, Ю. Б. Феденева, И. О. Филатенко, Н. М. Юрьева и другие. Метафоре в диалектном языке посвящены работы диалектологов О. И. Блиновой, Л. Ф. Баранник, Н. Т. Бухаревой, Е. В. Колосько, Т. С. Коготковой, Н. А. Лукьяновой и др.

Поняття метафора претерпело змінення в трактовках, визначеннях і класифікаціях учених-філософів і лінгвістів з древніх часів до наших днів. В філософії існували різні точки зору на семантичне і функціональне значення метафори: від повного її заперечення до відведення їй допоміжної, вторинної ролі засобу, посилюючого силу емоційного впливу мови на слухачів. Першу відому теорію метафори запропонував Аристотель в своїй “Поетиці”: “Ми можемо прикласти ім’я роду до елемента роду, або ім’я елемента роду прикласти до роду, або ім’я одного елемента роду прикласти до іншого елемента того ж роду, або перенос може ґрунтуватися на пропорції” [2: 120]. В такому визначенні метафора не розглядається як суттєва частина людської комунікації, в “Поетиці” вона представлена як засіб мови, що сприяє більшій аргументації і позитивному впливу на слухача.

Д. Лакофф і М. Джонсон в статті “Метафори, якими ми живемо” визначають сутність метафори наступним чином: “Сутність метафори полягає в осмисленні і переживанні явищ одного роду в термінах явищ іншого роду” [8: 389]. Дане розуміння метафори найбільш вдало для опису особливостей культури, оскільки стосується розробки поняття концепта, який за словами авторів, упорядковуючись метафорично, упорядковує метафорично діяльність і, відповідно, мову. Деніел Чандлер в статті “Метафора і метонімія” визначає метафору як засіб вираження незнайомого (“tenor”, або контейнер, референт в російській традиції) через знайоме (“vehicle”, або тема, корелят). При цьому два ці компоненти звичайно не пов’язані; таким чином, ми повинні “зробити стрибок в уяві”, щоб зрозуміти нову метафору” [13].

Н. Д. Арутюнова в “Лінгвістическому енциклопедическому словарі” пропонує наступне визначення: “Метафора — (від грец. *metaphora* — перенос) — *троп* або механізм мови, що складається в використанні слова, що позначає деякий клас предметів, явищ і т. п., для характеристики або називання об’єкта, що входить в інший клас, або називання іншого класу об’єктів, аналогічного даному в якомусь відношенні” [9: 296]. Е. І. Діброва пише: “Метафорою називається перенос іменования одного предмету на інший на основі схожості їх зовнішніх або внутрішніх ознак, форми предметів, їх розташування і др. В побудові метафори беруть участь чотири компоненти — два предмету, основний і допоміжний, пов’язані один з одним, і властивості кожного з них” [5: 223]. В своїй роботі ми присираємося саме цій трактовці метафори.

Дж.Лакофф і М. Джонсон, створюючи свою теорію метафори, відзначали: “Метафора пронизує нашу повсякденну життя, і не тільки мову, але і думку, і діяльність. Наша звичайна концептуальна система, в термінах якої ми думаємо і діємо, є метафорическою за своєю природою” [8: 387]. Здатність до метафорическої репрезентації є відмінною властивістю людського мислення. Досліджуючи світ, людина опирається на сукупність речей і понять, вже відомих їй з особистого досвіду спілкування з оточуючим світом або з індивідуального або колективного досвіду інших людей. При цьому механізми розуміння світу використовують метафору неминуче. Широке поширення метафори в мові і мові зумовлено можливостями її асоціативно-образної природи, що об’єднує в одній структурній одиниці об’єктивне і суб’єктивне. Метафорическе моделювання є найбільш дієвим засобом представлення і оцінки дійсності. З іншого боку, саме метафора є одним з найбільш продуктивних засобів формування вторинних називань, “навіязуючи” їм специфічне, характерне для даної національно-культурної спільноти, бачення світу.

Звернення до діалектної метафори сприяє більш глибокому вивченню діалекта як однієї з фундаментальних систем національного мови. Діалектна метафора відрізняється великою образністю. Е. І. Діброва підкреслює: “Образна метафора виникає як асоціація людського почуття (зору, слуху, дотикання і др.) з об’єктами реального світу і людського (антропоцентричного) осмислення органічного / неорганічного світу. Ця метафора має два семантичні плани (образ і прообраз) і має експресивно-емоційне значення” [5: 224]. Дослідження діалектної метафори дуже важливо для розуміння причин і механізму збагачення літературної мови і мови емоційно-експресивними лексемами, запозиченими з народних мов. Наша за-

дача — выявить метафорические диалектизмы, которые репрезентируют наименования лиц в русских переселенческих говорах Одесской области, определить основные типы метафор в сфере наименований лиц в исследуемых говорах. Материалом для статьи послужили личные наблюдения автора, сделанные во время прохождения диалектологической практики в с. Старая Некрасовка Измаильского района Одесской области, и “Словарь русских говоров Одесщины” в 2-х томах. Русские говоры Одесщины, “на протяжении почти двух веков бытующие в отрыве от материнских южнорусских диалектов в соседстве с украинским, болгарским, молдавским, гагаузским языками и диалектами” [4: 85], относятся к вторичным, переселенческим, островным. Поэтому среди исконно русских метафорических наименований лиц встречаются и заимствованные из соседних украинских, болгарских и молдавских говоров.

Наблюдения показывают, что большая часть диалектных наименований лиц, бытующих в русских переселенческих говорах Одесской области, создается на основе метафоры. Эти диалектизмы выражают знания человека о самом себе, о его месте в окружающем мире. Среди них выделяются метафоры двух типов, свидетельствующие, во-первых, о том, что человек — это субстанция из области природы, т.е. нечто, созданное Богом, во-вторых, что человек — это субстанция, созданная самим человеком в процессе его каждодневного существования. Метафоры первого типа ярко репрезентируются диалектизмами, называющими представителей флоры и фауны, явления окружающей человека природы. Об этом свидетельствуют следующие примеры: *Молоді́к, младі́к, -а, м. 1. Жених. Маладі́к ездить з баярами. Рус. Ив. 2. Жеребенок. 3. Молодой месяц. // СРНГ: в 1-м и 2-м значении нет.*

Гу́чик, -а, м. 1. Уменьш. к гу́ч (жеребенок, молодой жеребец). 2. Перен. О большом, здоровом парне. Ишь ты, какой гу́чик! Возн. // СРНГ: нет.

Лёха, -и, ж. 1. Свинья. 2. Перен. Презрит. Неповоротливая, ленивая, полная женщина. У такой лёхи ни муш ни вдержыцца, ни симья. Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Овча́рка, -и, ж. Женщина, пасущая овец. Афча́рка авец пасе́ть. Возн., Введ.

Неля́пка, -и, ж. 1. Корова, отелившаяся не вовремя, в полтора-два года. 2. Перен. Экспресс. Девушка, родившая ребенка вне брака. Ниля́пка-девушка с ребёнкам. Рус. Ив., Павлов., Возн., Алекс. // СРНГ: нет.

Малю́к, -а, м. 1. Малёк. Малюк вырастить да питнаццати грамм. Коса. 2. Ребенок, малыш. Малюкі нашы канхветы очинь люблять. Усп.

Долгу́н, -а, м. 1. Камыш. 2. Ирон. Высокий человек. Вон какой далгу́н пашол. Б. Бур.

Дурашма́н, -а, м. 1. Экспресс. Дуралей, растяпа. Сусет мой дурашма́н. Усп. 2. Растение. // СРНГ: во 2-м значении нет.

Кучеря́вчик, -а, м. 1. Вьюнок, вьющееся травянистое сорное растение. 2. Перен. Человек с курчавыми волосами. А тот кучеря́вчик харашо танцуить. Ст. Некр.

Лобода́, -ы, ж. 1. Трава-сорняк. 2. Перен. Презрит. Никчемный человек. Што ис такова пусто-ва-лабада́ вырастить. Ст. Некр. // СРНГ: во 2-м значении нет.

Него́да, -ы, ж. 1. Непогода, ненастье. 2. Немощный человек. Ниго́да такой. Нов. Некр. // СРНГ: во 2-м значении нет.

Ве́тер, -тра, м. и ж. Ветреный. А какая гуляца, на ту дефку ве́тир гаворють. Ст. Некр.

Бурева́тый, -ая, -ое. Экспресс. Буйный. Да ён бурива́тый, дирёцца часта. Спас. // СРНГ: в этом значении нет. И др.

Метафорические наименования второго типа представлены диалектизмами, находящимися в семантическом поле материальной культуры. В отличие от первого типа метафорических наименований, где возможна метафоризация как живого, так и неживого имени, второй тип характеризуется метафорическим переносом значения только с неживого объекта на живой.

Ва́лик, -а, м. 1. Самодельный кирпич-сырец из смеси глины с соломой в виде продолговатого комка. 2. — ов, мн. Болотистое кочковатое место. 3. Перен., пренебр. Толстый, неповоротливый, ленивый человек. Ва́лик — вахлатый, бухатый, спить тока многа. Возн. // СРНГ: в этих значениях нет.

Мамалы́га, -и. 1. Ж.р. Каша из кукурузной муки. 2. М. и ж. Перен. Экспресс. Слабохарактерный человек. Хватит быть такой мамалы́гай, нада учицца стаять за sibя. Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Ломáка, -и, ж. 1. Очень большая, тяжелая палка. 2. Перен. Презрит. Неповоротливый глуповатый человек высокого роста. Ламáка-здаровый да неба, а вазьми в работу- как мидветь за гарпациами. Ст. Некр. // СРНГ: в этом значении нет.

Лубьѣ, -я, ср. 1. Презрит. Старые ненужные вещи. 2. Перен. Старый, немощный человек. Я ужэ лубья старая. Ст. Некр. //СРНГ: лубьѣ- “о старой деве”.

Одинáк, -á, м. 1. Единственный ребенок. Я у матки адинáк был. Алекс., Чап., Никол. 2. Устар. Однолемешный плуг. 3. Невод с одним кошелем.

Пўхкий. — ая, -ое. 1. Мягкий. Зимля заослая, пўхкая. Павлов. 2. Пышный (о тесте). 3. Перен. Полный (о человеке). Варька белая, пўхкая, как здоба. Возн. И др.

В формировании вторичных наименований принимает участие не только основной признак, качество, свойство, положенные в основу значения метафорического наименования, но и коннотативный компонент, названный Д. Р. Серлем “семантической потребностью”: “Мёртвые метафоры особенно интересны нам, поскольку, используя оксюморон, можно сказать, что мертвые метафоры — это те, которые выжили. Они умерли от постоянного употребления, но именно оно и свидетельствует о том, что они удовлетворяют некую семантическую потребность” [11:313]. Коннотативный компонент является обязательным компонентом всякой метафорической, эмоционально-экспрессивной лексемы. Л. А. Кудрявцева отмечает: “Современная концепция коннотации как части лексического значения слова позволяет выделить из общей коннотативной зоны отдельные коннотативные признаки (семы): образность, экспрессивность, эмоциональность, оценочность” [7: 77]. Сфера выражения эмоций и эмоционального давления вносит в обыденную речь диалектоносителей элемент артистизма, а вместе с ним и метафору. Метафора часто содержит тонкую и яркую характеристику лица. Исследуемое нами семантическое поле диалектизмов наименования лиц являет собой акт народного метафорического творчества, который “помогает воспроизвести образ, не данный в опыте”, что, по праву, было названо Н. Д. Арутюновой искусством [1: 5].

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М., 1990.
2. Аристотель. Поэтика / Соч. в 4-х т. — М., 1983. — Т.4.
3. Баранник Л. Ф. Особенности межъязыкового и междиалектного взаимодействия в русских островных говорах юга Украины // Язык и культура. Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии. — Киев, 2007. — Вып. 9. — Т. V (93).
4. Баранник Л. Ф. Лексические особенности русских переселенческих говоров Одесской области // Русские говоры на Украине. — Киев, 1982.
5. Диброва Е. И. Лексикология // Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: В 2-х ч. / Под ред. Е. И. Дибровой. — М., 2001. — Ч. I.
6. Зализняк А. А. Языковая картина мира // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/yazikovaya_kartina_mira.html
7. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка: Монография. — 2-е изд., испр. — Киев, 2004.
8. Д. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. — М., 1990.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990.
10. Меликов В. В. Метафорическое понимание в традиционной культуре // Введение в текстологию традиционных культур. — М., 1999.
11. Серль Д. Р. Метафора // Теория метафоры. — М., 1990.
12. Словарь русских говоров Одесщины: В 2-х т. — Одесса, 2000–2001.
13. Chandler D. Metaphor and Metonymy // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aber.ac.uk/media/Documents/S4B/sem07.html>

Л. О. Забольян

МЕТАФОРИЧНІ НАЗВИ ОСІБ У РОСІЙСЬКИХ ПЕРЕСЕЛЕНСЬКИХ ГОВІРКАХ ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ

Стаття присвячена результатам дослідження метафоричних найменувань осіб у російських переселенських говірках Одеської області. Розглянуто різні визначення метафори, вказано особливості діалектної метафори в досліджених говірках.

Ключові слова: лексика російських переселенських говірок, метафора, метафоричні найменування осіб.

L. O. Zaboljan

**METAPHORICAL NAMES OF PERSONS IN RUSSIAN MIGRANT DIALECTS OF
ODESSA REGION**

The article is dedicated to metaphorical names of persons in Russian migrant dialects of Odessa region. The author examines different definitions of metaphor and peculiarities of dialectal metaphor in dialects under consideration.

Key words: vocabulary of Russian migrant dialects, metaphor, metaphorical names of persons.

Семантические и структурные особенности метаморфозы в русской, британской и американской поэзии XX века

Статья посвящена исследованию метаморфозы в русской и англо-американской поэзии XX века. Определены основные семантические типы метаморфозы в поэзии Ахматовой в сопоставлении с поэтическими текстами Томаса и Тиздейл. Отмечены различия в структуре тропа и семантике глагольного компонента в двух языках.

Ключевые слова: троп, метаморфоза, семантические типы тропов, компонент, превращения, индивидуальный стиль.

В современной стилистике можно говорить о сложившемся понимании тропов как системы, элементы которой (отдельные тропы) организованы иерархически [6: 520], что позволяет выделить общие тропы — метафору и метонимию. Такие тропы, как перифраз, синекдоха, персонификация, можно квалифицировать как разновидности общих тропов.

В последние десятилетия исследования тропов имеют в основном метафороцентрическую направленность. Другие тропы качества, а также тропы количества (гипербола, мейозис) исследуются реже. Среди образных средств, которые нечасто исследуются, можно назвать метаморфозу. И если в русском и украинском языках метаморфоза имеет определённую структуру и, вместе с тем, определённое отличие от метафоры [1: 30], то в английском языке наличие метаморфозы является спорной проблемой. Ряд учёных (В. Г. Гак, А. Н. Мороховский) считают метаморфозу разновидностью метафоры, в то время как В. П. Москвин рассматривает этот троп как разновидность сравнения [4: 56]. Кроме того, сравнительные исследования метаморфозы в русской и англо-американской художественной литературе фактически не проводились.

Цель нашего исследования — определить семантику и структуру метаморфозы в поэзии Анны Ахматовой, Дилана Томаса, Сары Тиздейл, а также ряда других поэтов.

Анализируя поэзию А. Ахматовой, В. В. Виноградов писал о необходимости различать метафору и метаморфозу: “В метафоре нет никакого оттенка мысли о превращении предмета. ... Вследствие этого следует обособлять от метафор и сравнений в собственном смысле тот приглагольный творительный падеж, который является семантическим привеском к предикату (с его объектами), средством его оживления, раскрытия его образного фона” [2: 411], т.е. собственно метаморфозой. Метаморфозу определяют как полное отождествление двух разных по своей сущности объектов [5: 176]. В русском языке метаморфоза имеет достаточно чёткую структуру: субъект тропа — глагол — объект тропа, обычно существительное в творительном падеже. В творительном падеже метаморфозы основной субъект как бы исчезает, а выделяется новый, в который превращается основной субъект:

Мне все равно, каких среди

Лиц ошестиниться пленным львом ... (М. Цветаева)

И слава лебедью плыла. (А. Ахматова)

На наш взгляд, приглагольное существительное является не просто привеском к предикату, а, дополняя В. В. Виноградова, его можно считать центральным компонентом метаморфозы. Такое существительное представляет собой изображение изменённого, превращённого мира, взаимодействия живой и неживой природы: я→лев, слава→лебедь.

В английском языке метаморфоза не имеет такой эксплицитной структуры, что обусловлено отсутствием падежных окончаний у существительных, а это влияет на семантический потенци-

ал объекта метаморфозы. В одном из стихотворений британского поэта Дилана Томаса метаморфоза играет важную роль:

*The force ... that dries the mouthing streams
Turns mine to wax.
Та сила, что осушает говорящие потоки,
Превращает мою силу в воск.*

Как и в данном случае, метаморфоза в языке английской художественной литературы обнаруживает следующие компоненты: субъект тропа (существительное или местоимение) — глагол превращения — объект тропа (существительное или прилагательное с существительным). В целом модель метаморфозы в значительной степени совпадает с субстантивной метафорой:

*His room was a world within a world.
Callaghan was the west wind. (Д. Томас)
Его комната — это мир внутри мира.
Каллаган был западным ветром. (Перевод О. Волгиной)*

Вместе с тем в субстантивной метафоре основная идея — именно сходство, отождествление двух объектов (человек — ветер), тогда как метаморфоза актуализирует идею изменения, превращения.

Наш анализ метаморфозы в творчестве А. Ахматовой, Дилана Томаса и Сары Тиздейл включал определение семантики превращений в тропах, а также особенностей основного глагола как компонента метаморфозы и его роли в создании тропа.

Метаморфоза является одним из основных образных средств в поэзии Ахматовой, чертой её идиостилия. Наши исследования показали, что преобладающими семантическими типами метаморфоз в творчестве поэтессы являются зооморфные и биоморфные тропы, которые составляют соответственно 35% и 25 % примеров из общего числа метаморфоз (40). Зооморфный тип метаморфозы проявляется в изображении превращений людей, их чувств и эмоций, абстрактных понятий в объекты живой природы, птиц, животных:

*Серой белкой прыгну на ольху,
Ласточкой пугливой пробегу.*

Следует отметить, что чаще всего Ахматова изображает превращения своей героини, её чувств в птиц — ласточек, лебедей, голубков:

*Ещё недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полёт.*

Эти птицы в национальной картине мира имеют позитивную окраску, ассоциируются со свободой, поэтичностью. Отрицательные характеристики персонажей или негативные эмоции описываются с использованием слов “вороны; змеи” в качестве объектов тропов:

*И чёрным вороном другой,
Меня целуя, стал.*

Биоморфную направленность имеют метафоры, которые сопоставляют людей с объектами неживой природы — звездой, колосом, камнем, солью и др. В замечательном стихотворении памяти Б. Л. Пастернака Ахматова выразила идею бессмертия поэта:

*Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.*

Вместе с тем антропоморфная образность, являющаяся основной парадигмой в поэзии XX века, очень редко встречается в поэтических метаморфозах Ахматовой:

*Нежной пленницей песня
Умерла в груди моей.*

Кроме зооморфной и биоморфной образности, одной из особенностей индивидуального стиля поэтессы является употребление названий артефактов, предметов быта в качестве объ-

ектов метаморфоз (до 20 % всех примеров). В большинстве случаев такие тропы имеют отрицательную прагматическую направленность, отражают пессимизм, разочарование в любви:

*Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.
<...>
А на утро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.*

Следует отметить, что в стихотворениях Ахматовой при метаморфозе используются в основном глаголы прошедшего времени (до 70%) — *стал, сделалось, превратился, болтался* и другие. Можно согласиться с Н. Д. Арутюновой в том, что метаморфоза демонстрирует именно “превращённый” мир [1: 29], особенно в этих случаях. Кроме того, поэтесса, видимо, описывает уже пережитые чувства, события. В большинстве метаморфоз у Ахматовой семантика глаголов играет значительную роль. Автор использует не только традиционные для этого тропа глаголы *стал, превратился, показался*, но и метафорические глаголы при субъекте тропа: *песня умерла; (любовь) воркует, (слава) плыла; (слава) притащится*. В результате существительное в творительном падеже развертывает глагольную метафору в метаморфозу: *песня умерла* → *нежною пленницею; я к нему влетаю* → *только песней; ты свершала полёт* → *ласточкой*. Происходит сочетание двух семантически близких образных средств, они сливаются в один троп, который мы, вслед за Б. Н. Жантуриной [3], называем синкретическим тропом. Синкретизм тропов усиливает эстетический и поэтический эффект, придаёт “преображённой” картине наглядность, живописность.

В творчестве выдающегося английского поэта и прозаика Дилана Томаса (1914–1953) метаморфоза тоже используется во взаимодействии с другими тропами — метафорой, гиперболой. Стихотворение “A Process in the Weather of the Heart” (“Процесс в погоде сердца”) построен на объединении макромира и микромира, мира природы и физического мира человека:

*A process in the quarter of the veins
Turns night to day.
Погода тела движет кровь по жилам,
Сменяет утром ночь. (перевод В. Британишского)*

Томас часто использует антитезы, поэтому превращения в его стихотворениях включают противоположные понятия: *moon* → *sun* (*луна-солнце*); *wet* → *dry* (*влажное — сухое*). Компонентами метаморфоз являются в основном неметафорические глаголы *change* (изменяться), *turn* (превращаться), *make* (делать). В переводе на русский язык метаморфоза обычно сохраняется:

*I walk on fire
And cast a shadow crab upon the land.
... И крабом тень моя легла на землю. (Перевод А. Сергеева)*

Кроме зооморфных метаморфоз, как в данном случае, Томас использует антропоморфные тропы, благодаря которым объекты природы наделяются духовными качествами (*травинка* → *жрец*): *The wind blew back the heads of the nearby grasses and made an oracle of each mouth* (Ветер пригибал к земле головки растений и превращал каждую зеленую травинку в жреца, шепчущего какие-то пророчества). В этом фрагменте, как в поэзии автора, проявляется его пантеистическое восприятие, близкое к концептуальной метафоре ПРИРОДА-ХРАМ.

В творчестве американской поэтессы Сары Тиздейл (1889–1933), современницы А. Ахматовой, широко используются метафоры. Вместе с тем в ряде стихотворений Тиздейл использует метаморфозы, глагольным компонентом которых является глагол *be* (быть). Особенно ярко это проявилось в стихотворении “Moods” (“Настроение”):

*Oh, be the green fields calling,
Oh, be for me the earth.
<...>
Oh, be the fresh cloud shining,
Oh be for me the sky.*

В украинском переводе эти образы переданы:

Ти будь мені зеленим полем,
 Землею будь мені.
 <...>
 Ти будь мені хмаринкою легкою,
 Блакиттю неба будь мені. (Перевод М. Пилипенко)

В этом обращении к любимому человеку четыре метаморфозы имеют биоморфный характер. Это сближает образность Тиздейл и Ахматовой. Мы считаем эти примеры скорее метаморфозой, чем метафорой, поскольку поэтесса описывает множественные изменения, превращения, и глагол “*быть*” синонимичен глаголу “*становиться*”. Аналогичная структура тропа наблюдается в поэзии А. Олеса и А. Ахматовой:

О слово! Будь мечем моім!
Ні, сонцем стань! (А. Олесь)
Я была твоей бессонницей,
Я твоей тоской была. (А. Ахматова)

В субстантивной метафоре с подобной структурой актуализируется постоянное сходство, а не изменения:

I am the still rain falling. (S. Teasdale)
 Я — дождь, что тихо падает.

Метаморфозу, на наш взгляд, следует определить как троп, который основывается на образном описании превращений двух различных объектов. В поэзии А. Ахматовой важную роль играет глагольный компонент, разнообразный по семантике и имеющий метафорический характер, что придаёт образам большую наглядность, яркость. В англо-американской поэзии присутствуют неметафорические глаголы, как и глагол “*быть*”, и процесс превращения является не таким красочным. Метаморфозы в поэтических текстах Ахматовой и Тиздейл в основном имеют зооморфную и биоморфную (Тиздейл) направленность, а Томас также широко использует антропоморфные тропы. Русская и американская поэтессы чаще используют метаморфозы для передачи эмоций, а Томас — при описании природы.

Перспектива дальнейших исследований состоит в изучении семантики и структуры этого тропа в прозе в сравнении с поэзией. Кроме того, интерес представляет исследование концептуального характера метаморфозы в поэзии XX века, так как мировая литература широко использует данный троп (античная мифология, Кафка, Заболоцкий). И он имеет свои особенности как в индивидуальном стиле автора, так и в поэзии в целом.

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М., 1990. — С.5–32.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. — М., 1963.
3. Жантурина Б. Н. Семантика и структура синкретических тропов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Л., 1984.
4. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. — М., 2006.
5. Стилистика английского языка /А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. — К., 1991.
6. Топоров В. Н. Тропы // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С.520–521.

O. V. Yemets

SEMANTIC AND STRUCTURAL PECULIARITIES OF METAMORPHOSIS IN RUSSIAN, BRITISH AND AMERICAN POETRY OF THE XXTH CENTURY

The article is devoted to investigation of metamorphosis in Russian, British and American poetry of the XX th century. The main semantic types of metamorphosis in the poems of Akhmatova in comparison with poetic texts of Thomas and Teasdale are determined. The differences in the trope structure as well as in semantics of the verbal component in two languages are singled out.

Key words: tropes, metamorphosis, semantic types of trope, component, transformations, individual style.

О. В. Ємець

СЕМАНТИЧНІ ТА СТРУКТУРНІ ОСОБЛИВОСТІ МЕТАМОРФОЗИ У РОСІЙСЬКІЙ, БРИТАНСЬКІЙ ТА АМЕРИКАНСЬКІЙ ПОЕЗІЇ ХХ СТОЛІТТЯ

Стаття присвячена дослідженню метаморфози у російській, британській та американській поезії ХХ століття. Визначено основні типи метаморфози у поезії Ахматової у зіставленні з поетичними текстами Томаса і Тіздейл. Відзначено відмінності у структурі цього тропу і семантиці дієслівного компонента у двох мовах.

Ключові слова: троп, метаморфоза, семантичні типи тропів, компонент перетворення, індивідуальний стиль.

УДК 81'373'42:159.953.32

*М. Е. Бабич***Семантические связи ассоциатов слова *война***

Статья посвящена анализу семантических взаимоотношений слова *война* и его ассоциатов. Рассматриваются ассоциаты, принадлежащие к различным частям речи, однако основное внимание уделяется именам существительным, поскольку именно они определяют состав ассоциативно-семантической группы с кауземой *война*.

Ключевые слова: семантика, сема, ассоциат, ассоциативно-семантическая группа.

Открытый характер лексической системы языка, обусловленность ее развития не только собственно лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами свидетельствует о необходимости учета в научных исследованиях реального субъекта речемыслительной деятельности — человека с его жизненным опытом, системой ценностей, суммой знаний, коммуникативными потребностями. Как отмечает Н. А. Илюхина, “в широком спектре направлений [развития науки] возобладали антропологические приоритеты — интерес к тому, как отражен в языке человек (в качестве номинации и характеристики, как носитель языка и культуры, как говорящий и адресат), и, с другой стороны, интерес к связи языка с сознанием — связи языковых единиц и их функционирования с ментальными структурами и когнитивными процессами, в том числе имеющими врожденный характер” [2:34].

Общеизвестно, что основной единицей лексикологии является слово, в значении которого представлены разные аспекты — денотативный, сигнификативный, коннотативный и др. Формирование, структура, связь, функционирование этих аспектов входят в сферу изучения не только лингвистики, но и психолингвистики. При этом наряду с признанием упомянутой “лингвистической структуры” значения психолингвисты (в частности, А. А. Леонтьев) говорят о существовании его “психологической структуры”, которая “определяется системой соотношенности и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности, а не в процессе их сопоставления как единиц лексикона” [6:27]. Давно замечено, что слово не только указывает на определенный предмет, но и вызывает целую сеть коннотативно связанных с ним дополнительных образов, близких по наглядной ситуации, по предыдущему опыту и т.п. Такие комплексы значений принято называть “ассоциативными значениями”, а упомянутая система “соотнесённости и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности” — есть не что иное, как система ассоциативных связей слов. Комплексы ассоциативных значений, произвольно возникающих при восприятии данного слова, были детально изучены (Д. Диз, Ч. Кофер, У. Боусфилд, С. Эрвин-Трипп, Д. Слобин, А. А. Леонтьев и др.). При этом в ходе исследований обнаруживались семантические связи между исходными словами и ассоциатами, реализовывались потенциальные валентности исходных слов, выявлялись различные компоненты значения.

Во второй половине ХХ века все большее распространение получает структурный подход в изучении лингвистических единиц разных уровней, что не могло не отразиться на исследова-

нии ассоциаций. Лингвисты и психолингвисты (А. М. Гвоздев, О. В. Иванова, А. П. Клименко, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, И. В. Роднева, Ю. А. Самарин, Т. Слама-Казаку, Н. В. Уфимцева, Е. П. Шубин, Г. С. Щур и др.) пытались выявить объективные факторы, благодаря которым ассоциаты объединяются вокруг слова-стимула. Как оказалось, одним из таких факторов является наличие общей или частично сходной семантики [8]. Таким образом, к настоящему времени интерес к изучению ассоциативно связанных слов переместился с периферии в центр научного внимания.

Целью нашего исследования является выявление семантических связей слова *война* и его ассоциатов, определение типологии семантических отношений лексем в пределах ассоциативного поля, а также выявление тех семантических признаков в структуре исходного слова, которые “генерируют” наибольшее количество реакций.

Состав ассоциативного поля слова *война* был определён с помощью “Русского ассоциативного словаря” и дополнен данными проведённого нами ассоциативного эксперимента, а также путем сплошной выборки из толковых словарей (поскольку “если есть семантическая связь, то есть и ассоциация” [4:180]).

В пределах данного поля выделяются 4 частеречных блока — субстантивный, адъективный, вербальный и адвербиальный. Наиболее массивный первый блок, который объединяет группы номинаций, обозначающих: 1) рода войск; 2) войсковые подразделения; 3) участников боевых действий; 4) предметы обмундирования; 5) знаки отличия; 6) территорию военных действий; 7) способы ведения войны; 8) оружие и боеприпасы; 9) военную технику и транспортные средства; 10) сооружения; 11) результаты и последствия военных действий; 12) награды; 13) явления, сопровождающие боевые действия; 14) страны и территории; 15) чувства, эмоции и другие абстрактные понятия; 16) литературные произведения о войне.

Поскольку, согласно утверждению А. П. Клименко, “фундаментом ассоциирования является возможность и даже типичность встречи стимула и ассоциации в одном сообщении, в рамках одного ограниченного текста” [4:5], мы использовали примеры из художественной литературы для подтверждения существования как ассоциативной, так и семантической связи между словом-стимулом и его ассоциатами.

Если обратиться к дефиниционно-логическому анализу слова *война* на основе определения его БТС (“1. Вооруженная борьба между государствами, народами, племенами и т.п. или общественными классами внутри государства” [1: 145]), в его семантической структуре вычлняются семантические признаки ‘вооруженный’ (‘оружие’), ‘борьба’, ‘государство’, ‘народ’ и др.

Так, смысловая связь между лексемами *война* и *армия* (“1. Совокупность вооруженных сил государства (сухопутных, морских, воздушных” [1:46]), а также гипонимами последнего *армия* (“2. Сухопутные вооруженные силы (в отличие от военно-морских и военно-воздушных” [1:46–47]), *авиация*, *флот* (соответственно, военно-воздушные и военно-морские силы страны [1:1426]) осуществляется посредством значения ‘вооружённый’. Это же значение объединяет ассоциант с названиями **родов войск** *пехота*, *артиллерия*, *кавалерия* и т.п.: “*Мересьеву, летавшему в боевой авиации с первого дня войны, не доводилось видеть воздушный бой с земли ни разу*”/Б. Полевой/, “*А мы с тобой брат из пехоты, А летом лучше, чем зимой, С войной покончили мы счеты... Бери шинель, пошли домой*” /Б. Окуджава/, а также **войсковых подразделений** (*бригада*, *дивизия*, *полк*, *батальон*, *часть*, *рота*, *батарея*, *взвод* и др.): “*В первый же вечер знакомства мне посчастливилось услышать, как Баурджан Момыш-Улы беседовал с прибывшими в полк командирами-новичками войны*”/А. Бек/.

Значения ‘вооруженный’, ‘оружие’ представлены также в семантической структуре целого ряда слов, обозначающих:

1) **виды оружия** и боеприпасов: а) холодное оружие (*меч*, *нож*, *кинжал*, *сабля*, *пика*, *шашка*, *шпага*, *штык*) “*Труба войны и звук мечей// В пустыне нашей раздадутся.*”/М. Ю. Лермонтов/; б) огнестрельное оружие (*автомат*, *пулемет*, *пистолет*, *наган*, *винтовка*, *ружье*, *гранатомет*, *пушка*): “*Потом пулемет умолк, и в наступившем затишье отчетливей зазвучали иные голоса войны...*” /М. Шолохов/; в) боеприпасы (*снаряд*, *патрон*, *пуля*, *бомба*, *мина*, *лимонка*, *граната*, *ракета*): “*Пули были. Били часто. Да что о них рассказывать, — война*” /Б. Окуджава/.

2) **военную технику** и транспортные средства: а) сухопутную (*танк*, *катюша*, *БМП*, *бронетранспортер*, *гаубица* и т.д.) “*В Польше, во Франции гитлеровцы продемонстрировали свою манеру*

войны: прорвав в нескольких пунктах линию войск, немцы на **танках**, грузовиках, **мотоциклетах** стремительно двигались вперед, подавляя затем сопротивление разрозненных окруженных групп” /А. Бек/; б) морскую (судно, крейсер, миноносец, торпедоносец, подводная лодка, ракетный катер, авианосец); в) воздушную (самолет, бомбардировщик, истребитель, вертолет): “Предлагают принять другие подразделения, которые будут сбивать не **самолеты**, в случае **войны**, а ракеты — откуда бы они ни прилетели” /И. Стаднюк/;

3) части **территории военных действий** (фронт, тыл, полигон и др.): “Это была странная **война**: без окопов и **тыла**, без снабжения и штаба, без командования... да и без самого **фронта**...” /С. Алексеев/;

4) **оборонительные сооружения** (каземат, окоп, блиндаж, дзот, землянка и др.): “**Окоп** не простреливала артиллерия, Армада танков на него не шла. Не зная к жизни недоверия, Трава зеленая взошла...” /А. Стовба/, “Карта **войны**, лежавшая перед командующим фронтом в **блиндаже** в Красном Саду, здесь гремела, дымилась, дышала жизнью и смертью” /В. Гроссман/;

5) **вооруженные (боевые) действия** (битва, бой, бойня, борьба, маневр, стрельба, бомбежка и др.): “**Бой** в лесу, в кустах, в болоте, Где **война** стелила путь” /А. Твардовский/.

Большинство ассоциатов последней группы связано со словом *война* не только посредством значения ‘вооруженный’, но и значения ‘борьба’. Например, *бой* — “2. **Вооруженное** (здесь и далее выделено нами — М. Б.) столкновение воюющих сторон; битва... 4. **Борьба**, действия, направленные на достижение или искоренение чего-либо” [1:88], *битва* — “1. Крупное, решающее сражение; длительный, тяжелый **бой**. 2. **Борьба** против чего-либо или за что-либо” [1:80].

Полиассоциативный характер имеет и слово *штаб* — “1. Орган управления войсками в частях, соединениях и объединениях всех видов вооруженных сил; лица, входящие в этот орган” [1:1505], поскольку содержит в семантической структуре две интегральные семы, связывающие его со словом *война*: ‘вооруженный’ и ‘человек (участник боевых действий)’. Последнее значение также представлено как интегральное в целом ряде ассоциатов, обозначающих:

1) **участников боевых действий** (боец, партизан, солдат, пехотинец, пленный, враг, противник, оккупант, артиллерист, кавалерист, сапер, парашютист, разведчик, часовой, пулеметчик и др.): “Молись богам **войны** — **артиллеристам!**” /В. Высоцкий/, “**Боец на войне** — решающая сила” /А. Бек/;

2) **воинские звания и должности** и лица, носящие эти звания и занимающие соответствующие должности (*маршал, генерал, адмирал, майор, капитан, лейтенант, сержант, ефрейтор, рядовой; комбриг, комдив* и др.): “Мы все **войны** шальные дети **И генерал и рядовой**” /Б. Окуджава/, “Разговор зашел опять о **войне**, о Бонапарте и нынешних **генералах** и государственных людях” /Л. Н. Толстой/, “В суматохе первых недель **войны** никто не позаботился присвоить им новые звания и они, имея старые звания **комбриг, комдив, комкор**, надевали на петлицы свои ромбы и в документах именовали себя по своим старым званиям” /Ю. Веремеев/;

3) **помещения**, предназначенные как для участников боевых действий, так и для хранения оружия, боеприпасов, расположения техники и т.д. (*казарма, штаб-квартира, арсенал, авиабаза* и т.д.): “Семилетняя **война** выдвинула во всех армиях вопрос о генеральном **штабе**” /А. Каменев/, “В течение **войны** Петроградский **арсенал**... привлечен был к изготовлению и ремонту многих других военных изделий, не имеющих прямого отношения к арсенальному производству” /Е. Барсуков/;

4) **элементы форменной одежды военных** (*шинель, китель, тельняшка, гимнастерка, бескозырка, каска, ремень, портупья* и др.): “С войной покончили мы счеты, **Бери шинель, пошли домой**” /Б. Окуджава/, “Я говорю им о том, что **война** — Это **шинели** расплавленный жгут...” /В. Лифшиц/.

Посредством значения ‘военная одежда’ семантически связаны со словом *война* ассоциаты, обозначающие **знаки отличия**. Например, *погоны* — “Наплечные знаки различия в виде нашитой или накладной полосы на военной и другой форменной одежде” [1:856].

Периферийная сема ‘война’ представлена в значении слов, обозначающих **награды**, выдаваемые за заслуги в ходе боевых действий. Однако если в дефиниции к слову *медаль* (“Знак отличия (достоинством ниже ордена) в виде металлического кружка с каким-либо рельефным изображением и надписью, выдаваемый за воинские и гражданские заслуги” [1:528]) это значение имплицитировано в слове *воинский* (“2. Связанный с военным делом, военной службой” [1:144]), то в определении слова *орден* (“Знак отличия, который дается в награду за выдающиеся заслуги”

[1:724]) нет “отсылки” к военным действиям, хотя в литературных текстах можно найти достаточно много примеров совместного употребления ассоцианта и ассоциатов: “*Всего за подвиги в Гражданской войне орденом Красного Знамени были награждены 14 998 человек...*” /Из газеты/, “*Но чем-то особым блестит эта сталь, Кружочек войны — медаль Сталинграда*” /Ю. Визбор/.

Подтверждение существования непосредственной семантической связи с лексемой *война* находим также в словарных дефинициях слов, обозначающих **результаты и последствия войны** (*победа, поражение, оккупация, порабощение*). Так, *победа* — “1. Успех в бою, в войне (здесь и далее выделено нами — М. Б.), полное поражение войск противника” [1:848], *поражение* — “2. Разгром противника; неудача, проигрыш в состязаниях или **борьбе**” [1:924], *оккупация* — “Временное насильственное занятие **вооруженными силами** какого-либо государства чужой территории” [1:708]: “*Подождите, война кончится победой, и тогда интернационалисты объявят: “Наша матушка-Россия всему свету голова*” /В. Гроссман /.

Одним из “результатов” войны является мир — “2. Отсутствие **войны, вооруженных действий** между государствами...” [1:545]: “*Такова внутренняя логика жизни людей: за миром следует война, а за ней снова мир — и так без конца...*” /К. Щемелинин/.

Среди ассоциатов слова *война* представлен ряд слов, обозначающих различные **явления, сопровождающие боевые действия**: *выстрел, взрыв, залп, свист, грохот, крик, визг*. Данные лексемы семантически связаны со словом-стимулом опосредованно — через лексемы, обозначающие боевые действия, названия оружия, боеприпасов и т.д.: “*Пули визжали все чаще и чаще, наконец отдельных выстрелов вовсе не стало слышно, все слилось в какое-то жужжание*” / В. Гаршин /.

Опосредованно связаны с исходным словом и слова, обозначающие **последствия войны** (*смерть, гибель, бездомность, разруха, разрушения, развалины, бедствие, крах, пожар, грязь*): “*После войны я приеду в этот город. Может быть... А сейчас в нем — война. Развалины, груды обломков, траншеи, артиллерийские позиции...*” /Н. Кравцова/, “*Вот она, война, — думал Бугорков, поеживаясь, — великая бездомность сотен и тысяч людей*”. /Э. Казакевич/. Однако присутствие среди ассоциатов слова *война* такого количества слов с различными эмотивными значениями, их совместное употребление с ассоциантом в огромном количестве контекстов свидетельствует о наличии в семантической структуре слова *война* коннотативных значений ‘беда’, ‘горе’, ‘зло’ и т.п.

Более того, для ряда ассоциатов, обозначающих чувства, эмоции, связанные с войной (*ужас, горе, страх, беда, гнев, боль, страдания, несчастье* и др.), эти значения являются ядерными: “*Как это было! Как совпало — Война, беда, мечта и юность!*” /Д. Самойлов/, “*Со вдовьей слезою и песнею женской Впервые война на проселках свела*” /К. Симонов/, “*Принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни*” /Н. Бердяев/, “*Но приходит война, овладевает всеми, захватывает, и общее несчастье связывает всех*” /А. Чехов/, “*Оставшиеся в живых заражаются войною неизлечимыми болезнями: жестокостью, цинизмом, презрением к ценности человеческой жизни*” /Э. Севрус (Ворохов)/.

Однако в состав анализируемого ассоциативного поля также входят лексемы и с положительной коннотативной окраской, обозначающие **человеческие качества**, проявляемые в борьбе с врагом (*мужество, смелость, храбрость, честь, долг*): “*Война, Всеволод, — это смелость и щедрость*” /Вс. Иванов/, “*Андрей Глебов... участвовал во всех войнах с французами, неизменно показывая чудеса храбрости, и за отличие при Бородино был произведён в генерал-майоры*” /С. Дыбов/.

Отдельные смысловые группы представляют ассоциаты-онимы. Это названия государств, участвовавших или участвующих в войне, либо территорий, на которых велись или ведутся войны (Афганистан, Чечня, Персидский залив, Ангола, Германия), а также названия литературных произведений о войне (“Война и мир”, “Севастопольские рассказы”, “Горячий снег”, “А зори здесь тихие” и др.).

Совсем незначительную группу образуют индивидуальные ассоциаты (*Вовка, флейта, нервы, зверек, лампа, с сосудом*), семантическую связь которых на лингвистическом уровне проследить практически невозможно.

Другие частеречные блоки также достаточно многочисленны по своему составу. Адъективный блок представлен группами номинаций, характеризующими войну с точки зрения: 1) масштабов (*мировая, глобальная, всемирная, локальная*); 2) способов ведения (*ядерная, атомная, холодная*); 3) целей и локализации войны (*гражданская, народная, отечественная, освободитель-*

ная); 4) социально-политического содержания (*империалистическая, феодальная*); 5) продолжительности (*долгая, затяжная, короткая*); 6) последствий (*разрушительная*); 7) эмоциональной оценки (*страшная, жестокая, священная, ужасная, кровавая, жуткая, проклятая, свирепая, пагубная, подлая, ненужная, никчемная, справедливая*).

Адвербиальний — лексемами *страшно, плохо, безнадежно, жутко, насмерть, темно, умышленно*, вербальний — *была, кончилась, началась, прошла, взорвала, грядет, не будет, не повторится, не кончилась, продолжалась, стрелять*.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что между словом *война* и подавляющим большинством ассоциатов существует непосредственная либо опосредованная семантическая связь. При этом чаще всего интегральными являются семы 'вооруженный' и 'борьба', представленные в семантической структуре исходного слова как ядерные. Следовательно, мы можем предположить существование ассоциативно-семантической группы с кауземой *война*, которую образуют те ассоциаты, в семантической структуре которых данные семы будут представлены как периферийные [8]. Определение состава и структуры такой парадигмы составляет перспективу нашего исследования.

1. *Большой* толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — С. Пб., 2003.
2. *Илюхина Н. А.* Семасиология и лингвокогнитивистика: преемственность и методологическое взаимодействие // Язык — текст — дискурс: традиции и новации: материалы международной научной конференции: в 2 ч. / Под ред. Н. А. Илюхиной. — Самара, 2009. — Ч.1. — С.34—41.
3. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое комбинирование и тезаурус литературного языка. — М., 1981.
4. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. — М., 1976.
5. *Клименко А. П.* Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении. Автореф. дис. ... докт. фил. наук. — Минск, 1980.
6. *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы речевого высказывания. — М., 1969.
7. *Русский* ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: Астрель: АСТ, 2002.
8. *Слива Т. В.* Ассоциативно-семантическая группа как форма парадигматической организации лексики (на материале названий сезонов в русском языке). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Киев, 2005.

M. Y. Babych

SEMANTIC LINKS OF ASSOCIATES OF THE WORD *ВОЙНА* (*WAR*)

The article analyses semantic relations of the word *война* and its associates. Associates of different parts of speech are described, however, the main attention is paid to nouns because they define the constituency of associative-semantic group with the каузема *война* (*war*).

Key words: semantics, seme, associate, associative-semantic group.

М. Є. Бабич

СЕМАНТИЧНІ ЗВ'ЯЗКИ АСОЦІАТІВ СЛОВА *ВОЙНА*

Статтю присвячено аналізу семантичних взаємовідносин слова *война* і його асоціатів. Розглядаються асоціати, що належать до різних частин мови, але головна увага приділяється іменникам, оскільки саме вони визначають склад асоціативно-семантичної групи з кауземою *война*.

Ключові слова: семантика, сема, асоціат, асоціативно-семантична група.

Метафорическое обоснование ихтионимов (на материале русского и английского языков)

Объектом данной статьи является ихтиологическая лексика русского и английского языков, в основе которой лежит яркий образ, метафора (например, англ. *common lizardfish* (досл. обыкновенная рыба-ящер), рус. красный ящероголов; англ. *common bigeye*, рус. бычглаз-харерур; или англ. *batfish* (досл. рыба-летучая мышь) и рус. голубой платакс (русское название происходит от латинского *platax orbicularis* и не является метафорическим термином)). В состав анализируемого материала преимущественно вошли метафорические наименования морских рыб бассейна Красного моря.

Ключевые слова: ихтионим, метафора, термин, Красное море.

Кто хоть раз бывал на Красном море, не может остаться равнодушным к его удивительной подводной флоре и фауне. Красное море — это узкая и длинная щель (350 км на 2350 км), разделяющая Евразию и Африку. Глубина его местами достигает 3000 м. В Красном море наблюдается необыкновенное разнообразие жизни: здесь представлено более половины видов рыб и значительная часть беспозвоночных всего Индийского океана. Образовались и новые виды-эндемики (виды, обитающие только в Красном море), которые составляют 20% [14:201–202]. Как и само море, названия его обитателей, в частности рыб, носят яркий, образный характер и, на наш взгляд, представляют интерес для лингвиста. Человека издревле привлекали обитатели подводного мира, и прежде всего рыбы. Они давали человеку вкусную, питательную пищу, вызывали восхищение силой, красотой, совершенством или необычайностью форм, удивительными повадками. Разнообразие рыб очень велико, в мире насчитывается более 22 тысяч (по некоторым источникам до 25 тысяч) видов [7:3].

В лингвистике ихтионимы не раз становились объектом исследования (см. Усачева В. В., Березовская Е. А., Халюков Ю. В., Коломиец В. Т. и др.). Ихтионим (от греч. *ichthys* ‘рыба’, опута ‘имя’) название рыбы (щука, корюшка, сельдяной король). Ихтионимия. Совокупность ихтионимов [6]. Еще Ф. П. Филин писал, что “очень важно составление понятийных (или тематических) словарей (словарей различных отраслей ремесленной терминологии, словарей названий рыб, словарей слов, обозначающих передвижение и т.д.). Такие словари составлялись и составляются, но их ещё у нас мало” [цит. по 5:5]. Ф. П. Филин писал, конечно, о диалектных словарях, но, на наш взгляд, систематизация и описание любого пласта обыденной и научной лексики представляет интерес не только с чисто лингвистических и переводческих позиций, но и с лингво-когнитивных, давая представление о мировоззрении народа(ов), проливая свет на то, что мотивировало появление данной номинации и т.д.

В работе проанализировано около 200 номинативных единиц на английском, русском и латинском языках, собранных методом сплошной выборки из словарей, энциклопедий, справочников и гидов. Исследование опирается на достижения ихтиологии, биологии, зоологии, географии, компаративистики, диалектологии, этимологии, терминоведения. Анализу подвергалась как специальная, так и общеупотребительная лексика.

По мнению В. В. Усачёвой, “в народной ихтионимии часто присутствует элемент метафоры, художественного образа, субъективной оценки реалии. В названиях-словосочетаниях ярко отражается образность, ассоциативность народного мышления, диалектное наименование подчеркивает самое существенное в реалии — будь то описание по внешнему признаку — цвету, форме, величине или по сходству рыбы с каким-нибудь предметом, животным” [11:107].

Исходным языком анализируемого материала в большинстве случаев являлся английский, затем этот же вид рыбы рассматривался в русском, иногда в латинском языках. В результате проведённого анализа были выделены следующие виды метафорических переносов [13:15]:

1. Перенос наименования на основе сходства внешнего вида: англ. *batfish* (досл. рыба-летучая мышь), рус. *голубой платакс* от лат. *Platax orbicularis* [10], [9], от лат. *Orbiculus* [demin. orbis] 1) кружок, круглый ломтик; 2) шарик [2:710].

2. Перенос наименования на основе сходства цвета: англ. *Redmouth grouper* (досл. красноротый групер) рус. *красноротый групер* [10:88–89]; англ. *Rusty parrotfish* (досл. ржавая рыба-попугай) рус. *ржавая рыба-попугай* [10:216–217].

3. Перенос наименования на основе сходства величины: англ. *Whale shark* рус. *китовая акула* [10:30–31]. Мотивом переноса в обоих языках выступает общая черта: самое крупное животное на земле и самая большая акула.

4. Перенос наименования на основе сходства формы: англ. *Scalloped hammerhead shark* (досл. зубчатая рыба-молот), рус. *бронзовая рыба-молот* [10:5–6]. Внешний вид этой рыбы настолько уникален, что в английском языке можно встретить название данной рыбы, просто сокращённое до *hammerhead* (молотоголовая). Однако метафорический потенциал наименования рассматриваемого вида акулы, обитающего, в том числе и в Красном море, свидетельствует о сложных ассоциативных связях, лежащих в основе образования данной метафоры: помимо очевидного сходства головы с предметом “молот”, как в русском, так и в английском языке, в английском *scalloped* (зубчатый) “разворачивает” метафору, далее поясняя форму головы рыбы, на которой имеются неровности в виде фасадных зубчиков, а в русском языке метафорический образ развивается в сторону цвета “бронзовая”, т.к. тело рыбы серого цвета, “иногда имеющее коричневатую или оливковую тональность” [10:28].

5. Перенос наименования на основе сходства определённой части тела: англ. *Humpback snapper* (досл. горбатый кусака), рус. *горбатый луциан*. В английском языке метафора прослеживается не только в названии вида (перенос основывается на определённой части тела: *hump* — горб), но и в названии всего семейства *snapper* (досл. кусаки). Рот этих рыб снабжён крепкими выдающимися вперед зубами, за что их называют “зубанами” [10:119]. В русском же языке название семейства является латинской калькой луцианы (лат. *Lutjanunidae*), а в номинации вида уже закрепляется сходство между горбом как частью тела человека и мощным, сжатым, высоким в передней части телом горбатого луциана [10: 122].

6. Перенос наименования на основе сходства повадки: В англ. *Common lizardfish* (досл. обыкновенная рыба-ящерица), в рус. *красный ящероголов*. Мотивом переноса названия в английском языке послужила общая черта — способность ящерицы маскироваться под окружающую среду, а также некоторое внешнее сходство, а в русском языке мотивационная основа, прежде всего, — внешнее сходство части тела ящерицы с головой рыбы, а также “коричневая или красноватая окраска с пятнами разной тональности” [10:58].

7. Перенос наименования на основе сходства “социального” положения (или номинация по сходству функций [например, 11:150]): англ. *Cave sweeper* (досл. подметальщик пещер) или по месту обитания, так как эти рыбы “устраиваются на ночлег в пещерах” [14:218], рус. *темнопёрый большеглаз* [10: 140–141]. В русском языке в основе метафорического наименования лежит комплексная ассоциация по форме, окраске и части тела. В английском есть еще два названия этой рыбы: англ. *Hatchetfish* (досл. рыба-томагавк / рыба-топор, ср. фр. *Hachette des grottes*). В данном случае перенос наименования осуществляется на основе внешнего сходства рыбы с предметом. Во втором случае, англ. *Vanikolo sweeper* [9:292] представляет собой кальку с латинского лат. *Pempheris vanicolensis*.

В метафорических названиях ихтиофауны нашли своё отражение названия лиц по профессии (англ. *white-edged soldierfish*, рус. *мурджан, большеглазая рыба-солдат*; рус. *алая бородавчатая рыба-клоун*, но в англ. *freckled frog-fish* (досл. веснушчатая рыба-лягушка); англ. *Sohal surgeonfish* (досл. Сохал рыба-хирург), рус. *аравийская рыба-хирург*); по должности/положению/званию (англ. *eyeshadow cardinalfish* (досл. рыба-кардинал) и рус. *радужный кардинал*; англ. *spangled emperor* (досл. украшенный блёстками император), рус. *звёздчатый летрин*; англ. *sergeant major* (досл. главный сержант), англ. тот же вид *cockeye pilot* (досл. пилот с петушиными глазами), рус. *обыкновенный абудефдуд*).

В ряде случаев основой переноса стали названия мифологических/библейских персонажей: в англ. *Arabian angelfish*, рус. *аравийская рыба-ангел*.

Гигантский скат манта имеет и в английском, и в русском несколько номинаций, одна из которых англ. *devil fish* (досл. рыба-дьявол) [8], *devilfish*, *devil ray* (досл. дьявольский скат) [9:791]. В русском языке — *гигантский морской дьявол* [9:791]. В некоторых других языках также осуществляется перенос по сходству вида данной рыбы с принятым образом дьявола (ср. фр. *Diable de mer* [9:791]). Манта — самый крупный скат, его грудные плавники заострены и напоминают крылья, а движение плавников манти похоже на полет [14:138]. Дополнительным поводом к их “дьявольской” репутации послужило то, что манти имеют обыкновение выпрыгивать из воды и обрушиваться на поверхность всей своей огромной массой [4:141]. В самом латинском названии лат. *Manta birostris* также содержится метафора, однако в основе лежит другой мотивационный признак, сходство ската с огромным плащом, лат. *mantum*, или *mantus* плащ, накидка [2:617]. Схожий мотивационный признак лежит в другом английском названии этой рыбы: *Atlantic blanket fish* (досл. атлантическая рыба-одеяло) [9:791]. Относится манта к семейству рогачевых. Передние части грудных плавников обособлены и образуют по бокам рта пластины — головные плавники. Когда скат выставляет их вперёд, получается воронка, с помощью которой он собирает в широкую пасть корм — планктон и мелких рыбок. Внешне головные плавники напоминают два плоских рога, из-за чего манти называют рогачевыми скатами [4:141], в английском это нашло отражение в номинации *horned ray* (досл. рогатый скат) [8].

Одно из названий Параприакантуса Гюнтера в английском языке *Red Sea dwarf sweeper* (досл. красноморский гномовый подметальщик). В данной номинации прослеживается схожесть рыбы с гномом. Более распространенное английское название этой рыбы *Glassfish* (досл. стеклянная рыба). Мотивационным признаком в данном случае выступает прозрачность рыбы, схожая со стеклом.

Перенос на основе мифологического персонажа прослеживается в ихтиониме англ. *Midas blenny*, рус. *Эксен-Мидас* [10:230–231]. Как в английском, так и в русском названии в ярком жёлтом цвете рыбы, вероятно, закрепилась аллюзия на фригийского царя Мидаса, которого Дионис наделил волшебной силой всё, к чему ни притронется царь, превращать в золото.

Личные имена также нашли отражение в красноморской ихтиофауне. Одним из ярких представителей является, несомненно, рыба-Наполеон. Наполеон или хейлинос (лат. *Cheilinus undulatus*) относится к семейству губановых. Небольшой выдвижной рот, толстые и мясистые губы — признак всех губановых. Это помогает им засасывать добычу. По мнению людей, давших ей такое название, большой шишкообразный вырост на голове этой рыбы похож на треуголку Наполеона, а важность и степенность этой огромной рыбы вполне соответствует императорскому имени [14:212]. В английской ихтиологии существуют следующие номинации этого вида: англ. *Napoleon fish* (досл. рыба-Наполеон) [10:208–209], *Napoleon wrasse* (досл. Наполеон губан) и *Humphead wrasse* (досл. шишкоголовый губан) [15,4:301].

Примером личного имени, закрепившегося в названии рыб является номинация англ. *Arabian Picassofish* (досл. аравийская рыба-Пикассо) [10:272–273] или просто *Picasso* [9:411], рус. *красноморский ринекант Пикассо* [10:272–273] или *рыба Пикассо* [14:214]. Она названа в честь великого живописца, чьи яркие, решённые в авангардном стиле работы напоминает раскраска этого спинорога. Рыба Пикассо — эндемик Красного моря [14:214].

Относительно сложности анализа лексем, возникающих путем метафоризации по семантической модели человек → ихтионим, мы согласны с В. В. Усачёвой, утверждающей, что “сложность заключается в том, что не всегда можно выявить ономаσιологические посылки, послужившие причиной возникновения рассматриваемых терминов, что затрудняет реконструкцию мотивационных признаков семантических дериватов. Не всегда удается установить, какой конкретный признак десигната послужил основанием для переноса названия и дал повод использовать имеющееся в языке слово в качестве обозначения рыбы” [11:144], например, англ. *Vanikolo sweeper*.

В результате анализа было выявлено, что большинство ихтионимов, номинирующих рыб Красного моря, как в русском, так и в английском языке имеют метафорическую основу. Среди мотивировочных (дифференциальных) признаков, положенных в основу ихтионимов, большинство (особенно это касается переноса наименования на основе сходства внешнего вида, формы, определённой части тела) номинативных единиц имеет прозрачную мотивационную основу. В некоторых случаях наблюдается совпадение, а в некоторых несовпадение метафорических признаков в английском и русском языках; это, несомненно, объясняет и схожесть видения предметов, и

различие в картинах мира разных народов, что закрепляется в языке. Большим потенциалом как источник метафоризации обладает животный мир, сам человек и артефакты, окружающие его.

1. *Березовская Е. А.* Ихтиологическая лексика в говорах русского Севера: Автореф. дис. ... канд. филол. наук — Екатеринбург, 2006.
2. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. — М., 1976.
3. *Жизнь животных. Рыбы. Т.4. Ч.1.* / Под ред. Т. С. Паса. — М., 1971.
4. *Жители моря* / Ред. М. Аксёнова и др. — М., 2005.
5. *Карасёва Т.* Словарь названий пищи в воронежских говорах // Русистика и современность. Языкознание 4. — Rzeszów, 2006. — С. 37–39.
6. *Краткий* понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.etymolog.ru
7. *Неелов А. В.* Рыбы. — Л., 1987.
8. *Орлов Д. В.* Англо-русский, русско-английский подводный словарь аквалангиста. — М, 2000.
9. *Пятиязычный* словарь названий животных. Рыбы. Латинский — русский — английский — немецкий — французский. — М., 1989.
10. *Салиотти А.* Рыбы Красного моря. — Verona, 2003.
11. *Усачёва В. В.* Славянская ихтиологическая терминология. Принципы и способы номинации. Обратный словарь. — М., 2003.
12. *Франк Ст.* Иллюстрированная энциклопедия рыб. — Прага, 1983.
13. *Халюков Ю. В.* Лексика орловских рыбаков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Орёл, 2008.
14. *Школьник Ю. К.* Подводный мир. Полная энциклопедия, — М., 2007.
15. *Grzimek's Animal Life Encyclopedia, Second Edition. Volume 4, Fishes I.* — Gale, 2003.
16. *Grzimek's Animal Life Encyclopedia.* — 2nd Ed. — Vol.5. Fishes II. — Gale, 2003.
17. *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language.* New ed. rev. — N. Y., 1996.

O. V. Dekhnich

METAPHORICAL NATURE OF ICHTHYONYMS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The article deals with the comparative analysis of ichthyonyms with metaphorical nature in English and Russian. Some Latin origins are also used to restore the inner form of the given terms. The article reveals certain differences and similarities in metaphorical thinking of two peoples.

Key words: ichthyonym, metaphor, term, the Red Sea.

О. В. Дехніч

МЕТАФОРИЧНЕ ОБҐРУНТУВАННЯ ІХТІОНІМІВ (НА МАТЕРІАЛІ РОСІЙСЬКОЇ ТА АНГЛІЙСЬКОЇ МОВ)

У статті розглядається іхтіологічна лексика російської та англійської мов, в основі якої лежить яскравий образ, метафора. Наводяться також деякі латинські назви для встановлення внутрішньої форми розглянутих термінів. У статті відзначено певну подібність або різницю в метафоричному мисленні обох народів.

Ключові слова: іхтіонім, метафора, термін, Червоне море.

Д. Дзядош

Ономатопеи в польском и русском языках

Статья посвящена сопоставительному анализу ономатопей в польском и русском языках. В работе используются как материалы словарей, так и новейшие ономатопеи, источником которых является язык молодёжи и интернет. Сравнительный анализ материала сконцентрирован на форме и содержании ономатопей. Сравнение содержания ономатопей в польском и русском языках опирается на их деление по Р. А. В. Бладону, в классификации которого учитывается прежде всего источник звука.

Ключевые слова: русский и польский языки, ономатопеи, семантика

Ономатопеи — это слова, которые своим звучанием (подбором звуков, ударением, интонацией) имитируют звуки и движения денотатов, к которым они относятся. Напр. п. *bim-bam-bom* относится к ударам колокола и одновременно имитирует его изменяющийся звук. Это достигается путём изменения гласного в каждом слоге и употребления звонкого, взрывного звука [b]. Ономатопея *frr* обозначает звук, который издают крылья птицы, и одновременно имитирует этот звук при помощи звука [f], который ассоциируется с быстрым движением предмета в воздухе, звука [r], который произносится долго и чётко, а также при помощи восходящей интонации, имитирующей направление движения птицы.

Ономатопеи могут имитировать звуки, издаваемые человеком, напр. *cha-cha, a-psik, тьфу, агу*, и предметами, которые создал человек, напр. *pstryk, zgrzyt, бим-бам-бом*. Ономатопеи передают также звуки природы, напр. животных: *chau-chau, kukuryku, мяу-мяу, чик-чирик*, ветра — *wii*, воды — *szzsz*, капель — *kap*.

Некоторым звукам сопутствуют движения, напр. *tup, pac*. Поэтому ономатопеи могут одновременно имитировать и то и другое. В некоторых ономатопеях элемент имитации движения даже преобладает, напр. *fajt, łaps*.

В польской лексикографии под понятием **ономатопея** подразумевается прежде всего: *wyraz lub zespół wyrazów naśladowujących swym brzmieniem dźwięki naturalne; odtwarzanie środkami językowymi dźwięków naturalnych*, np. *bzz, kwa kwa* [3]. (Слово, которое своим звучанием имитирует натуральные звуки; воспроизведение натуральных звуков при помощи языковых средств, напр.: *bzz, kwa kwa*).

В русской лексикографии ономатопея (греч. *onomatopoiia* — словотворчество, от *ónoma*, родительный падеж *onumatos* — имя и *poieō* — делаю, творю), 1. звукоподражание, в лингвистике звукоподражательные слова, возникшие на основе фонетического уподобления неречевым звукокомплексам (“мяукать” — от “мяу”) и сам способ их образования; 2. условная словесная имитация звучаний живой и неживой природы и мира вещей (“ку-ку”, “бум-бум”, “а девица — хи-хи-хи! да ха-ха-ха!”) [8]. В *Лингвистическом энциклопедическом словаре ономатопея* (звукоподражание) толкуется как: “закономерная не произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым (акустическим) признаком денотата. Звукоподражание также определяют как условную имитацию звучаний окружающей действительности фонетическими средствами данного языка” [4:165].

В настоящей статье будут рассматриваться ономатопеи в значении слов, имитирующих звуки окружающей нас природы, человека и вещей. Источником материала для анализа послужили польские и русские словари [1; 3; 5; 6; 7].

Анализируя польский и русский языковой материал с формальной точки зрения, я выделила несколько групп ономатопей, учитывая степень их сходства в обоих языках.

В анализируемом материале очень много ономатопей, форма и содержание которых в польском и русском языках тождественны. К таким словам относятся, напр.: имитации звука смеха: *cha/xa, chi/xu, che/xe, ho/xo*, хруста: *chrup/xrup*, имитации звуков, издаваемых животными: овцы: *be/бе*, козы: *me/ме*, кошки: *miau/мяу*, осли: *i-a/u-a*, коровы: *mu/му*, кукушки: *kuku/куку*, курицы: *ko/ко*, насекомых: *bzz/бзз*; репрезентации звуков, издаваемых предметами: звуки колокола или

часов: *bim/бим, bam/бам, bom/бом*, выстрелов: *pif/ниф, paf/наф, pif-paf/ниф-наф* или *trach/трах*, взрыва или удара: *buch/бух*, стучания: *stuk/стук*, часов: *tik-tak/тик-так*, капель: *kap/кап*, жидкости: *bul/буль*, горна: *tra-ta-ta/тра-та-та*, а также слова, имитирующие одновременно звуки и движения, напр: прыжок: *hop/хон*, или хватание чего-то: *chap/хан, cap/цап*.

Следующая группа ономапопей — это такие, формы которых похожи, но не идентичны. Они передают звуки, издаваемые человеком, животными или предметами. Различия форм этих ономапопей отчасти объясняются различиями фонологических систем польского и русского языков. Это напр.: свист: *fiu/фю*, чавкание: *mniat/ням*, чмокание: *stok/чмок*, чихание: *a psik/апчих*, плевание: *tfu/тьфу*; дутье: *ff, fu/фу*, звук шагов: *tup/тон* или тяжёлых шагов: *człap/шлён*, прыжков: *pyrg/прыг* и лепет малышей: *gu, a gu /агу*. А также голоса животных, напр.: свиньи: *chrut/хрю, kwi/ви*, петуха: *kukuryku/кукареку*, совы: *uhu/ух*, вороны: *kra/кап*, гуся: *ge/га*, голубя: *gruchu/гурку*, звук крыльев: *frr/fppk*, звуки неживой природы, напр.: воды: *chlup/хлюп, chlust/хлусть* и звуки, издаваемые предметами: звук дверей: *skrzyp/скрип*, клаксона: *pi-pip/би-би*, звонка: *dzyn/дзинь, ding-dong/дин-дон*, музыкальных инструментов: *tirli/тилли* или звонкого удара: *brzdęk/бряк*. Похожие формы имеют имитации внезапного быстрого движения: *mig, тук/шмыг* и внезапного сильного удара или упадка: *bach/бабах, бęc/бац*.

Различия форм ономапопей в польском и русском языках чаще всего связаны с отсутствием или наличием одного из звуков в ономапопее, напр.: *frr/fppk* или *uhu/ух, mniat/ням*, замены одного звука другим, напр.: *kukuryku/кукареку, tup/тон* отсутствия или наличия мягкости, напр.: *chlup/хлюп, dzyn/дзинь* и замены звуков местами, напр.: *pyrg/прыг, kra/кап*.

Интересны немногие примеры ономапопей, которые в обоих языках имеют одинаковые формы, но различаются содержанием, передают звуки, издаваемые разными животными или предметами. Это, напр., польское *kwa*, которое имитирует звук, издаваемый уткой, и русское *ква* — звук лягушки; польское *kra*, издаваемое вороной, и русское *кря* — голос утки; польское *trach*, которое в словарях толкуется как звук взрыва или разламывания чего-то, и русское *трах*, которое имитирует внезапный удар, падение чего-то; польское *chlup* — имитация звуков чмокания, плача, громкого питья и русское *хлюп* — звук шагов по чему-то мокрому; польское *szi-szi*, имитирующее шорох, шелест, и русское *шу-шу* — шёпот.

Несмотря на многие примеры ономапопей, которые в польском и русском языках идентичны или очень похожи по форме и содержанию, существует большая группа ономапопей, формы которых в обоих языках сильно различаются. Эти формы свойственны лишь одному языку. Примеры таких ономапопей: польские *bryzg* — звук, который возникает, когда что-то упало в воду, *bui* — плач или (реже) низкий монотонный звук, *ciach* — звук разрезания чего-то, напр., ножницами, *fajt* — имитация движения и одновременно звука, который возникает, когда кто-то провалился, *hos* — звук, который сопровождает танец и прыжки, *kic* — имитация прыжка маленького животного и одновременного движения, *kłap* — звук, который возникает, когда закрывается клюв или челюсть, *kum* — голос лягушки, *łubudu, łubudubu* — звук сильного удара или взрыва, *prztyk, pstryk* — звук, который возникает при нажатии кнопки или звук удара пальцем в палец, *rym, rymy* — звук тяжёлого падения, *siup* — звук прыжка или имитация любого быстрого движения, *tyr* — звук двигателя. Русские ономапопеи, которые в похожей форме не существуют в польском языке, напр.: *бултых* — звук, который возникает при размешивании жидкости, *жвык, жвык* — звук свиста кнута, розги или летящей пули, *ёк* — звук ударов во время езды по плохой дороге, *кахи* — звук кашля, *кок* — звук удара, напр. по голове или звук, возникающий, когда что-либо разбивается, *кудах-тах-тах* — голос курицы, *курлы* — голос журавля, *плюх* — звук падения чего-то плоского, *толк* — имитация толчка, *трень-брень* — звук игры на струнном инструменте, *тяв* — лай маленькой собаки, *у-у-у* — звук ветра, *хны* — плач, *чик-чирик* — голос воробья, *шмяк* — звук удара, падения чего-то мягкого, *юрк* — имитация быстрого исчезновения.

Чтобы провести сравнение содержания ономапопей в польском и русском языках, я опиралась на их деление по Р. А. В. Бладону [2]. В его классификации учитывается прежде всего источник звука. В соответствии с этим исследуемый материал можно разделить на следующие группы:

Ономапопеи, источником которых является человек:

а) вокальный источник звука — речевой. Это немногие примеры ономапопей, обозначающие говорение: *ple-ple*, шёпот — *шу* или лепет: *gu, agu/агу*;

б) вокальный источник звука — неречевой. Эта группа намного обширнее, чем предыдущая. Здесь ономотопеи, которые обозначают, напр.: смех: *cha/ха, chi/хи, che/хе, ho/хо*, чмоканье: *stok/чмок*, чихание: *a psik/апчих*, плач: *chlip, ai, be/хны, кувя*, свист: *fiu/фю*;

в) невокальный источник звука. Это ономотопеи, которые передают звуки, возникающие в результате каких-то действий, движений человека, напр.: звук шагов: *tup, tupi, człap/тон, тук, шлёп* или жевание чего-то твёрдого: *chrup/хруп*.

2. Ономотопеи, источником которых не является человек:

а) естественный источник звука — животное. Это прежде всего имитации голосов разных животных, напр., козы: *me/ме*, кошки: *miau/мяу*, собаки: *hau-hau/гав-гав, гам-гам, тьяв*, свиньи: *chrum/хрю, kwi/ви*, петуха: *kukuryku/кукареку*, совы: *uhu/ух*, вороны: *kra/кар*, гуся: *ge/га*. В этой группе находятся также имитации звуков, издаваемых животными в результате каких-то движений, напр., звук крыльев птиц: *frr/fppk* или насекомых: *bzz/ж-ж-ж, бзз*;

б) естественный источник звука — не животное. Это звуки неживой природы, напр., воды: *chlup/хлоп, chlust/хлусть*, капель: *kap/кан*, жидкости: *bul, gul/буль*, ветра: *wiu/у-у-у*, моря: *szsz/шш*, удара чего-то мягкого: *pac, plask/плюх, хлест, хлоп, шлёп*, скрипа: *skrzyп/скрип*;

в) искусственный источник звука. Это имитация звуков, издаваемых предметами, которые создал человек, напр., звонка: *dzyn/дзинь, ding-dong/дин-дон*, музыкальных инструментов: *tirli/тили*, колокола: *bim/бим, bam/бам, bot/бом*, часов: *tik-tak/тик-так*.

3. Ономотопеи, которые отражают движение.

Это имитации, отражающие одновременно звук и движение, в которых имитация движения часто даже преобладает над репрезентацией звука, напр.: прыжок: *hop/хон*, или хватание чего-то: *chap/хан, cap/цан*.

Проведённый анализ даёт возможность сказать, что самую большую группу ономотопей в исследуемых языках составляют имитации звуков естественного происхождения, источником которых не является человек. Это голоса животных, звуки разного рода ударов и падений, которые сопровождают разные действия и явления.

В обоих языках многие звуки имеют две или больше синонимических репрезентаций. Принадлежат к ним звуки ударов, выстрелов, падений, а также звуки колоколов и часов, напр.: звук выстрела в русском языке может иметь имитацию: *бабах, бах, наф, пиф-наф, трах, трах-трах, хлоп, шарк, чик*, а звук падения в польском: *klap, bach, бєс, bum, łubudu, łubudubu, łup, prask, rym*.

Интересно, что как в польском, так и в русском языке существуют ономотопеи, которые одной формой передают звуки разных предметов, животных, человека. Можно поэтому говорить об омонимических формах ономотопеи. Напр. польская ономотопея *bzz* может отражать звук, который издаёт насекомое, звук пули или какого-то механического устройства, или же один из звуков, издаваемых человеком, когда он спит: *chrr-bzz*. Ономотопея *pii* одновременно обозначает голос маленького животного, чаще всего цыплёнка или мышонка, звук, издаваемый каким-либо электронным устройством, напр., компьютером или, реже, тихий звук, издаваемый человеком. *Plum* одновременно передаёт звук музыкального инструмента и звук, который возникает, когда что-то падает в воду. В русском языке это, напр.: *дзинь*, которое обозначает звук звонка, звук удара во что-то металлическое или имитирует звук бьющегося стекла; *чик*, имитирующее краткий шелчок, звук, издаваемый ножницами, звук удара чем-то тонким и гибким или же звук выстрела.

Надо отметить, что не все ономотопеи имеют свои соответствия в обоих языках. К ономотопеям, которые не имеют соответствий во втором языке, относятся, напр.: *klap, ciur, siur, бултых, кок* или *чик-чирик*.

1. *Ва́йко М.* Słownik onomatopei czyli wyrazów dźwięko- i ruchonaśladowczych. — Warszawa, 2009.
2. *Бладон Р. А. W.* Approaching onomatopeia, "Archivum Linguisticum" 8. — 1977. — S. 158–166.
3. *Словник języка polskiego / Pod red. M. Szczymszaka.* — Warszawa, 1988.
4. *Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева.* — М., 1990.
5. *Германович А. И.* Междометия и звукоподражательные слова русского языка. — Симферополь, 1961.
6. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rubricon.com, 2001–2002.
7. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. — М., 1988.
8. ru.wikipedia.org

Dorota Dziadosz

ONOMATOPOEIAS IN THE POLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

The work concerns confrontational analysis of onomatopoeias in the Polish and Russian languages. The main reference materials used in the article come from Polish and Russian dictionaries. Confrontational analysis is focused on the form and the content of onomatopoeias. Basic dictionary meaning of onomatopoeia is taken into consideration in the work. Comparative analysis of the content of onomatopoeias in the Polish and Russian languages is based on their source of sound division created by Bladon.

Key words: Polish, Russian, onomatopoeias, semantics.

Д. Дзядош

ОНОМАТОПЕЇ В ПОЛЬСЬКІЙ ТА РОСІЙСЬКІЙ МОВАХ

Статтю присвячено зіставному аналізу ономаатопей в польській та російській мовах. В роботі використано матеріали словників і новітні ономаатопеї, джерелом яких є мовлення молоді та інтернет. Зіставний аналіз матеріалу сконцентровано на формі й змісті ономаатопей. Порівняння змісту ономаатопей у польській та російській мовах спирається на їх поділ за Р. А. В. Бладоном, у класифікації якого враховується перш за все джерело звуку.

Ключові слова: польська та російська мови, ономаатопеї, семантика.

УДК 811.161.1:81'373.45:81'37

А. В. Лебедева

Изменение семантического объёма англицизмов в процессе заимствования современным русским молодёжным сленгом

В статье исследуются англицизмы, функционирующие в современном русском молодёжном сленге, рассматриваются семантические изменения, которые происходят в процессе их заимствования русским языком.

Ключевые слова: заимствования, англицизмы, молодёжный сленг, сленгизмы, семантические процессы.

В русском языке последнего десятилетия фиксируется большое количество англоязычных заимствований, которые стремительно проникают в речь современной молодёжи.

Интенсивное пополнение современного русского языка заимствованиями из английского языка вызывает повышенный интерес со стороны учёных-языковедов (Архипенко Л. М., Астанина Н. А., Баранова Л. А., Гугунава Д. В., Дружин Г. В., Дьяков А. И., Забело И. В., Казарян Г. Г., Клипатская Ю. А., Ларионова Е. В., Максимова Т. В., Максимов В. И., Мозовая И. Н., Морозова И. О., Обухова И. Н., Полякова Т. М., Сэрээнэц Цэндсурэн, Сологуб О. П., Чан Хоанг Май Ань, Шаклейн В. М., Шапошников В. Н. и др.) и обуславливает актуальность данного научного исследования.

Недостаточное внимание, на наш взгляд, уделяется проблемам семантической адаптации англицизмов, изменениям, которые происходят при освоении иноязычных лексем русским языком.

Целью статьи является рассмотрение семантических трансформаций заимствованных из английского языка слов в современном русском молодёжном сленге.

В процессе анализа лексического материала установлено, что при заимствовании некоторых слов из английского языка в русский язык происходят определённые семантические сдвиги. Так, часть англоязычных заимствований, проникая в русский молодёжный сленг, функционирует в значениях, которые в английском языке отсутствуют.

Лексема *session* в стандартном английском языке имеет следующие значения: 1. а) ‘заседание, собрание, совещание’; б) ‘судебное заседание’; 2. ‘сессия (парламентская, судебная)’; 3. ‘сессия, сеанс’; 4. а) ‘учебный семестр или триместр (в шотл. и американских университетах)’; б) ‘учебные занятия; уроки в школе’; 5. ‘какое-л. дело, разговор (обычно связанные с чем-л. неприятным)’; 6. ‘сеанс, сессия (работы пользователя с системой)’.

Сейшен, сейшин, сэйшен, сейшон, сэшн (от англ. *session*) в современном русском сленге обозначает: 1. ‘рок-концерт, рок-фестиваль’: *На “сейшенах” царили местные кудрявые Хендриксы, Клэптоны, Джимы Моррисоны и Роберты Планты* [5:532]; *Проходил он [фестиваль] в конце марта в СК “Крылья Советов” и по своей крутизне наглухо убрал многие имевшиеся до этого сейшены* [6:625]; *Башлит эту сейшен один фарш* [4:413]; 2. ‘вечеринка, тусовка, сборище’: *Сейшин — любого объёма тусовка, необязательно музыкальная* [5:532]; Иногда англоязычные жаргонизмы нарочито вульгаризированы: ср. *сэйшон (вечеринка) — нейтральное сейшин* [6:625]; *На этой неделе он сэйшин устраивает, приглашает всех* [5:532]; *Сэшн — вечеринка* [6:626]; 3. ‘туристический поход’: — *Пойдём летом на сейшен? — А палатки есть?* [2:247; 5: 532; 6:626]; 4. ‘встреча с кем-либо’; 5. ‘классный час’: *Каждую пятницу — сейшен по итогам недели* [2:247]; 6. ‘торжественное или какое-либо другое собрание’: *На торжак можно не ходить — на сейшенах не отмечают — кто был, кто не был* [2:247]; 7. ‘уход с урока, пропуск урока без уважительной причины’: *В школьной фене “сейшен” — это закос, свал с урока* [2:247].

Слово *sponsor* в английском языке имеет значения: 1. ‘гарант, поручитель’; 2. ‘спонсор (лицо, организация, финансирующие какое-л. мероприятие, организацию)’; 3. ‘организатор; инициатор’; 4. а) ‘крёстный отец, восприемник; крёстная мать, восприемница’; б) ‘опекун, попечитель’.

Английское заимствование *спонсор* в общенациональном русском языке функционирует в значениях: 1. ‘лицо (организация, предприятие), финансирующее какое-л. мероприятие’; 2. ‘фирма, заказывающая радио- или телепрограмму в рекламных целях’; 3. ‘инициатор, организатор’; 4. ‘государство или политический деятель, предложившие проект резолюции по международному вопросу’. Таким образом, в стандартном русском языке функционируют два производных значения английского этимона.

В современном русском молодёжном сленге лексема *спонсор*, которая проникла в жаргон из стандартного русского языка, имеет следующие значения: 1. ‘богатый любовник, содержащий, материально поддерживающий девушку’: *Бикса — девушка, спонсор — друг девушки, который её содержит* [5:560]; *А ты-то как, любишь его или так, спонсор?* [6:659]; 2. ‘водитель автомобиля, который едет впереди на большой скорости, первым попадает к работникам ГИБДД и платит штраф’: *По трассе ехали, чтобы не платить, спонсора поймаем, пристроимся ему в хвост, он платит, если что, а мы едем дальше* [5:560; 6:659]; 3. чаще мн. *спонсоры* ‘родители’: *Когда спонсоры возвращаются? Надо квартиру убирать* [6:659]; 4. ‘мужской половой орган’: *А спонсором по лбу не хочешь?* 5. ‘презерватив’ [5:560; 6:659].

При заимствовании одного или нескольких значений многозначного английского слова наблюдается процесс **сужения значения** англицизма:

В английском языке слово *little* обозначает: 1. ‘маленький, небольшой, малый (о размере); малочисленный (о количестве)’; 2. ‘короткий, близкий (о времени, расстоянии)’; 3. ‘маленький (по возрасту); младший’; 4. ‘небольшой, незначительный; несущественный; несерьезный; мелкий’.

Сленгизм *литл* или *литляк* (от англ. *little*) в русском молодёжном сленге употребляется в значениях: 1. ‘человек небольшого роста, некрупный человек’: *Куда этот литляк на тусовку припёрся? Его ж любая девка кормой зашибёт* [5:318]; *Почему-то она лайкает только литлов* [4:246]; 2. ‘неопытный человек’: *Ненавижу литловых врачей: залечат так, что коньки отбросишь* [4:246].

Сленгизм *литловость* имеет значение ‘неопытность’: *Его литловость подведёт нас всех* [4:246].

Прилагательное *литловый* обозначает: 1. ‘небольшой по размеру, количеству и т.д.’: *Тут лежал пакетик такой литловый* [5:318]; *Там прайс литловый* [6:351]; *Какой он оказался литловый!* [4:246]; 2. ‘небольшой (о цене), недорогой’: *Я сейчас такую литловую книжку купила, что никак не могла поверить, что она столько стоит* [4:246]; 3. ‘невысокий, небольшого роста’: *Литловый, вот такой. А какая, говорит, разница, мы — люди взрослые* [5:318]; *Её бойфренд оказался таким*

литловым, я этого даже не ожидала [4:246]; 4. ‘более молодой, младший’: *У неё брат литловый* [5:318]; *Он выглядит старшим из нас, а на деле он самый литловый* [4: 246].

Таким образом, русским сленгом заимствованы не все значения английской лексики, однако уже непосредственно в русском жаргоне у англицизма появились другие значения, отсутствующие в английском языке.

Слово party в стандартном английском языке является многозначным и имеет следующие значения: 1. а) ‘сторона в сражении, споре, противоборстве, противостоянии’; б) юр. ‘сторона’; в) ‘участник, соучастник’; г) шутл. ‘особа, субъект, человек’; 2. ‘политическая партия’; 3. а) ‘отряд, команда, группа’; б) ‘свита, сопровождающие лица’; в) ‘компания, тусовка’; 4. ‘вечеринка, приём’.

Сленгизм *пати* (от англ. party) в русском сленге обозначает 1. ‘вечеринка, тусовка’: *Ты идёшь к ней на пати?* [5:422]; *Я выписала к нам на пати Ивана Петровича* [4:331]; *Региональные промоутеры также ответственно подходили к организации своих “пати”*; 2. ‘металлист, любитель металлического рока’ [6:486].

Школьный жаргонизм *патеика* (от англ. party) имеет значение ‘школьный вечер, культурно-массовое мероприятие’ [2:202].

Сленгизм *патира* (от англ. party) в значении ‘человек, участвующий в вечеринке, тусовке’ возник непосредственно в русском молодёжном сленге: *Посмотреть и послушать самого Кокса — мечта любого рейвера или, как теперь принято называть клубящуюся молодёжь, патира (от слова “пати”)* [5:422; 6:487].

В английском языке слово skip многозначно и как глагол имеет значения: 1. а) ‘прыгать, скакать; бежать вприпрыжку’; б) ‘резвиться’; 2. ‘прыгать через скакалку’; 3) ‘перепрыгивать’; 4. а) ‘пропускать, не затрагивать’; б) ‘сразу переходить’; в) ‘перескакивать’; г) ‘пропускать, не принимать участия’; 5) ‘бегло просматривать’; б) ‘перепрыгивать, перескакивать (через класс)’; 7) ‘заставлять прыгать по поверхности чего-л. или отскакивать рикошетом’; 8. а) ‘в спешке покинуть’; б) ‘скрываться, смываться’; 9) ‘пропускать зажигание (о двигателе)’.

Сленгизм *скипать* (от англ. to skip) употребляется в значениях 1. ‘уходить по-английски, то есть незаметно, не прощаясь’: *Он хочет скипать, я его поддерживаю в этом* [4:419]; 2. ‘(куда, откуда) идти, ехать, уходить, уезжать куда-л.’: *Пипл, мне пора скипать* [5:542]; — *Всё в полном райте, скипаем в Питер. — Ну да, скипаем. А что там будет?* [6:637]; *Не удерживай меня, мне реально надо скипать* [4:419]; 3. ‘убегать, скрываться в случае опасности’: *Пипл, скипайте, сюда любера идут!* [5:542]; *Полиса! Скипаем!* [6:638]; *Он так по жизни: чуть что — сразу скипать* [4:419]; 4. также поскипать ‘пропускать’: *Вмешайся, пожалуйста, там его не хотят скипать* [4:419]; *Как бы мне не поскипать её* [4:362]; *скипнуть* (от англ. to skip) 1. а) ‘(куда) поехать куда-л.’: *Теперь в Таллин просто так не скипнёшь — визы, кроны...;* б) ‘(куда, откуда) уйти, пойти куда-л.’: *Герла, куда ты скипнула?* 2. также угол. ‘(откуда, от кого) убежать, скрыться от кого-л.’: *Вчера любера пришли, но мы сразу скипнули* 3. ‘уйти по-английски, то есть незаметно, не прощаясь’ [5:542; 6:637].

Противоположный процесс — **расширение лексического значения** англицизма — наблюдается в том случае, когда у заимствованного в одном или нескольких значениях английского слова в русском молодёжном сленге появляются новые значения:

Сленгизм *ван* по данным “Большого словаря русского жаргона” и “Толкового словаря молодёжного сленга” имеет только одно значение ‘один рубль’ (от англ. one; первоначально в речи хиппи): *Тогда ван — целое состояние было, дня три можно жить* [5:88; 6:77], что демонстрирует частичное изменение семантики заимствования. По определению “Большого словаря молодёжного сленга” англицизм *ван* употребляется в молодёжном сленге в двух значениях: 1. ‘один’, например: *Ван у меня есть, но на больше не рассчитывай;* 2. ‘один рубль’: *Надо швырнуть какое-нибудь железо в воду. Собери ваны* [4:56].

В английском языке слово *looser* имеет следующие значения: 1. ‘теряющий, проигрывающий; проигравший’ 2. ‘мот, расточитель; бездельник’ 3. ‘лошадь, проигравшая на скачках’ 4. ‘неудачник’ 5. ‘дрянь, барахло’ 6. ‘преступник, отбывающий срок в тюрьме’.

Компьютерный сленгизм *лузер* (от англ. looser) в русском сленге обозначает 1. ‘неудачник, неумеха, проигравший’: *Ну и кто стал лузером?* [4:251]; 2. ‘невезучий пользователь компьютера’ [5:324; 6:358].

Сленгизм *найт* (от англ. night) в современном русском молодёжном сленге имеет два значения: 1. ‘ночь’: *Который найт всё ол райт* [5:371]; *Так мы найт в милиции и провели* [6:415]; 2. ‘ночлег’: *Куда бы нам на найт вписаться?* [5:371]; *Ну, что там с Майком? Ну, как там с Дэйзи? А правда, с найта свинтили в крэйзи?* [6:415]. Второе значение лексема приобрела непосредственно в русском языке; в английском такое значение у слова отсутствует.

Кроме этого, в русском жаргоне образовались дериваты *найтать*, *найтовать* в значении ‘ночевать’: *Кто нас впишет найтать?* [5:371]; *Найтали в парадняке* [6:415]; *найтануть* ‘переночевать где-л.’: *Я в Питер с удовольствием поеду, было бы где найтануть* [5:371].

Сдринчаться (от англ. to drink) в русском молодёжном сленге обозначает 1. ‘спиться, деградировать в результате злоупотребления алкоголем’: *Сосед совсем сдринчался, на человека уже не похож*. 2. ‘умереть от алкоголизма’: *Одни сторчались, другие сдринчались, третьи кинулись [одни погибли от наркотиков, другие от алкоголизма, третьи покончили жизнь самоубийством]* [5:531]. Второе значение лексемы появилось уже в русском сленге и в английском языке отсутствует.

Глагол *to squat* в английском языке имеет следующие значения: 1. а) ‘сидеть на корточках’; б) ‘садиться на корточки’; в) ‘припадать к земле (о животных)’; 2. а) ‘селиться самовольно на чужой земле; незаконно вселяться в дом’; б) ‘селиться на незанятой земле, выделенной государством’.

В общенациональном русском языке зафиксированы заимствования *скваттер* (от англ. squatter, от squat — ‘селиться на чужой земле’) в значениях 1. ‘колонист, самовольно занимавший свободный необработанный участок земли в период начальной колонизации в Америке и Австралии’; 2. ‘скотовод в Австралии, арендующий для своих стад необработанный участок земли’, а также *сквотер* (от англ. squatter), в значении ‘тот, кто самовольно вселяется в пустующую квартиру’ [1:534].

В современном русском молодёжном сленге слово *сквот* (от англ. to squat) функционирует в значении 1. ‘нежилое помещение, которое используется для проживания, оборудования творческих мастерских’: *Этот почтовый элеватор — тоже сквот*. Помимо этого, слово приобрело значение 2. ‘коммуна, группа людей (как правило, творческих), проживающих совместно в нежилом помещении’: *Основная цель сквота — творческая свобода* [5:541].

Сленгизм *сквотер*, который образован от слова *сквот* в его основном значении, обозначает ‘человека, проживающего совместно с другими членами творческой группировки в нежилом помещении’: *Основная часть сквотеров — музыканты, художники, скульпторы* [5:541]. Прилагательное *сквотерский* употребляется в значении ‘имеющий отношение к сквотерам’: *Сквотерское движение очень распространено на Западе* [5:541]. В данном случае мы наблюдаем расширение значений английского слова в русском жаргоне.

Таким образом, в современном русском молодёжном сленге наблюдается полное или частичное изменение семантики англоязычных заимствований.

1. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов. — Изд. 2-е, испр. — М.: Мартин, 2007. — 704 с.
2. Вальтер Х. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: ок. 5000 слов и выражений / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 360, [8] с.
3. Иванов Г. А. Хулиганско-блатной жаргонный словарь. — Донецк: Донеччина, 2006. — 320 с.
4. Левикова С. И. Большой словарь молодёжного сленга. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. — 928 с.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона — СПб.: Норинт, 2001. — 720 с.
6. Никитина Т. Г. Молодёжный сленг: толковый словарь: более 12 000 слов; свыше 3000 фразеологизмов. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — 910, [2] с.

A. V. Lebedeva

THE ENGLISH LEXICAL UNITS SEMANTIC VOLUME CHANGE IN THE PROCESS OF MODERN YOUTH'S SLANG BORROWING

The article is aimed to review the anglicisms functioning in modern Russian youth's slang; the semantic changes which take place during their borrowing by the Russian language are defined.

Key words: borrowings, anglicisms, youth slang, slang words, semantic processes.

А. В. Лебедева

ЗМІНА СЕМАНТИЧНОГО ОБСЯГУ АНГЛІЦИЗМІВ У ПРОЦЕСІ ЗАПОЗИЧЕННЯ СУЧАСНИМ РОСІЙСЬКИМ МОЛОДІЖНИМ СЛЕНГОМ

У статті досліджено англіцизми, які функціонують у сучасному російському молодіжному сленгу, розглянуто семантичні зміни, що відбуваються у процесі їх запозичення російською мовою.

Ключові слова: запозичення, англіцизми, молодіжний сленг, сленгізми, семантичні процеси.

УДК 811.161.1:81'373.47

А. С. Букалов

Особенности функционирования сниженной лексики в художественном тексте

Статья посвящена анализу некоторых закономерностей функционирования субстандартной лексики в современных художественных произведениях (на примере отдельных романов Д. А. Донцовой). Рассматриваются основные свойства и функции сниженной лексики в художественном тексте.

Ключевые слова: художественный текст, литературный стандарт, субстандартная лексика, сленг, жаргон, просторечие.

Как отмечают многие лингвисты, с началом свободы, связанной с перестройкой, свобода пришла и в язык [5:18]. Этот процесс продолжается и в наши дни, причём сегодня он стал практически бесконтрольным: мы можем наблюдать употребление сниженной лексики во всех сферах, представителями почти всех социальных, возрастных, профессиональных групп. Связано это, прежде всего, с отсутствием цензуры, снятием многих запретов и общей демократизацией общества. Это привело к тому, что сленг, жаргон и даже бранная лексика стали употребляться в средствах массовой информации и художественной литературе. Приведём несколько примеров:

— из заголовка газеты: *“Угробили завод, сволочи”* (Гривна. Субботний выпуск, 6 февраля 2009 г.);

— из новостей по телевидению: *“Настоящей бомбой вечера стал дуэт, сообщениями о котором интернет пестрел все последние дни, — Пугачёва и Ротару с провокационной песней “Нас не догонят” группы “Тату”* (РТР, “Вести”, 15 апреля 2009 г.);

— из художественной литературы: *“Сегодня невезуха прёт, — неожиданно начала жаловаться коробейница. — Сначала машина сломалась, еле-еле товар припёрла на горбу. Потом крыша взбесилась”*.

Развился целый пласт так называемого “лёгкого чтива” и развлекательных телевизионных программ. Соответственно, и язык подобных “произведений” лёгкий, неофициальный, насыщенный сниженными внелитературными элементами. В связи с этим, актуальным является вопрос о целесообразности употребления подобных элементов в художественной литературе. Цель статьи — проследить особенности функционирования сниженной лексики в художественном тексте (на примере романов Д. Донцовой).

Дарья Донцова (Агриппина Аркадьевна Донцова) — российская писательница, автор иронических детективов, член Союза писателей России, лауреат многочисленных литературных премий. Язык её произведений простой, не отягощённый сложными предложениями. Автор для правдоподобности использует в своих произведениях сниженную лексику. Для анализа мы выбрали три романа: “Дама с коготками”, “Жаба с кошельком”, “Лягушка Баскервилей”.

В художественном тексте можно выделить три основные сферы, в которых находим примеры употребления сниженной лексики:

- прямая речь персонажей;
- несобственно-прямая речь, где слова автора переплетаются со словами персонажей;
- авторское повествование.

В прямой и несобственно-прямой речи преобладает просторечие и жаргон, а в авторском повествовании — сленг. Следует, однако, отметить, что в анализируемых произведениях Д. Донцовой повествование ведётся от лица главного персонажа, поэтому об авторе мы говорим условно.

Наличие сниженной лексики в анализируемых текстах обусловливается ситуацией общения, которая включает в себя следующие компоненты:

- говорящий, или персонаж (его профессия, образование);
- собеседник или круг общения персонажа;
- эмоциональное состояние персонажа;
- прагматическая цель, преследуемая говорящим (автором).

Как правило, образованный интеллигентный человек не употребляет в своей речи внелитературных элементов, кроме случаев, о которых речь будет идти ниже. Поэтому просторечные слова в художественном тексте принадлежат малообразованным людям, не знакомым с литературным стандартом. Иными словами, просторечные слова являются для них единственным средством выражения мыслей, нейтральные эквиваленты при этом не используются. У Донцовой к данному классу людей принадлежат охранники, уборщицы, дворники, санитарки, продавцы и т.п. Например:

*Да ни хрена не вышло: сначала одна продавщица чек потребовала, потом вторая репём прицепилась, вопросами завалила, ну я и убежала. А потом допёрла: не отдаст Розка пять тысяч, **фраернулась** я, — домработница Татьяна [3:122].*

*Ну и погорела она [Светка] сегодня — у ней психованная нахалка кошель **стырила**. Светка **варезку**-то разинула, а тётка с её пояса сумку хватить — и сорвала, — продавщица на улице [3:73].*

*Была постоянная **баба**, два раза в неделю вызывал через агентство. Так на иглу села и **тапки отбросила**, — “новый русский” [1:149].*

*Да **девки** любят **повыпендриваться**, вот и выдумывают невесть что, кого только не встречал: Аэлиту, Нефертити, Суламифь — цирк! — “новый русский” [1:149].*

В данных примерах видим большое количество просторечных и жаргонных слов и выражений. Нам почти ничего не известно о происхождении персонажей, это может быть человек с высшим образованием, но работающий, например, грузчиком. В этом случае можно говорить об ассимиляции или даже деградации человека, поскольку, как уже было указано выше, образованный человек будет избегать в повседневном общении использования сниженных слов.

Ещё одним фактором, вынуждающим автора прибегнуть к использованию внелитературных элементов, является профессия или круг интересов персонажа. В данном случае мы можем иметь дело со специальным, или корпоративным жаргоном, носителем которого является персонаж. В авторском повествовании подобные элементы употребляются, например, при описании определённой профессии и её атрибутов. В данном случае использование жаргонных слов не является показателем необразованности. Например:

*Все следователи знают: “**колоть**” преступника надо на первых допросах, потом он придёт в себя, успокоится и вновь обретёт умение трезво мыслить [3:26].*

*После войны из всех щелей полезла всякая дрянь, и милиции стало недосуг расследовать обычную **бытовуху** [1:110].*

*Белла сначала продала кое-что из драгоценностей, потом стала приторговывать **порошком**. Брала сразу большую партию, тут же расплачивалась, а потом продавала “**снег**” меньшими порциями. ... Одно дело употреблять “**дурь**”, совсем другое — распространять. ... На профессора “**наехали**” поставщики, — полковник милиции [1:412].*

Наличие или отсутствие просторечия или жаргона в речи персонажа может также зависеть от его собеседника. Так, например, в беседе с милиционером мы будем использовать специфический милицкий жаргон, общение с молодыми людьми может вынудить нас применять молодёжный жаргон. Это делается для создания лучшей коммуникативной связи между нами и собеседником: мы становимся “своими” для определённых социальных группировок, если можем

разговаривать на их “языке”. Примеры подобного использования внелитературных элементов находим и в художественном тексте:

Ладно, — обозлилась я окончательно, — разобрались, теперь отваливай, — в разговоре с “новым русским” [1:148].

В смысле дальнейшей жизни, — усмехнулась я. — Вернёшься к Глебу или ну его на фиг? — в разговоре с младшей подругой [2:47].

Ещё одним фактором, объясняющим наличие в художественном тексте (и в устной речи тоже) нелитературных слов, является эмоциональное состояние говорящего. Действительно, в состоянии эмоционального напряжения речь любого человека может стать неконтролируемой и допускать наличие даже бранных слов. Некоторые учёные считают, что подобные слова помогают человеку расслабиться, снять эмоциональное напряжение, выпустив негативную энергию наружу [4:73]. Отметим, это утверждение не касается случаев, когда обценная лексика употребляется в устной речи некоторых людей постоянно для усиления сказанного или в качестве междометий и слов-паразитов. У Донцовой грубых бранных слов мы не находим, но примеры “эмоциональных” слов есть:

Хватит болтать, надоела, дура [1:399].

Бред, бред, бредятина, — завопил Стёпа, — подам в суд, лишу наследства. Ну, Ларка, сука! [1:218].

Эй, стоять! — забеспокоился парень. — Во народ, ваще офигеть! [3: 63].

Обладеть... — только и сумела ответить Алина [3: 84].

Ох, ни фига себе! — подскочил Дима [2: 101].

Идиотское положение! [1: 100]

Одним из основных факторов, определяющим наличие сниженной лексики, является прагматическая цель, преследуемая говорящим. В данном случае мы можем наблюдать наличие в художественном тексте сленга. Среди целей могут быть и желание более ёмко и чётко охарактеризовать человека или явление, и желание “позабавиться”, поскольку сленгу свойственны завышенная экспрессия и языковая игра [5: 7].

Следует отметить, что в настоящее время существует много дефиниций сленга, которые часто противоречат друг другу. Подобные противоречия связаны с тем, что до сих пор не определён объём понятия “сленг”: полемика идет, в частности, о том, что именно можно включать в данное понятие: либо только выразительные, ироничные, метафорически переосмысленные слова, которые являются синонимами литературных эквивалентов, либо всю нелитературную лексику, считающуюся неприемлемой в речевом обиходе образованных людей. Мы, соглашаясь с точкой зрения профессора Р. И. Розиной, считаем сленг нестандартной подсистемой лексики современного русского языка, которую городское население России и русскоязычное население Украины, независимо от возраста, образования и профессии использует в ситуации непринуждённого общения [6:15]. При этом мы противопоставляем сленг жаргону как социально ограниченной разновидности речи и городскому просторечию, так как им пользуются малообразованные люди, не знакомые с литературным стандартом, а сленгом владеют и могут пользоваться образованные люди.

Многочисленные примеры употребления сленга находим в произведениях Д. Донцовой. Причём в сленге можно наблюдать заимствования из молодёжного и корпоративного жаргонов, просторечия и других пластов лексики, в нём есть даже спортивные и медицинские термины, но, ещё раз подчеркнём, что все эти единицы становятся сленговыми только в том случае, если они метафорически переосмыслены и используются говорящим с определённой целью. Например:

Это аут, мой вам совет: используйте любую возможность и убегайте от горячо любящей всех мамы [2: 5].

Ну и за фигом это надо? — ныла она, сидя у меня в гостиной. — Стройка, грязь, сплошной геморрой [2: 7].

Наличие сленговой лексики в авторском повествовании выполняет, прежде всего, функцию эмоционального и экспрессивного усиления, а также характерологическую функцию. Например:

Полосатая пофигистка, разозлившись на непрошенных гостей, вскочила на четыре лапы и гневно высказалась:

– Мяуууу! [3: 64]
Тщедушный, похожий на барашка мальчик превратился в грузного, красномордого мужика [1: 75].

*Нет, она ничего не придумывала, просто в тот день, когда пришла телеграмма о смерти тётки, Ленка впервые в жизни **напилась до порсячьего визга** и рассказала товаркам всю свою подноготную* [1: 134].

Таким образом, использование сниженной лексики в художественном тексте обусловлено многими факторами, среди которых основными являются ситуативный контекст и цель, преследуемая автором.

Субстандартная лексика обладает большим стилистическим потенциалом, и её умелое и умеренное использование может сделать художественный текст более живым, ярким и экспрессивным.

1. Донцова Д. А. Дама с коготками: Роман. — М.: Эксмо, 2003. — 432 с.
2. Донцова Д. А. Жаба с кошельком: Роман. — М.: Эксмо, 2004. — 352 с.
3. Донцова Д. А. Лягушка Баскервилей: Роман. — М.: Эксмо, 2007. — 384 с.
4. Компанцева Л. Ф. “Крутые” слова. Лингвопсихологические особенности молодёжного сленга // Відродження. — 1998. — №8. — С.73–74.
5. Орлова Н. О. Сленг vs. жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник. — 2004. — №3(40). — С. 4–8.
6. Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. — М.: Азбуковник, 2005. — 302 с.

О. С. Букалов

ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ ЗНИЖЕНОЇ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ

Статтю присвячено аналізу деяких закономірностей функціонування субстандартної лексики в сучасних художніх творах (на прикладі кількох романів Д. Донцової). Розглядаються основні властивості та функції зниженої лексики в художньому тексті.

Ключові слова: художній текст, літературний стандарт, субстандартна лексика, сленг, жаргон, просторіччя.

A. S. Bukalov

FUNCTIONAL FEATURES OF SUBSTANDARD VOCABULARY IN A LITERARY TEXT

The article offers the review of some of the principles according to which substandard vocabulary functions in modern literary works (some of the detective novels by famous Russian writer Daria Dontsova are taken as an example). Principal functions and features of nonstandard vocabulary in a literary text are considered.

Key words: literary text, literary standard, substandard vocabulary, slang, jargon, urban vernacular.

ПИТАНИЯ ОНОМАСТИКИ

УДК 811.161.1'373.21'276:005

Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина

Семантико-стилистическая парадигма топонима: постановка вопроса

В статье рассматривается вопрос о формах системной связи энциклопедической и лингвистической информации в топонимах: семантической, семантико-стилистической и модельной парадигмах топонимов. Предметом анализа является семантико-стилистическая парадигма, её состав и особенности функционирования.

Ключевые слова: топоним, парадигма, лингвистическая и экстралингвистическая информация, речевой акт.

Лингвистическое изучение топонимов имеет в отечественной науке уже длительную традицию. Выделяются региональная и ареальная топонимика; ведётся активное изучение топонимии в различных направлениях: этимологическом, структурно-словообразовательном, типологическом, контактно-лингвистическом. Используются синхронический и диахронический подходы; рассматриваются проблемы становления топонимических систем и этногенеза на отдельных территориях. Развивается как направление топонимика художественной речи, изучающая эстетический потенциал географического имени в художественном тексте, феномен авторских топонимических систем. В последнее время топонимы, как и другие онимы, рассматриваются в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах [напр., 8], что позволяет исследовать механизм связи мышления и его вербальной объективации на данном участке ономастики.

Специфической чертой имени собственного является, как известно, соотносённость его только с одним денотатом (референтом) [ср. 2: 17–18]. Как концептуальный знак, имя собственное является способом сохранения, переработки и презентации весьма значительного объёма информации, кодируемого словом, которое в данном случае выступает как заголовок целого текста [11: 128; 8: 14], и является также “объединителем лингвальной и энциклопедической информации в языке мозга” [8: 39]. Нам представляется, что особенно ярко это просматривается на материале функционирующих топонимов. И в данной статье мы ставим задачу сформулировать и обосновать идею существования в речи комплексной единицы накопления, организации и презентации экстралингвистической (энциклопедической) и собственно лингвистической информации, составляющей семантическое пространство функционирующего топонима-концепта, то есть идею существования семантико-стилистической парадигмы для номинации топообъекта. При этом опираемся на широкое понимание парадигмы как класса языковых единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединённых общими признаками или общими ассоциациями (см., напр., понятие ЛСГ как лексической парадигмы), понятие стилистической парадигматики в сфере имён собственных, сформулированное В. Н. Михайловым [12: 18], а также понятие социолингвистической парадигмы антропонима, представленное Н. И. Формановской [21: 71].

По мнению Ю. А. Карпенко, в топониме, с лингвистической точки зрения, можно выделить три компонента: 1) топонимическое значение, 2) звучание и 3) этимологическое значение [10: 55]. И при этом наиболее существенным в функциональном плане является топонимическое значение, представляющее энциклопедическую информацию о географическом объекте. Именно в нём сосредоточена основа когнитивно-концептуального содержания топонима. А взаимодействие этимологической, энциклопедической, звуковой и стилистической составляющих в топониме каузируют наличие в нём как объективных, так и субъективно-оценочных компонентов — “компонентов переживаемости” [18: 43; 3: 66].

Семантико-стилистическая парадигма топонима — это, по нашему мнению, совокупность лексических единиц / их эквивалентов, соотнесённых с одним референтом (географическим объектом) и выполняющих функцию его именованя.

Для обоснования покажем прежде всего, что в русской речевой практике существуют разные, с функционально-стилистической точки зрения, способы номинации географического объекта: 1)нейтральная (общеязыковая, официальная) номинация (*Москва, Киев, Париж, Байкал, Россия, Украина, Балтийское море* и под); 2)экспрессивно окрашенные разговорные номинации типа *Рязанщина, Смоленщина* наряду с нейтральными *Рязанская, Смоленская область* и под.; *Владик, Марик, Павлик, Ярик* в значении 'Владивосток', 'Мариуполь', 'Павлоград', 'Ярославль'; *Питер* — 'Санкт-Петербург', *Нижний* — 'Нижний Новгород' и др.); 3)стилистически окрашенные поэтические синонимы-номинации и перифразы к общеязыковым номинациям. Например, *Белокаменная, Златоглавая* — 'Москва'; *юный град* — 'Санкт-Петербург начала XIX в.'; *город на Неве* — Санкт-Петербург'; *небо Шиллера и Гёте* — 'Германия'; *брега Енисея* — 'Сибирь' и др.

И при этом даже официальные номинации одного и того же периода достаточно часто неоднозначны, разнофункциональны. Напр., номинация *Дон* — это и гидроним, и хороним, и название населения в границах данного региона, и идеоним (напр., журнал "Дон"); *Кубань* — гидроним, хороним и ойконим [5: 183–184]; *Полтава, Бородино* — ойконимы, хронимы и идеонимы. Во всех этих случаях перед нами структурно организованная композиция нескольких "созначений" [13: 5–10 и др.], каждое из которых является ключом к расположенной в памяти историко-культурной информации. Это собственно семантическая парадигма, обусловленная трансонимизацией. Разграничение указанных значений осуществляется синтагматически. Напр., гидроним *Дон* в произведениях А. С. Пушкина характеризуется как *великий, тихий, как прославленный брат других русских рек*:

Ему (князю. — Л. Г., Л. Ф.) знамение мешало (запрещало) искусти Дону великого (А. С. Пушкин. "Песнь о полку Игореве"; VII, 507) [Все примеры из произведений А. С. Пушкина даём по: 16]. *Простите, вольные станицы, И дом отцов, и тихий Дон, Война и красные девицы!* (А. С. Пушкин. Кавказский пленник; IV, 116) *Как прославленного брата, Реки знают тихий Дон* (А. С. Пушкин. Дон; III, 124).

Хороним *Дон* видим в народной песне "*По Дону гуляет казак молодой*" или в высказывании "*Михаил Шолохов всю свою жизнь прожил на Дону, в станице Вёшенской*". А *Дон* в значении 'население данного региона' А. С. Пушкин, напр., характеризует психологически — как *бунтующий, воинственный, вольный, храбрый и верный*: *Петр записал его (царевича Алексея — Л. Г., Л. Ф.) сержантом в гвардию, держал при себе; /.../в 1708 при Долгоруком посылал на бунтующий Дон, в 1711 — в Польшу.* (А. С. Пушкин. История Петра; IX, 385) *Но если Бог поможет нам вступить На трон отцов, то мы по старине Пожалуем наш верный вольный Дон.* (А. С. Пушкин. Борис Годунов; V, 273) *Вскоре потом Петр узнал, что к ним (астраханским стрельцам — Л. Г., Л. Ф.) пристали стрельцы Красного и Черного Яру и пошли под Царицын /.../, что, глядя на них, взбунтовали гребенские казаки и стрельцы терские, которые убили полковника своего Некрасова, и что от них посланные хотели взбунтовать Дон и Яик, оставшиеся, однако, верными.* (А. С. Пушкин. История Петра; IX, 140).

В этом же значении видим слово *Дон* в высказываниях типа: *Дон никогда не был однородным в имущественном отношении.*

Номинации одним именем собственным водного источника и стоящего на нём (близ него) населённого пункта и/или целого региона (*Москва, Самара, Кубань, Камчатка* и др.), водного источника, региона и населения данного региона широко распространены в русском языке и отражают универсальную черту познания действительности путём объединения в сознании и памяти сопредельных зон действительности. Лингвистическая природа этого переноса значения именуется метонимией, в то время как *город Москва, журнал "Москва" и гостиница "Москва"* — это омонимы. В эту же модель познания вписывается и топохронная (хронотопная) композиция созначений, когда именем географического объекта называются значительные исторические события, произошедшие на их пространстве. *Аустерлиц, Бородино, Ватерлоо, Полтава* и под. являются не только топонимами, но и хрононимами. Причём эти номинации и стоящие за ними когнитивные скрипты, имея давнюю лингвокультурную традицию, без труда декодируются всеми носителями языка.

См. у М. Ю. Лермонтова: *Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спалённая пожаром, французам отдана? Ведь были ж схватки боевые, да говорят, ещё какие! Недаром помнит вся Россия про день Бородина?* (Бородино)

И вот совсем недавно, 27 июня 2009 года, Россия, Украина и Швеция отмечали (каждый по-своему) “300-летие Полтавы” — не 300-летие со дня основания Полтавы, а 300-летие **победы** российских войск над армией Карла XII под Полтавой. И украинский скульптор, которому поручено проектирование памятника И. Мазепе, в интервью говорит: “*В прошлом году, когда о праздновании 300-летия Полтавы ещё только начинали говорить, Ющенко дал 1,5 млн. гривен на сооружение памятника, но эти деньги бесследно исчезли*” (Пенсионный вестник, № 26 (320), 26 июня 2009 г., с. 14).

Транспозиция онима из одного разряда в другой сопровождается, естественно, изменением его дистрибуции и другими семантическими особенностями. Но предметом нашего внимания являются собственно топонимы. И мы хотим привлечь внимание прежде всего к тому, что даже в границах нейтральных именовании географических объектов довольно часто имеет место параллельное использование общезыковых номинаций, не совпадающих по времени возникновения и экстралингвистическому (энциклопедическому) содержанию, но функционирующих в рамках одного времени и выполняющих одну и ту же топонимическую функцию. Это относится, в частности, к переименованиям географических объектов (пусть даже это и вторичные переименования): напр., *Екатеринбург* и *Свердловск*, *Санкт-Петербург* и *Ленинград*, *Тверь* и *Калинин* и под.; улицы *Ришельевская* и *Ленина*, *Ланжероновская* и *Ласточкина*, *Большая Арнаутская* и *Чкалова* и др. в Одессе). Они в настоящее время используются населением параллельно. Напр., в транспорте: в маршрутном микроавтобусе одни пассажиры просят остановку *Ланжероновская*, другие — *Ласточкина* (а место одно и то же); опытный водитель трамвая или кондуктор объявляют остановку так: “*Большая Арнаутская, Чкалова; Екатерининская, Карла Маркса*”. И не существенно, что не все говорящие *достоверно* семантизируют предшествующее и нынешнее название города / улицы (кто такие арнауты и почему их именем называется улица? Чем прославился Чкалов и почему его имя носила улица?), тем не менее в их сознании непроизвольно отражается связь топонима/микротопонима сначала с одной исторической реалией, затем с другой (когнитивный аспект), мотивация названия сначала одной лексемой, затем — другой (лингвистический аспект); отражается тот факт, что одна номинация является официальной, а вторая неофициальной, теперь уже уходящей и приобретающей постепенно оттенок архаичности (хотя “новая” номинация в данных конкретных примерах старше уходящей, прежней; одним больше нравится прежнее название, другим — нынешнее (субъективно-оценочный аспект)). Правда, процесс архаизации может оказаться довольно длительным, особенно если он тормозится в отдельных случаях отсутствием традиционной корреляции названия города-областного центра и области: город *Санкт-Петербург*, но *Ленинградская область*; город *Екатеринбург*, но *Свердловская область* — в отличие от традиционного *Москва — Московская область* и др.

Подобное явление наблюдаем в СМИ и художественной литературе, и при этом литературе не только сегодняшнего дня. Например: *Страницы нынешнего календаря повествуют об истории улицы Пастера, бывшей Херсонской* (М. Стерненко. В новолетие Одессы — по одесскому календарю // *Вечерняя Одесса*. № 129 (9063). 3 сент. 2009. с. 4). В другой газете: *Кроме “Одесского календаря”, презентовали также фильм “От Херсонской до Пастера” (старое название улицы Пастера — Херсонская) об удивительной истории улицы, на которой в своё время жили два выдающихся Нобелевских лауреата — учёный Илья Мечников и русский писатель Иван Бунин* (О. Крижановская. Одессе-маме 215 лет // *Черноморский гудок*. № 35, 9 сент. 2009. С. 6).

И ещё примеры из романа В. Пикуля “Фаворит”, написанного в середине XX в.: *Померания ещё хранила следы шведского владычества, но в языке горожан Штеттина (Щецина) иногда звучала древнеславянская речь, не угасшая в бурных событиях европейской истории* (т. I, с. 29); *Давным-давно древнейший славянский Серпск обратился в германский Цербст, а его владельцы забыли славянское происхождение и даже оскорблялись, если им об этом напоминали* [14, I: 26]. То есть мы хотим отметить, что это явление не только нынешней речевой ситуации, что оно отражено и в языке А. С. Пушкина (см. номинативно-интерпретирующий аспект характеристики топонимов у А. С. Пушкина [5:14]; см. стихотворение Пушкина “Олегов щит”) и что уже на этой ступени именовании формируется семанτικο-стилистическая парадигма.

Мало того, некоторые из топонимов, приобретая узусное оценочное значение, синонимичное апеллятиву, включаются в процесс деонимизации. Напр., *Аустерлиц*, *Ватерлоо*, *Мацейовицы* — “поражение”, *Шанхай* — “неорганизованная бедная, тесная застройка”. Правда, при этом они сохраняют и своё основное значение; но, имея мощный эмоционально-оценочный потенциал, приобретают такие коннотативные компоненты, которые переводят их из разряда нейтральных номинаций в систему образных средств языка [13].

Другой лингвистической чертой реальных (не вымышленных) топонимов является, как мы уже отметили, наличие стилистически маркированных вариантов именования, которые, отражая собственно языковые, национально-культурные особенности (в частности, закон экономии речевых усилий, эмоциональность русского характера, языковую игру) и авторские интенции, связанные с ситуацией общения, возникают обычно в разговорной, публицистической и поэтической речи. В статье “Стилістика топонімії” Ю. А. Карпенко отметил, что такие номинации носят единичный, эпизодический характер: “Однак і в топонімів **деколи** (выделено нами. — Л. Г., Л. Ф.) трапляються стилістично забарвлені похідні, наприклад *Пітер* з Петербург, *Владик* з Владивосток, *Дніпро* з Дніпропетровськ, хуліганське *Єбург* з Єкатеринбург, з розширенням *Одеса-мама* замість Одеса та ін.” [10: 54].

Однако наблюдения показывают, что очень многие географические названия имеют стилистически окрашенные производные или параллельные образные именованья и способов образования экспрессивно окрашенных топонимических номинаций тоже много.

Характеризовать их все не входит в задачи данной статьи. Но всё же покажем некоторые. Самый частый способ преобразования топонима — усечение его компонентного состава (отмечен в 9:11; 12:18; 19:61): *Петербург* вместо *Санкт-Петербург*; *Нижний* вместо *Нижний Новгород*; *Ростов* вместо *Ростов-на-Дону*; *Челны* вместо *Набережные Челны* и др. Широко распространено также усечение в сочетании с преобразованием морфемного и компонентного состава онима, а именно суффиксацией, универбация: *Каспий*, *Арал* на месте *Каспийское*, *Аральское море*; *Адриатика*, *Атлантика*, *Балтика* вместо *Адриатическое море*, *Атлантический океан*, *Балтийское море*; *Соборка* в значении *Соборная площадь* (в Одессе) и др.

К этой же группе именованья относятся стилистически маркированные топонимы типа *Рязанищина*, *Смоленщина* вместо *Рязанская*, *Смоленская область* и под., часто используемые в публицистической и поэтической речи: “Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?” (К. Симонов); “В сёлах Рязанищины, в сёлах Смоленщины слово “люблю” непривычно для женщины; там, бесконечно и нежно любя, женщина скажет: “Жалею тебя” (Песня из репертуара Л. Зыкиной).

В этом разряде наблюдаем также образование новых именованья путём перевода, преобразования, замены компонентов онимов-композитивов или построение ассоциативов для создания возвышенной или, наоборот, шутильной тональности — с выражением языковой игры, иронии, пренебрежительности. Ср., напр.: *Петербург*, *Петроград*, *Петрополь* и *Екатеринбург* — *Ельцинбург*, *Катькинград*. Маленькие города в Белоруссии и России: *Жабинка* — районный центр в Брестской области и *Новозыбков* в Брянской области — получили в речи ироничных коммуникаторов имена *Квакенбург* и *Новожабьевск*.

В группу экспрессивно окрашенных входят также топонимы, в которых ненамеренно (отражая региональные произносительные черты) или намеренно изменён фонетический облик. Напр., *Расея* вместо *Россия* — в просторечии и публицистике; *Сверхжлобск* в значении ‘*Свердловск*’ (парономазия — намеренное каламбурное сближение созвучных компонентов и создание нового слова-топонима).

И последний способ именования топообъекта — с помощью перифразы [4]: *город невест* — Иваново; *Петра творенье* — Санкт-Петербург, *Северный Левиафан* — Россия [образование А. И. Герцена; см. 13:209], *наследие Богдана* — Украина и др. Несмотря на дискуссионность вопроса об ономастической перифразе [см. 1:2], у неё есть сторонники, среди которых такие авторитетные ономасты, как В. М. Калинин [7] и В. И. Супрун [19]. “Перифрастические словосочетания выступают в качестве функциональных онимов, поскольку в речи они занимают то же место, что ономастическая единица, формально, коннотативно и фреквентативно отделяясь от неё”, — пишет В. И. Супрун [19: 63].

Мы уже писали о структуре, семантическом и стилистическом потенциале топонимической перифразы [4] и здесь не рассматриваем её разновидности. Для данной статьи существенно дру-

гое: один реальный (не вымышленный) географический объект в речевой действительности часто имеет несколько именовании, образующих семантико-стилистическую парадигму, члены которой обладают разной степенью автономности, разным семантическим объёмом, разной соотносительностью с языковой нормой. Но полным своим составом (или относительно полным — насколько это известно говорящему) семантико-стилистическая парадигма объединяет и передаёт весьма значительный объём экстралингвистической (энциклопедической) и собственно лингвистической информации. И тогда “текст”, закодированный в исходном имени, приобретает содержательную дешифровку и интерпретацию, дозированно (по фрагментам) репрезентируя разные виды информации. Напр., крупнейшее государство, расположенное на территории Восточной Европы и Азии, именуемое топонимом *Россия*, имеет ряд названий, различающихся по времени введения в активное употребление, отражающих историю, разную пространственную протяжённость и разное социально-политическое устройство страны. *Русь*, *Русская земля*: первоначально это ещё не собственно Россия, а государственное образование восточных славян 9 века на ср. Днепре. Так называют — с усечением — Киевскую Русь, древнерусские земли и княжества. Но названия эти, напоминая о древности государства Российского и его сложной истории, очень популярны, любимы и часто употребляются не только в художественной, но и в обиходной речи, в пословицах (*И Русь не та, и мы уже не те*). *Московское государство* — название единого Российского государства конца 15—17 вв., употреблявшееся в письменности и исторической литературе 16—20 вв. *Русское государство*, *Российское царство*, *Российское государство*, *Российская империя*, *Российская Советская социалистическая федерация*, *РСФСР*, *Российская федерация*, *РФ*. В советское время за рубежом весь *Советский Союз* часто называли *Россией*.

В поэтической (и вообще художественной) речи Россию, абстрагируясь от времени, её официального именования и социально-политического устройства, называют именами *Русь*, *Россия*, *Московия*;okkaзиональным онимом *Инония* (С. Есенин). Напр.: *Если кликнет рать святая: “Кинь ты Русь, живи в раю!”*, я скажу: *“Не надо рая, дайте родину мою”*; *В синих отражаюсь затонах /Далёких моих озёр./Вижу тебя, Инония, /С золотыми шапками гор./ Вижу нивы твои и хаты, /На крыльчке старушку мать...* (Инония)

И при этом интересно отметить, что В. Ходасевич, размышляя о содержании этих именовании, различие их выражал дистрибутивно: *Горе его* [С. Есенина — В. Ходасевич] *было в том, что он не сумел назвать её: он воспевал и бревенчатую Русь, и мужицкую Россию, и социалистическую Инонию, и азиатскую Рассею, пытался принять даже СССР, — одно лишь верное имя не пришло ему на уста: Россия* (В. Ф. Ходасевич. Есенин; из книги “Некрополь”) [Пример из 13: 295].

В контексте наших предшествующих и нынешних разысканий последний пример чрезвычайно важен тем, что, во-первых, он показывает процесс ПОИСКА именования геообъекта, ибо за именем целый сюжет [17: 10, 59; 8: 45]), “мини-миф” [6: 7]. Во-вторых, он показывает, как тесно связаны в “топонимическом сюжете” парадигматика и синтагматика. Каждое из презентуемых здесь именовании дано с характеризующим определением: *бревенчатая Русь* (то есть это не просто ‘тип постройки’, это, по существу, прошлое), *мужицкая Россия* (актуализируется сема ‘социальный состав населения’), *социалистическая Инония* (*иной* социально-экономический строй, уклад’). Здесь же просторечное и диалектное именование *Расея* (вариант *Расея*), и оно тоже дано с характеризующим определением — *азиатская*, отражая не столько лингвистическую культуру говорящего (именователя), сколько содержание в сочетании с коннотацией: “глубинная, отсталая, кондовая, беспутная” [13: 294].

Поэтическое именование *Русь* часто употребляется и в расширенном варианте, который стал устойчивым, фразеологическим, — *Святая Русь: Вот, вот она, вот русская граница! Святая Русь, отечество, я твой!* (А. С. Пушкин. Борис Годунов; V, 287).

Представление исчерпывающего перечня образных однословных номинаций и перифраз, используемых для именования России, заняло бы очень много места и потребовало бы много времени для их толкования. Для примера же приведём некоторые пушкинские перифразы, отметив, что они могут включать/не включать в свой состав ИС: государство самодержавное; великая держава; мирная держава; Мономахова держава; полнощная (полунощная) держава; северная держава; край полуночи; полнощный (полунощный) край; русское море; орёл двуглавый; любезное отечество; наше отечество; любезнейшее наше отечество; отечество свободы просве-

щенной; северные поля; север суровый; северные снега; снега чужбины дальней (для украинцев - "Полтава"); страна державная; полночная страна; полунощный флаг; Полночь, Полуночь, великая Русь, наше царство [5: 289–300].

Как видим, перифрастические именованья эксплицируют огромное количество денотативных и коннотативных сем, не выявляемых нейтральной, официальной номинацией. А именно: **пространственная протяжённость и государственный статус** (великая держава, русское море, великая Русь, страна державная; наше царство); **географическое положение** (московская земля, полночная держава, край полуночи, полночная страна, северная держава, северные поля, полунощный флаг); **климатические особенности** (север суровый, северные снега); **историко-хронологический параметр** (младенческая держава, Мономахова держава); **символы российской государственности** (орёл двуглавый); **эмоционально-психологическое восприятие** (любезное отечество; наше отечество; любезнейшее наше отечество; отечество свободы просвещенной) и др.

Из совокупности всех номинаций одного географического объекта формируется особая комплексная единица — **семантико-стилистическая парадигма** топонима, соотносящаяся с одним денотатом (референтом), но представляющая его содержание рассредоточенно, как бы отражая процесс познания, вербальной объективации и оценки этого содержания.

В разных речевых актах в фокусе оказываются разные фрагменты когнитивного содержания топонима, что и выражается либо парадигматически — несколькими (как минимум — двумя) именованьями, либо синтагматически — наличием при нём разных характеризующих определений.

Чем больше номинаций выявлено и вошло в семантико-стилистическую парадигму именованний геообъекта, тем больше эксплицируется семантическое пространство топонима-концепта, отражая его место в языковой картине мира и его связь с другими фрагментами действительности. Данная единица носит комплексный, дискурсивный и открытый характер. Она может быть дополнена вновь выявленными исследователем компонентами, которые всегда когнитивно и/или лингвистически мотивированы [ср. 8: 20 о некоторых других онимах].

Исходной единицей в семантико-стилистической парадигме топонима можно считать официальное именование изучаемого географического объекта, существующее в исследуемое время. Все другие компоненты, с лингвистической точки зрения, находятся между собой в отношениях дополнительной дистрибуции. Но они могут по-разному соотноситься с другими единицами в макропространстве языка и в сознании говорящего / пишущего, презентуя семантические модели вторичных именованний. Например, образное именование Одессы *Южная Пальмира* находится в оппозиции к образному имени Санкт-Петербурга *Северная Пальмира*. А оба они являются производными от номинации *Пальмира* — 'город пальм', процветавший в древности на караванном пути в Сирийской пустыне, раскопки которого находятся ныне вблизи арабского селения Тадмор. Расцвет Пальмиры историки относят к 1–3 вв. н. э. Не все знают место нахождения и историю этого города, но его имя связывается в представлениях с чем-то возвышенно-прекрасным и гармоничным. И именно эта часть информации находится в семантическом фокусе перифраз *Южная* и *Северная Пальмира*.

С другим содержанием и в оппозиции, которая обусловлена грамматической родовой оформленностью онимов и поддержана соответствующими оппозитивными приложениями, находятся номинации *Ростов-папа* / *Одесса-мама*: 'прекрасные южные города с экспансивным характером населения и "мифосемой" "держи ухо востро: здесь мошенники и воры не дремлют"'.

Образное именование Екатеринбурга, перифраза *окно в Азию*, представляет собою парафразу прецедентного текста: ассоциативно (интертекстуально — как аллюзия) соотносится с пушкинским *окно в Европу* — 'Санкт-Петербург': *Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно...* (Медный всадник).

По семе 'положение в определённом регионе' и аксиологическому компоненту многие города получают в перифрастических именованьях название "столицы": Екатеринбург — *столица Урала*, Воронеж — *столица Центральной Чернозёмной зоны России*, Одесса — *южная столица* и *морская столица Украины* и под. Таким образом формируется ещё одна разновидность парадигмы — система семантических моделей построения образных номинаций топообъектов.

В результате обобщения представленного материала можно сказать, что в речевой реализации топонимической концептосферы существуют парадигмы нескольких разновидностей:

а) собственно семантическая, представляющая собою структурированный “пучок значений” одного онома, соотнесённых с разными референтами; б) семантико-стилистическая, представляющая совокупность разных номинаций одного географического объекта, и в) парадигмы-модели, в основе которых типовые способы (принципы) маркирования сближающихся признаков в образной номинации топообъекта.

Семантико-стилистическая парадигма топонима может содержать номинации общезыкового, хронологически ограниченного, этнокультурного характера (напр., самоназвания) и индивидуально-авторские именованья (в том числе окказиональные, единичные), отражая соответствующее видение денотата, его ассоциативное сближение с другими явлениями действительности или противопоставление им, а также отношение говорящего субъекта к топообъекту. Например, общезыковое географическое имя *Финляндия*, хронологически ограниченное — *Великое княжество Финляндское* (в составе России: 1809–1917 гг.), самоназвание *Суоми* (известное и русскому языку) и поэтические перифразы А. С. Пушкина *финский небосклон, финские скалы, финские берега, угрюмый край отчизны дальней* [5: 347–349]; хотя отнюдь не исключено, что здесь имеются и другие номинации.

Количество именованья того или иного географического объекта зависит от его историко-культурной значимости, от объёма наших знаний о нём и нашего отношения к нему — “переживаемости” концепта.

Номинации, входящие в состав семантико-стилистической парадигмы топонима, по-разному коррелируют с языковой нормой, они могут иметь разный функционально-стилистический статус и широкий диапазон коннотативных сем — возвышающих, шуточных, ироничных, обидных, уничижительных. Например: **Екатеринбург**, *Е-бург*, *Ё-бург*, *Йобург*, *Ек*, *Екб*, *Екат*, *Катер* (неофициальные сокращения от полного названия), *Каткингград*, *Свердловск*, *Сверд[love]ск*, *Сверхжлобск* (фонетическая ассоциация с названием *Свердловск* + семантико-морфологические преобразования), *столица Урала*, *Ельцинбург* (как родина Б. Н. Ельцина — первого Президента Российской Федерации), *Чайфтаун* (как родина рок-группы “Чайф”), *столица русского рок-н-ролла* (из бывшего Свердловска вышли группы “Агата Кристи”, “Наутилус Помпилиус”, “Чайф”, “Настя”, “Смысловые Галлюцинации” и др.), *столица Евразии, окно в Азию* [15].

В памяти разных носителей языка может быть представлено разное количество именованья данного географического объекта: одни из них могут использоваться чаще, другие — реже, одни известны всем, другие только некоторым или даже носят характер индивидуального и единичного словоупотребления; некоторые со временем будут забыты, но, возможно, появятся новые. Всё это специфика бытования семантико-стилистической парадигмы топонима.

Таким образом, семантико-стилистическая парадигма топонима — это совокупность разнооформленных именованья одного географического объекта; это открытая комплексная единица, которая выполняет функцию накопления, организации и пофрагментной презентации энциклопедической и лингвистической информации, составляющей семантическое пространство топонима-концепта; это дискурсивная единица, поскольку предполагает диалог (в широком его понимании), наличие общей апперцепционной базы адресанта-адресата и её фокусирование в речевом акте.

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М: Шк. “Языки русской культуры”, 1999. — 896 с.
2. Введенская Л. А., Колесников Н. П. От названий к именам. — Ростов-н/Д.: Феникс, 1995. — 544 с.
3. Воркачёв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64–72.
4. Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф. Топонимическая перифраза: введение в проблему // Логос ономастики: Научный журнал. — 2006. — № 1. — С. 72–80.
5. Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф. Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: Словарь. — Одесса: Астропринт, 2008. — 392 с.
6. Исупов К. Г. Имя // Логос ономастики: Научный журнал. — Донецк, 2008. — №2. — С. 6–8.
7. Калинин В. М. Ономастическая перифраза как проблема поэтики имён собственных (на материале творчества А. С. Пушкина) // Восточноукраинский лингвистический сборник / Ред. Е. С. Отин. — Донецк, 1998. — Вып. 4. — С. 107–129.
8. Карпенко О. Ю. Проблематика когнитивной ономастики: Монография. — Одесса: Астропринт, 2006. — 328 с.
9. Карпенко Ю. А. Современное развитие русской ономастической системы // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. трудов. — Киев, 1988. — С. 5–14.
10. Карпенко Ю. О. Стилістика топонімів // Записки з романо-германської філології. — Одесса: Фенікс, 2008. — Вип. 20. — С. 53–59.

11. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. — 3-е изд. — Одесса: Латстар, 2002. — 288 с.
12. Михайлов В. Н. О системных свойствах ономастической лексики современного русского языка // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. трудов/ Отв. ред. Ю. А. Карпенко. — Киев, 1988. — С.15–21.
13. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён. — Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2004. — 412 с.
14. Пикуль В. Фаворит: Роман-хроника времён Екатерины II: В 2-х т. — Л., 1984.
15. Прозвища городов // Википедия: Электронный ресурс. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%89%D0%B0_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2&stable=0&redirect=no — Заголовок с экрана.
16. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. — М.: Изд-во АН СССР, 1962–1966.
17. Співак С. М. Власна назва в комунікаційно-смісловій структурі віршованих текстів американської поезії ХХ століття: Комунікативно-когнітивний підхід: Дис...канд. філол. — наук. — К., 2003. — 197 с.
18. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2001.
19. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. — Волгоград: Перемена, 2000. — 172 с.
20. Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте. — Л., 1990. — 104 с.
21. Формановская Н. И. Имя-отчество как русский национальный обычай и современные СМИ // Русская словесность. — 2004. — № 4. — С. 71–77.

Л. М. Гукова, Л. Ф. Фоміна

СЕМАНТИКО-СТИЛІСТИЧНА ПАРАДИГМА ТОПОНІМА: ПОСТАНОВКА ПИТАННЯ

У статті розглянуто питання про форми системного зв'язку енциклопедичної та лінгвістичної інформації в топонімах: семантичної, семантико-стилістичної та модельної парадигм топонімів. Предметом аналізу є семантико-стилістична парадигма, її склад та особливості функціонування.

Ключові слова: топонім, парадигма, лінгвістична та екстралінгвістична інформація, мовленнєвий акт.

L. N. Gukova, L. F. Fomina

SEMANTIC AND STYLISTIC TOPONYM'S PARADIGM: A QUESTION RAISE

The article deals with the question of system-defined forms of encyclopaedic and linguistic information in toponymy: semantic, semantic and stylistic and model toponyms' paradigm. The point of analysis is a semantic and stylistic paradigm, its structure and peculiarities of functioning.

Key words: toponym, paradigm, linguistic and extra linguistic information, speech act.

УДК 811.161.1'33'373.23:82–193.2 Пушкин

Т. Ф. Шумарина, Н. Г. Иванова

Эпиграммы А. С. Пушкина (вопросы ономастической атрибуции и декодирования)

В статье рассматриваются имена собственные в эпиграммах А. С. Пушкина и проблемы их декодирования.

Ключевые слова: ономастика, оним, художественный текст, эпиграмма, декодирование, А. С. Пушкин.

Проблема интерпретации эпиграмм А. С. Пушкина современным читателем в значительной степени обусловлена функционированием большого массива ономастической лексики, что предопределено спецификой анализируемого жанра сатирической поэзии.

В интерпретации онимов мы исходим из того положения, что имя собственное является символом предмета и характеризуется редукцией языкового значения. Речевая идентификация

объекта может считаться завершенной в том случае, когда конкретный референт соотносится с конкретным именем, носителем которого он и является. Употребление имени собственного вызывает в памяти слушающего все те знания, которыми он располагает о предмете, или, по крайней мере, те знания, которые у него стойко ассоциируются с предметом.

Адекватность восприятия имени собственного и, следовательно, эффективность воздействия пушкинских сатирических стихотворений предопределены общностью апперцепционной базы писателя и его современников. Однако этот же факт, в свою очередь, имеет и негативный аспект, так как к числу интерпретаторов эпиграмм относится и сам адресат насмешки.

Решением проблем нарушения социально-этических норм межличностных отношений становится созданный Пушкиным ономастический код. Степень кодирования онимов интенционально обусловлена: с одной стороны, именной вариант должен находиться в границах читательской апперцепции, а с другой — создавать видимость соблюдения этикетных норм. Приёмы авторской зашифровки именованных многочисленны и разнообразны. Это фонетические, семантико-фонетические, словообразовательно-звуковые варианты, усечение, фонетическое подобие и др. К числу излюбленных поэтом приемов следует отнести звуковое подобие и фонетические варианты. Так, намеком на поэта Хвостова стал созвучный его фамилии антропоним *Свистов*, аналогично трансформирована и фамилия Каченовского — *Кочерговский*. Фонетическая огласовка именного варианта может явиться намеком на принадлежность к тому или иному этносу. Адресуя свои строки вышеназванному М. Т. Каченовскому, Пушкин создает именной вариант в греческой огласовке (*Хаврониос*), намекая таким образом на генетические корни его предков. Часто в эпиграммах встречаются варианты-комбинации. Это могут быть словообразовательно-звуковые дериваты (*Тадарашка* — Теодор Егорович Крупенский), фоно-графические (наш друг *Фита...* — начальная буква имени Федора Глинки, которую он использовал в качестве инкогнитонима). Но наиболее частотным является способ зашифровки с использованием семантических приемов. К их числу можно отнести создание на основе звукового подобия говорящих именованных: *Флюгарин* (производное от *флюгер*- 'человек, часто меняющий свои взгляды, убеждения') — Булгарин; *Видок Фиглярин* — также о Фаддее Булгарине, имя которого шифруется посредством антономасии, а фамилия — фоно-семантический вариант реального антропонима, характеризующая его как шута. Посредством говорящего имени кодирует Пушкин также свою фамилию, и следует отметить, что оптимальный вариант был создан не сразу. В первом автографе эпиграммы автор отдает предпочтение метонимическому коду, оставляя звуковое подобие финалей — *Людмилиин* (намек на авторство "Руслана и Людмилы"); во второй редакции, сохраняя единство фонетических отрезков с первым вариантом (*Эмилиий* — *Людмилиин*), он изменяет целевую направленность онима и осуществляет это с помощью актуализации внутренней формы (*Эмилиий* — от лат. *aemulus* — 'соперник')[3: 612] (так позиционирует себя поэт по отношению к адресату эпиграммы). Говорящие фамилии представлены также семантико-словообразовательными и семантико-фонетическими вариантами. Например, словообразовательный вариант фамилии министра народного просвещения Разумовского — *Разумник* — омонимичен нарицательному, вследствие чего развивается контекстуальная эмоционально-оценочная энантиосемия и номинация воспринимается как каламбур. Каламбур возникает и в результате актуализации этимологии имени *Анна* (Анна Николаевна Вульф): имя адресата зашифровывается с помощью апеллятива *благодать*.

Как свидетельствует проанализированный материал, степень зашифровки именованных адресатов в эпиграммах Пушкина различна: от элементарного усечения одного из компонентов двойных фамилии (*Ширинский-Шихматов* — *Шихматов*, *Бантыш-Каменский* — *Бантыш*), что лишь незначительно умаляло шанс идентификации адресата современниками, до степени абсолютной анонимности, как, например, в антономасии *лорд Мидас*. Подобная номинация могла вызвать недоумение даже в среде пушкинского окружения, поскольку, кроме метафорического значения 'невежество в искусстве', она намекала лишь на то, что объектом насмешки не являлся фригийский царь из греческой мифологии.

В эпиграммах А. С. Пушкина органично вплетены в ткань коротких стихотворений разнообразные виды онимов: антропонимы, топонимы (астионимы, комонимы, хоронимы, ойкодомонимы), мифонимы (мифоантропонимы, мифотопонимы, теонимы), поэтонимы, гемеронимы, библионимы. Пушкин включает все это многообразие ономастической лексики в языковую

игру, создавая на ее основе такие тропы, как метонимия, антономасия, перифраза; при ее участии создаются антитезы, каламбуры и даже отантропонимические окказионализмы. Рамки статьи позволяют остановиться лишь на некоторых из них.

Ономастические метафоры — явление весьма характерное для поэтической манеры Пушкина. Однако в эпиграммах факты метафорического функционирования собственных имен представлены в основном явлением антономасии. Зачастую имя-характеристика распространяется компонентами, выступающими в функции несогласованных определений и дополнений. Так, фамилия персонажа из комедии Фонвизина “Недоросль” *Кутейкин* имеет общеизвестное символическое значение и именно по этой причине относится Пушкиным к поэту Ф. Н. Глинке. Однако однокомпонентная антономасия оказалась недостаточным средством для осуществления завершённой идентификации, и автор сопроводил ее определением, намекающим на военный чин адресата. С аналогичной целью используется и приложение в именовании *Беверлей-Гораций*, вследствие употребления которого появляется возможность не только охарактеризовать адресата эпиграммы (‘страстный игрок’), но и упростить его идентификацию (*Гораций* - ‘сатирик’).

Вспомним высказывание А. А. Потебни, утверждавшего, что господствующие антономасии указывают на запас знаний и вкусы данного времени, на литературные влияния, коим оно подчиняется [2: 226]. В равной мере это высказывание можно отнести и к личности самого поэта, высокий уровень образования, эрудиция которого и создают неповторимое своеобразие языка его произведений. Пушкинские антономасии не только классицистически традиционны, что свидетельствует о высоком уровне культуры поэта, но и актуальны, остры и, главное, понятны его современникам. Однако, с другой стороны, именно в этом их достоинстве и заключается неразрешимая проблема, если принимать во внимание весьма сомнительные апперцепционные возможности среднестатистического интерпретатора XXI столетия. Давно забыто антономасиологическое значение антропонимов *Барков* и *Коцебу*, как событий, не оставивших следа в истории, а уровень культуры современных читателей позволяет, пожалуй, лишь специалистам и эрудитам наслаждаться остротой пушкинских строк, включающих имена *Дефонтена* и *Беверлея*.

Таким образом, при помощи собственных имен поэт указывает на подобие, намекает на двусмысленность. И все многообразие форм функционирования онимов подчинено одной цели — зашифровке имени адресата в надежде на злободневность и читательскую смекалку.

Декодирование эпиграмм современным читателем требует его максимальной активности, поскольку кванты информации, заключенные не только в трансформированных, но даже в немодифицированных онимах, могут оказаться дешифрованными ошибочно, что неумолимо повлечёт за собой снижение качества восприятия искрометных пушкинских строк. Причинную обусловленность подобной вероятности следует искать в своеобразии семантики собственных имён, которое состоит в том, что, пока имя не соотнесено с референтом, оно не обладает значением и является фактически лишь формой, которая, при отсутствии конкретного содержания, не имеет какой-либо ценности. Следует также учитывать и тот факт, что онимы пушкинских эпиграмм темпорально отстранены от своих современных интерпретаторов. Думается, что сатирические произведения великого поэта могут быть успешно декодированы нынешним поколением только при наличии таких факторов, как, например, обладание адекватной апперцепционной базой, умение учесть ономастические аллюзии, знание индивидуально-авторских приемов зашифровки онимов, а главное — понимание роли собственного имени как одного из стержневых компонентов художественной системы “адресатной” поэзии.

Однако проблема декодирования ономастического корпуса пушкинских эпиграмм была бы неполной без характеристики “адресатного” аспекта. Информационная насыщенность собственных имён не исчерпывается идентификацией личности прототипа или ее многоаспектной характеристикой. Ведь карикатурные антропонимические зарисовки — это еще и сугубо авторская оценка своего окружения. А она зависит от интерпретации адресанта, то есть Пушкина, и формируется в рамках его социального опыта. Пропущенная через призму авторского темперамента и в результате вербального отбора воплощённая в оригинальной ономастической форме, эта оценка и есть образ личности поэта — типа его нервной системы, интеллектуально-культурного уровня, особенностей восприятия, вкусов и других социально-психологических характеристик. Данное заключение зиждется на известном положении о том, что автор и адре-

сат — это не только оппозиционные, но и взаимообусловленные, взаимодополняющие друг друга структуры, являющиеся двумя полюсами единой системы. И потому языковая, в том числе ономастическая сторона текста “адресатной” поэзии А. С. Пушкина до сих пор не утратила актуальность в качестве объекта изучения личности великого поэта.

1. *Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф.* Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина. — Одесса, 2008.
2. *Потебня А. А.* Из записок по теории словесности. — Харьков, 1905.
3. *Пушкин А. С.* Эпиграммы. — М., 1979.
4. *Справочник личных имен народов РСФСР.* — М., 1987.

T. F. Shumarina, N. G. Ivanova

A. S. PUSHKIN'S EPIGRAMS (QUESTIONS OF ONOMASTIK ATRIBUTION AND DECODING)

The article deals with proper names in A. S. Pushkin's epigrams and a problem of their decoding.

Key words: onomastic, onym, fiction text, epigram, decoding, A. S. Pushkin.

Т. Ф. Шумаріна, Н. Г. Іванова

ЕПІГРАМИ О. С. ПУШКІНА (ПИТАННЯ ОНОМАСТИЧНОЇ АТРИБУЦІЇ ТА ДЕКОДУВАННЯ)

У статті розглянуто власні назви епіграм О. С. Пушкіна та проблеми їх декодування.

Ключові слова: ономастика, онім, художній текст, епіграма, декодування, О. С. Пушкін.

УДК 81'373.21

О. Н. Складенко

Топонимическая метонимия: типологические параллели

Статья посвящена рассмотрению топонимических метонимов разных языков в сопоставительном аспекте. Природа названий географических объектов неизменна, поэтому типологический анализ обнаруживает значительный топонимический изоморфизм.

Ключевые слова: метонимия, типология, омонимы, гидронимы, потамонимы, оронимы, универсалии, ойконимы.

Топонимическими метонимами являются собственные имена любых географических объектов, образованные в результате онимизации нарицательных обозначений близлежащих объектов (естественных или созданных человеком), т.е. путём топонимизации апеллятивов по смежности. *Топонимы-метонимы* появились тогда, когда в языке закрепилось понимание топонимических названий как образований, отличных от исходных апеллятивов. Ойконимы метонимического происхождения являются одними из наиболее ранних именованний [3: 126–127]. Так, в названиях важнейших городов Финикии (III тысячелетие до н.э.) отразились особенности природных условий страны: напр. **Библа** (финик. **Гебал**) означает ‘гора’, **Тира** (финик. **Цур**) — ‘скала’. Название одного из крупнейших городов Финикии, где большую роль играло рыболовство, — **Сидона** означает ‘место рыбной ловли’ [4: 384–385]. *Топонимы-метонимы* отражают в своей исходной семантике определенные свойства реалий, и поэтому возможно и необходимо изучение *семантических типов топонимов* (термин А. К. Матвеева) [7: 15] в сопоставительном плане.

Поскольку люди селились обычно возле источника воды, то вполне естественно ожидать наличие в ономастике разных народов топонимов (и прежде всего ойконимов), образованных онимизацией гидронимических нарицательных обозначений. Названия с обозначением источника воды создают иногда специфический ойконимический колорит, уникальную национальную ономастическую палитру: укр. **Джерело** (Жт), **Річка** (Зк, ІФ), **Річки** (Лв, Рв, См) [13: 384, 432]; ср. нем. ойконим **Bach** (*Bach* ‘ручей’) [23: 35]. Немецкий ойконим **Aachen** (*Aquis*, 769 г.; *Ache*, 1211 г.) происходит от др.-в.-нем. *aha* ‘вода’; [16: 689]. Ср. американские ойконимы **Bourne** (*bourne* ‘речка, ручей’) [11: 155] (МА) [26: 458]; **Waters** (MI) (от англ. *water* ‘вода’) [24: 584], канад. **Flood** (В. С.) (от англ. *flood* ‘поток, половодье’) [20: 176–177]. Латинский гидротермин *rivus* ‘ручей’ послужил основой для ряда ойконимов Франции **Ruy**, **Ris**, **Rupt** [17: 567]. Апеллятив *rivière* ‘река’ происходит от латинских слов *ripa*, *riparia*, которые обозначали ‘берег реки, побережье, территория возле реки’ (ср. франц. *rive* ‘берег’) и лишь позже приобрели значение ‘река, водоток’. Эти два значения обусловили появление многочисленных названий селений **Rivière**, **la Rivière**, **Larivière**, **Larrivière**, **Riverie** [17: 558]. Интересен французский гидротермин *goutte* ‘капля, капелька’, которым называли небольшой ручей в разных частях Франции. Онимизировавшись, он использовался как название многочисленных селений: **La Goutte**, **La Goutelle**, **Les Goutelles** [17: 327], **le Goutal** [22: 99].

По свидетельству В. А. Никонова, более 500 населённых пунктов в России (особенно в Среднем Поволжье, на Урале, в Сибири) имеют названия **Ключ**, **Ключи** (от нарицательного *ключ* ‘родник, водный источник’) [8: 196]. На Украине многочисленны ойконимы **Кринички** (19) (Вн, Днп, Мк, Рв, См та ін.), **Криниця** (5) (Лв, Пл, Тр, Хм, Чрг) [13: 401], а название **Колодезь** (*колодезь* ‘естественный водный источник, ручей, ключ’) имеют несколько сот населённых пунктов в полосе от Польши через Белоруссию, северную Украину и Россию [8: 199–200]. Французское слово *puits* ‘колодець’ также дало ряд топонимов: **Puits**, **Lepuix**, **Le Puid** [17: 549]. Ср. несколько ойконимов в Англии **Well** [18: 504], в США **Wells** (NV), **Well** (MN) (*well* — ‘колодець’) [25: 529]. В ойконимии США от апеллятивного термина *brook* образован ойконим **Brook** (IN). Однако гораздо больше названий в форме мн. числа: ср. канад. **Brooks** (Alta) [19: 123].

Многочисленны случаи онимизации лексем с обозначением ‘источник’ во французской топонимии. Латинское слово *fons* ‘источник’ послужило основой ряда французских ойконимов **Fons** (*ad Fontem*, 945 г.), **Lafond**, **Lafont**, **Lesfonds** [17: 294]. Семантически более богатое слово *fontaine* ‘источник, ключ, родник; фонтан, водоём’ в топонимии дало много названий населённым пунктам: **Fontan**, **Fontans**, **Lafontan**, **Fontains**, **Fontaine**, **Fontaines**, **Fontannes** [17: 295].

Диалектные термины *doiz*, *dotz*, *doux*, *doie* [17: 253], имеющие значение ‘обильный, постоянно действующий источник’ [22: 98], также дали ряд названий населённых пунктов **la Douix**, **la Doux**, **la Douzette** [22: 98], **Doye**, **La Doye** [17: 253]. Французское слово *source* ‘источник, родник, ключ’ во французской топонимии появилось сравнительно недавно и обозначает преимущественно молодые, не имеющие большого значения населённые пункты: **la Source** [22: 97].

В ойконимии многих языков зафиксированы топонимизированные обозначения не только проточных вод, но и вод стоячих (озёр, болот). В украинской ойконимии гидротермин *озеро* представлен в форме ед. и мн. числа: **Озеро** (Вн, Вл, Лг, Рв), **Озера** (Жт, Кв, Крв, Пл, См) [13: 420], ср. англ. **Lake** [18: 284], амер. **Lake** (MS). В топонимии Франции наряду с общеупотребительным словом *lac* ‘озеро’ используются и диалектные слова *lai*, *lau* с тем же значением, откуда топонимы **Lac**, **Lais**, **Le Lais**, **le Lau** [22: 100]. В общем, количество ойконимов с семантемой *озеро* в топонимии Франции невелико. Названия, восходящие к слову *etang* ‘пруд’, гораздо более многочисленны и встречаются в названиях сёл по всей Франции: **Etang**, **L’Etang**, **L’Etanche**, **Estaing**, **Estang**, **Etain**, **Les Etangs** [17: 273, 275]. Аналогичная ситуация наблюдается и в ойконимии Украины: **Ставок** (Вл, Рв, Хм, Чрг), **Ставки** (Вн, Вл, Днц, Жт, Кв, Лв, Мк, Од, Пл, Рв, См, Тр, Хрс) [13: 439]. Излюбленные тополексемы славян *став* и *ставок*, ‘базовые праформы которых, — считает украинский топонимист В. П. Шульгач, — мотивированы псл. *stavъ, *stavъкъ, ср. напр., укр. *став* ‘штучна водойма’, блр. *став* ‘озерце, сажавка’, пол. *staw*, кашуб. *stôv*, н-луж. *staw* ‘*ставок*’ [15: 257]. В англоязычной топонимии семантема *пруд* малоупотребительна, ср. амер. ойконим **Pond** (MS) [27: 240], ср. укр. **Пруды** (3) (Крм, См) [13: 430], ср. немецкий ойконим **Teich** [23: 517]. Интересен апеллятив *vivier* ‘живорыбный садок’ (от лат. *vivarium*), представленный в топонимии Франции многочисленными названиями: **Vivario** (*Vivarium*, 1032 г.),

Vihiers (*Vivarium*, 889 г.), **Vivès, Vivey, Viviers, Le Viviers, Viviès, Viviez, Viviers** и др. [17: 728, 729]. В современном окситанском диалекте апеллятив *vivier* вытеснен местным словом *pesquier* с тем же значением, откуда топонимы **les Pesquiès, Pesqués** [22: 100].

Семантема “болото”, “болотистая местность” легла в основу ряда метонимических топонимов в разных языках. Украинский ойконим **Балта** (Од) восходит к рум./молд. слову *baltă* ‘болото’, к этому же апеллятиву восходит и молд. ойконим *Bălți* [21: 48]. Ср. англ. ойконим **Marsh** (*marsh* ‘болото, топь’) [18: 316]. Название столицы Швейцарии **Berne (Bern)** возводят к слову *birl* или *berl* ‘болото’ [21: 63]. Название столицы Германии **Berlin** происходит, возможно, от слав. слова *birl* или *berl* ‘болото’ [21: 63]. Многие топонимы Франции возникли в прошлые времена и, сохранившись до наших дней, являются свидетелями бывшей экологической ситуации в стране. Одно из этих свидетельств — многообразие топонимов, связанных своей исходной семантикой с понятием “болото”. На юге и западе Франции преобладали топонимы, восходившие к латинскому слову *palud* ‘болото’, откуда названия **la Palud, la Pallud, la Pallu, la Palus, Paluel, Palluel** [22: 100]. В центральной, северной и восточной Франции понятие “болото” передавалось германским словом *marais* (раньше — *maresc, mareis*), которое вошло в общеязыковой фонд Франции, ср. *marais* ‘болото, топь, трясина’. Отсюда многочисленные топонимы, возникшие ещё в эпоху Средневековья: **Marais, Marest, Maretz, Marast, Marat, Marac** [22: 100], ср. также **Marchais, Beaumarchais** ‘красивое болото’ [22: 101]. Старофранцузское (возможно кельтское) слово *brai* ‘топь, трясина’, также внесло свой вклад в этот топонимический семантический ряд: **Bray, Brie** [22: 101]. Галльский апеллятив *mariscus* ‘болото’ лёг в основу топонимов **Maresché, Maresquel** [17: 434]. Ещё один специфический термин *gouille* ‘болотистая вода’ также отражён в топонимии Франции: **la Gouille, les Gouilles, Gouillons, Guillard, Gouilloux** [22: 101]. Название столицы Кении **Найроби** на языке суахили объясняется как ‘болото’, а на языке масаев как ‘холодная вода’ [9: 281].

Физиографические термины в украинской топонимической среде приобретают своеобразный флористический оттенок, а флористические термины приобретают определённое физиографическое значение. Благодаря такому амбивалентному значению некоторые лексемы являются высокочастотными в своём топонимическом употреблении. Ойконим **Поляна** зафиксирован в 11 областях, в целом 16 раз [13: 428]. Ещё более высокочастотным оказался топонимически амбивалентный термин *дiброва*, реализованный в топонимии 20 областей, где он встречается почти 50 раз [13: 428]. Некоторое подобие аналогии наблюдается и с английским термином *plain(s)*, который в отличие от британского значения “равнина”, (ср., напр., **Cities of the Plain** библ. ‘Содом и Гоморра’) в североамериканской и канадской топонимии приобретает значение ‘земля, покрытая травой’, т.е. употребляется скорее во флористическом значении и является синонимом термину *prairie* [1: 25]. Топографический термин *plain* ‘равнина’ употребителен в американской ойконимии не только с дескриптивной целью, но и с рекламирующей целью, предполагая своей семантикой широкие равнинные просторы, пригодные для фермерской деятельности, ср. **Plain** (WI), чаще в форме мн. числа **Plains** (PA, TX), **The Plains** (VA). Термин *field*, кроме общеупотребительного значения ‘поле’, ‘луг’, приобретает в США и Канаде значение ‘ровная поверхность земли’, ср. **Field** в Скалистых горах. Вообще для равнинных местностей слова со значением ‘равнина’ сами по себе обычно не являются достаточно характеризующими, чтобы они мимизироваться и стать топонимическими названиями. В горных же местностях, где ровные участки редки и высоко ценятся, апеллятивы с такой семантикой легко превращаются в собственные имена. Горные районы Франции изобилуют названиями типа **La Plaine** ‘равнина’, а также в маскулинизированной форме **le Plain** и в многочисленных вариантах **Plan, le Plo, Plos** и др. [22: 102], тогда как в районах с плоской поверхностью они отсутствуют.

Употребление ландшафтных терминов в ойконимии является очередной ономастической универсалией и наблюдается у разных народов и в различные эпохи. Некоторые из топонимов восходят к оронимическим терминам тысячелетней давности. Название области в Италии **Calabria** восходит к доиндоевропейскому слову **kal* или **kalabra* со значением ‘скала’ [21: 87]. В диалектах Франции в основу многочисленных топонимов: **le Suc, Tucq, Tuco, Tucos, la Tuque, le Tuquet, le Duc, Truc, le Truc, Cruc, le Cruc, le Crucq** — легли одинаковые по форме и значению слова (со значением ‘высота’), различающиеся только начальной согласной и имеющие докельтский генезис: **cuc, suc, tuc, duc, truc, cruc* [22: 24].

Латинское слово *vallem* “долина” в средневековой Франции легло в основу многих ойконимов, которые, как и слово-источник, имели женский род, ср.: **Laval, Lavau, Lavaut**, ср. **Lavaufranche** [17: 391, 392]. Позже эта лексема сменила свой род и появились топонимы мужского рода: **Le Val, Leval** [17: 694]. Долины многочисленны как на территории США, так и на территории Украины. Но только в топонимии Украины семантема *долина* широко онимизируется в своей абсолютной форме (ойконим **Долина** зафиксирован в 13 областях, при этом в трёх областях не единожды) [13: 385]. В ойконимии США соответствующая лексема встречается редко, ср. **Valley** (WY, AL, NB), **Vale** (OR, TN).

Во Франции слово *mont* ‘гора’ обычно использовалось для обозначения одинокого холма в равнинной местности. Это слово редко вступает в ойконимию в исходной сингулятивной форме: **Mont, Le Mont, Monte** [17: 465], чаще оно используется в форме множ. числа: **Monts, Mons** [22: 102], но неизмеримо активнее соединяется с различного рода детерминантами, формируя таким образом сотни наименований [17: 465–475]. Лексема *montagne* ‘гора’ используется для номинации многих населённых пунктов, преимущественно в северной половине Франции, ср. **Montagne, La Montagne** [17: 475]. В Альпах многочисленны названия **Colle**, ср. фр. *colline* ‘холм’ [17: 201]. На юге и западе Франции в основе многих наименований лежит слово из народной латыни *podium* ‘возвышенность, возвышенное место’. Однако, францизированное и передающее в графике особенности местных говоров, оно преобразилось до полной неузнаваемости, ср., например, топонимы: **Puy, le Pioch, Poey, le Puch, le Pouch, le Peuch, Puech, le Poët, le Peuil, le Peux** [22: 103–104].

Для амбициозных, деятельных американцев характерны и иные мотивы топонимических предпочтений. Среди разнообразных ландшафтных терминов они отдают предпочтение “идее о возвышенности: подчёркивая физическую “высоту”, создатели имён проводят мысль и о высоком положении в социальном плане” [6: 216]. Поэтому в американской топонимии так популярны термины, передающие идею о положительном рельефе: *hill(s), hillside, hilltop, ridge, crest, mont, mount, mountain, highlands, heights, cliff, knoll, summit, overlook, mesa, upland, bluffs, mound* и т.д. [6: 216]. Например: **Mountain** (ND, WV), **Hill** (NH), **Hills** (IA, MN), **Summit** (NJ), (AL), **Peaks** (VA), **Bluffs** (IL). Термин *butte* амер. ‘крутой холм (на равнине)’ также переходит в разряд ойконимии. Несколько городов в США имеют название **Butte** (AK, ND) [25: 676]. Ср. ойконимы **Rock** (MI, MN), **The Rock** (GA) — *rock* ‘скала’, **Craig** (AK) — *craig* ‘скала, утёс’, **Bluffs** (IL) — *bluff* ‘обрыв, утёс’.

В прошлые эпохи леса занимали значительную часть обитаемой территории. Люди селились возле леса, и его обозначение нередко переходило на название селения. Топонимизация лексем, обозначающих “лес”, является одним из распространённых принципов топонимической номинации **Ліс** (Льв), **Ліски** (11); **Лісне** (25); **Гай** (11): Днп, Жт, Кв и др.); **Гаї** (Льв, См, Тр); **Роща** (Од, См, Чрг) [13: 405, 378, 433]; рус. **Роща** (Калуж., Свердлов.) [2: 24, 80]. Для русского ономастического менталитета типичной в этом отношении является лексема *бор*, многократно употребляющаяся в качестве ойконима: **Бор** (Твер.(2), Лен. (3), Новг., Волог., Псков., Смол. (2), Нижег., Коми, Киров.) [2: 16, 24, 32, 36, 40, 44, 46, 70, 80]; амер.: **Forest** (OH, IN, VA, MS), **Orchard** (NB); **Meadows** (ME) **Parks** (NB, AR), **Wood** (ND) [13: 405, 378, 433]; канад. **Forest** (Ont.).

Типологически изоморфным является способ образования ойконимов путём топонимизации слов, называющих полезные ископаемые и минералы (амер.: *Boron, Carbon, Clay, Emerald, Ferrum, Garnet, Granite, Gypsite, Gypsun, Iron, Lime, Oil, Onyx, Pebble, Petroleum, Quartz, Salt, Soda, Topaz, Trona*), месторождения которых были обнаружены в данной местности. Этот способ номинации выявился как особенно продуктивный в ойконимии США: амер. **Mercury, Carbon** (WV, IN), **Petroleum** (IN), **Sulphur** (OK, KY), **Cobalt, Marble** (NC), **Limestone** (TN), **Topaz** (CA); ср. канад.: **Sulphide, Actinolite; Asbestos**; укр.: **Антрацит** (Лг), **Марганець** (Днп), **Сіль** (Днц, Зк); рус. **Апатиты** (Мурм.), **Асбест** (Свердл.), **Известь** (Мордов.), **Магнетиты** (Карел.), **Никель** (Мурм.), **Песок** (Волог.), **Свинец** (Курск.), **Слюда** (Карел.), **Сланцы** (Лен.) [2: 68, 80, 52, 34, 56, 32]; исп. **El Plomo** ‘свинец’ (Чили); **El Cobre** ‘медь’ (Чили, Мексика); франц. **Carbonne** от *charbon* ‘уголь’ (с указанием на место, где производили древесный уголь) [17: 146].

Многие населённые пункты, имеющие островное положение, в основе своих названий имеют семантему “остров”. Украинский город **Острів** (Кв) расположен частично на речном острове, а ойконим **Острів** (Вл) — образован от географического термина *острів* (укр. диал. ‘возвышен-

ное, сухое место среди болота'), ср. *Остров* (Новг.), *Востраў* — в Минской, Гомельській, Могилевской обл. Белоруссии, чеш. *Ostrov* и др. [14: 103]. Русский город **Остров** (Псков.) в древности был расположен на острове р. Великая [9: 74], белорусское село **Остров** находится на острове среди Освейского озера [5: 377]. Название города **Diu** в Индии, расположенного на острове, восходит к санскр. *Dvīpa* 'остров' [21: 137]. Несколько городов США, расположенных в дельте рек, получили название **Delta** [21: 134].

Некоторые селения возникали в приграничной зоне, и этот специфический дифференцирующий признак ложился в основу их названия. Село **Кордон** (Од) находится на месте, где когда-то проходила граница с Османской империей [12: 38], ещё **Границя** (Льв); ср. амер. **Frontier** (WY, ND), **Border** (WY); ср. канад. **Frontier** (Sask), ср. нем. **Grenze** [23: 177] с тем же исходным значением.

Таким образом, топонимия любого языка тесно связана со спецификой соответствующей географической среды, которую и отражает в своей исходной семантике. Исключительно важны социально-исторические условия формирования названий. В действие вступают также иные аспекты как экстратерриториального, так и экстралингвистического порядка. Номинация многих названий населённых пунктов связана с различными мотивами, психологическими процессами, которые определяют конкретную реализацию отландафтного принципа номинации, что отражается в массовой повторяемости лексем, легших в основу названий. В самом факте выбора географического термина для топонимической номинации проявляется информация об отношении именуемых к названиям, об их ономастических вкусах и предпочтениях. В топонимически реализованных лексемах проявляется психология данного народа, комплекс его культуры, неповторимый способ его образного мышления.

Условные обозначения

Штатов США

AK — Аляска, AL — Алабама, AR — Арканзас, CA — Калифорния, GA — Джорджия, IA — Айова, IL — Иллинойс, IN — Индиана, KY — Кентукки, MA — Массачусетс, MI — Мичиган, MN — Миннесота, MS — Миссисипи, NB — Нью-Браска, NC — Сев. Каролина, ND — Сев. Дакота, NH — Нью-Хэмпшир, NJ — Нью-Джерси, NV — Невада, OH — Огайо, OR — Орегон, PA — Пенсильвания, TN — Теннесси, TX — Техас, VA — Вирджиния, WI — Висконсин, WV — Зап. Вирджиния, WY — Вайоминг.

Областей Украины

Вн — Вінницька, Вл — Волинська, Днп — Дніпропетровська, Днц — Донецька, Жт — Житомирська, Зк — Закарпатська, ІФ — Івано-Франківська, Кв — Київська, Крв — Кіровоградська, Крм — АР Крим, Льв — Львівська, Лг — Луганська, Мк — Миколаївська, Од — Одеська, Пл — Полтавська, Сл — Сумська, Рв — Рівненська, Тр — Тернопільська, Хм — Хмельницька, Хрс — Херсонська, Чрг — Чернігівська.

Административных единиц Российской Федерации

Волог. — Вологодская обл., Калуж. — Калужская обл., Карел. — Республика Карелия, Киров. — Кировская обл., Коми — Республика Коми, Курск. — Курская обл., Лен. — Ленинградская обл., Мордов. — Республика Мордовия, Мурман. — Мурманская обл., Нижегород. — Нижегородская обл., Новг. — Новгородская обл., Псков. — Псковская обл., Свердлов. — Свердловская обл., Смол. — Смоленская обл., Твер. — Тверская обл.

1. Аниканова Т. А., Беленькая В. Д. Географические термины в топонимии Канады // Топонимика зарубежных стран — М., 1981.
2. Атлас автомобильных автодорог России, стран СНГ и Балтии (приграничные районы). — М., 2001.
3. Бучко Д. Г. Походження назв населених пунктів Покуття. — Львів, 1990.
4. *Всемирная история*: В 10-ти т. [Под ред. Ю. П. Францева и др.]. — М., 1955. — Т.1.
5. Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. — Минск, 1974.
6. Леонович О. А. Топонимы Соединённых Штатов Америки. — М., 2004.
7. Матвеев А. К. Тезисы о топонимике // Вопросы ономастики. — Свердловск: Уральск. гос. ун-т, 1974. — Вып. 7. — С. 5–18.
8. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. — М., 1966.
9. Попов А. И. Следы времён минувших. — Л., 1981.
10. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. — М., 2002.
11. *Словарь общегеографических терминов*: [в 2 т.] [пер. с англ. В. Я. Барласа, В. В. Голосова и др.]. — М., 1975. — Т.1.
12. *Топонімія південно-східної Одещини*: [методичні вказівки] / [Ю. О. Карпенко, А. Т. Бевзенко, Г. Ю. Касім та ін.]. — Одеса, 1978.
13. *Українська РСР*. Адміністративно-територіальний устрій: на 1 січня 1987 року / Відп. ред. В. І. Кирненко, В. І. Стадник. — К., 1987.
14. Шульгач В. П. Ойконімія Волині: Етимологічний словник-довідник. — К., 2001.
15. Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд: (фрагмент реконструкції). — К., 1998.
16. *Die Deutsche Sprache*: Kleine Enzyklopädie. In zwei Bänden. Zweiter Band. — Leipzig, 1970.

17. *Dauzat A. et Rostaing Ch.* Dictionnaire étymologique des noms de lieux en France. — Paris, 1963.
18. *Ekwall E.* The Concise Oxford Dictionary of English Place-names. — 4th ed. — Oxford, 1966.
19. *Encyclopedia Canadiana.* The Society of Canada Limited. Complete in 10 volumes. — Ottawa. — 1965. — Vol. 2.
20. *Encyclopedia Canadiana.* The Society of Canada Limited. Complete in 10 volumes. — Ottawa. — 1965. — Vol. 4.
21. *Everett-Heath J.* The Concise Dictionary of World Place-Names. — Oxford, 2005.
22. *Nugre E.* Les noms de lieux en France. — 2 éd. — Paris, 1977.
23. *Ortslexicon der Deutschen Demokratischen Republik.* — Berlin. — 1971.
24. *Romig W.* Michigan Place Names. — Detroit, 1986.
25. *Stewart G. R.* American Place-Names. A Concise and Selective Dictionary for the Continental United States of America. — New York, 1970.
26. *The Encyclopedia Americana.* International Edition: In 30 vol. “First published in 1829”. GROLIER International Headquarters: Danbury, Connecticut. — Vol. 18.
27. *The Encyclopedia Americana.* International Edition: In 30 vol. “First published in 1829”. GROLIER International Headquarters: Danbury, Connecticut. — Vol. 19.

О. М. Скляренко

ТОПОНІМНА МЕТОНІМІЯ: ТИПОЛОГІЧНІ ПАРАЛЕЛІ

Топонімна метонімія належить до своєрідних ономастичних універсалій. У статті розглянуто різновиди топонімною метонімії в різних мовах. Природа власних назв незмінна, тому типологічний аналіз виявляє значний топонімний ізоморфізм.

Ключові слова: метонімія, типологія, омоніми, гідроніми, потамоніми, ороніми, універсалії, ойконіми.

O. N. Sklyarenko

TOPONYMIC METONYMY: TYPOLOGICAL PARALLELS

Toponymic metonymy belongs to the original onomastic universals. The article deals with the problem of toponymic metonymy in different languages.

The nature of proper names being the same, the investigation reveals great deal of typological isomorphism.

Key words: metonymy, typology, homonyms, hydronyms, universals, oronyms, oykonyms, potamonyms.

УДК 811.161.1'142:621.397.13 “312”

И. В. Мурадян

Антропонимы как средство репрезентации оппозиции “свой — чужой” в российском публицистическом дискурсе

В данной статье показаны языковые возможности антропонимов в формировании оппозиции “свой — чужой”, широко представленной в современном российском публицистическом дискурсе.

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, семантическая оппозиция “свой — чужой”.

Современный российский публицистический дискурс отличает, кроме выполнения основной информационной функции, “активная, иногда агрессивная оценочно-воздействующая направленность..., усиление личностного начала, смысловая многослойность, ориентация на разного адресата...” [1: 69]. Различным аспектам исследования российского публицистического дискурса посвящены работы В. Г. Костомарова, Н. И. Клушиной, Г. Я. Солганика, Н. И. Формановской и др.

Публицистический текст полон семантических оппозиций. Они опираются на то, что жизнь современного общества пронизана резким столкновением полярностей, противоречиями, контрастами.

Одной из основных является оппозиция “свой — чужой”, повышающая прагматический потенциал публицистического дискурса, усиливающая его экспрессивное воздействие на читателя.

Н. И. Клушина отмечает, что если рассматривать в целом современную публицистическую картину мира, то можно увидеть, что она “стала включать в себя все виды оценки (и оппозиции “свой — чужой” — И М): общесоциальную (например, цивилизованный мир / террористы), классовую (демократы / коммунисты), групповую (правительство / оппозиция), индивидуальную (нравится / не нравится) [2: 52].

Реализация семантической оппозиции “свой — чужой” осуществляется целым рядом лексических средств. Все они проявляют данную оппозицию не в отрыве друг от друга, а вместе с антропонимами. Наша задача — рассмотреть, как формы антропонимов “работают” на оппозицию “свой — чужой”.

При этом следует учитывать, что в названной оппозиции могут использоваться не только окрашенные формы личных имен, такие, как деминутивы и пейоративы, но и нейтральные антропонимы, принимающие определенную коннотацию в зависимости от ситуации речи. В каждой конкретной коммуникативной ситуации есть принятая официальная номинация лица. Любое отклонение от стандарта, привлечение книжных или разговорных форм именования воспринимается как противопоставление.

Оппозиция “свой — чужой” в публицистическом дискурсе выстраивается, прежде всего, по отношению к политикам. В широком смысле в данной оппозиции все российские политики воспринимаются как “свои”, а все зарубежные как “чужие”, особенно политики тех стран, с которыми у России сложились непростые отношения. Диапазон различных номинаций в этом случае достаточно широк — от подчеркнутой дипломатической вежливости до иронических именовании. Среди названных именовании для зарубежных политиков можно выделить полную номинацию лица с указанием занимаемого ответственного поста, например: президент США Барак Обама, канцлер Германии Ангела Меркель, британский премьер Гордон Браун, президент Франции Саркози. Такое именование в качестве общепринятого используется и по отношению к “своим” политикам, например: президент Дмитрий Медведев, премьер Путин.

Как более противопоставленная по отношению к “чужим” политикам используется официальная формула “господин/госпожа + фамилия”, например: госпожа Райс. По отношению к русским политикам такая номинация почти не встречается, так как является излишне официальной и отстраненной. “Свои” политики в данной оппозиции именуется формулами “имя + фамилия”, “должность + фамилия”, “имя + отчество + фамилия”.

Наиболее ярко по отношению к “чужим” политикам рассматриваемая оппозиция проявляется при употреблении неофициального иронического именовании “фамилия + К*”. Например, американский президент и его администрация названы “Буш и К*”, что передает негативную оценку.

При номинации лидеров стран СНГ наблюдается еще большее разнообразие и привлечение как публицистических, так и разговорных средств, например, в именовании “бабка Лукашенко”. Используется также номинация “леди Ю.” (по аналогии с “леди Д.”) и международный публицистический штамп “железная леди”, например: “железная Юлия” (Тимошенко), “железная Нино” (Бурджанадзе).

Отношение к “своим” политикам внутри страны в публицистическом дискурсе тоже очень разное. Оно представлено в целом ряде оппозиций, например, власть — обычные люди, правительство — оппозиция, демократы — коммунисты и т. п. Отношение к каждой группе оппозиций тесно связано с позицией редакторского коллектива. Н. И. Клушина отмечает, что “в языке массовой коммуникации знаки оценки находятся в полной зависимости от позиции издания; в каждом конкретном издании сегодня существует собственная шкала ценностей” [2: 52].

Рассмотрим некоторые из названных оппозиций. Наиболее активно разнообразные номинации политиков используются в противопоставляющей себя правительству газете “Московский комсомолец” (МК). В рамках оппозиции “МК (свои) — власть (чужие)” обыгрываются именовании президента и премьера России. Наряду со стандартом “президент Медведев”, “премьер Путин” за В. В. Путиным стойко закрепилась аббревиатура ВВП, которая во многих контекстах является иронической, например: “Формально превратившись в главного хозяйственника

страны, ВВП так и остался небожителем...”. Сама статья названа еще более броско — “Ключарь ВВП” [МК, 2008, 12.10: 3].

По отношению к Д. А. Медведеву используется аббревиатура ДАМ: “Иллюзией оказалось представление и о том, что одна страна, даже самая мощная, может взять на себя роль глобального правительства”, — повысил голос ДАМ” [МК, 2008, 15.06:1].

В других СМИ политики, которые позиционируются как “свои”, именуется по русской традиции формулой “имя + отчество + фамилия” или “инициалы + фамилия”, что встречается крайне редко, например: Юрий Михайлович Лужков, Ю. М. Лужков [Мир новостей, 2009, 06.09:7].

В оппозиционной коммунистической прессе вся современная российская власть представлена как “чужая”, что проявляется в часто используемой лексеме “режим”. Наиболее отчетливо оппозиция “свой — чужой” “работает” по отношению к противоположным партиям и фракциям в Государственной Думе России. Представители партии “Единая Россия” совокупно именуется на страницах газеты “Правда” “господа единороссы” [Правда, 2009, 17.07: 1]. И соответственно каждый “единоросс”, особенно из руководства партии, назван по формуле “господин/госпожа + фамилия”, которая в коммунистической прессе характерна для обозначения “чужих”, например, г-н Грызлов, г-жа Слизка [Правда, 2009,09.06: 2]. “Свои” — это, конечно, коммунисты, поэтому лексема “коммунист” почти постоянно входит в номинацию представителей этой фракции, например, коммунист Алексей Багоряков, коммунист Анатолий Локоть, член фракции КПРФ Виктор Илюхин и т. д. [Правда, 2009, май — июнь].

В коммунистической прессе наиболее последовательно проводится классовая оппозиция “простые люди — представители крупного бизнеса”. В этом случае “чужие” называются только по фамилии без имени и отчества, реже — по модели “господин + фамилия”, например, Чубайс, г-н Потанин. Рядом с фамилией может стоять обозначение по “рангу”: “олигарх Дерипаска” [Правда, 2009,09.06: 3]. От фамилии Чубайс создано интересное антропонимическое образование — “чубайсация”. Характерно, что оно создано не по привычным моделям “фамилия + суффикс —изм” или “фамилия + -щина”, а по той же модели, что и слово “приватизация”, обозначающее явление, тесно связанное с деятельностью А. Чубайса. Усиливает значение неологизма вынесение его в название статьи — “Жертвы чубайсации” [Правда, 2009, 18.08: 2].

“Свои”, обычные люди в этой оппозиции называются по русской традиции именования с именем, отчеством и фамилией, например: “жительница курского села Большое Кукино Александра Ивановна Огаркова, коренная жительница села Великий Двор Галина Николаевна Бережная, замглавы администрации Талдомского района Алексей Яковлевич Стребков” и т. п. [Правда, 2009, 31.08: 3].

В современном российском публицистическом дискурсе обозначены разные социальные группы населения. Обычным людям с их каждодневными заботами противопоставлены преступники и их помощники. В этом значении выстраивается оппозиция “законопослушные граждане — представители преступного мира”. В круг номинаций преступников попадают характерные для них формы личных имен, пришедшие из разговорной речи: “...могли “спереть” не какие-нибудь Витек или Санек из мафиозных кругов...” [Новая газета, 2002, 27.05: 6].

Оппозиция “свой — чужой” представлена в публицистическом дискурсе и на уровне индивидуального восприятия людей и событий. Каждый человек определяет для себя “своих” в “ближнем круге”, в “домашнем мире”, по определению Ю. М. Лотмана, и соответственно обозначает их антропонимическими средствами. Для “чужих” может быть выбрана необычная номинация, передающая негативную коннотацию. Такая оппозиция дана в интервью Л. И. Менакера, посвященном воспоминаниям о его двоюродном брате, известном актере Андрее Миронове. Соответственно Миронов обозначен в тексте как Андрей, Андрюша. В оппозиции “чужой” оказывается актриса Татьяна Егорова, написавшая книгу о А. Миронове. Показывая свое недовольство тем, что написала Т. Егорова, Л. И. Менакер называет ее только по фамилии, причем выбирает очень редко употребляющееся в современном русском языке обращение “мадам”, которое в данном контексте сигнализирует о том, что перед нами “чужой”: “В ней (книге) мадам Егорова поносит многих известных актеров...” [МК Дайджест, 2008, №1: 14].

Таким образом, в наполненном оппозициями современном российском публицистическом дискурсе антропонимы благодаря варьированности и богатым языковым возможностям активно участвуют в реализации оппозиции “свой — чужой”.

1. *Покровская Е. В.* Газета в современной культурно-речевой ситуации // Русская речь — 2005. — С. 69–74.
2. *Клушина Н. И.* Язык публицистики // Русская речь. — 2004. — №3 — С. 51–54.

І. В. Мурадян

**АНТРОПОНІМИ ЯК ЗАСІБ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ ОПОЗИЦІЇ “СВІЙ — ЧУЖИЙ”
В РОСІЙСЬКОМУ ПУБЛІЦИСТИЧНОМУ ДИСКУРСІ**

Статтю присвячено мовним можливостям антропонімів у формуванні опозиції “свій — чужий”, яка широко застосовується у сучасному російському дискурсі.

Ключові слова: ономастика, антропонімія, семантична опозиція “свій — чужий”.

I. V. Muradyan

**PERSONAL NAMES LIKE OPPOSITION “OWN PEOPLE — STRANGES” IN THE
RUSSIAN MEDIA DISCOURSE**

The article is devoted to the language potential of personal names at the formation of opposition “own people — strangers”. This opposition is widely used in the modern Russian media discourse.

Key words: Russian, personal name, semantics opposition “own people — strangers”.

ПИТАННЯ ТЕРМІНОЗНАВСТВА

УДК 81'373.46:168.1'161.114/.14/.15

*О. І. Павлова***Дефініція як спосіб тлумачення наукових понять**

Статтю присвячено дослідженню дефініції як об'єкта термінологічної діяльності. У статті проаналізовано різні класифікації дефініцій, визначено основні вимоги до побудови дефініцій, описано інші способи тлумачення наукових понять, показано роль дефініцій у пізнанні, практиці, науковому і навчальному процесах, термінологічній проблематиці.

Ключові слова: дефініція, наукове поняття, термін, пізнання, термінологічна діяльність.

Дефініція наукового поняття є однією з фундаментальних логіко-сміслових категорій, які обслуговують професійну сферу діяльності. Саме в дефініціях фіксують результати пізнання і здійснюють їх соціальну об'єктивізацію. Терміни й їх дефініції виступають як основа інтелектуальної комунікації й слугують засобом отримання професійних знань. Отже, дефініція є одночасно логічною, гносеологічною, дидактичною і лінгвістичною категорією. Тому її мовна форма, як підкреслюють Н. А. Буре, М. В. Бистрих та інші, має розглядатися не ізольовано, а як результат впливу на неї різних сфер людської діяльності: пізнання, комунікації і навчання [9: 82].

Мета статті — всебічно дослідити дефініції як об'єкт термінологічної діяльності. Завдання статті: 1) проаналізувати різні класифікації дефініцій; 2) визначити основні вимоги, які висувають до побудови дефініцій; 3) виявити й описати інші способи тлумачення наукових понять; 4) з'ясувати роль дефініцій у пізнанні, практиці, науковому і навчальному процесах, термінологічній проблематиці.

Проблематика визначення як операції, яка дозволяє правильно вводити в мовне використання спеціальні слова і вирази, має багатовікову традицію. Значний вклад у цю проблематику зроблено логікою. Дефініція детально досліджується в працях І. А. Алексюка, Е. К. Войшвілло, О. Д. Гетманової, Д. П. Горського, В. Є. Жеребкіна, А. Є. Конверського, Г. О. Орендарчука, К. Попа, М. Г. Тофтула, І. В. Хоменка та інших вчених, у яких її розглядають у логіко-методологічному плані. Дефініції, або визначення, як об'єкт термінологічної діяльності вивчають протягом довгого часу. Більшість методичних порадників і досліджень з упорядкування і стандартизації термінології обмежується формулюванням вимог до дефініцій, а структуру і прийоми їх побудови не розглядає. У числі авторів, які розробляють питання побудови і аналізу дефініцій для термінологічної мети, слід назвати І. М. Волкову, С. В. Гриньова, В. Ф. Журавльова, Т. Л. Канделакі, Т. Р. Кияка, Д. С. Лотте, В. Л. Налепіна, Л. Е. Пшеничну, Е. Ф. Скороходька та інших. Глибокому вивченню дефініцій присвячені монографії С. Д. Шелова [13;14], де зроблено спробу відповісти на питання, що таке термін і дефініція, які використовуються типи термінологічних дефініцій і які існують вимоги до їх побудови, які логічні і лінгвістичні вимоги доцільно висувати до формулювання дефініцій і як їх виконують тощо.

Однак, не зважаючи на численну літературу, яка присвячена питанням побудови й аналізу дефініцій, оцінювання ролі дефініцій у формулюванні поняттєвої сторони термінів спричиняє значні труднощі, викликані, на погляд С. Д. Шелова, такими причинами: 1) різноманітністю поглядів на природу і сутність дефініції; 2) різноманіттям видів дефініцій (частина з яких визнається як власне дефініції одними дослідниками і не визнається іншими); 3) невирішеністю питання про те, чи існує і в чому полягає специфіка дефініцій саме термінологічних одиниць [14: 29].

При дослідженні дефініцій наукових понять доцільно виходити з широкого розуміння цієї категорії, яке надав Д. П. Горський: "Визначення є розумовий прийом, за допомогою якого намагаються відшукати, уточнити, пояснити значення мовного виразу в тій чи іншій мові або роз-

ширити мову за допомогою введення нового знакового виразу... Якщо є вказана мета, то перед нами дефініція в широкому смислі” [4: 100]. Іншими словами, визначення — це логічна операція, яка розкриває зміст поняття. За своєю структурою будь-яка дефініція складається з двох частин. Поняття, зміст якого розкривається, називається визначуваним поняттям, або дефінієндумом, який позначається символом *Dfd*. Та частина визначення, яка виражає способи ототожнення, розрізнення, виділення, конструювання об’єктів думки, називається визначальним поняттям, або дефінієнсом і позначається символом *Dfn*.

Дефініція дає мінімум знань, які необхідні для розуміння і розмежування окремих понять, але не вичерпує поняття. Дефініції завжди залишаються недостатніми, оскільки будь-яка дефініція не повністю відображає предмет, вона бере у предмета лише істотні ознаки і полишає поза своїм змістом масу інших ознак, якими наділений певний предмет.

Дефініції є підсумком складного й тривалого процесу пізнання предметів або явищ. Дефініцією нібито завершується процес вироблення поняття. Але дефініції не залишаються незмінними, раз і назавжди встановленими. У пізнанні йдуть від одних дефініцій, менш точних, до інших, більш точних, що відповідають даному рівню розвитку знань [6: 48–49].

Дефініції відіграють важливу роль у пізнанні та практиці. Жодна наука не може існувати без визначення своїх понять. До того часу, поки відсутнє наукове визначення того чи іншого поняття, немає й точного знання істотності предмета, що відображається цим поняттям, відсутній і критерій для виокремлення одних предметів від інших.

Важко перебільшити роль визначень понять у навчальному процесі. Так, знання тих чи інших слів, термінів ще не свідчить про наявність відповідних понять. Тому викладачам усіх дисциплін доводиться постійно перевіряти наявність поняттєвих знань.

“Дефініція — це словесне вираження тих специфічних особливостей, які відрізняють певне поняття від суміжних з ним; перелічення істотних ознак предмета, явища, які репрезентують поняття” [2: 39]. Дефініції складають невід’ємну частину будь-якої наукової теорії.

Дефініція, на думку В. Є. Жеребкіна, розв’язує такі два гносеологічні завдання: 1. З’ясовує властивість визначуваного предмета, дає відповідь на запитання про те, чим є даний предмет. 2. Обмежує визначуваний предмет від усіх інших суміжних з ним предметів [6: 48].

У науковій літературі вказується, що дефініція має відповідати таким основним вимогам: 1) містити тільки істотні ознаки науково-технічного поняття, які необхідні для їх ідентифікації і виокремлення з багатьох інших науково-технічних понять; 2) бути розмірною поняттю; 3) бути системною, тобто фіксувати, словесно відображати місце поняття в певній поняттєвій системі; 4) не бути тавтологічною; 5) не містити логічного кола; 6) бути позитивною; 7) бути короткою і ясною; 8) бути сформульованою лінгвістично правильно, тобто відповідати нормам і правилам певної мови [2: 44–45].

Слід зазначити, що дефініція не є єдиним засобом фіксації значення спеціальної лексичної одиниці. Існують і такі засоби пояснення значень, як *опис*, *характеристика*, *порівняння*, *розрізнення*, *показ*, — різні прийоми, що подібні до визначення й які доповнюють або інколи замінюють його. Мало того, існують, певно, такі етапи пізнання, на яких різні об’єкти не описуються вербально, але безпосередньо подаються, ілюструються характерним для кожної тематичної галузі власним засобом подачі; відповідні прийоми в логіці часто характеризуються як “остенсивні дефініції” [10: 123–146].

Опис предмета полягає в зазначенні низки якихось особливих зовнішніх ознак, на основі котрих описуваний предмет відрізняють від інших предметів. Описуються зазвичай індивідуальні предмети і явища. Опис може включати як суттєві, так і несуттєві ознаки предмета, які є або можуть бути важливими з огляду на певні обставини. У результаті опису ми отримуємо якийсь чуттєвий, наочний образ предмета. Опис широко розповсюджений в художній та історичній літературі, а також у юридичній практиці.

Характеристика — це прийом, що полягає в переліченні найважливіших у певному відношенні ознак предмета, явища, процесу. На відміну від опису характеристика має на увазі насамперед фіксацію якоїсь певної суттєвої ознаки, що притаманна деякому предмету, а не просто фіксацію зовнішнього вигляду предмета. Характеристика може бути повною або неповною, позитивною або негативною, всебічною або односторонньою, але вона має завжди бути об’єктивною.

Порівняння — наочне пояснення предмета або явища за допомогою порівняння його з чимось іншим. Порівняння — це прийом, що застосовують для образної характеристики предмета. Порівнюють однорідні предмети з метою встановлення їх подібності й відмінності.

Розрізнення — прийом, що встановлює ознаки, які відрізняють один предмет від іншого (подібного до нього) [12: 82].

Показ — це демонстрація предмета, унаслідок якої відбувається ознайомлення з предметом за допомогою безпосереднього його сприймання, або з'ясування класу (роду), до якого належить предмет, котрий нас цікавить [6: 64–65].

Однак серед усіх засобів пояснювання і фіксації термінологічного значення дефініція, або визначення, вирізняється як особливо значущий засіб унаслідок того, що таким чином повністю вербально ідентифікується поняттєвий бік знака, по-перше, і робиться це з найбільшою точністю, по-друге.

У дослідженнях дефініції була встановлена необхідність її лінгвістичного аналізу, тому що будь-яка дефініція є висловлюванням на якійсь мові і вимагає мовного аналізу. Сьогодні положення про те, що дефініція може складати предмет як логічного, так і лінгвістичного вивчення, достатньо поширено. У мовознавстві, як зазначає С. Д. Шелов, сформувалися принаймні три відносно самостійні галузі вивчення теорії і практики дефініції [14: 33].

Першою тут необхідно назвати сферу вивчення семантики загальномовної лексики шляхом побудови системи її дефініцій (Ю. Д. Апресян, Д. І. Арбатський, Н. З. Котелова, М. Н. Правдина, Е. Ф. Скороходько, Ю. С. Степанов та ін.). Дефініція і логічний апарат її теорії в цій сфері використовується зазвичай як інструмент для розкриття і фіксації лексичного значення слова [14: 34]. Цілком закономірно, що, окрім власне семантичних результатів, тут обговорюється і можливість використання інструменту дослідження: адекватність дефініції для презентації семантики слова, сфера вживаності дефінітивного опису лексичного значення слова, розмежування дефініції і тлумачення тощо.

Друга сфера — вивчення дефініції як особливого комунікативного типу речення, характерного для мови науки і техніки (М. І. Антонова, О. С. Ахманова, С. А. Тер-Мкртчян). У межах цього напрямку дефініція з'являється не стільки як інструмент дослідження, скільки як його об'єкт, опис якого здійснюють у лінгвістичних і лінгвостилістичних категоріях. Тут описують і систематизують арсенал мовних засобів побудови наукової дефініції: синтаксичний тип речення, яке виражає дефініцію, способи мовної номінації родових і видових понять, способи включення дефініцій у загальну тканину оповідання тощо.

І, насамкінець, третя сфера — аналіз дефініцій під час дослідження термінології. Для термінології неодноразово зазначалася важлива роль дефініцій, які встановлюють межі значення терміна і фіксують його поняттєві зв'язки з іншими термінами. Роль дефініцій у термінологічній проблематиці зазвичай визнають істотною, ніж у лексикології, яка досліджує семантику слів загальної мови. Більш того, на практиці критерієм розмежування терміна і нетерміна часто слугує наявність або, відповідно, відсутність дефініції. Наявність дефініції є для багатьох дослідників обов'язковою, конститутивною ознакою терміна. У цілій низці дефініцій терміна зазначено, що це слово або словосполучення, яке має дефініцію або вимагає дефініції.

Питання про кількість і види дефініцій наукових понять досі дискутують у науковій літературі. У науці вдаються до різних видів дефініцій понять, характер і структура яких залежать від обраної основи поділу дефініцій. Д. П. Горський [5], наприклад, називає 14 видів дефініцій, включаючи в цю кількість класичні родо-видові визначення, а також реальні і номінальні, які базуються на інших засадах. К. Е. Войшвілло [1] описує 9 видів дефініцій наукових понять, які в цілому не повторюють види Д. П. Горського. Слід зазначити, що дефініції наукових понять можуть бути різноманітними залежно від дисципліни, для якої вони будуються, від ступеня вивченості матеріалу, від засад, на яких вони ґрунтуються тощо.

В. Є. Жеребкін основними видами наукових дефініцій вважає *реальні і номінальні*, які розрізняє залежно від того, розкривається у визначенні зміст поняття чи з'ясовується ім'я, яким це поняття позначається. *Реальні дефініції* — це визначення, що розкривають істотні та загальні ознаки позначуваних понять. До реальних дефініцій В. Є. Жеребкін відносить такі: 1) визначення через рід і видові відмінності; 2) генетичні; 3) визначення через вказівку відношення предмета до своєї протилежності; 4) визначення через перелічення предметів або явищ, до яких

застосоване дане поняття [6: 49–51]. Визначення через рід і видові відмінності — це визначення найближчого роду видового поняття, а також знаходження деяких специфічних ознак, що належать тільки даному виду й які відсутні в інших видів, що входять до складу даного роду. Цей тип дефініції — найпоширеніший класичний вид визначення. Саме цей вид дефініцій складає левову частку визначень у різних словниках, енциклопедіях, кодексах, підручниках. Ним користуються всі науки. У музикознавстві, лінгвістиці й юриспруденції він є основним видом визначення. Генетичні дефініції — це такі позначення, у яких зміст поняття розкривається за допомогою вказівки на спосіб виникнення предмета. Описуючи походження предмета, ми перелічуємо його істотні ознаки і, таким чином, з'ясовуємо зміст визначального поняття. Генетичні дефініції найчастіше зустрічаються в математиці, зокрема в геометрії, хімії, фізиці тощо. Визначення через вказівку відношення визначуваного предмета до своєї протилежності є основним способом визначення філософських понять і категорій. У цих визначеннях зміст одного поняття розкривається через вказівку відношення його до іншого: властивості — до якості, а якості — до властивості; явища — до сутності, а сутності — до явища тощо. Дефініції через перелічення предметів або явищ, до яких застосоване це поняття, можна було б взагалі не вважати визначеннями. Проте за своєю функцією вони схожі на визначення, оскільки дають змогу відмежувати одне поняття від іншого, відповісти на запитання про те, що треба розуміти під тим чи іншим поняттям, до яких предметів воно застосовано. Такі визначення чітко встановлюють обсяг поняття, котре нас цікавить. А *номінальні дефініції* — позначення, завдяки яким з'ясовуються імена, що позначають відповідні поняття і денотати. Слід підкреслити, що номінальні дефініції не розкривають змісту понять, тому вони не є дефініціями у власному розумінні слова. За допомогою номінальних дефініцій дають найменування предметам і явищам, які вивчаються, вводять нові терміни в науковий обіг, з'ясовують значення вживаних термінів і т.ін.

А. Є. Конверський виділяє такі ж самі два основних типи дефініцій: реальні і номінальні, але до реальних дефініцій, крім підтипів, зазначених вище В. Є. Жеребкіним, він додає ще два інших — *операційні* й *індуктивні дефініції*. *Операційним визначенням* він називає такий вид реальної дефініції, який полягає в описові специфічних експериментальних операцій, для знаходження тих чи інших об'єктів. *Індуктивним визначенням*, на його думку, є процедура, яка передбачає: 1) явну вказівку на вихідні елементи (вони або повністю перераховуються, або дається критерій, за яким можна виділити їх із певної множини); 2) правила утворення похідних із вихідних елементів; 3) обмеження, яке вказує, що окрім наведених у першому пункті й утворених відповідно до другого пункту немає ніяких інших, які б належали множині, що визначається [7: 170]. Крім того, А. Є. Конверський не лише визнає номінальні дефініції, але і виділяє їх підтипи, до яких належать *синтаксичні* і *семантичні дефініції*. *Синтаксичним* називають визначення, у якому вказують, як можна замінити знаки або їх сполучення іншими (як правило коротшими), не звертаючи уваги на їх значення. *Семантичним* іменують визначення, яке певному позначенню ставить у відповідність предмет, охарактеризований через його відмінні ознаки. Семантичні дефініції, за А. Є. Конверським, своєю чергою, поділяються на *аналітичні* і *синтетичні*. *Аналітичним визначенням* називають такий вид семантичних дефініцій, який розкриває значення термінів, що вже існують у певній мові. Прикладами аналітичних дефініцій є визначення слів, що входять до тлумачних словників. Аналітичні визначення вживають особливо тоді, коли той самий термін у різних науках використовують у різних значеннях. *Синтетичним визначенням* іменують такий вид семантичних дефініцій, який розкриває значення терміна, що вперше вводиться, або уточнює значення терміна, який уже наявний у певній мові. Прикладами синтетичних визначень будуть дефініції вперше введених термінів [7: 171–172].

Найбільш послідовною й прийнятною для термінознавства є класифікація дефініцій термінів І. М. Волкової, яка охоплює *родовидові*, *квазіродовидові*, *партитивні* й *операційні дефініції* [3].

У *родовидових дефініціях* завжди вирізняються родові поняття та його видова ознака, яка дає змогу виокремити відповідне видові поняття і оголосити його значенням визначуваного терміна. Цей тип дефініцій має універсальність, яка пояснює наявність тлумачних термінологічних словників, що містять виключно родовидові дефініції. Як зазначає І. М. Волкова, родовидові визначення “можуть бути побудовані для понять будь-якої категорії — предметів, процесів, властивостей, величин” [3: 144].

Квазіродові дефініції будують для категорій властивостей і величин за типом родовидових, але з використанням як родової ознаки не найближчої родової, а поняття категорії “властивість”, “величина”.

Партитивні дефініції слугують для розкриття змісту понять “частина цілого” або “сукупність частин”. Вони характерні для понять категорій предметів, процесів і величин.

В емпіричних науках звертаються до *операційних дефініцій*, які містять деякі залежності. При цьому Dfd є функцією вихідних (відомих або раніше визначених) величин [3: 63]. В операційних дефініціях видовою ознакою є посилання на операцію, за допомогою якої можна розкрити зміст відповідного поняття, а в результаті — розпізнати предмети, які мисляться в цьому понятті, відрізнити їх від усіх інших [11: 51].

Класифікацію І. М. Волкової доповнює Л. О. Морозова, додаючи ще один вид дефініцій — *перелічувальних* [8]. Поняттєвий зміст визначуваного терміна за допомогою *перелічувальної* дефініції фіксують шляхом перелічення елементів, які входять до нього як видові його представники.

Досягнення останніх років у вивченні співвідношень термінів і дефініцій значною мірою поглибили наші уявлення в цій сфері. Праці С. Д. Шелова [13; 14] показали, що мають місце різні типи дефініцій: далеко не тільки родовидові, але й перелічувальні, і контекстуальні, і операційні та інші. Більш того, у цих працях описано так звані жорсткі, або *мономорфні* і м’які, або *поліморфні дефініції*. Дефініції першого типу абсолютно точні і жорстко окреслюють поняттєвий зміст визначуваного терміна, не допускаючи проміжних переходів, градації властивостей, якостей і відношень. Дефініції другого типу не зовсім точні і дають змогу неоднаково інтерпретувати ті самі мовні вирази, поняттєва семантика терміна, яка ставиться подібною дефініцією, також є поліморфною (або м’якою). Енциклопедії й енциклопедичні словники тією чи іншою мірою завжди містять відомості про різну інтерпретацію поліморфних термінів. Однак важливішою є та обставина, що низку термінологічних видань можна розцінювати як такі, що спеціалізуються на фіксації різних інтерпретацій власних якісно поліморфних лексичних одиниць, тобто як видання, які ставлять опис поліморфізму як одне із своїх завдань і які вирішують його більш чи менш послідовно протягом всього видання. Наявність поліморфних дефініцій і поліморфних термінів, які дають можливість використовувати тлумачення, а не тільки точні визначення наукових понять, є характерною рисою сучасної науки і “забезпечує відносну цілісність поняттєвого апарату науки в цілому” [13: 83].

Отже, можна зробити такі узагальнення і висновки. Дефініція наукових понять є одночасно логічною, гносеологічною, дидактичною і лінгвістичною категорією, яка є важливою для різних сфер людської діяльності: пізнання, практики, навчання і комунікації, у тому числі спеціально-професійної. Логічна операція визначення поняття виконує важливу функцію в наукових дослідженнях і практиці міркування. За допомогою дефініції підсумовують знання про предмет, полегшують пошук предмета, який становить дослідницький чи практичний інтерес, розкривають значення термінів, і, нарешті, дефініція є важливим засобом скорочення складних описів та окремих міркувань у наукових теоріях. Дефініція як найважливіший спосіб фіксації поняттєвого змісту терміна має дуже велику значущість як в термінознавстві, так і в методиці навчання спеціальній термінології.

Перспективою подальшого дослідження є визначення і теоретичне описування основних типів дефініцій, які використовуються в сучасних тлумачних словниках музичної термінології англійської, французької, російської та української мов.

1. *Войшвилло Е. К.* Понятие как форма мышления. — М., 1989.
2. *Волкова И. Н.* Стандартизация научно-технической терминологии. — М, 1984.
3. *Волкова И. Н.* Моделирование определений в терминологических стандартах // Современные проблемы русской терминологии. — Л., 1986. — С. 140–162.
4. *Горский Д. П.* Определение (логико-методологические проблемы). — М., 1974.
5. *Горский Д. П.* Определения, их виды и правила // Логика научного познания. — М., 1987.
6. *Жеребкін В. Є.* Логіка: Підручник. — 9-те вид., стер. — К., 2006.
7. *Конверський А. Є.* Логіка (традиційна та сучасна): Підручник. — К., 2004.
8. *Морозова Л. А.* Об одной модели дефиниции в терминологических стандартах // Научно-техническая терминология, 1989. — № 8. — С. 9–14.
9. *Основы научной речи: Учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Под ред. В. В. Химика, Л. Б. Волковой.* — СПб., М., 2003.

10. *Пона К.* Теория определения / Пер. с рум. — М., 1976.
11. *Тофтул М. Г.* Логіка: Підручник: Вид. 2-е, переробл., доповн. — К., 2006.
12. *Хоменко І. В., Алексюк І. А.* Основы логіки: Підр. для студ. вищ. навч. пед. закл. — К., 1996.
13. *Шелов С. Д.* Определение терминов и понятийная структура терминологии. — С. Пб., 1998.
14. *Шелов С. Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. — С. Пб., 2003.

О. І. Pavlova

DEFINITION AS THE WAY OF SCIENTIFIC NOTIONS' INTERPRETING

The article deals with the study of definitions as an object of terminological activity. Different classifications of definitions are analyzed. The main requirements to the construction of definitions are determined. The ways of interpreting scientific notions are described. The role of definitions in cognition, practice, scientific and training processes, is shown.

Key words: definition, scientific notion, term, cognition, terminological activity.

О. И. Павлова

ДЕФИНИЦИЯ КАК СПОСОБ ТОЛКОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ

Статья посвящается изучению дефиниций как объекта терминологической деятельности. В статье анализируются различные классификации дефиниций, определяются основные требования к построению дефиниций, описываются другие способы толкования научных понятий, выясняется роль дефиниций в познании, практике, научном и учебном процессах, терминологической проблематике.

Ключевые слова: дефиниция, научное понятие, термин, познание, терминологическая деятельность.

УДК [811.124'06+811.111+811.161.1+811.411.16'08]'374.26.823:579.8.06(569.4)

Е. Бандас, С. Розен, М. Тер-Казарян

Из опыта создания латинско-англо-русско-ивритского толкового словаря бинарных названий бактерий, изученных в Израиле

Приведены значения большей части видовых эпитетов бактерий, изученных в лабораториях Израиля за 50 лет, на официальном языке страны, на латинском, английском и русском языках. Выявлено 55 видовых эпитетов, ассимилированных ивритом и готовых к использованию в качестве национальных интерпретаций научных названий бактерий.

Ключевые слова: бинарная номенклатура бактерий, ассимиляция латинских названий, русский, английский языки, иврит, латынь.

В настоящее время известно полмиллиона видов растений, миллион видов животных, десять тысяч видов бактерий. Международные кодексы номенклатуры устанавливают, что каждый вид должен иметь бинарное латинское название — родовое название и видовой эпитет, являющийся прилагательным или существительным в родительном падеже. При обучении студентов, да и для журналистов, необходим перевод этих латинских названий на национальный язык. Разумеется, не всех видов, а только тех, которые обитают или используются в той или иной стране. Микробиологическим центром “Бактаксон” составлен список видов, изученных бактериологами Израиля за 50 лет, с библиографическими ссылками, содержащими 1425 названий [11].

Предварительно по национальной библиографии [6; 7; 8; 13] и реферативным журналам [1; 2; 12] были выявлены статьи израильских авторов, опубликованные в отечественных и зару-

бежных журналах, а также в монографии по инфекционным болезням Израиля [8], составлен список авторов, разосланы просьбы о присылке оттисков и сформирован архив оттисков работ, охватывающих едва ли не все опубликованные исследования по бактериологии. По существу, это — список компонентов ближневосточной бактобиоты: были опубликованы соответствующие словари названий бактерий с переводом с латыни на английский, русский и украинский языки [9; 10].

В настоящем словаре приводится перевод названий бактерий ближневосточной бактобиоты на официальный язык нашей страны. Популярен журнал *Haefuah* (“Харефуа”, медицина) [4], выходящий на иврите; его читателям было бы полезно понимать значение латинских названий бактерий.

Настоящий словарик является дополнением к “Иврит-англо-русскому биологическому словарю” [5], составленному ранее одним из авторов данной статьи и дающему возможность более полного восприятия научной информации людьми различных языковых культур.

В нашей работе использован четырёхтомный англо-ивритский словарь [3], а также данные Интернета.

Вследствие необходимости соблюдения требований журнала в отношении объёма статей в настоящий словарь включены не все компоненты ближневосточной бактобиоты. Так, опущены видовые эпитеты, образованные от фамилий и географических названий. В словарь включены данные о 240 видах бактерий, относящихся к 110 родам.

Ниже приводятся в алфавитном порядке родовые названия бактерий, обнаруженных в био-те, с используемыми названиями родов на русском языке. Здесь же приводится — в кавычках и скобках — толкование значения латинских названий на русском языке. Вслед за родовым названием даются видовые эпитеты на латинском языке с переводом на английский, русский языки и на иврит.

- Acholeplasma** — *ахолеплазма* (“плазма, не требующая для своего роста желчь”)
A. axanthum — non-yellow — не жёлтый — הבהצה וניא המסלפלוכה
Acidothermus — *ацидотермус* (“ацидофильный и термальный”)
A. cellulolyticus — *cellulolytic* — *целлюлолитический* — אצידותרמוס צלולוליטי
Acinetobacter — *акинетобактер* (“неподвижная бактерия”)
A. calcoaceticus — *calcoacetic* — кальцийацетатный — אקינטובקטר סידן אצטאט
A. radioresistens — *radioresistant* — *радиорезистентный* — אקינטובקטר עמיד לקרינה
Actinobacillus — *актинобацилла* (“лучеобразная бацилла”)
A. pleuropneumoniae — *pleuropneumonic* — *плевропневмонийная* — אקטינובצילוס פלברופנמוני ריזהה סוליציבוניטקא
A. suis — *swine* — свиная — קיבד סצימוניטקא
Actinomyces — *актиномицет, актиномицес* (“лучеобразный гриб”)
A. viscosus — *sticky* — липкий — אקטינומיצעט
Aeromonas — *аэромонас, аэромонады* (“газообразующее тельце”)
A. caviae — *of cavia* — *кавиа, кавии* (морской свинки) — אארומונס קביה
A. hydrophila — *hydrophilic* — *гидрофильный* — אארומונס הדרופילי
A. salmonicida — *salmonicidal* — убивающий лососей — וןמלס יגד לטוק סנומוראא
Afipia — *афипия* (AFIP — Armed Forces Institut of Pathology, USA — Институт патологии вооруженных сил США)
A. felis — *feline* — *фелисная* (кошачья) — לוהחה תיפיפא
Agrobacterium — *агробактерия, агробактериум* (“полевая бактерия”)
tumefaciens — *tumefacient* — образующий опухоль — לודיג רציים מוירטקבורגא
Alcaligenes — *алкалигенес* (“образующий щёлочь”)
denitrificans — *denitrifying* — *денитрифицирующий* — האוצ סנגילקלא אלקלינגס הדניטрифицирующей
A. faecalis — *faecal, fecal* — *фекальный* — אאנקובקטריום פיוגני
Anaplasma — *анаплазма* (“бесформенная плазма”)
A. marginale — *marginal* — *маргинальная* — תילוш המסלפנא
Arcanobacterium — *арканобактерия* — (“скрытная бактерия”)
A. pyogenes — *pyogenic* — *пиогенный* — ארקноבקטריום פיוגני
Archaeoglobus — *археоглобус* (“архаический шар”)

- A. fulgidus — *fulgid* — *фульгидный* (блестящий) — קירבם סובולגיכרא
- Arthrobacter** — *артробактер* (“суставная бактерия”)
- A. agilis — *agile* — *агильный* (подвижный) — בהזמ רטקבורתרא ענ רטקבורתרא
- A. aurescens — *gilding* — *золотящий* —
- Bacillus** — *бацилла* (“спорообразующая палочка”)
- B. amyloliquefaciens — *amyloliquefacient* — *разжижающая крахмал* — ולימע סימם סוליציב
- B. anthracis — *anthrax’s, anthraces*— *антракса, антраксная* — הועש יומד סוליציב ילחג סוליציב
- B. cereus — *wax-like* — *восковидная* —
- megaterium* — *megatherian*— *мегатерий, мегатериевый* — בצילוס מגתריומי
- B. sphaericus — *spherical*— *сферическая*— ירווד סוליציב
- Bacteroides** — *бактероидес* (“подобный бактерии”)
- B. fragilis — *fragile*— *фрагильный* (ломкий) — ספילא סדיאורטקב ריבש —
- B. ovatus — *oval*— *овальный* — יוצמ סדיאורטקב
- B. vulgatus — *common* — *повсеместный* —
- Bartonella** — *бартоANELLA* (“бактерия Бартона”, Бартон, A. L. Barton, 1871–1950, перуанский врач)
- B. quintana — *quintan*— *квинтанная* (пятая) — תינטניוק הלנוטרב
- Bordetella** — *бордетелла* (“бактерия Борде”, Борде, Jules Bordet, 1870–1961, бельгийский бактериолог)
- B. bronchiseptica — *bronchiseptic*— *бронхосептическая* — בורדטלה ברונכוספטית
- Borrelia** — *боррелия* (“бактерия Борреля”, Боррель, Amedee Borrel, 1867–1936, французский учёный) 17###
- B. anserine — *anserine*— *гусиная* — זוואה תלרוב
- Burkholderia** — *беркхолдерия* (“бактерия Беркхолдера”, Беркхолдер, Walter H. Burkholder, американский бактериолог)
- B. cepacia — *of onion* — *луковая* — לצבה תירוולוהקרб
- Butyrivibrio** — *бутиривибрио* (“маслянокислый вибрирующий”)
- B. fibrisolvens — *fibrisolvent* — *растворяющий фибру* — מיביס סמם וירבוויריטוב
- Campylobacter** — *кампилобактер* (“изогнутая бактерия”)
- C. coli — *coli* — *коли* — ילוק רטקבוליפמק
- Carnocytophaga** — *капноцитофага* (“дымопоедающая клетка”)
- C. ochracea — *ochraceous*— *охряная* — הרכוא תגפוטיצונפק
- Cardiobacterium** — *кардиобактерия* (“бактерия сердца”)
- C. hominis — *of man* — *человечья* — ישונא מואירטקבוידרק
- Caulobacter** — *каулобактер* (“стебельчатая бактерия”)
- C. crescentis — *crescent*— *кресцентный* (растущий) — לדוגה רטקבולואק
- Chlamydia** — *хламидия* (“одетая в хламиду, мантию”)
- C. pneumoniae — *pneumonic*— *пневмонийная* — תינומבנפ הידימלכ
- C. trachomatis — *trachomatous* — *трахоматозная* — תנערגה תידימלכ
- Chlorobium** — *хлоробиум* (“зеленый живой”)
- C. limicola — *limicolous* — *живущий в иле* — ויט מואיבורולכ
- C. phaeobacteroides — *brown-bacteroidal* — *коричнево-бактероидный* — ידיאורטקב מוה מואיבורולכ
- Chryseobacterium** — *хризеобактерия* (“золотистая бактерия”)
- C. meningosepticum — *meningoseptic*— *менингосептическая* — תיטפסוגנימ מוירטקבוазירк
- Chryseomonas** — *хризеомонас* (“золотистое тельце”)
- C. luteola — *luteous* — *желтоватый* — בהבהצ
- Clostridium** — *кlostридия, кlostридиум* (“веретенец”)
- C. aceticum — *acetic* — *уксусная* — תיטצא היдиртסולק
- C. bifermentans — *bifermenting* — *биферментная* — תימיזנא וד — היдиртסולק
- C. cellulovorans — *cellulovorans* — *целлюлозоядная* — תיאת תלכוא היдиртסולק
- C. difficile — *difficult* — *трудная* — תשקע היдиртסולק
- C. perfringens — *perfringent* — *перфрингенная* (“прорывающая” кожу при нарыве) — היдиртסולק
- תיטנגניפרס
- C. rectum — *straight* — *прямая* — הרשי היдиртסולק

- C. tetani — *tetanus's, tetanic* — *טטנוס, טטניקה* — *טטנוס, טטניקה* — סוגי תדירטולק —
Corynebacterium — *קורניבאקטריה, קורניבאקטריום* (“булавообразная бактерия”)
 C. glutamicum — *glutamic* — *גלутמינווה* — ימטולג מואירטקבנירוק —
 C. pseudotuberculosis — *pseudotuberculosis* — *פסודוטוברקולזנה* — המודם תפחש מואירטקבנירוק —
Desulfovibrio — *דסולפוביבריו* (“обессеривающий вибрирующий”)
 D. halophilus — *halophilous* — *הלופיליני* — יליפולה וירביוופלוסד —
Ehrlichia — *ערליחיה* (“бактерия Эрлиха”, Эрлих, Paul Ehrlich, 1854–1915, немецкий бактериолог)
 E. canis — *canine* — *קנינה* — מיכל תיכלרה —
Eikenella — *איקנלה* (“бактерия Эйкена”, M. Eiken, датский биолог, сотрудник Университетского госпиталя Гентофта)
 E. corrodens — *corroding* — *קורודינג* — תלכא הלנקה —
Enterococcus — *נטרוקוקוס, נטרופוקוס* (“кишечный кокк”)
 E. durans — *durable* — *דורבל* — ינלוס סוקוקרטנה —
 E. faecalis — *faecal, fecal* — *פקלני* — האוצ סוקוקרטנה —
 E. faecium — *faeces, feces, feces's; феций, фециумный* — יתאוצ — סוקוקרטנה —
Eperythrozoon — *אפיריטרוזון* (“животное на красной сыпи”, первоначально возбудителя относили к простейшим, то есть к животным)
 E. ovis — *ovine* — *אויני* (овечий) — מיריזה וואוורתירפה מישכ וואוורתירפה —
 E. suis — of swine — *סויני* (свиной) —
Erwinia — *ערוניה* (“бактерия Эрвина”, Эрвин, Erwin F. Smith, американский бактериолог)
 E. amylovora *amylovorax* — *אמילווורה* — קלימע תלכוא הינורה —
Escherichia — *אשריחיה* (“бактерия Эшериха”, Эшерих, Theodor Escherich, 1857–1911, немецкий врач)
 E. coli — *coli* — *קולי* (толстокишечная) — ילוק היכירשה —
Eubacterium — *אובאקטריה, אובאקטריום* (“истинная бактерия”)
 E. aerofaciens — *aerogenic* — *אירוני* — יגוראה מוירטקבוא —
Fibrobacter — *פייברובאקטר* (“бактерия волокон” целлюлозы, расщепляемых в рубце)
 F. succinogenes — *succinogenic* — *סוקינוני* — יגוניצקוס רטקבורביפ-
Flavimonas — *פלאומונאס* (“жёлтое тельце”)
 F. oryzihabitans — *rice-dweller* — *אוריזי* — זורא נכוש סנומיולפ —
Frankia — *פראנקיה* (“бактерия Франка”, Франк, A. B. Frank, швейцарский микробиолог)
 F. alni — of alder — *אלני* — סונלה תיקנרפ —
Fusobacterium — *פוזובאקטריה, פוזובאקטריום* (“веретенообразная бактерия”)
 F. mortiferum — *mortiferous* — *מורטיפר* — ינלטק — מוירטקבוזופ —
 F. nucleatum — *nuclear* — *נוקליר* — יניערג מוירטקבוזופ —
Haemophilus — *המופילוס* (“кровелюбивый”)
 H. aphrophilus -*aphrophilic* — *אפרופילי* (пенюлюбивый) — פצק בבוח סוליפומה —
 H. influenzae — *influenzal* — *ינפלינזל* (гриппозный) — תעפש סוליפומה —
Halobacterium — *הלובאקטריה, הלובאקטריום* (“солевая бактерия”)
 H. cutirubrum — *red-cuticular* — *הלוקיטוק* — המודא הלוקיטוק לעב מוירטקבולה —
 H. halobium — *halobiont, halobiont's* — *הלוביאנט* (солёноводная) — חלם ים נכוש מואירטקבולה —
 H. salinarum — of saltern — *סליר* — חלם חלם תקפה מוירטקבולה —
Halobacteroides — *הלובאקטרוידס* (“похожий на солевую бактерию”)
 H. halobius — *halobiont's* — *הלוביאנט* — חלם נכוש סדיאורטקבולה —
Halorubrum — *הלורוברום* (“солевой красный”)
 H. saccharovorogum — *saccharovorogous* — *סוקרווורה* — רכוס לכוא מורבורולה —
Helicobacter — *הליקובאקטר* (“спиральная бактерия”)
 H. pylori — *pyloric* — *פילורי* (привратниковый) — רעושה רטקבוקילה —
Hypomonas — *גיפומנאס* (“тельце с гифами”)
 H. oceanitis — of Oceanid (sea nymph) — *אוקיטיד* — סנומופיג —
Klebsiella — *קלביסלה* (“бактерия Клебса”, Клебс, Theodor Albrecht Erwin Klebs, 1834–1913, немецко-американский бактериолог)
 K. oxytoca — *acidproducing* — *אוקסיטוקה* — קלסומווורה

Lactobacillus — *לַקְטוֹבַאצִּילָה, לַקְטוֹבַאצִּילֹס* (“בацилла молока”, первоначально считали, что бактерия образует споры)

L. acidophilus — *acidophilic*— *אַצִּדוֹפִּילְיָה* — *לִיפּוֹדִיצָה סוֹלִיצְבוֹטְקֵל*

L. casei — of cheese — *סְרִינָה* — *סוֹלִיצְבוֹטְקֵל* — הַנִּיבֵג

L. plantarum — of plants — *רַאסְתֵּינִי, רַאסְתֵּינִי* — *סוֹלִיצְבוֹטְקֵל* — הַחֶמֶץ

Lactococcus — *לַקְטוֹקוֹקְקוּס, לַקְטוֹקוֹק* (“кокк молока”)

L. lactis — *lactic*— *מֹלֹחִי* — *בִּלָּה סוֹקוֹקוֹטְקֵל*

L. piscium — *piscine* — *רִיבִי* — *הִיגֵד סוֹקוֹקוֹטְקֵל*

Legionella — *לֵגִיוֹנֵלָה* (“бактерия болезни легионеров”)

L. anisa — *unequal* — *נְהוּלָה* — *תִּינְגוּמָה יתֵלֵב הַלְנוֹאִיגֵל*

L. pneumophila — *pneumophilic* — *פְּנֵוּמוֹפִּילְיָה* (любящая лёгкие) — *תִּילִיפּוֹמִיבְנַפ הַלְנוֹאִיגֵל*

Leptospira — *לֵפְטוֹסְפִירָה* (“тонкая спираль”)

L. interrogans — *interrogative* — *יִנְטֵרְרוֹגַטִּיבָה* (вопросительная) — *נְמִיס תִּיּוֹמֵד הַרִיפּוֹסְטְפֵל הַאֵלֶשׁ*

Leuconostoc — *לֵיוֹנוֹסְטוֹק* (“бесцветный носток”, водоросль “носток”-зелёная)

L. lactis — *milky* — *מֹלֹחִי* — *בִּלָּה קוֹטְסוֹנוֹקוֹל*

Listeria — *לִיסְטֵרִיָה* (“бактерия Листера”, Листер, Joseph Lister, 1827–1912, английский хирург)

L. monocytogenes — *monocytogenic* — *מוֹנוֹצִיטוֹגֵנָה* — *תִּינְגוֹטִיצוֹנוֹ הִרְטְסִיל*

Mesoplasma — *מֵזוֹפְלַזְמָה* (“серединая плазма”, то требует холестерин для роста, то — нет)

M. florum — *flora's, floral* — *פְּלוֹרָה* — *מִיחַרַף תְּמַסְלִפּוֹזֵם*

Methanobacterium — *מֵתַנּוֹבַאקְטֵרִיּוּם* (“метановая бактерия”)

M. formicum — *formic* — *מִרְמִינִי* — *מִיִּלְמְנָה מוֹרְטְקוֹבּוֹנְתֵם*

Micrococcus — *מִקְרוֹקוֹקְקוּס* (“микроскопический кокк”)

M. luteus — *golden-yellow* — *זוֹלוֹתִיסְטוֹ-זֵלְטִי* — *בֵּהבֵה סוֹקוֹקוֹרְקֵם*

Moraxella — *מוֹרַקְסֵלָה* (“бактерия Моракса”, Моракс, Victor Morax, 1866–1935, швейцарско-французский офтальмолог)

M. catarrhalis — *of catarrh, catarrhal* — *קַטָּרָה, קַטָּרָלָה* — *הַלְסְקְרוֹם תִּלְרֵטְקֵל*

M. cuniculi — *of rabbit* — *רִיבִי* — *מִינּוֹבְנָרָה תְּלִסְקְרוֹם*

M. ovis — *ovine* — *וִינָה* (овечья) — *מִישְׁבַּכ תְּלִסְקְרוֹם*

Mycobacterium — *מִיקוֹבַאקְטֵרִיָה, מִיקוֹבַאקְטֵרִיּוּם* (“грибообразная бактерия”)

M. avium — *avian, avine* — *אִוִּינָה* (птичья) — *מִירוֹפִּיצ מוֹרְטְקוֹבּוֹקִיֵם*

M. bovis — *bovine* — *בוֹוִּינָה* (бычья) — *מִירוֹש מוֹרְטְקוֹבּוֹקִיֵם*

M. celatum — *hidden* — *סְכְרִיבָה, לַטֵּנְטָה* — *יִטְנֵטֵל מוֹרְטְקוֹבּוֹקִיֵם*

M. chelonae — *of the tortoise* — *כֶּרֶפֶשׁ* — *מִיבֶצ מוֹרְטְקוֹבּוֹקִיֵם*

M. flavescens — *becoming yellow* — *זֵלְטָה* — *הַבִּיהֶצֶם מוֹרְטְקוֹבּוֹקִיֵם*

M. fortuitum — *fortuitous* — *פּוֹרְטוּנָה* (случайная) — *יִרְקֵם מוֹרְטְקוֹבּוֹקִיֵם*

M. intracellularae intracellular — *יִנְטְרַאֵלְלוּלָרָה* (внутриклеточная) — *יָאֵת-דוֹת מוֹרְטְקוֹבּוֹקִיֵם*

M. marinum — *marine*— *מַרִּינָה* (морская) — *יָם מוֹרְטְקוֹבּוֹקִיֵם*

M. scrofulaceum — *scrofulous*— *סְרוֹפוּלֵזָה* (золотушная) — *תִּירִיזָה מוֹרְטְקוֹבּוֹקִיֵם*

M. tuberculosis — *tuberculous* — *טוּבֵרְקוּלֵזָה* — *תְּפַחְשָׁה מוֹרְטְקוֹבּוֹקִיֵם*

Mycoplasma — *מִיקוֹפְלַזְמָה* (“грибообразная плазма”)

M. agalactiae — *agalactous, agalactia's* — *אַגַּלַּקְטִיָה, אַגַּלַּקְטִיָה* — *זוֹטְקֵלַג תְּסַסְתֵם אֵל הַמְסְלִפּוֹקִיֵם*

M. alvi — *alvus's* — *יִנְטְרַנְנוֹסְתָה* — *מִיִּבְרַק תְּמַסְלִפּוֹקִיֵם*

M. arginini — *arginine's, argininic* — *אַרְגִּינִינָה* — *יִנְיִנִיגָרָה תְּמַסְלִפּוֹקִיֵם*

M. arthritis — *arthritic* — *אַרְטְרִיטָה* — *תִּירְתָרָה תְּמַסְלִפּוֹקִיֵם*

M. bovis — *bovine* — *בוֹוִּינָה* (бычья) — *מִירוֹש תְּמַסְלִפּוֹקִיֵם*

M. dispar — *disparate* — *דִּיסְפַרְטָה* (отличающаяся) — *הַנוֹש תְּמַסְלִפּוֹקִיֵם*

M. genitalium — *genital* — *גֵּנִיטָלָה* (половая) — *תִּילְטִינֵג תְּמַסְלִפּוֹקִיֵם*

M. fermentas — *fermentative*— *פֵרְמֵנְטִירִינְג* — *הַסִּסְתֵל תְּמַרוֹג תְּמַסְלִפּוֹקִיֵם*

M. floccularae — *flocculent* — *פְּלוֹקְקוּלֵנְטָה* (хлопьевидная) — *מִיתֵפ תִּיּוֹמֵד תְּמַסְלִפּוֹקִיֵם*

M. gallisepticum — *galliseptic* — *קוּרִינוֹסֵפְטִיכֵסָה* — *תוֹלוֹגְרַת תְּמַזוֹם תְּמַסְלִפּוֹקִיֵם*

M. hominis — *of man* — *חַוְיָה* — *תִּישׁוּנָה תְּמַסְלִפּוֹקִיֵם*

M. hyopneumoniae — *pig-pneumonic* — *פִּיג-פְּנֵוּמוֹנִיָה* — *מִירוֹז תִּינּוֹמְבְנַפ לֶש תְּמַסְלִפּוֹקִיֵם*

- M. hyorhinae — of the hog's nose — из носа свиньи - המסלפוקים-ריזח
- M. hyosynoviae of joint fluid of swine — свиносиновиальная — ריזח לש יקרפה לזוג תמסלפוקים
- M. meleagridis — *meleagridis* — индюшачья - ודוה תולוגגרת תמסלפוקים
- M. mobile — *mobile* — *мобильная* (подвижная) - הזירז המסלפוקים
- M. muris — *murine* — *муриная* (мышинная) - מירבכע תמסלפוקים
- M. mycoides — *mycoides* — fungus-like — грибовидная - הירטפ תיומד המסלפוקים
- M. subsp. capri — of male goat — козлий — מיזע תמסלפוקים
- M. neurolyticum — *neurolytic* — *невролитическая* (растворяющая нервы) — תיטילוריון המסלפוקים
- M. orale — *oral* — *оральный* (ротная) - תימופ המסלפוקים
- M. penetrans — *penetrating* — *пенетрирующая* (проникающая) — תרדוה המסלפוקים
- M. pirum — of pear — грушевая — מיסגא תמסלפוקים
- M. pneumoniae — *pneumoniae* — *пневмонийная* — וואר-תקלד תמסלפוקים
- M. primatum — *primatum* — *приматная* - מיטאמירפ תמסלפוקים
- M. pulmonis — *pulmonis* — *пульмонарная* (лёгочная) - תיתאר המסלפוקים
- M. putrefaciens — *putrefying* — гнилостная — וובקר תמסלפוקים
- M. salivarium — *salivarium* — *саливарная* (слонная) - קורה תמסלפוקים
- M. synoviae — *synovial* — *синовиальная* - תילאיבונים המסלפוקים
- M. suis — hog-intestinal — свинокишечная — תילניטסטיני מיריזח תמסלפוקים
- Natronomonas** — *натрономонас* (“содовое тельце”)
- N. pharaonis — *pharaonic* — *фараоновский* — הערפ סנומונורתנ
- Neisseria** — *нейссерия* (“бактерия Нейссера”, Albert Neisser, 1855–1926, французский бактериолог)
- N. gonorrhoeae — *gonorrhoeal* — *гонорейная* — הביזה תירסינ
- N. meningitidis — *meningitic* — *менингитная* - התבשה תירסינ
- N. sicca — dry — сухая - השבי הירסינ
- Nitrococcus** — *нитрококкус* (“нитритный кокк”)
- N. mobilis — *mobile* — *мобильный* (подвижный) — זירז סוקוקוריני
- Nocardia** — *нокардия* (“бактерия Нокарда”, Нокард, Edmond Nocard, 1850–1903, французский ветврач)
- N. asteroides — *asteroidal* — *астероидная* - תידיאורטסא הידרקונ
- N. farcinica — *farcy's* — сапная - תרחנה תידרקונ
- Nocardioides** — *нокардиоидес* (“как нокардия”)
- N. simplex — *simplex* — *симплексный* (простой) — טושפ סדיאודרקונ
- Orenia** — *орения* (“бактерия Орена”, Орен, Aharon Oren, Институт биологии Еврейского университета в Иерусалиме, секретарь подкомитетов Международного комитета по систематике прокариотов)
- O. marismortui — of the Dead Sea — Мёртвого моря — הלמה מי תינרווא
- Ornithobacterium** — *орнитобактериум* (“птичья бактерия”)
- O. rhinotracheale — *rhinotracheal* — *ринотрахеальная* — המישנ הנקו פא מוירטקבותינרווא
- Pantoea** — *пантэя* (“всеохватывающая”, все виды во всех географических условиях)
- P. agglomerans — *agglomerating* — *агломерирующая* (образующая скопления) - תרבוц האטנפ
- P. ananatis — *anas's* — *ананасная* - סננא תאטנפ
- Pasteurella** — *пастерелла* (“бактерия Пастера”, Луи Пастер)
- P. canis — *canine* — *канисная* (собачья) - מיבלכ תלרטספ
- P. haemolytica — *hemolytic* — *гемолитическая* - תיטילומה הלרטספ
- P. multocida — *multocidal* — *мультицидная* (убивающая многих) - תינלטק בר הלרטספ
- Pediococcus** *педиококк, педиококки* (“плоская пластинка кокков”)
- P. acidilactici — *acidilactic* — *молочнокислый* — בלח תצמוח סוקוקואידפ
- Photobacterium** — *фотобактерия* (“светящаяся бактерия”)
- P. damselaе — *damsel* — *дамселов* (аквариумных рыбок) — לסמד מואירטקבוטופ
- P. piscicida — fish-killer — *убивающий рыб* — מיגד לטוק מואירטקבוטופ
- P. leiognathi — *ponyfishes* — *лиогнатовых* (сем-во рыб) — מינוברש מואירטקבוטופ
- Porphyromonas** — *порфиромонас* (“порфирное тельце”)
- P. gingivalis — *gingival* — *гингивальный* (десенный) — מינכנח — סנומוריפרופ

Prevotella — *פרבوتלה* (“בakteria פּרֵבּוֹטֵה”, פּרֵבּוֹטֵה, Andre Roman Prevot, 1894–1982, פֿרָנְצױז־סְכִי מִקְרױבִּיױלױג)

P. bivia — *bivium* — *ביביוואלנע* (דוּוּחְפּוּטֵוּוּוּוּוּ: סְבֵרַאכִיבֵרַאט אַגְלֵוּדֵוּוּ וּאִמִּינוֹקִיסְלױטֵוּ) - הֶלְטױבֶרֶפּ - תִּלְוֵלְסֵמ װ

P. denticola — *tooth-dweller* — אֹבִיטָאױנְדֵיך אַף צױבֶה - מֵינִישׁ תֶּלְטױבֶרֶפּ -

P. intermedia — *intermedial* — *אינטערמדיאַלנע* (פּרױמֶזױטױכֵנע) — תִּיעֲצֵמָה הֶלְטױבֶרֶפּ -

P. melaninogenica — *melaninogenic* — *מֵלָנִינוֹגֵנֵנע* — תִּינְגױנִילֵמ הֶלְטױבֶרֶפּ -

P. oralis — *oral* — *אָרָלנִישׁ* (רױטױוּוּ) - תִּימױפּ הֶלְטױבֶרֶפּ -

P. ruminicola — *rumen-dweller* — אֹבִיטָאֵל רױבֶּצֶה - סֶרַח תִּנְכוּשׁ הֶלְטױבֶרֶפּ -

Propionibacterium — *פּרױפּיױניבאַקטֵרִיַּע*, *פּרױפּיױניבאַקטֵרִיױמ* (“פּרױפּיױנױוּוּוּוּ בַאקטֵרִיַּע”)

P. acnes — *acne’s* — *אַקנֵינִישׁ* (אַגְרֵוּוּוּ) - מױרְטְקֵבִנױאִיפּױרֶפּ - תִּילְגױמָה -

Prosthecochloris — *פּרױסְטֵעױכױלױרִיס* (“זֵלֵנִישׁ סױ אָרױטְטְקֵאִים”)

P. aestuarii — *estuarine, estuary’s* — *אַסְטױאַרִיעֵוּוּ* (אַסְטױוּוּוּ) — כִּפֶּשׁ סִירױלְכוֹקְתֵסױרֶפּ -

Proteus *פּרױטֵעֵי* (רױד נָצֵבֵנ אִימֵנֶם מױרְסְקױם בױג פּרױטֵעֵי, מֵנַאנְדֵרֶנ סױוּ אױבְלִיכ)

P. mirabilis — *miraculous* — *מִירַבֵּלְנִישׁ* (אַדױוּוּוּוּוּוּ) - עִיטְפֶם סױאַטױרֶפּ -

Pseudomonas — *פּסֵוּדױמױנַס* (“לױזְנֵע תֵּלְצֵע”)

P. aeruginosa — *aeruginous* — *אַַרױגִינוּזְנִישׁ* (מֵדְנױרְזַבְצִינִישׁ) — תְּשׁוּחֵנ תְּדױלַח סֵנוֹמױדְבֶסֶפּ -

P. alcaligenes — *alcaligenic* — *אַלְכַלִּיגֵנִישׁ* (פּױדְשֵׁלַאכִיבֵאױנְדֵיך) - יִנְגִילֵהױכ סֵנוֹמױדְבֶסֶפּ -

P. fluorescens — *fluorescent* — *פּלױױרֵסְצִירױנְדֵיך* — יִטְנַצְסױרױאַלֶפ סֵנוֹמױדְבֶסֶפּ -

P. putida — *strinking* — גִּנִּילױסְטְנִישׁ - ױבְקֶר סֵנוֹמױדְבֶסֶפּ -

P. syringae — *syringa’s* — *סִירֵנֵעֵוּ* - קְלִילֵה סֵנוֹמױדְבֶסֶפּ -

P. vesicularis — *vesicular* — *וֵזִיקױלַרְנִישׁ* (פּױזְזִירְכֵאִישׁ) - יִרְדְּקִיזױ סֵנוֹמױדְבֶסֶפּ -

Ralstonia — *רַאֲלִיסְטױנִיַּע* (“בַאקטֵרִיַּע רַאֲלִיסְטױנִיַּע”, רַאֲלִיסְטױנִיַּע, E. Ralston, אַמֵרִיקַנְסְכִי בַאקטֵרִיױלױג)

R. eutropha — *eutrophic* — *אַַטְרױפִנִישׁ* - תִּיפּױרְטױאַ הִינױטְסֶלֶר -

Rhizobium — *רִיזױבִיױמ* (“זִיבְנֵה אַף קױרְנִישׁ”)

R. leguminosarum — *leguminous* — בױבױוּוּ - תױנִישׁ טִיַק מױאַיבױזִיר -

Rhodobacter — *רױדױבַאקטֵר* (“רױזױוּוּ בַאקטֵרִיַּע”)

R. capsulatus — *capsulated* — *קַאפּסױלִירױוּוּוּ* - לְסַפּױקֶמ רַטְקֵבױדױר -

Rhodococcus — *רױדױקױכְס* (“רױזױוּוּ קױכְס”)

R. equi — *equine* — *אַַקױנִישׁ* (לױשֵׁאִינִישׁ) - מִיסױס סױקױדױר -

Rhodopseudomonas — *רױדױפּסֵוּדױמױנַס* (“רױזױוּוּ פּסֵוּדױמױנַס”)

R. palustris — *palustral* — *פַּלױסְטְרַלְנִישׁ* (בױלױטְנִישׁ) - תױצֵב סֵנוֹמױדְבֶסֶפּױדױר -

Rhodospirillum — *רױדױסְפִירִילױמ* (“רױזױוּוּ סְפִירִילַא”)

R. rubrum — *red* — רַאָסְנִישׁ — מױלִירִיפּסױדױר -

Rickettsia — *רִיקֵטְטְסִיַּע* (“בַאקטֵרִיַּע רִיקֵטְטְסִיַּע”, רִיקֵטְטְסִיַּע, Howard Theilor Ricketts, 1871–1910, אַמֵרִיקַנְסְכִי בַאקטֵרִיױלױג)

R. typhi — *typhous* — *טִיפּױזְנִישׁ* - סױפִישׁ תִּיסְטִיקִיר -

Riemerella — *רִימֵרֵלַא* (“בַאקטֵרִיַּע רִימֵרַע”, רִימֵרַע, Riemer, אױפִישׁױוּוּ וּ 1904 ג. נױוּע זַאבֵלֵוּוּוּ אַף יױטְק)

R. anatipestifer — *pestiferous for ducks* — זַאראַזְנִישׁ לִי אַף יױטְק - מִיזױרב תֶּלְטױק הֶלְרַמַאִיר -

Ruminococcus — *רױמִינוֹקױכְס* (“קױכְס רױבֶּצֶה”)

R. albus — *white* — בֵּלִישׁ - בֵּל סױקױנִישׁױר -

Salmonella — *סַלְמױנֵלַא* (“בַאקטֵרִיַּע סַלְמױנֵה”, סַלְמױנֵה, Daniel Salmon, 1850–1914, אַמֵרִיקַנְסְכִי וֵטְוֵרַאכְ-בַאקטֵרִיױלױג)

S. choleraesuis — *of hog cholera* — חױלֵרַע סַוִינֵי - לֶשׁ הֶלְנוֹמֶלֶס -

S. enteritidis — *enteric* — *אַַנטֵרַלְנִישׁ* (טױנְקױכִישֵׁעִנִישׁ) - מֵייעֵמָה תְּקֵלֵד תֶּלְנוֹמֶלֶס -

S. typhi — *typhous* — *טִיפּױזְנִישׁ* - סױפִישׁ תֶּלְנוֹמֶלֶס -

Sarcina — *סַרְצִינַע* (“פַאקֵט, טִיַק”)

S. ventriculi — *ventricular* — *וֵנְטְרִיקױלַרְנִישׁ* (זֶלױדױכױוּוּוּ) - הֶבִיַק תִּנִיצְרֶס -

Serratia — *סֵרַרַטִיַּע* (“בַאקטֵרִיַּע סֵרַרַטִיַּע”, סֵרַרַטִיַּע, Serafino Serrati, אִטַּלְיַנְסְכִי פִזִיק, וּ 1787 ג. אִיזױבְרֵל פַּרױחױד; פֵרִיטְרִיחִאַלְנֵע פַּלױכְסִי נַאפּױמִנַאלי פַּרױחױד)

S. liquefaciens — *liquefacient* — רַאזְזִיזַאנְדֵיך - תֶּצֵלֵעַ הִיטְרַס תֶּלְלֵדַם הִיטְרַס -

marcescens — *marcescent* — אִשְׁעַזַאנְדֵיך -

Shigella — *שיגלה* (“בakteria שיגי”, שיגה, Kiyoshi Shiga, 1870–1957, יפוני ביוכימיקר)

Sh. dysenteriae — *of dysentery, dysenteric* — *דיזנטריה*, *דיזנטריית*
הירטנזיד תלגישי - *дизентерийная*

Sinorhizobium — *סינוריזוביום* (“כיתאי ריזוביום”)

S. meliloti — *melilotus's* — *דוניקוויי* - *השביד מואיבוזירונים*

Spiroplasma — *ספירופלזמה* (“ספיראלית פלזמה”)

S. apis — *of bee* — *פחילית* - *מסלפריפס*

S. citri — *citrus's* — *ציטרוס*, *ציטרוסווא* - *רדה ירפ מסלפריפס*

S. floricola — *flower-dweller* — *חייה על פרחים* - *מסלפריפס*

S. melliferum — *melliferous* — *מדינוסית פחילית* - *מסלפריפס*

S. mirum — *extraordinary* — *נוכחית* - *מסלפריפס*

Sporichthya — *ספריכטיה* (“ריזוביוסי ספרי”)

S. polymorpha — *polymorphic* — *פולימורפית* - *בר היטכירופס*

Staphylococcus — *סטיפילוקוקוס*, *סטיפילוקוקוס* (“גרוזדווידי קוקוס”)

S. aureus — *aureous* — *זולטיש* - *סוקולופס*

S. capitis — *of head* — *גולונית* - *סוקולופס*

S. epidermidis — *epidermal* — *אפידרמלי* - *סוקולופס*

S. hominis — *of man* — *חלוועי* - *סוקולופס*

S. saprophyticus — *saprophytic* — *סאפרופייטי* - *סוקולופס*

S. simulans — *simulating* — *סימולירינג* (פוחיך על ארוי רידי) - *סוקולופס*

Staphylothermus — *סטיפילותרמוס* (“גרוזדווידי טרמלי”)

S. marinus — *marine* — *מריני* (מרוסי) - *סוקולופס*

Stenotrophomonas — *סטינוטרופומונאס* (“טלע ס זוקי מרוס פווער פווער פווער”)

S. maltophila — *maltophilic* — *מולטוילי* - *סוקולופס*

Streptococcus — *סטרפטוקוקוס* (“יזוגנטי צפוכה קוקוס”)

S. anginosus — *anginal, anginosus* — *אנגינוז* - *סוקולופס*

S. bovis — *bovine* — *בוויני* (ביי) - *סוקולופס*

S. canis — *canine* — *קניני* (סוכי) - *סוקולופס*

S. difficilis — *difficult* — *דיפיקיל* - *סוקולופס*

S. dysgalactiae — *of dysgalactia, dysgalactic* — *דיסגאלקטיה* - *סוקולופס*

S. equines — *equine* — *אקוויני* (לושדיני) - *סוקולופס*

S. iniae — *inia's* — *ינייה* (אמזונוסי דלפיני) - *סוקולופס*

S. mitis — *mild* — *מילדי* - *סוקולופס*

S. mutans — *changing* — *מנינג* - *סוקולופס*

S. oralis — *oral* — *ורלי* (רוווי) - *סוקולופס*

S. pneumoniae — *pneumonic* — *פנומוני* - *סוקולופס*

S. porcinus — *of swine* — *פריני* - *סוקולופס*

S. pyogenes — *pyogenic* — *פיוגני* (גנוירוני) - *סוקולופס*

S. salivarius — *salivary* — *סליוורי* (סלוני) - *סוקולופס*

S. suis — *of swine* — *סוסי* (פריני) - *סוקולופס*

Streptomyces — *סטרפטומיט* (“יזוגנטי רידי”)

S. avidinii — *of avidin, avidin's, avidinic* — *אבידינווי* (אבידין: ביוטין-סווינגווי פרוטין יאנינו בלוק) - *סוקולופס*

S. chromofuscus — *tawny-colored* — *טאוני-קרושני* - *סוקולופס*

S. clavuligerus — *clavuligerous* — *קלולירוס* - *סוקולופס*

S. coelicolor sky-coloured — *סלוני-קוליר* - *סוקולופס*

S. exfoliates — *exfoliative* — *אקספוליאטי* (ליסופאדני) - *סוקולופס*

S. griseus — *griseous* — *גריסי* - *סוקולופס*

S. parvulus — *minute* — *פריני* - *סוקולופס*

S. scabiei — *of corky scab of potato* — *קרושני-פריני* - *סוקולופס*

S. violaceus — *violet* — *ויליטי* - *סוקולופס*

Thermoactinomyces — *טרומואקטינומיט* (“טרמלי סטרפטומיט”)

T. vulgaris — *vulgar* — *וולגרי* (נוכחי) - *סוקולופס*

Thermotoga — *термотога* (“термальна оболочка”)

T. maritime — *maritime* — *приморська* — *מיה הים הים*

Thermus — *термус* (“термальний”)

T. aquaticus — *aquatic* — *акватический* (водный) — *ימי סומרת*

T. thermophilus — *thermophilous, thermophilic* — *термофильный* — *ליפומרת סומרת*

Thiobacillus — *тиобацилла* (“серная бацилла”)

T. thiooxidans — *thiooxydant* — *сероокисляющая* — *תירפג וצמחמ סוליצבוית*

Treponema — *трепонема* (“вращающаяся нить”)

T. denticola — *tooth-dweller* — *живущая на зубе* — *מיינש תמנופרט*

Ureaplasma — *уреаплазма* (“плазма мочи”)

U. urealyticum — *urealytic* — *уреалитическая* — *מטילארוא המסלפארוא*

Vagococcus — *вагококкус* (“блуждающий кокк”)

V. salmoninarum — *of salmon* — *лососевый* — *מינומלס סוקוקוגו*

Vibrio — *вибрион* (“вибрирующий”)

V. alginolyticus — *alginolytic* — *альгинолитический*, *יטילניגלא וירביו*

V. cholerae — *of cholera, cholera's* — *холеры, холерный* — *הרלוח וירביו*

V. fluvialis — *fluvial* — *флювиальный* (речной) — *תורהנ וירביו*

V. mimicus — *mimic* (*V. cholerae*) — *имитирующий* — *ירקימי וירביו*

V. parahaemolyticus — *parahaemolytic* — *парагемолитический* — *יטילומהאראפ וירביו*

V. vulnificus — *wounding* — *ранонаносащий* — *עצפמ וירביו*

Xanthomonas — *ксантомонас* (“жёлтое тельце”)

X. campestris — *campestral* — *кампестральный* (полевой) — *הדשה סנומתנסק*

Yersinia — *йерсиния* (“бактерия Йерсина”, Йерсин, Alexandre Yersin, 1863–1943, швейцарский бактериолог)

Y. enterocolitica — *enterocolitica* — *энтероколитная* (воспаления тонкой и толстой кишки) — *מייעמה תינסרי*

Y. pseudotuberculosis — *pseudotuberculosis* — *псевдотуберкулезная* — *המודמ תפחש לש הינסרי*

Подводя итоги, необходимо отметить, что в этой работе едва ли не впервые на иврите транслитерированы родовые названия и истолкованы видовые эпитеты бактерий, изученных в лабораториях Израиля за 50 лет. Выявлено 55 видовых эпитетов, ассимилированных лексическим фондом иврита и готовых к использованию вместе с транслитерированными родовыми названиями в качестве национальных истолкований научных названий бактерий. Установлено, что в ряде случаев уже используется одновременная транслитерация родового названия и ассимиляция видового эпитета, напр: *Vibrio cholerae* — *холерный вибрион* — *יבריו כולרה*. Несомненно, наиболее действенной популяризацией этой группы латинских слов, как и любых других, является их ассимиляция в национальных языках.

1. Aquatic sciences and fisheries abstracts. 1978–1998.
2. CAB abstracts (Commonwealth Agricultural Bureau), 1972–1998.
3. English-Hebrew-English dictionary. Compiler Alcalay. 4 vol, 1958.
4. Harefuah. Journal of the Israel medical association. Выходит с 1920 года. — Полный текст в Интернете с 2002 года, 1948–1998.
5. Hebrew-English-Russian biological dictionary. Comp. H. Bades. — Tel-Aviv: Biota, 2005.
6. Israel medical bibliography, 1948–1959, 2 vol., 1964; 1960–1971, 6 vol., 1966–1967.
7. Index medicus Israeliticus, 1972–1986, 15 vol., 1973–1987.
8. Infection diseases in Israel. Comp. by S. A. Berger. 1991.
9. Latin-English-Russian Semasiological dictionary of bacterial names. Compilers S. Rosen and M. Ter-Kazarian. Editor-in-Chief J. Euzeby. — Moscow-Eilat, 2001.
10. Latin-English-Russian-Ukrainian semasiological dictionary of bacterial names Compilers Dolinna L. B., Rosen S., Ter-Kazarian M. / Ed. O. A. Kiprianova. — Moscow-Eilat-Kiev, 2004.
11. List of bacterial species, studied in Israeli laboratories during last 50 years. Comps. S. Rosen and M. Ter-Kazarian. The Report to Ministry of Absorption. “Bactaxon”, Eilat, 1998. References: NN 1–1428 (p.18–64) (manuscript).
12. Medline, 1966–1998.
13. Publications. Government Central Laboratories Ministry of Health, 1948–1995, 4 issues, 1969–1996, Jerusalem.

H. Bandas, S. Ter-Kazarian

FROM EXPERIENCE OF CREATION OF THE LATIN-ENGLISH-RUSSIAN-HEBREW EXPLANATORY DICTIONARY OF BACTERIA NAMES, STUDIED IN ISRAEL

Explanations in Hebrew — country official language — of the most part of specific epithets of the bacteria studied in laboratories of Israel for 50 years are given. It is revealed 50 specific epithets assimilated by Hebrew which are able to be used as national interpretations of scientific names of bacteria.

Key words: binary names of bacteria, assimilation in Russian, English and Hebrew.

О. Бандас, С. Тер-Казарьян

З ДОСВІДУ СКЛАДАННЯ ЛАТИНСЬКО-АНГЛО-РОСІЙСЬКО-ІВРИТСЬКОГО ТЛУМАЧНОГО СЛОВНИКА БІНАРНИХ НАЗВ БАКТЕРІЙ, ВИВЧЕНИХ В ІЗРАЇЛІ

Наведено значення більшої частини видових епітетів бактерій, вивчених у лабораторіях Ізраїлю за 50 років, на офіційній мові країни, на латинській, англійській і російській мовах. Виявлено 55 видових епітетів, асимільованих івритом і готових до використання як національні інтерпретації наукових назв бактерій.

Ключові слова: бінарна номенклатура бактерій, асиміляція латинських назв, російська, англійська мови, іврит, латинь.

Метафорические, метонимические и метафорометонимические тропы отфразеологического образования в языке современной русской поэзии

Статья посвящена характерным для современной поэзии конвергированным словесно-образным построениям — фразеолого-тропеическим комплексам. Выявляются способы построения развёрнутых тропеических конструкций, реализующих эффекты метафоризации, метонимизации, а также совмещающих в себе метафорические и метонимические смыслы. Определяются контекстные условия преобразования фразеологизмов в те или иные виды тропов. Работа выполняется на материале языка современной русской поэзии.

Ключевые слова: фразеологизм, метафора, метонимия, троп.

Введение. Проблема функционирования фразеологических единиц (ФЕ) в художественном контексте — достаточно традиционная и во многом разработанная в современной лингвистической науке. О многосторонности разработки различных аспектов данной проблемы можно судить хотя бы по прошедшей недавно в Великом Новгороде международной научной конференции с характерным названием “Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме”, где целый ряд докладов раскрывал те или иные аспекты влияния контекста на входящие в него ФЕ или наоборот — влияние ФЕ на формирование контекста [3].

Большинство крупных научных изданий по фразеологии (монографий, учебников, учебных пособий и др.) также включают в себя те или иные сведения о способах функционирования ФЕ в условиях контекста (это, в частности, работы В. П. Жукова, В. М. Мокиенко, Н. М. Шанского, И. Я. Лепешева и др.).

Как образный ресурс художественной речи фразеологический фонд языка со стороны функционально-стилистических свойств ФЕ, приёмов их индивидуально-авторских модификаций изучается также в работах таких авторов, как И. В. Абрамец, И. М. Абрамович, М. А. Бакина, А. Г. Балакай, В. Т. Бондаренко, В. Т. Иватович, Т. Д. Каргина, Л. Ф. Козырева, А. В. Кунин, О. А. Лещинская, А. Г. Ломов, В. И. Макаров, С. А. Межжерина, Э. Б. Наумов, И. А. Новикова, Б. Подгурска, Е. Ю. Попова, А. В. Прокофьева, Е. В. Рыжкина, Н. В. Халикова, Н. Л. Шадрин и др.

Однако в абсолютном большинстве работ на данную тему объект лингвистического анализа не выходит за рамки фразеологии, т.е. фразеологизм, употреблённый в тексте тем или иным образом, изучается именно как фразеологизм (расширенный, усечённый, трансформированный и т.д.).

Вместе с тем возможен и иной подход к текстовому функционированию ФЕ — подход “от текста”, от его категорий, специфических свойств, обусловленных жанрово-стилевой принадлежностью, тематической направленностью и иными характеристиками текстов.

Для поэтической речи (в особенности XX — начала XXI веков) одной из таких специфических характеристик является металогичность, тропеичность. В весьма высокой степени это свойство языка поэтических текстов характерно для русских авторов: О. Мандельштама, Б. Пастернака, М. Цветаевой, Л. Мартынова, Р. Рождественского, Б. Слуцкого, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, В. Высоцкого, Б. Ахмадулиной и др.

Как показывает наблюдение, нередко основой для создания тропеически структурированного образа становятся устойчивые выражения языка — фразеологизмы. Следовательно, обнару-

живается ещё одно направление для изучения авторского использования фразеологии, в основу которого может быть положен тропоцентрический подход. Возникающее здесь проблемное поле можно очертить следующим образом: как, при каких условиях ФЕ может “превращаться” в тексте в художественный троп того или иного качества и какие стилистические эффекты могут результировать данный процесс?

Заметим, что на данный момент проблематика, связанная с отфразеологической деривацией, достаточно активно разрабатывается лишь по линии исследования лексем, образованных на базе устойчивых выражений, в том числе и поэтических окказионализмов, тогда как описание тропов в данном аспекте представлено лишь в единичных работах [3].

Цель данной работы — раскрыть языковые механизмы отфразеологического тропообразования для образных поэтических конструкций трёх типов: метафорических, метонимических и метафоро-метонимических, представленных в современной русской поэтической речи.

В качестве рабочего понятия при описании подобного рода конвергентных образований поэтической речи мы используем понятие “фразеолого-тропеический комплекс” (ФТК), под которым понимается тропеическая конструкция, образования на базе исходной ФЕ (ИФЕ). При этом фразеологический состав языка нами понимается широко — с включением в него любых устойчивых единиц речи, закрепившихся в употреблении, в том числе фразеологических выражений (по Н. М. Шанскому [4]).

Результаты исследования. В данной статье анализируются три основных типа ФТК, характерных для языка русской поэзии XX века, — метафорические, метонимические и метафоро-метонимические.

1. Метафорические ФТК. Этот тип отфразеологических тропов является преобладающим в исследуемом языковом материале. К наиболее типичным способам построения метафорических ФТК в современной русской поэзии можно отнести следующие:

а) неузуальное продуцирование осмысленного действия, названного глагольной ИФЕ, нежилому существу (нелицу), ведущее к эффекту метафорического олицетворения последнего, ср.: *Тогда бы потребности и способности / не наступали б друг другу на хвост* (Б. Слуцкий, “Потребности, гордые, словно...”) (ИФЕ *наступить на хвост*); *Полутьма и поля, в горизонты оправленные, / широки как моря. / Усеченные и обезглавленные / церкви / бросили там якоря* (Б. Слуцкий, “Старые церкви”) (ИФЕ *бросить якорь*); *Изнемогли поля, / овраги истомились, / и солнцу тополя / уже сдались на милость* (Е. Евтушенко, “Ожидание”) (ИФЕ *сдаваться на милость <победителю>*);

б) окказиональная модификация состава ИФЕ посредством замены одного из его слов-компонентов элементом, обеспечивающим тропеическое прочтение конструкции. Ср.: *Но неужто узнает ружье, / где, / привязано нитью болезненной, / бьешься ты в миллиметре от лезвия, / ахиллесово / сердце / мое!?* (А. Вознесенский, “В дни неслыханно болевые...”) (ИФЕ *ахиллесова пята*); *Во поле хлеба — чуточку неба. / Небом единым жив человек* (А. Вознесенский, “Васильки Шагала”) (ИФЕ *не хлебом единым*); *По капле из себя / Выдавливаю / Советского простого человека* (Д. Сухарев, “Дай срок”) (ИФЕ *выдавливать <из себя> по капле раба*);

в) расширение состава ИФЕ. Типичный способ — введение субстантивной лексемы, содержащейся в составе ИФЕ, одновременно и в состав генитивной метафоры. Например: *А вокруг / молчание немое, / смесь / из воскресений и суббот. / И плывут / по медленному морю / жалкие соломинки / забот. / Я за них хватаюсь обалдело* (Р. Рождественский, “Ожидая ночи, как расстрела...”) (ИФЕ *хвататься за соломинку*); *А желает или не хочет, / проклянет ли, благословит — / капля времени камень точит* (Б. Слуцкий, “Памятник Достоевскому”) (ИФЕ *капля камень точит*);

г) развёртывание (реализация) внутреннего метафорического образа, положенного в основу ИФЕ, ср.: *Вот за что люблю анкеты: за прямую / постановку некривых вопросов. / ... / За уверенность, что человека / можно разложить по полкам / и что полочек требуется десять, / чтобы выдавали книги на дом, / или сорок, чтобы отпустили / в капстрану на две недели* (Б. Слуцкий, “Причины одной любви”) (ИФЕ *разложить по полкам*); *И я пошёл в себя. Как археолог, / Я докопался до того пласта...* (Е. Винокуров, “Прошла война. Рассказы инвалидов...”) (ИФЕ *уйти в себя*);

д) свёртывание ИФЕ в одно окказиональное слово, ср.: *Мне снится сон. Я погружен / на дно огромной шахты лифта. / Дамоклово, / неумолимо / мне на затылок / мчится / он!* (А. Вознесенский, “Эскиз поэмы”) (ИФЕ *дамоклов меч*);

е) детерминологическое употребление ИФЕ терминологического характера (её семантическая трансформация), причём в этом случае ИФЕ может и не подвергаться каким-либо структурным преобразованиям, ср.: *Вот бок о бок поставлены мы / над пюпитрами школьных недель, — / только двум параллельным прямым / не сойтись никогда и нигде!* (С. Кирсанов, “Любовь математика”) (ИФЕ *параллельные прямые*); *Вы огорчаться не должны, для вас покой полезней — / Ведь вся история страны — история болезни...* (В. Высоцкий, “История болезни”) (ИФЕ *история болезни*) и пр.

2. Метонимические ФТК. Такого рода конструкции не столь многочисленны, как метафорические ФТК, однако также регулярны и показательны для арсенала тропеических средств, выработанных в русской поэзии последних десятилетий. Метонимическое прочтение отфразеологического образного контекста может обеспечиваться:

а) индивидуально-авторской перифразой, близкой по структуре и семантике к известной ИФЕ, ср.: *Гранёная вода Кизиры / была, как пламень, холодна* (Б. Ахмадулина, “Ты говоришь — не надо плакать...”) (*гранёная вода* — *вода в гранёном стакане*; ИФЕ — *гранёный стакан*); *А мальчуган, причастный чудесам, / несёт в ладони семь стеклянных граней...* (Б. Ахмадулина, “Газированная вода”) (*семь стеклянных граней* — ИФЕ *гранёный стакан*); *Я тихо встал, испытывая трепет, / Вспугнуть боясь и легкий детский лепет, / И лепетанье листьев под окном — / Их разговор на уровне одном* (А. Кушнер, “Два лепета, быть может...”) (*вспугнуть детский лепет* — *вспугнуть самих детей*; ИФЕ — *детский лепет*);

б) окказиональной сочетаемостью ИФЕ, ведущей к появлению в данном контексте смежных ассоциаций, ср.: *Если путь прорубая отцовским мечом, / Ты соленые слезы на ус намотал, / Если в жарком бою испытал, что почем, / Значит, нужные книги ты в детстве читал* (В. Высоцкий, “Баллада о борьбе”) (ИФЕ *наматывать на ус* означает ‘хорошо усвоить’, что возможно не по отношению к самим слёзам, а к тому, что их вызывает, например, к каким-либо событиям, опыту и т.п.); *Метель. Вот налетит и сдвинется / отель. / Но держится за жизнь гостиница / всю ночь* (С. Кирсанов, “Двое в метель”) (ИФЕ *держаться за жизнь* употреблена метонимически по ассоциации “помещение — люди в помещении”).

3. Метафоро-метонимические ФТК. О данном типе тропов следует сказать особо. Взаимодействие метафоры и метонимии — это не просто конвергенция двух тропов, это глубинный мыслительный процесс освоения действительности посредством двух основных типов ассоциирования, которые чаще всего работают неразделимо, комплексно, о чём в своё время писал Р. О. Якобсон [5]. Исследователи поэтической речи также указывали на то, что метафорические ассоциации нередко сопровождаются метонимическими и наоборот [3], что обусловлено организацией образа по принципу ассоциативно-семантического поля, включающего всевозможные типы ассоциирования [1], и что в свою очередь ведёт к распространённости тропов синкретичного — метафоро-метонимического — характера.

При образовании рассматриваемых образных конструкций действуют два основных лингвистических механизма:

1) перевод фразеологического элемента-сирконстанта (обстоятельства) в актанта (подлежащее или дополнение), ведущий к метафоризации (олицетворению) всей результирующей конструкции, на фоне неявно выраженного в контексте подлинного актанта, соотносимого с окказиональным по логической смежности (т.е. по принципу метонимии), ср.: *Прожила б она красивая, / вся задор и полнота, / если б проголодь крысинная / не сточила полотна* (Б. Ахмадулина, “Старинный портрет”). В данном примере окказиональным актантом становится слово *проголодь* (ИФЕ *жить впроголодь*), как бы наделяющееся признаками живого существа, хотя “перевод” данной тропеической конструкции на автологическую (нетропеическую) речь выглядел бы так: *...если бы голодные крысы не сточили полотна.*

Ср. аналогичный пример: *Два мрачных исподлобья сведены / в неразрешимой и враждебной встрече: / рояль и ты — две сильных тишины, / два слабых горла музыки и речи* (Б. Ахмадулина, “Уроки музыки”). В этом примере (трансформация ИФЕ *смотреть исподлобья*) интерпретационная цепочка будет выглядеть так: *два человека смотрят друг на друга исподлобья* (метонимия) + *Исподлобье* — нечто или некто, самостоятельно производящий действие (метафора-олицетворение);

2) продуцирование фразеологизма со значением процессуальности либо состояния не свойственному для него по узуальной языковой сочетаемости слову-объекту, находящемуся с узуаль-

но сочетаемым словом в смежностных отношениях. Например: *Но день воскресный уж баклуши бьет / то детским плачем, то звонком посудным* (Б. Ахмадулина, “Воскресный день”) (ИФЕ *бить баклуши*). Ср. “перевод” данной конструкции на автологическую речь: *воскресным днём люди бьют баклуши*. Аналогичный пример с той же ИФЕ: *Вспомним, коли станет сил, / Про житье свое в Бытоши, / Там июль баклуши бил / Да и мы с тобою тоже* (Д. Сухарев, “В Брянской области пески...”).

Приведём ещё примеры: *Бастует Лувр, / стальные двери стиснув* (Р. Рождественский, “Кое-что о всеобщей забастовке”) (ИФЕ *стиснуть зубы*). Автологический “перевод” данного тропа — *бастуют обитатели Лувра, стиснув зубы* — говорит о том, что перед нами метонимия. Однако здесь дополнительно акцентируется и метафорический смысл, вызванный заменой фразеологического компонента (*стиснуть зубы* — *стиснуть двери*), что ведёт к ярко выраженному олицетворению Лувра.

В следующем фрагменте: *Истома ящерицей ползает в костях, / И сердце с трезвой головой не на ножах* (В. Высоцкий, “Песня конченого человека”) — состояние, описываемое ИФЕ *быть <не> на ножах*, характерное в прямом смысле только для человеческих отношений, приписывается по смежностной ассоциации (целое — часть) сердцу и голове, тем самым одновременно олицетворяя их.

Выводы. Таким образом, можно констатировать, что ФЕ заключают в себе тот самый “ген” тропа, который при определённых контекстуальных условиях может стать запускным механизмом для генерации образного контекста (вплоть до целого текста-тропа), обогащённого ассоциациями самого разного характера. При этом такой “ген” несут в себе не только образные по своей природе ФЕ, но и те устойчивые словосочетания, которые в языке выполняют сугубо номинативную функцию и, казалось бы, лишены каких-либо образных потенциалов (фразеологизированные выражения, аналитические термины). Чаще всего контекстуализированные ФЕ становятся в поэтической речи основой для создания развёрнутых метафор, нередко при этом сопровождаясь метонимическими ассоциациями.

1. *Илюхина Н. А.* Образ как объект и модель семасиологического анализа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Башкир. гос. ун-т. — Уфа, 1999.
2. *Ревуцкий О. И.* Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие. — Минск, 2006.
3. *Фразеологизм* в тексте и текст во фразеологизме (Четвёртые Жуковские чтения): матер. междунар. науч. симпозиума / Отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2009.
4. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. — М., 1985.
5. *Якобсон Р. О.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры: сборник. — М., 1990. — С. 110–132.

T. N. Kurash

THE METAPHORICAL, METHONIMICAL AND METAFOR-METHONIMICAL TROPES FORMED FROM PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE LANGUAGE OF MODERN RUSSIAN POETRY

The article is devoted to complex verbal images — the tropes formed from phraseological units. Ways of complex tropes construction, realising effect of a metaphor, methonymy, and come to light. Contextual conditions of transformation of phraseological units into some kinds of tropes are defined. The work is carried out on a material of the language of modern Russian poetry.

Key words: a phraseological unit, a metaphor, a methonymy, a trope.

Т. М. Кураш

МЕТАФОРИЧНІ, МЕТОНІМІЧНІ ТА МЕТАФОРО-МЕТОНІМІЧНІ ТРОПИ ВІДФРАЗЕОЛОГІЧНОГО УТВОРЕННЯ В МОВІ СУЧАСНОЇ РОСІЙСЬКОЇ ПОЕЗІЇ

Статтю присвячено характерним для сучасної поезії конвергованим словесно-образним побудовам — фразеолого-тропеїчним комплексам. Виявлено способи творення розгорнутих тропеїчних конструкцій, що реалізують ефекти метафоризації, метонімізації, а також суміщують у собі метафоричні й метонімічні змісти. Визначено контекстні умови перетворення фразеологізмів у ті чи інші види тропів. Роботу виконано на матеріалі мови сучасної російської поезії.

Ключові слова: фразеологізм, метафора, метонімія, троп.

УДК [811.161.1+811.111]’371’373.74:159.937.7/.942

О. Ю. Ромашина

Репрезентация синестетических концептов в русском и английском фразеологическом фонде

В работе рассматривается проблема формирования и репрезентации синестетических концептов, возникающих в процессе концептуальной интеграции ментальных пространств “Эмоция” + “Звук”, “Эмоция” + “Цвет”, “Эмоция” + “Обоняние”, “Эмоция” + “Осязание”, “Эмоция” + “Вкус”. Процесс объективации данных синестетических концептов прослеживается в семантике фразеологических единиц русского и английского языков. В статье исследуются случаи совпадения, несовпадения, отсутствия как одноименных концептов в русской и английской концептосферах, так и наличия (отсутствия) аналогичных единиц во фразеологическом фонде двух языков.

Ключевые слова: фразеологизм, значение, концепт, синестезия.

В последнее время в лингвистических исследованиях, посвящённых анализу фразеологических фондов различных языков, наметилась тенденция использования метода концептуального анализа фразеологического значения. На наш взгляд, подобный интерес ученых к когнитивно-лингвистическим методам обусловлен, в первую очередь, большим количеством открытых вопросов о сущности фразеологической единицы (здесь и далее: ФЕ), её определении и функционировании.

Отсюда, одной из основных задач современной фразеологии является осмысление тех механизмов взаимодействия компонентов ФЕ, которые вызывают некоторые сочетаемостные ограничения и приводят к интеграции компонентов в единое фразеологическое целое [1:251].

Широко известные и применяемые традиционные методы этимологического, компонентного анализа предоставляют действительно важные данные для словарных трактовок значений ФЕ. Однако постижение буквального смысла, по меткому выражению Н. В. Тимко, “бьёт мимо цели”, поскольку буквальный смысл, как правило, уже не воспринимается даже носителями языка либо вследствие исчезновения самой реалии, либо по причине каких-то иных факторов [7:43].

В настоящей работе, понимая под ФЕ “устойчивое сочетание, обладающее воспроизводимостью, относительной стабильностью состава и структуры, относительной целостностью значения, не вытекающего (что особенно важно) непосредственно из значений компонентов, частично утративших словность, и характеризующееся экспрессивностью” [6:4], мы считаем оптимальным использование метода концептуального анализа такого информативно-ёмкого значения синестетических фразеологических единиц.

Подтверждение актуальности концептуального метода анализа семантики ФЕ мы находим и в формулировании одной из основных функций фразеологизма — когнитивной функции, представляющей собой “опосредованное сознанием социально-детерминированное отражение объектов реального мира, способствующее их познанию. Социальная детерминированность

проявляется в том, что, хотя потенциальные фразеологизмы и создаются отдельными индивидами, эти индивиды являются частью общества, и осуществление ими познавательной функции возможно только на основе предшествующих знаний” [5:133]. Предшествующие знания, весь когнитивный опыт человека фиксируется в сознании в виде определенных единиц мышления, смыслов, концептов.

Мы разделяем точку зрения современных исследователей, что ФЕ представляет собой аналитический по форме, но семантически целостный и синтаксически неделимый языковой знак, который своим возникновением обязан комбинаторному взаимодействию смыслов лексических и грамматических компонентов [2:12], и полагаем, что фразеологическое значение представляет некую комбинаторику смыслов, то есть концептов.

Здесь мы ставим лишь условный знак равенства между понятиями “смысл” и “концепт”, не отрицая дифференцированного употребления данных терминов, наблюдаемого в работах других авторов.

Признавая тот факт, что каждая из концепций, посвященных проблеме выделения и анализа концептов, вносит свой вклад в решение терминологических и методологических задач когнитивной лингвистики, подчеркнем, однако, что в рамках данного исследования знак логического равенства между содержанием термина “концепт” и содержанием других когнитивных, а, тем более, некогнитивных терминов поставить практически невозможно. В настоящей статье мы лишь синонимизируем “смысл” и “концепт” с вышеуказанной долей условности.

На наш взгляд, соотношение базовых когнитивно-лингвистических терминов определяется онтологическим статусом, принадлежностью к концептуальной (смысловой, мыслительной) или к языковой (семантической) сфере их формирования и функционирования. Имеющая место асимметрия между данными сферами приводит к отсутствию аналогии между входящими в них терминами. Так, значение фразеологизма, являясь неотъемлемой составляющей языкового знака (фраземы), принадлежит языковой сфере, в то время как концепт, не являясь принадлежностью языковой единицы, представляет сущность внеязыковую, лежащую в основе мышления, осмысления окружающей действительности.

Здесь и далее мы будем придерживаться комплексного определения концепта как оперативной, содержательной единицы мышления, отражающей представление человека о мире, обусловленной этнокультурной спецификой [3: 51; 4: 90].

Объектом настоящего исследования являются фразеологические единицы, в семантике которых наблюдается взаимодействие между одним из пяти основных чувств человека и его эмоциональной реакцией на события окружающей действительности.

Межчувственные взаимодействия в лингвистических и психологических исследованиях принято обозначать термином “синестезия” (с греческого букв.: “со-ощущение”, “со-чувствие”), а науку, занимающуюся исследованием данных взаимодействий, — синестетикой. Синестетика — наука о комбинаторике чувственных ощущений, когда при раздражении одного органа чувств возникают ощущения, соответствующие другому органу. То есть, человек, слыша звуки, видит их; осязая предмет, может определить его температуру; вдыхая запах, чувствует его вкус и т.д. Все пять общепринятых органов чувств имеют общие точки пересечения. Но еще чаще происходит пересечение всех вышеперечисленных органов чувств с “шестым чувством”, высшим чувством человеческой психики — эмоциональным восприятием окружающего мира, переживанием и реакцией на него. Подобные взаимодействия также относятся к разряду синестетических и лежат в основе формирования многочисленных фразеологических единиц в русском и английском языке.

Семантика фразеологических единиц, репрезентирующих синестетические концепты “Цвет + Эмоция”, “Звук + Эмоция”, “Запах + Эмоция”, “Тактильность + Эмоция”, “Вкус + Эмоция”, складывается в результате процесса концептуальной интеграции. Концептуальная интеграция представляет собой операцию, результатом которой является создание нового, единого пространства, состоящего из концептуальных пространств [9], в которых и происходит создание нового значения фразеологической единицы.

В наиболее общем виде, концептуальная интеграция есть процесс и итог взаимодействия концептов, пересечения, замены, обнуления, перетасовки концептуальных характеристик. В результате образуется синестетический концепт, обладающий аналогичными концептуальными характеристиками, что и исходные концепты, но представляющий их проекционно.

Изучение синестетических концептов в русской и английской концептосферах приводит к пониманию того, что фразеологическая семантика является сферой объективации концептов различных типов, а сама фразеологическая единица — средством репрезентации комплексного, единого концепта, имеющего специфические характеристики в русском и английском языках.

Исследуя проблему универсальности репрезентации синестетических концептов, мы приходим к выводу, что в русском и английском фразеологическом фонде наблюдаются как случаи совпадения базовых концептов, так и случаи частичного или полного несовпадения.

Рассмотрим случаи совпадения (1), несовпадения (2), частичного совпадения (3) репрезентации синестетических концептов в русской и английской фразеологических системах (далее: АЯ — английский язык, РЯ — русский язык).

1. Синестетический концепт “Цвет + Эмоция” репрезентируется следующими единицами:

(1) А. Я. — *To be white with rage (anger)*. Р. Я. — *Побелеть от гнева (злости)*; А. Я. — *To be beetroot red*. Р. Я. — *Покраснеть как свекла (от стыда)* (совпадение концептов “Цвет” и “Эмоция”, совпадение средств репрезентации).

(2) А. Я. — *Green envy (зелёная зависть)*. — Р. Я. *Чёрная зависть* (несовпадение одного синестетического концепта, несовпадение средств репрезентации).

(3) А. Я. — *To feel blue* (чувствовать голубое настроение). — Р. Я. *Печали цвет размыто-голубой. Голубая печаль* (совпадение концептов при несовпадении средств репрезентации).

2. “Звук + Эмоция”:

(1) А. Я. — *To be deaf to smb's entreaties*. — Р. Я. — *Быть глухим к чьим-либо просьбам*; А. Я. — *Gentle melancholy*. — Р. Я. — *Тихая грусть* (совпадение синестетических концептов, совпадение средств репрезентации).

(2) А. Я. *How awful! Horror of horrors!* (несинестетический концепт). — Р. Я. — *Тихий ужас!* (синестетический концепт); А. Я. — *To have a loud mouth* (иметь громкий рот). — Р. Я. — *Громко выражать негативные эмоции* (нет синестетического концепта — несовпадение средств репрезентации).

(3) А. Я. — *Loud kiss*. — Р. Я. — *Звонкий поцелуй* (совпадение концептов, частичное несовпадение средств репрезентации).

3. “Дыхание (запах) + Эмоция”:

(1) А. Я. *To breathe vengeance*. — Р. Я. — *Дышать мстью* (совпадение синестетических концептов, совпадение средств их репрезентации).

(2) А. Я. — *To take one's breath away* (забрать дыхание). — Р. Я. — *Сильно удивить, поразить* (отсутствие синестетического концепта в русском языке).

(3) А. Я. — *One smells trouble* (запахло неприятностями). — *Запахло жареным* (совпадение интегрированного концепта при несовпадении синестетических концептов, его формирующих; несовпадение средств репрезентации).

4. “Тактильность + Эмоция”:

(1) А. Я. — *Hot love (feeling)*. — Р. Я. — *Горячая любовь (чувство)*; А. Я. — *In a cold sweat*. — Р. Я. — *В холодном поту (от страха)*. А. Я. *To keep a cool head*. — Р. Я. *Иметь холодную голову на плечах* (совпадение концептов, совпадение средств репрезентации).

(2) А. Я. — *To play cool (играть холодно)*. — Р. Я. — *Не показывать эмоций* (нет синестетического концепта). А. Я. — *To be as cool as cucumber*. — Р. Я. *Не показывать эмоций* (несовпадение средств репрезентации).

В данном случае несовпадения концептов часто наблюдается явление интерференции, когда, например, в русском языке тактильный концепт “Горячий (жаркий)” ассоциируется с интенсивностью эмоционального состояния, а в английском еще и объективирует характеристики концепта “Злость”: А. Я. — *To be hot under the collar* (горячо под воротничком — о злости); *to be hot* (злиться). — Р. Я. *Горячий* (не всегда “злой”).

(3) А. Я. *Warm-heartedness. The warmth of smb's heart (тепло сердца). To warm one's heart*. — Р. Я. — *Душевная теплота. Тепло души* (совпадение синестетического концепта при несовпадении языковой репрезентации).

5. “Вкус + Эмоция”:

(1) А. Я. — *To cry bitterly*. — Р. Я. — *Горько плакать*. То же: А. Я. — *Bitter tears*. — Р. Я. *Горькие слезы* (совпадение концептов, совпадение средств репрезентации).

(2) А. Я. — *To try to suppress laugh* (с трудом сдерживать смех, пытаться подавить смех) (не фразеологическая единица, объяснительный перевод). — Р. Я. — *Киснуть от смеха* (синестетический концепт, репрезентирован в значении фразеологической единицы). В ситуации “*тихо киснуть от смеха*” наблюдается фразеологическая лакуна в английском языке из-за разной актуализации концепта “Кислый” в русском и английском языках. В русско-английских словарях, а также в переводах данного фразеологизма на английский язык используется авторский комментарий “*to try to suppress a laugh*” — “*пытаться подавить смех*”, что, конечно, приводит к репрезентации разных концептуальных характеристик. То же наблюдается в переводе английского выражения: А. Я. — *to be bitter and twisted* (быть “горьким” означает “злиться”). — Р. Я. — *Быть злым и несчастным* (несинестетический концепт, объяснительный перевод).

(3) А. Я. — *Deep sorrow* (“глубокая печаль” — несинестетический концепт). Р. Я. — *Горюшко горькое* (синестетический концепт); А. Я. — *To be sweet on smb.* (*быть сладким к кому-то*). — Р. Я. — *Любить кого-то* (“сладенький мой”) (совпадение синестетических концептов, несовпадение средств репрезентации).

Существуют более сложные синестетические концепты, интегрирующие сразу несколько чувственных ощущений. Например, в английском языке существует выражение “*to become red-hot*” (стать красно-горячим), репрезентирующее модель “**Цвет + Тактильность + Эмоция**”. В русском языке подобный синестетический концепт отсутствует, и в переводе данного выражения мы объективируем либо концепт “**Цвет + Эмоция**”: “*покраснел от возбуждения*”; либо “**Тактильность + Эмоция**”: “*бросило в жар от сильного возбуждения*”.

Анализ вышеприведенных примеров показывает, что и в английской, и в русской концептосферах существуют механизмы образования синестетических концептов с интегрирующим концептом “Эмоция”. Данный интегрирующий эмоциональный концепт представляет собой отражение в сознании говорящего его эмоционального состояния, такую единицу мышления, которая охватывает весь комплекс знаний человека о его эмоционально-чувственном восприятии мира.

Говоря об универсальности синестетических концептов с базовым интегрирующим концептом “Эмоция”, мы разделяем мнение В. И. Шаховского о том, что “эмоции — это то, что делает людей разных культур более-менее похожими друг на друга”. В то же время эмоции делают каждого из нас уникальным в силу своего “индивидуального варьирования” [8:299].

Действительно, концепты, лежащие в основе семантики большинства фразеологических единиц, имеют интернациональную природу, что и позволяет переводить их с одного языка на другой. Однако в русском и английском языках средства репрезентации одноименных концептов специфичны, индивидуальны. Именно индивидуальность языковых репрезентаций создаёт культурное своеобразие фразеологических значений.

Концептуальный анализ семантики ФЕ ещё раз подтверждает особый статус фразеологической семантики, заключающийся в том, что значение фразеологической единицы не прямо, а косвенно объективирует явления окружающей картины мира и в то же время само является следствием вторичной репрезентации концептов, лежащих в основе фразеологических компонентов.

1. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. — М., 2004.
2. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). — Астрахань, 2000.
3. Воркачёв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. — М., 2004.
4. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. — Дубна, 2005.
6. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. — М., 1989.
7. Тимко Н. В. Культурологический аспект перевода. — Курск, 2003.
8. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. — Волгоград, 2008.
9. Fauconnier G. Mental Spaces. — Cambridge, 1994.

O. Yu. Romashina

REPRESENTATION OF SYNESTHETIC CONCEPTS IN RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL FUND

The article deals with the problem of forming and representation of synesthetic concepts, such as “Sound + Emotion”, “Taste + Emotion”, “Smell + Emotion”, “Tactility + Emotion”, “Colour + Emotion” in Russian and English idioms. Three cases of concept representation are viewed here: a) the coincidence of concepts and means of representation; b) the coincidence of concepts, but not means; c) the mismatching (or absence) of the concepts in two languages.

Key words: phraseological unit, meaning, concept, synesthesia.

О. Ю. Ромашина

РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ СИНЕСТЕТИЧНИХ КОНЦЕПТІВ У РОСІЙСЬКОМУ ТА АНГЛІЙСЬКОМУ ФРАЗЕОЛОГІЧНОМУ ФОНДІ

У статті розглянуто проблему формування та репрезентації синестетичних концептів, які виникають у процесі концептуальної інтеграції ментальних просторів “Емоція + Звук”, “Емоція + Колір”, “Емоція + Нюх”, “Емоція + Дотик”, “Емоція + Смак”. Досліджено випадки збігу, незбігу, відсутності однойменних концептів у російській та англійській концептосферах, а також наявності (відсутності) аналогічних одиниць у фразеологічному фонді обох мов.

Ключові слова: фразеологізм, значення, концепт, синестезія.

ПИТАННЯ СЛОВОТВОРУ ТА МОРФОЛОГІЇ

УДК 811.161.1'367.335

Н. Г. Иванова, В. В. Горбань

Взаимодействие коррелята и производного слова в поэтическом тексте

В статье проанализированы особенности функционирования нового производного слова и его коррелята в поэтическом тексте.

Ключевые слова: русский язык, производное слово, коррелят, поэтический текст.

В современном языкознании проблемы семасиологии приобрели важное значение в связи с необходимостью обоснования закономерностей функционирования речевых единиц в процессе коммуникации.

К контексту класса, или парадигматическому контексту, относится “существование слова в кругу его смысловых партнеров и антиподов” [8: 143]. Фактически идентификация значения анализируемой единицы возможна только при отнесении ее к определенному классу и при использовании сетки противопоставлений, оппозиций, отграничивающей и направляющей процесс выявления семантической структуры слова.

Способы экспликации производного слова как члена парадигматического класса различны. Это может быть коррелятивная, аналогическая, коррелятивно-аналогическая экспликация, при этом второй член оппозиции либо воспроизводится в поэтическом тексте, либо отсутствует, но легко восстанавливается.

Помещение в одном и том же контексте производящего и производного слова — особый прием актуализации структуры значения новообразования.

Отмечают, что “структура словообразовательного мотивированного слова, его стилистическая окраска особенно ярко выступают в сопоставлении со словами той же структуры” [1: 289]. Е. С. Кубрякова убедительно показывает, что “непосредственное связывание однокорневых образований — типичнейший случай для поддержания словообразовательных отношений в качестве живых и, следовательно, синхронно-релевантных” [4: 29].

Семантика нового слова предопределяется реализованным значением слова-коррелята (РЗС), присутствующим в поэтическом контексте. Слово-коррелят “на диахронической оси является единицей словаря, то есть представляет собой элемент языка, обладающий некоторым самостоятельным значением (СЗС)... В СЗС заложена возможность для слова вступать в различные словосочетания, употребляться в различных ситуациях, в которых проявляются те или другие стороны СЗС. Слово в контексте, таким образом, обладает значением, не совпадающим полностью с СЗС, не представляющим часть его, — это речевое значение слова (РЗС). Если СЗС — потенция, то РЗС — реализованная возможность, то есть если СЗС — внутренняя сторона предмета, то РЗС — внешнее проявление” [7: 297].

Если коррелят является однозначным словом, то значение его (РЗС) может в основном совпадать со словарной дефиницией (СЗС), а контекст поддерживает и уточняет данное совпадение. В строках: “Он прославляет сталь и медь, / рифмуя бодро против правил” однозначный глагол *прославляет* выражает присущий ему смысл “делать известным, знаменитым” [5: 570]. Кроме того, контекст уточняет значение (СЗС) глагола. Из контекста ясно, что *он* — это субъект, сочиняющий стихи, следовательно, РЗС *прославляет* конкретизируется: “делать известным, знаменитым в стихах”.

Если коррелят является многозначным словом, то контекстные партнеры осуществляют выбор лексико-семантического варианта (ЛСВ) слова, релевантного для речевой ситуации, и реализуют РЗС этого варианта. Например:

В двери вбили мы *глазки* дверные,
Но не разглядеть в гляделки эти,
кто соседи наши по России,
кто соседи наши по планете.

Слово-коррелят *глазок* является многозначным, имеющим 4 ЛСВ: “1. Небольшое круглое отверстие в чем-нибудь (обычно для надзора, наблюдения). 2. Почка, срезанная с растения для прививки. 3. Небольшое углубление с почками на поверхности картофельного клубня. 4. Пигментное пятно (в окраске насекомых, птиц, медуз и др.), а также кружок, пятнышко в рисунке ткани” [5: 122]. Повтор корневой морфемы *двер-* в первой строке (“В двери вбили мы глазки дверные...”) не только актуализирует первый ЛСВ слова *глазок*, но и уточняет его: “небольшое круглое отверстие в двери”. Данное РЗ участвует в экспликации семантики нового слова *безглазковая*.

В рассмотренном выше контексте коррелят “предваряет производное, так что семантика производного выступает как своеобразное развитие, продолжение, уточнение значений, заданных мотивирующей единицей” [4: 29]. Но может быть и обратная ситуация, когда “использование производного предшествует появлению исходной для него единицы, и последняя появляется после деривата для объяснения его семантики [4: 30]. Например:

Мы тонем в *безролье*...
Где взять гениальных писателей?
А классики взмокли,
как будто команда
спасателей.
Но что они знали про Хиросиму,
про гибель безвинных,
про все наши боли?
Неужто все это невыразимо?
Нет *роли*.
Без роли —
как будто без компаса [3, 2: 62].

Семантика префиксально-суффиксального новообразования *безролье* предопределена, во-первых, названием стихотворения — “монолог бродвейской актрисы” — ясно, что корневой морфеме *-роль-* отвечает ЛСВ многозначного слова *роль* “Полный текст одного действующего лица в пьесе” [6, 12: 1440]; во-вторых, последующим контекстом, который конкретизирует и уточняет названный ЛСВ.

“Нет роли” — это значит нет роли в пьесе, отражающей современный исторический процесс. А дальнейший контекст (“Без роли — как будто без компаса”) выявляет в слове *безролье* и пейоративную сему, которая не выделяется из словарной дефиниции слова *компас*: “Прибор для определения стран света, в котором намагниченная стрелка всегда указывает на север” [6, 5: 1255], а скорее является следствием анализа фоновых, ассоциативных сведений о данном объекте реальной действительности: без компаса — плохо. Кроме того, значение приставки *без-* “не имеющий чего-н.” [5: 36] также индуцирует отрицательную сему. Например, в таких словах, как *бездельный*, *бездумный*, *беззаботный* и т.п.

Одним из интересных, эстетически ярких способов экспликации семантики производящей основы является образование нескольких новых слов от одного узуального — автор становится создателем словообразовательного гнезда новых слов. В этом случае РЗ узуального слова не только участвует в формировании семантики новых слов, но и уточняется ими. Наблюдается взаимонаправленный процесс выявления семантики: РЗ узуального слова \rightleftarrows новые слова. Например, в стихотворении Е. Евтушенко “Плач по коммунальной квартире” фиксируем производные:

Нас не унижала *коммунальность*
ни в жратве, ни в храпе, ни в одеже.
Деньги как-то проще занимались,
ибо *коммунальны* были тоже.
Что-то нам шептал по-человечьи
коммунальный кран водопровода,

и воспринималось как-то легче
горе коммунальное народа.

А когда пришла победа в мае
ко всеобщей радости и плачу —
все пластинки, заглушив трамваи,
коммунально взвыли “Кукарачу” [2].

В стихотворении несколько раз используется узуальное слово *коммунальный*, но речевые значения его не всегда одинаковы. В названии реализуется ЛСВ “Коммунальная квартира. Квартира, в которой живет несколько семей” [6, 5: 1214], соответственно “коммунальный кран водопроводный” — водопроводный кран в коммунальной квартире. При этом слово *коммунальный* функционирует, воспроизводя в свернутом виде семантику устойчивого словосочетания “коммунальная квартира”. Семантическими экспликаторами в этом случае оказываются реалии, предметы реальной действительности, входящие как компоненты, части в целое — *в квартиру*. Следовательно, сочетательные возможности слова *коммунальный* ограничены узусом. Контекст, однако, вносит свои коррективы — “деньги... коммунальны”, “горе коммунальное народа”. На основе семы “совместность проживания” актуализируется сема “общий”, которая и выделяется как идентифицирующая в новых словах *коммунальность*, *коммунально* и, соответственно, уточняется контекстом. В контексте “... коммунальность... в жратве..., в храпе..., в одеже” появляется компонент “принадлежащий в равной степени всем”, а в контексте “коммунально взвыли “Кукарачу” — “совместно, сообща”.

Таким образом, от СЗ узуального коррелята отвлекаются при помощи контекста РЗС, которые влияют на появление и характер новых слов, находящихся лишь в опосредованной связи с СЗ исходного слова.

Итак, актуализация семантики производного слова-новообразования может осуществляться при помощи оппозиции “коррелят — производное слово”. При этом коррелят может эксплицитно / имплицитно присутствовать в поэтическом тексте. Он обладает некой совокупностью совместимых с новым словом семантических компонентов. Семантика новообразования отвлекается от коррелята (вернее, от речевого значения коррелята) как член одного с новым словом класса благодаря наличию идентифицирующих сем обоих членов оппозиции. В выяснении речевых значений этих лексических единиц решающая роль отводится синтагматическому контексту, то есть линейным окружениям коррелята и производного от него новообразования.

1. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования — М., 1984.
2. Евтушенко Е. Из новых стихов. — Правда. — 1983. — 12 сент.
3. Евтушенко Е. Избр. произведения: В 2-х т. — М., 1980.
4. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. — М., 1981.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1984.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. — М.: Л., 1950–1965.
7. Финкельберг Н. Д. О соотношении генетического и функционального в подходе к семантическому значению слова (на мат-ле совр. арабского языка) // Проблемы семантики. — М., 1974. — С.296–302.
8. Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста: Виноградовские чтения. XI. — М., 1982. — С.142–154.

N. G. Ivanova, V. V. Gorban’

INTERACTION OF CORRELATE AND DERIVATIVE IN POETIC TEXT

Peculiarities of functioning of a new derivative and its correlate in a poetic text have been analyzed in the article.

Key words: the Russian language, derivative, correlate, a poetic text.

Н. Г. Іванова, В. В. Горбань

ВЗАЄМОДІЯ КОРЕЛЯТУ ТА ПОХІДНОГО СЛОВА В ПОЕТИЧНОМУ ТЕКСТІ

У статті проаналізована особливість функціонування нового похідного слова та його кореляту в поетичному тексті.

Ключові слова: російська мова, похідне слово, корелят, поетичний текст.

УДК 811.161.2'36

А. О. Колесников

Категорія числа іменників у типології парадигматичної некомплектності

У статті аналізується парадигматична некомплектність як граматичне явище та встановлюється її співвідношення з поняттями дефектності, функціональної лакунарності тощо. Розглядається некомплектність в різних частинах мови з урахуванням білатеральної будови парадигм номінативних категорій і пропонується її типологія. Визначаються типи некомплектності граматичної категорії числа іменників та її місце у цій класифікації, а також залежність некомплектності від належності до лексико-граматичних розрядів та інших граматичних класів.

Ключові слова: парадигма, граматична категорія, некомплектність, функціональна лакуарність.

Дослідниками вже відзначалося, що парадигма, будучи спостережуваним об'єктом, сукупністю реальних словоформ, відсутня у більшості формальних моделей морфології [5:116–118]. У зв'язку з цим, як “одне з найбільш цікавих завдань морфології, розв'язання якого поки лише намічене...”, ставиться “...завдання опису парадигми як особливого об'єкта, будова якого підпорядковується складним закономірностям” [5:118]. У сфері цього завдання цікавим і важливим для науки видається вивчення явищ, пов'язаних з парадигматичною диспропорцією, традиційно позначуваних також термінами некомплектність, неповнота, ущербність, дефектність, недостатність/ надлишковість тощо. Як відзначає В. О. Плунгян, “типологія дефектів парадигм, поява яких багато в чому не випадкова, — особлива галузь досліджень, поки що також майже не розроблена” [5:119]. Не розроблена вона, зокрема, із застосуванням функціональних методів.

Прикладів парадигматичної некомплектності і суміжних з нею явищ мова дає багато. Майже кожна частина мови, що має словозміну чи формотворення, характеризується мовними фактами даного плану. По відношенню до іменника некомплектність системно виявляється в частковій парадигмі відмінка у незмінюваних іменників, менш системно — у змінюваних у відсутності деяких відмінкових форм (відсутність форм Р. в. множ. у рос. слова *треска*); в частковій парадигмі числа — у формальних розрядах незмінюваних, *singularia i pluralia tantum*. У прикметників некомплектність реалізується у незмінюваних (*беж*) та коротких формах якісних прикметників (*зелен*). У дієслів — по відношенню до категорії особи у безособових дієсловах (*светает, вечерет*), одноособових (*зеленеет, колосится*); до категорії числа — у множинних дієсловах (*поприходили, поразбегались*); до категорії виду — в одновидових дієсловах (*стоять, быть*), двовидових (*арендовать*); до категорії стану — в неперехідних і зворотних дієсловах. І це далеко не повний перелік випадків парадигматичної некомплектності, навіть у межах згаданих частин мови.

При визначенні кола розглядуваних нами явищ виникає необхідність чіткого розмежування понять, що можуть бути інтерпретовані як вияви некомплектності.

Невикористання деяких форм може бути викликано обмеженнями стилістичного плану, їх омоформністю, наприклад, в російській мові не рекомендується використовувати форму І особи однини майбутнього часу дієслів типу *победить, убедить*; форми типу *победю* не є нормативними з погляду літературного стандарту, замість них уживаються компенсуючі конструкції на зразок *смогу победить, должен победить*. В слові *треска* парадигма є дефектною, ймовірно,

внаслідок омонімії з формою Н. в. іменника *треск*, пор. також, *держить* — форма І особи однини омонімічна дієслову *держать*.

Є й низка фактів, які звичайно не розглядають як вияв парадигматичної дефектності, проте вони дуже близькі до неї. Наприклад, слова *туфли*, *сапоги*, *лыжи*, *глаза*, що позначають парні предмети, часто називають множинними, хоча іноді з уточненням “потенційні”. Насправді ніякої потенції стати плуративом у *сапога* немає, просто він частіше функціонує у множині, і відмінкові форми парадигми однини в нього функціонально лакунарні. Парні, таким чином, це функціонально множинні. Подібне можна сказати й про оніми. Вони фактично є функціонально однинними. Оскільки оніми називають предмет індивідуально, їх типове значення — однина, навіть якщо вони мають форму множини (*Черновцы*).

Окреме місце посідає числова некомплектність похідних множинних обчислюваних іменників типу *детишки*, *глазки*, *глазюньки*, однинність та відповідна функціональна лакунарність обчислюваних назв унікальних об’єктів, субстантивів для звертань типу *солнце*, *октябрь*; *сэр*, *мадам* [4].

Як бачимо, поле для дослідження некомплектності багате і наразі питань тут більше, ніж відповідей, наприклад, чи можна вважати некомплектністю відсутність деяких аналітичних форм. Вважаємо, що з позицій некомплектності можна розглянути і суплетивізм, і питання про Зн. в. іменників розрядів істот/ неістот, Зн. в. та Кл. в. прикметників тощо. Отже, при ретельному аналізі розглядуваного феномена, некомплектності у мові може виявитися більше, ніж некомплектності, і нетипове за визначенням явище може виявитися типовим.

Питання про відмежування поняття функціональної парадигматичної лакунарності постає й при розгляді некомплектності у загальнонародній мові у світлі різної реалізації цього феномена в її стратах і стилях. Стилістична диференціація, в першу чергу, стосується літературної мови, відповідно й різновиди некомплектності, пов’язані із стилістичним обмеженням в уживанні форм, притаманні саме літературній мові. Крім того, літературна мова стандартна і нормативна, тому на слові легко ставиться клеймо “некомплектність”. Розгляд діалектної форми мови, яка реалізується переважно у розмовному стилі та становить собою “реальність мови, не затиснену і не трансформовану вузькими берегами нормативних приписів і обмежень” [1:XV], і розмовної недіалектної мови, найбільш гостро актуалізує питання про співвідношення некомплектності і парадигматичної лакунарності [6; 2]. У цій реальності мови норми як такої не існує, є поняття “у нас так кажуть” і “...не кажуть”. Крім того, те, що в літературній мові є некомплектним, в діалектному мовленні отримує комплектність — діє тенденція до вирівнювання парадигм в плані комплектності / некомплектності як на рівні форм, так і на рівні значень, що знаходимо і в діалектному мовленні, наприклад, укр. (*гульні, транспорти, шосою, ківів, таксіюм*), і в розмовному мовленні, в ЗМІ (*хачапура, консерва, две тушёнки из трёх не соответствуют гостю*), або навпаки, те, що в літературній мові є комплектним, в діалекті не реалізується — отримує некомплектність чи лакунарність. Заздалегідь скажемо, що пропонуємо розглядати функціональну лакунарність як один з різновидів парадигматичної некомплектності, найбільш слабкий.

Некомплектну (неповну, дефектну, ущербну) парадигму визначають як таку, в якій з’являються “аномальні пусті клітинки” [5:119]. У зв’язку з цим виникає ряд питань: цих клітинок може бути багато чи тільки одна; ці клітинки пусті, тому що форми немає взагалі чи вона не реалізується; чи пов’язана відсутність форми з відсутністю чи наявністю значення в парадигмі; як можна виміряти аномальність цієї пустої клітинки (клітинок), чи обов’язкова аномальність взагалі для того, щоб назвати парадигму некомплектною?

Як один з прикладів некомплектної парадигми, на підтвердження думки про аномальність, В. О. Плуґян наводить лексему *голубой*, оскільки вона не має “очікуваної від неї” як від якісного прикметника (і такого, що не є винятком в даному плані) короткої форми (як бачимо, є практика застосування поняття “некомплектність” і до формотворення). Проте хіба не є парадигма іменника *молоко* некомплектною, хоча рівень очікуваності від неї множини — майже нульовий. Вважаємо, що аномальність — не диференційний критерій для визначення некомплектності, але його можна обрати критерієм класифікації.

Отже, спробуємо класифікувати некомплектність як мовний феномен, аналізуючи часткові парадигми. Відсутність кореляції однини і множини необчислюваних іменників (*молоко, дрожжи*), відсутність теперішнього часу у дієслів доконаного виду (*сделать, написать*), відсут-

ність видових пар доконаного виду в неграничних одновидових дієслів (*стоять, существовать*) сприймається як щось нормальне, логічне, оскільки зумовлено тісною взаємодією граматичних категорій та їх парадигм з лексико-граматичними розрядами.

Алогічними, дивними, аномальними здаються випадки відсутності числової словозміни в обчислюваних іменників (*ножницы, сани, грабли, ателье, такси*), відмінково-родо-числової словозміни у незмінюваних прикметників і відмінкової словозміни у незмінюваних іменників. Нетиповість останніх полягає у диспропорції форми і значення у бік відсутності форми за наявності значення. Значення відмінків є, але звичної (морфологічної, словозмінної) форми немає, або значення числа є (для обчислюваних), а форми немає. Хоча, якщо взяти до уваги досить поширену, особливо в українстиці, точку зору на незмінювані іменники як на представників нульової відміни, тоді взагалі не можна говорити про некомплектність даного класу слів (як це не парадоксально).

Розглядаючи некомплектність парадигм плюративних дієслів (*поразбегались, выходили*), відсутність словозмінних форм роду однини минулого часу яких зумовлено специфічною семантикою процесуальної ознаки великої кількості носіїв, або некомплектність парадигми особи дієслів на позначення стану навколишнього середовища, процесуальних ознак рослин та тварин (*светать, дождить, телиться, колоситься*), які мають лише форми третьої особи і не мають форм першої і другої, також відзначаємо їх більшу нормальність, на відміну від попередніх прикладів.

Ці спостереження дають підстави здійснити класифікацію некомплектних парадигм мови, критерієм для якої може бути ознака типовості/ нетиповості, рівень “аномальності” щодо структури мови. На це впливає насамперед характер категорії, часткову парадигму якої розглядаємо, — її тип за семантикою (номінативна, структурна, синтаксична), за словозмінністю/ формо-/словотвірністю (словозмінна, класифікаційна, формотворча, дериваційна), за кількістю грамем (двочленна, тричленна, багаточленна). Некомплектність може бути поляризована за ознаками — відсутність всієї парадигми (великої)/ часткової парадигми/ однієї форми/ кількох форм; відсутність форми/ форм за наявності значення/ відсутність форми і значення/ відсутність форми/ форм (для монологічних структурних категорій).

У зв'язку з останнім зауважимо, що ще у 80-ті роки ХХ ст. проф. О. А. Колесников писав про “...необхідність враховувати, що номінативна граматична категорія будується взаємозв'язком двох парадигм. Аналізу взаємозв'язку парадигм форм і граматикалізованих значень граматичних категорій слів різних частин мови слід надати силу особливого методичного прийому, реалізуючи тут напрями опису від форм до значень і від значень до форм їх вираження. Такий перехресний розгляд дозволить точніше визначити граматикалізовану семантику, описати факти формальної граматичної недостатності окремих слів у вираженні парадигм граматикалізованих значень, а також встановити випадки їх граматичної формальної надлишковості” [3:131].

Цей “особливий методичний прийом” необхідно використовувати при аналізі некомплектності, проте вважаємо, що він дозволяє побачити у парадигмі набагато більше, ніж лише морфологічну недостатність та надлишковість, — він уможливорює фіксацію всіх диспропорцій між системою форм і значень. Таким чином, можна говорити про критерій урахування співвідношення системи форм і системи значень в парадигмі, внаслідок чого некомплектність поділяється як мінімум на два типи: морфологічно недостатню дефектність і морфологічно надлишкову дефектність, що реалізується у “пустих” формах.

Якщо категорія номінативна щодо певного лексико-граматичного класу, то парадигма її є білатеральною і відсутність форми, що має виражати певне граматичне значення, сприйматиметься як щось дивне, аномальне. Якщо ж категорія структурна, то парадигма її буде монологічною і відсутність кореляції форм в її структурі (особливо за умови її несловозмінності) — це більш нормально, не аномально.

Якщо категорія синтаксична, а синтаксичними називають два типи категорій — ті, що є номінативними (відмінок іменника) і ті, що є структурними (рід, число, відмінок прикметника), то синтаксичність буде свідчити про більшу аномальність некомплектності. Це впливає з того, що багато синтаксичних категорій є словозмінними (регулярними), бо саме синтаксичний критерій є часто підставою для виділення словозміни. Хоча синтаксичними називають і неслово-

змінні категорії, як-от стан, некомплектність яких має невисокий рівень аномальності. Отже, аномальність визначається не синтаксичністю, а регулярністю.

Коли категорія характеризується більшою регулярністю форм (наприклад, словозмінна категорія більш регулярна порівняно з формотвірною, а формотвірна категорія буде більш регулярною порівняно зі словотвірною), то відсутність форми такої категорії буде “впадати у вічі” (незмінювані прикметники, множинні, безособові та третьоособові дієслова), але, коли форма менш регулярна, то її відсутність може сприйматися як норма, тобто бути непомітною.

Кількість грамем у категорії також впливає на силу дефектності, на аномальність. Вважаємо, що чим менше грамем, тим помітніше відсутність форми якоїсь з них. Також важлива кількість відсутніх форм та їх функціональне навантаження у мові. Наприклад, некомплектність багатографемної категорії відмінка у російській та українській мовах, що виражається у відсутності однієї-двох форм, є непомітною (відсутність кличного відмінка у багатьох неістот в українській мові), натомість важко не помітити відсутність форми однини у лексеми *штаны*, як і відсутність усіх відмінкових форм у слова *такси*. Навіть функціональна лакунарність (така, як у *туфель*) може здаватися більш помітною “аномалією”, ніж повна відсутність якоїсь форми у категорії відмінка.

Визначальну роль серед цих чинників відіграє номінативність та словозмінність категорії. Якщо словозмінність поєднується з номінативністю, то відсутність якоїсь форми буде виглядати дуже аномально, якщо ж зі структурністю, — менш аномально. Номінативність категорії зумовлює білатеральність парадигми. Відсутність морфологічно недостатньої форми в такій категорії дуже помітна. Якщо категорія несловозмінна (класифікаційна), то в неї й парадигми немає, проте, якщо ця несловозмінна категорія характеризується будовою, схожою на парадигматичну, і є при цьому номінативною — ситуація змінюється. Наприклад, при вираженні категорії роду в іменників ЛГР осіб та істот на фоні “словотвірно-словозмінних” парадигм *кум* — *кума* і *раб* — *раба* більшою системною регулярністю буде вирізнятися тип “словотвірно-формотвірної” парадигматики (*студент* — *студентка*) і некомплектними на тлі останніх можна назвати парадигми роду слів на зразок *нотариус*, *кастелянша*.

Лакунарність як різновид парадигматичної дефектності можна, як і власне некомплектність, виміряти і класифікувати за певними параметрами. Наприклад, аналіз словозміни числівників в українському діалектному мовленні свідчить про те, що більшість формальних парадигматичних типів таких слів характеризується повною відсутністю форм, функцій та контекстів Д., О., М. відмінків, натомість лакунарність Р. в. має меншу силу, оскільки, по-перше, стосується меншої кількості парадигматичних типів і, по-друге, є контексти, у яких виявляється функція цього відмінка навіть за умови відсутності форми, на зразок з *десять років працювала* (тобто з *десяти*).

У зв’язку зі сказаним відзначимо, що саме лексико-граматичний розряд (ЛГР) є центральним граматичним класом слів, що структурує парадигматику граматичних категорій як білатеральну сутність. Наприклад, категорія роду буде номінативною лише для іменників ЛГР істот та осіб, відповідно парадигми цих ЛГР будуть мати систему форм і значень у своєрідній родовій парадигмі, натомість усі неістоти, для яких категорія роду — структурна, не будуть мати парадигми роду взагалі, а матимуть лише пусті форми роду; категорія числа буде номінативною лише для обчислюваних іменників і, відповідно, їх числова парадигматика характеризуватиметься білатеральністю, у той час як необчислювані, для яких категорія числа носить структурний характер, матимуть лише пусті форми числа і часткової парадигми числа в них не буде. Частина ж мови — граматичний клас, що визначає парадигматику на вищому рівні. Як доказ цього можна навести парадигматику ад’єктивного типу відміни, де система значень послідовно визначає парадигму форм, наприклад, якщо іменник цього типу відміни в українській мові (як і в російській) належить не до розряду істот, — то він середнього роду (*пальне*), якщо до істот, — то він чоловічого та жіночого роду, які позначають стать (*постраждалий*, *постраждала*), якщо іменник необчислюваний, — він одининний (*солодке*, *майбутнє*), якщо обчислюваний, — корелятивний за числом (*молодий*, *молоді*).

Парадигматичну неповноту у мові можна визначити й щодо охоплення нею частин мови з використанням термінів центр/периферія. Так, і в російській, і в українській мовах парадигматика числівника та займенника різнотипна і в багатьох випадках проектується на парадигматику інших частин мови. Числівникова парадигматика внаслідок своєї лакунарності у “реаль-

ності мови” представляється нам вигаданою граматистами. В цілому ж, очевидно, що досить численні явища некомплектності у цих частинах мови не будуть центральними, оскільки самі частини мови є периферійними. Центр іменникової некомплектності — незмінювані обчислювані іменники по відношенню до відмінково-числової парадигматики. Центр прикметникової некомплектності — незмінювані прикметники. Центр дієслівної некомплектності — особово-числова і, можливо, видова парадигматика відповідних ЛГР, що зумовлюють парадигматичну дефектність.

Отже, некомплектність категорії числа іменників посідає одне з центральних місць в типології некомплектності, оскільки ця категорія є номінативною і словозмінною для ЛГР обчислюваних, що зумовлює високу аномальність некомплектності іменників цього розряду. Тут представлені різні парадигматичні типи [4]. Є тут і морфологічно недостатня некомплектність (*штаны, такси*), і морфологічно надлишкова (*студенчество, сливки*), і некомплектність з відсутністю співвідношення форм і значень, притаманних цій частині мови (*тюре*). Репрезентовані в парадигматиці й більш слабкі типи — вияв парадигматичної лакунарності — парні (*кеды*) і оніми (*Одесса*). Спостереження за парадигматикою у розмовному мовленні дає приклади як лакунарності, так і порушення “літературної некомплектності”, що може бути результатом вирівнювання парадигми як у плані форм, так і в плані значень.

1. Грищенко П. Ю. Тексти як джерело дослідження українських говірок Румунії // Українські говори Румунії. — Едмонтон-Львів-Нью-Йорк-Торонто, 2003. — С. 1–XVI.
2. Делюсто М. С. Займенникова парадигматика діалектного тексту // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Ізмаїл, 2008. — Вип. 25. — С. 60–64.
3. Колесников А. А. Семантическое обеспечение грамматических форм имён существительных русского языка. — К., 1988.
4. Колесников А. О. Семантика і парадигматика лексико-грамматичних розрядів // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Ізмаїл, 2008. — Вип. 25. — С. 81–85.
5. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М., 2000.
6. Рябець Л. В. Словозміна іменника в говірках центральнополянсько-середньонадніпрянської суміжності: дис. ... канд. філол. наук. — К., 1999.

A. A. Kolesnykov

CATEGORY OF NOUNS' NUMBER IN TYPOLOGY OF PARADIGMATIC INCOMPLETENESS

The article is devoted to analysis of paradigmatic incompleteness as grammar phenomenon. The author establishes its correlation with morphological defectiveness and functional lacunarity, investigating paradigmatic incompleteness in different parts of speech, reveals its typology. The types of incompleteness of category of nouns' number and its position in such classification are determined. The incompleteness's depending on lexico-grammatical categories and other grammatical classes is observed.

Key words: paradigm, grammatical category, incompleteness, functional lacunarity.

А. А. Колесников

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТИПОЛОГИИ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ НЕКОМПЛЕКТНОСТИ

В статье анализируется парадигматическая некомплектность как грамматическое явление и устанавливается ее соотношение с понятиями дефектности, функциональной лакунарности и др. Рассматривается некомплектность в разных частях речи с учетом билатерального строения парадигм номинативных категорий и предлагается ее типология. Определяются типы некомплектности грамматической категории числа существительных и ее место в этой классификации, а также зависимость некомплектности от принадлежности к лексико-грамматическим разрядам и другим грамматическим классам.

Ключевые слова: парадигма, грамматическая категория, некомплектность, функциональная лакунарность.

Е. А. Скоробогатова

Категория числа в поэтическом тексте: выразительность грамматических соположений

Семантическая нагрузка сочетаний и групп числовых граммем не ограничивается арифметической суммой значений отдельных единиц. “Нарращение” дополнительных смыслов и коннотаций происходит в поэтическом тексте регулярно. В работе рассмотрены случаи противопоставления и соположения форм и слов категориальной оппозиции: как собственно категориальных значений, так и значений, осложненных метафорическим переносом, противопоставлением абстрактного конкретному, свободного связанному, определённого неопределённому.

Ключевые слова: поэтическая грамматика, категория числа, грамматическое соположение.

Современные исследования в области лингвопоэтики предполагают описание грамматической составляющей поэтического текста. Эта проблематика активно разрабатывается в работах И. И. Ковтуновой, Я. И. Гина, И. А. Ионовой, Н. А. Кожевниковой, Н. А. Николиной, Е. В. Красильниковой и других ученых. Ее актуальность обусловлена максимальной реализацией в поэтическом тексте семантического и экспрессивного потенциала языковых единиц.

Наше исследование отличается от других, имеющихся в этой области, в первую очередь тем, что мы описываем реализацию в поэтическом тексте выразительного потенциала не отдельных граммем, а их комбинаций, грамматического отбора и грамматической доминанты. Цель данной работы — описать функционирование в поэзии оппозиционных граммем числовой парадигмы.

Семантическая нагрузка сочетаний и групп числовых граммем не ограничивается арифметической суммой значений входящих в сочетание единиц. В зависимости от характера сочетаний возможно “нарращение” дополнительных значений, тип которого зависит от отношений между единицами.

Наиболее высокий экспрессивно-семантический потенциал имеет случай противопоставления и соположения форм категориальной оппозиции. Самый простой пример такого соположения — это передача собственно грамматического противопоставления:

*И сосен по дороге тени
Уже в одну слилися **тень**.
(Ф. Тютчев)*

Здесь противопоставлены значения один—много, иногда числовое значение сопровождается лексическим накоплением:

*Третий день — день **удач**.
За **удачею** — **удача**.
(Б. Окуджава)*

Соположение форм числа может быть связано с использованием слова в прямом и переносном значениях, подчеркивая, усиливая метафорический или метонимический перенос:

***Царю** Петру и вам, о **царь**, хвала!
Но выше вас **цари**: колокола.
(М. Цветаева)*

Поскольку образование форм множественного числа нередко сопровождается конкретизацией абстрактных существительных, достаточно часто противопоставление числовых форм связано с противопоставлением абстрактного конкретному:

*В глубоком **знание** жизни нет —
Я проклял **знаний** ложный свет.
(А. Пушкин)*

Иногда одна из форм является потенциальной, ее реализация становится возможной в особом пространстве лирического текста:

*Легло на город громадное горе
И сотни маленьких горь.*
(В. Маяковский)

Достаточно характерной является локализация соположенных форм в вертикальном ряду, как в двух последних примерах.

Одна из форм падежно-числовой или числовой парадигмы может иметь устойчивое значение:

*Фей вилися хороводы
Под водой и по водам.*
(Ф. Тютчев)

Так как русский язык лишен артиклей, значение определенности — неопределенности передается дополнительными средствами, одно из которых — соположение форм числа:

*Так писем не ждут.
Так ждут письма.*
(М. Цветаева)

В данном случае подчеркиваются и противопоставляются значения неопределенности (*писем* вообще) и определенности (*письма* — конкретного). Стихотворение называется “Письмо”, и приведенные строки — его зачин.

Такая же локализация, выделяющая оппозицию числа, в следующем примере:

Я знаю правду! Все прежние правды — прочь!
(М. Цветаева)

Подобная актуализация, передающая выделенность одного из многих, возможна лишь при соположении форм числа.

Вёсен всех былых весна весенней...
(И. Северянин)

Значение единичности, выделенности граммы единственного числа в последнем случае усиливается окказиональной формой сравнительной степени относительного прилагательного (*весенней*), которая является третьим членом грамматического ряда, выражающего отношения градации.

При употреблении граммы вне соположения с числовым коррелятом значение определенности/неопределенности является периферийным.

Значение определенности может усиливаться сочетанием формы единственного числа с указательным местоимением *этот*, числительным *один* в местоименном значении; а значение неопределенности — сочетанием формы множественного с местоимениями *все, другие* и под:

*Каких присяг я ни давал, какие не твердил слова,
Но есть одна присяга — кружится голова.*
(Б. Окуджава)

*Все коты поют и плачут —
Этот Черный кот молчит.*
(Б. Окуджава)

Отсутствие артиклей позволяет в сходных грамматических структурах передавать и значение определенности / неопределенности, и характеристику одного как части множества, и противопоставление одного многим. Сравним:

*Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны.*
(А. Пушкин)

*Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела.*
(А. Пушкин)

Религиозные тексты включают значительное число сочетаний существительное в именительном падеже единственного числа и это же существительное во множественном числе родительного падежа с предлогом *из* или без него: “*праздник из праздников*”, “*художество из художеств*”, “*торжество из торжеств*”, “*Песнь Песней*”, “*Царь Царей*” и под. Сочетание передает значение ‘самый лучший’, ‘самый главный’. Грамматическая семантика лежит в основе художественной формулы. Поэтический текст также использует подобные сочетания:

*Небытие определяет сознание.
Танатология — наука наук.*
(В. Павлова)

Использован механизм морфологической репрезентации концепта “сравнение” (см. подробно [1:44–52]), характерный для поэтического текста. Формируется характеристика “лучший из”, высшая степень. Это своеобразная превосходная степень существительного, выделяющая не один из признаков предмета, а предмет в ряду подобных по сумме (совокупности) присущих ему признаков.

Иногда соположению форм сопутствует интертекстуальная отсылка к прецедентному библеизму:

*И снова все закончится концом,
Концом концов, воспетом в Песне Песней...*
(В. Павлова)

Достаточно часто используется соположение форм числа в различных конструкциях сравнения, где они выполняют облигаторную семантическую роль:

- а) *Царский сын — гадательней
Остальных сынов.*
(М. Цветаева)
- б) *У тонкой проволоки над волной овсов
Сегодня голос твой — как тысяча голосов.*
(М. Цветаева)

Выбор одного из многих (случай а) либо уподобление одного многим (случай б) осуществлены за счет использования грамматического противопоставления.

Многозначные слова при соположении граммем нередко актуализируют разные значения. Текстовая реализация числовых оппозиций может сопровождать соположение в тексте лексических омонимов:

*А на дальней Амазонке,
На прелестной Амазонке.
Есть такие амазонки,
Просто чёрт меня возьми!*
(Ю. Ким)

Формы числа существительных “Амазонка” (река) и амазонки (женщины-воительницы) служат средством разграничения этих слов совместно с графическими средствами (прописная/строчная буквы), являясь ведущим, основным средством данного разграничения, т.к. стихи Юлия Кима ориентированы, в первую очередь, на устное (песенное) исполнение и восприятие на слух.

Аналогичное использование числовых форм для разграничения омонимов мы встречаем в “Послании к А. В. Шереметеву” Ф. И. Тютчева:

*Между московскими красами
Найти легко, сомненья нет,
Красавицу в пятнадцать лет,
С умом, душою и душами.*

Соположение форм создает иронический эффект, ибо “душа” в единственном числе характеризует внутренний мир потенциальной избранницы, а “души” во множественном — размеры ее приданого.

Противопоставлению лексическому нередко сопутствует противопоставление абстрактного и конкретного и противопоставление числовых форм. Один из членов антонимичной абстрактной пары может иметь способность конкретизации, (например, *счастье — несчастье (несчастья)*). Текстовое их противопоставление в таком случае затрагивает как собственно значение лексем, так и более абстрактное противопоставление значения состояния значению его отдельных проявлений:

*Несчастья? Какие несчастья —
То было обычное счастье.
Но счастье и тем непривычно,
Что выглядит очень обычно.*
(Г. Шпаликов)

Соположение в тексте единственного и множественного числа антропонимов, как правило, подчеркивает уникальность личности (исторической или художественной) в национальном культурном коде:

*Живет себе не дуча в ус,
Героем “Энеиды”
Не в ГПУ — при Гиппиус,
На средства Зинаиды.
А тут — ни средств, ни зинаид,
Ни фермы и ни фирмы...*
(Г. Шпаликов)

Формы числа существительных в русском языке, как известно, весьма своеобразно сочетаются с количественными числительными, что отражает историю русского числа как историю смены тетрарной категории бинарной. Современная грамматическая картина (уровень синхронии) описывает сочетания числительных *два, три, четыре* с существительными в именительном — винительном падежах как управление формой родительного падежа единственного числа [3:286]. В структуре поэтического текста такое сочетание может быть противопоставлено сочетанию числительное или числовое существительное плюс существительное в форме родительного падежа множественного числа. Возникает оппозиция ‘мало / много’:

*Может сотни свеч,
Может — три свечи.*
(М. И. Цветаева)

В третьем-четвёртом стихе противопоставление жизни и смерти (на праздник зажигают сотни свеч, а по покойнику — три свечи) выражено метонимически, лексической оппозицией много — мало (“*сотни*” — “*три*”) грамматической оппозицией (“*свеч*” — мн. число; “*свечи*” — ед. число). Вертикальное симметричное расположение (синтаксический параллелизм полустрофы) усиливает данное противопоставление, причем происходит как актуализация — сопоставление словосочетаний (“*сотни свеч*” — “*три свечи*”), — так и их компонентов на фоне анафоры.

Все рассмотренные примеры касаются граммем-опозитов одного слова, разных значений многозначного слова и слов-омонимов, имеющих общее происхождение.

Прием художественного противопоставления форм числа разных слов также возможен в поэтическом тексте, хотя он встречается значительно реже:

*Там на земле мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.*
(М. И. Цветаева)

Противопоставление скудости милостыни и радости тяжести запретов и обязательств выражено не только лексически, но и формально-грамматически (*грош / жерновов*).

Гораздо более многочисленны примеры создания грамматических рядов и соположения наборов (рядов) граммем одного числа наборам граммем другого или выделения одной граммемы на фоне набора оппозиционных словоформ.

Рассмотрим случай создания однородных по числовой составляющей грамматических рядов. Поэтический текст изобилует грамматически однородными последовательностями, в том

числе и последовательностями граммем, однородных по категории числа. Это могут быть последовательности однородных членов предложения, обращений и однородных номинативных предложений, а также неоднородных синтаксически, но одинаково нумеративно оформленных единиц.

а) *Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!*

(М. И. Цветаева)

б) *Ни знатный род, ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто беды не может миновать...*

(А. С. Пушкин)

в) *Прости ж*

И ты, мой спутник странный,

И ты, мой верный идеал,

И ты, живой и постоянный,

Хоть малый труд.

(А. С. Пушкин)

Синтаксический параллелизм, стилистические фигуры анафоры и эпифоры сочетаются с вертикальными и горизонтальными нумеративными рядами граммем числа.

Сингулярный ряд:

*Вот мрачится
Свод лазурный!
Вот кружится
Вихорь бурный!
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет
— Путь далёк...
Тонет, тонет
Мой челнок.*

(А. Полежаев)

Плюральный ряд:

*Помним холмы, помним доли,
Наши храмы, наши селы.*

(Н. Языков)

Виды граммем множественного числа передают семантику длительного времени и бесконечного пространства:

*Встают века и годы,
Что прожил на планете человек.*

(А. Твардовский)

*Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —*

(Ф. Тютчев)

Ряды слов с темпоральной семантикой достаточно часто служат для передачи градуальных значений, ибо категория градации синтаксически выражается соположением и последовательностями. Например:

*Между любовью и любовью распят
Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век.*

(М. Цветаева)

Соположенные формы множественного числа слов, называющих единицы временной последовательности, передают идею не только бесконечного, но и циклического времени:

*В моей стране — ни зим, ни лет, ни весен,
Ни дней, ни зорь, ни голубых ночей.*

(В. Ходасевич)

*На смену декаблям
Приходят январь.*

(Б. Окуджава)

Значение количественной напряжённости возникает в ряду семантически разнородных существительных, выстраивающихся в однородный грамматический ряд:

*И сразу оглушает скрип здоровый
Дверей, шагов, колодцев и саней.*

(А. Твардовский)

Однородные члены предложения актуализированы за счет категориальной однородности по числу и благодаря локализации в отдельном стихе.

Плюральный ряд создаёт семантику общности, смыслового единства (а), в противоположность сингулярному ряду, который чаще подчёркивает отдельность, разнородность перечисляемых предметов:

*а) Если улицы, мосты,
Переулки, лестницы
Навсегда в себя вместил —
Все во мне поместится.*

(Г. Шпаликов)

*б) Никогда мы не забудем это:
Первый хлеб и первая вода,
Первый свет и первая газета.*

(Я. Смеляков)

*И ни срока, ни часа
От нещадной мошки*

(А. Твардовский)

Исследователями отмечен стилистический потенциал синтаксических конструкций с развернутым рядом однородных членов — граммом одного числа — в художественной прозе [2:15], но там выразительностью, как правило, обладают многочленные ряды, тогда как в поэзии уже двух-четырёхчленные. Кроме того, многочленные ряды в лирическом стихотворении и в структурно-выделенном фрагменте более крупного поэтического текста способны создавать грамматическую доминанту. Описание нумеративных доминант в поэтическом тексте и текстов, однородных по числу, является перспективой данного исследования.

1. *Беседина Н. А.* Принципы и механизмы морфологической репрезентации в языке // *Филологические науки*. — М., 2008. — №6. — С. 44–52.
2. *Миронова Т. А.* Стилистические функции грамматических категорий имени в русской художественной прозе XX века: Автореф. ... канд. филол. наук. — М., 1992. — 22 с.
3. *Тихонов А. Н.* Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология). — М. Цитадель-трейд, 2002. — 464 с.

Е. А. Skorobogatova

CATEGORY OF NUMBER IN POETIC TEXT: EXPRESSIVENESS OF GRAMMAR CO-POSITIONING

The semantic capacity of combinations and groups of numeric grammar units is not restricted to the arithmetic sum of meanings of single units. “Augmentation” of additional meanings and connotations regularly takes place in poetic text. In the work we have considered the events of contra-positioning and co-positioning of forms and words of categorical opposition: both actually categorical meanings and the meanings, complicated by the metaphoric transfer, contra-positioning of abstract against concrete, free against related, definite against indefinite.

Key words: poetic grammar, category of number, category of co-positioning.

О. О. Скоробогатова

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА У ПОЕТИЧНОМУ ТЕКСТІ: ВИРАЗНІСТЬ ГРАМАТИЧНИХ СПІВПОЛОЖЕНЬ

Семантичне навантаження сполучень і груп числових граем не обмежується арифметичною сумою значень окремих одиниць. “Нарощування” додаткових смислів та конотацій відбувається у поетичному тексті регулярно. В роботі розглядаються випадки протиставлення і співположення форм і слів категоріальної опозиції: як власне категоріальних значень, так і значень, ускладнених метафоричним переносом, протиставленням абстрактного конкретному, вільного зв’язаному, означеного неозначеному.

Ключові слова: поетична граматика, категорія числа, граматичне співположення.

УДК 811.161.1=81’373.611

Л. С. Сухобрус

Об особых случаях компрессионного словообразования

Статья посвящена проблеме определения статуса некоторых случаев компрессионного словообразования, с одной стороны, и функционирования универбов конкретных номинатом, с другой. Описывается процесс трансформации универбов в лексические дериваты. Предлагаются схемы исследуемого процесса. Делаются выводы об особенностях лексикализации универбов.

Ключевые слова: компрессионное словообразование, дериват, композит, номинатема, универб, лексикализация.

Целью данной статьи является решение вопроса, касающегося статуса определенных случаев так называемого компрессионного словообразования, включающих как процесс, так и деривационный результат последнего. Необходимо отметить, что такие образования, как *широкоплечий, чернобровый, белобрысый, прямолинейный, гладкошерстный, бледнолицый* традиционно представляются дериватами, возникшими в языке посредством смешанного способа словообразования, а именно — сложения основ и суффиксации.

Ортодоксально такой тип образования лексических единиц называется словосложением. Сущность его состоит в “морфологическом соединении двух или более корней (основ)” [4: 469]. В результате подобного словообразовательного акта образуется сложное слово, или композит. Словосложение занимает промежуточное положение между морфологическим и синтаксическим способами словообразования, обладая чертами того и другого.

Исследуемому типу композитов присущи признаки цельнооформленности, а именно:

Стирание грамматического значения компонентов (*прямая линия — прямолинейный*: согласование в роде, числе и падеже при женском роде исходных компонентов).

Фиксированный порядок компонентов исходного словосочетания (прилагательное + существительное) и производного композита (основа прилагательного + основа существительного), изменение которого могло бы повести к изменению значения слова (*бледнолицый*, но не *лицобледный*).

Наличие одного главного ударения (*чернобрóвый, широкоплéчий*).

Графический облик сложного слова — слитное написание (*гладкошерстный, бледнолицый*).

Особый вид синтаксических отношений, заимствованный у исходного словосочетания, и тип синтаксической связи, также заимствованный у исходного словосочетания, соответственно — подчинительные и согласование.

Н. В. Дьячок замечает, что “все учёные, когда-либо занимавшиеся этой проблемой, едины в одном: перед нами явление деривационного характера, хотя тождественность семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения отнюдь не словообразовательные” [2: 56], например: *широкие поля — широкополый, прямая линия — прямолинейный* и т.п.

Альтернативное решение проблемы определения статуса композитов исследуемого типа было предложено В. И. Теркуловым. Лингвист рассматривает такие дериваты как универбализованный (вербальный) эквивалент словосочетания, “то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию” [6: 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу компрессионной универбации, при которой компрессия сопровождается имитацией деривации (в этом случае словесный дублет номинатемы с коллокативной доминантой создается путем композитной компрессии словосочетания). В целом же каждая конкретная исследуемая нами единица носит название номинатема типа “словосочетание + компрессионный универб”, входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является семантически тождественной единицей, которая отождествляется на уровне словосочетания. Номинатема вообще — это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах, причем в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, стилистически не отличающееся от эквивалентного словосочетания какими-либо чертами разговорности или сленговости, например с *черными бровями* и *чернобровый*, *заслуживший красное знамя* и *краснознаменный*, *употребляющийся в простой речи* и *просторечный*. Предложенная В. И. Теркуловым концепция “не определяет того, какая из реально отмечаемых в речи структурных единиц является основной для языка. Она снимает противоречия в атрибуции разных структурных единиц путем выведения родовой, языковой единицы, системная значимость которой предполагает возможность любой структурной речевой реализации выразителя моделируемого тождественного значения. Такая единица и является основой номинативности — номинатемой” [6: 135].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что, во-первых, компрессионные универбы являются альтернативными формами номинатем исследуемого типа и, во-вторых, являются их речевыми реализациями. В связи с этим также было бы некорректным считать данные универбы (универбаты) результатом деривационного процесса, а процесс их возникновения — деривационным.

Но ключевым моментом при идентификации исследуемых универбов и главной отличительной чертой их от традиционных дериватов является эквивалентное словосочетание для первых и словосочетание словообразовательной базы для вторых. Например, слово *широкоплечий* можно считать универбом, если эквивалентным ему словосочетанием в рамках номинатемы является *широкий в плечах*. И наоборот, слово *широкоплечий* будет определяться как дериват, если его словообразовательная база будет представлена словосочетанием *широкие плечи*. Однозначными в идентификации производных продуктов являются случаи наличия единственных их базовых форм: либо эквивалентных словосочетаний, либо словообразовательных баз. Но если мы можем наблюдать оба случая наличия базовых словосочетаний, то это говорит о первичности и вторичности появления в речи / языке универбов и дериватов.

Напомним, что традиционно компрессионные универбаты рассматриваются как дериваты — продукты смешанного типа словообразования — и фиксируются в разнообразных словарях. Следовательно, данные образования “прошли” какой-то путь от форм соответствующих номинатем до самостоятельных лексем. Этот путь видится в особенностях функционирования данных универбов и заканчивается процессом утверждения универбата в языке (но уже не в речи!) — лексикализацией.

Термин *лексикализация* в языкознании стал применяться для обозначения процесса превращения свободных словосочетаний или группы слов в устойчивые фразеологические словосочетания: *бить баклуши* — *бездельничать*.

Уже на раннем этапе изучения устойчивых фразеологических сочетаний были отмечены такие их признаки, как цельность значения, его невыделимость из значений компонентов. Эту особенность имел в виду Ш. Балли, когда писал о “забвении смысла составных частей” фразеологического сочетания. По наблюдению Я. Розвадовского, устойчивые словосочетания семантически воспринимаются как единства. Было отмечено также, что в предложении фразеологические сочетания функционируют как один член предложения. Именно эти особенности (семантическая целостность, функционирование в речи в качестве отдельных слов), сближаю-

щие их со словами, и дали основание исследователям назвать процесс превращения свободных словосочетаний в устойчивые. О. Д. Кузнецова отмечает, что “этот процесс понимался как явление языковых единиц, схожих со словами, подобными словам” [3: 114].

Вместе с распространением термина *лексикализация* само понятие, обозначаемое им, начинает расширяться. Термин получает разные значения. О. С. Ахманова *лексикализацией* называет превращение отдельной формы слова (если последняя начинает употребляться в особом значении) в самостоятельное слово. Например, древняя форма повелительного наклонения глагола *речи* — *рцы (рыци)* получает новое значение, отличное от значения слова *речи (рцы* — название буквы кириллицы). Признание лексической отдельности за формой слова, имеющей особое значение, в данном случае опирается на соответствующее понимание дублетизации как способа образования новых слов.

Лексикализация, по мнению Д. Н. Шмелёва, — это также “образование нового слова из его отдельных форм вследствие изменения лексического значения грамматико-синтаксической функции” [5: 46].

Новое, необычное, по мнению О. Д. Кузнецовой, понимание термина *лексикализация* сложилось в польской науке. На формирование его большое влияние оказали взгляды крупнейшего польского лексиколога и лексикографа В. Дорошевского. Под лексикализацией он понимал утрату словом понятийной структуры, процесс “забвения” связей с родственными словами, выпадение слова из группы родственных ему слов. В самом понятии о предмете (явлении) исчезают представления о связи его с другими словами, так как эти связи исчезают. Представления о предмете (явлении) концентрируются только в нем одном. “В тех случаях, когда существительное является не только прилагательным “в субстантивном употреблении”, но и отличается от производящего слова своей структурой, то есть его показателем является словообразовательный формант, в определении заглавного слова будут преобладать структурные или предметно-семантические элементы в зависимости от степени лексикализации определяемого слова [1: 236]”.

Эта своеобразная трактовка термина нашла отражение и в словаре польского языка: “Лексикализация. Преобразование слова с четким словообразовательным строением в слово, осознаваемое как целостное, выполняющее свою функцию независимо от своих этимологических составных” [7: 86]. Например: *крыло* — *крыльцо*, *начало* — *конец*, *обречь* — *оброк*, *плести* — *плот*, *влечь* — *волк* и т.п.

Мнение, высказанное В. Дорошевским, очень интересно, но оно отнюдь не опирается на понимание фразеологических сочетаний Ш. Балли, как считает О. Д. Кузнецова. Базой для теории В. Дорошевского являются, на наш взгляд, морфонологические изменения слова (точнее — морфонологическое словообразование). И именно они, эти изменения, придают особый характер пониманию термина: просто лексикализацией подобное явление назвать нельзя, так как отношения между производящим и производным словами меняются, что отступает от типичной, традиционной трактовки термина *лексикализации* (утверждение в языке конкретной грамматической или лексической единицы).

В “Словаре лингвистических терминов” О. С. Ахмановой [М., 1966] как бы подводятся итог сделанному в изучении лексикализации и следующим образом толкуется значение слова *лексикализация*: “Процесс превращения некоторого элемента (морфемы, фонемы; формы слова, варианта слова) или сочетание элементов (словосочетания) в устойчивый элемент языка, функционирующий в качестве эквивалента отдельного слова”, причем отношения между “производящей” и “производной” единицами не изменяются. Например, слово *молотилка*, образованное от универба *молотилка*, утвердилось как самостоятельное в языке благодаря лексикализации формы номинатемы с доминантой-словосочетанием *молотильная машина*; при этом отношения между производящим и производным элементами не изменились: оба слова осознаются как родственные.

Из данного определения видно, какое значение было присвоено термину русскими лингвистами, что является вполне оправданным, так как в любом случае лексикализированный элемент служит “обогатителем” лексической системы языка.

В нашем случае процесс лексикализации может быть представлен следующим образом:

WCom
Nom
 $U \rightarrow D,$

где **Nom** — номинатема, **WCom** — её вариант-словосочетание, **U** — её вариант-универб, **D** — новое слово (дериват) — результат лексикализации универба. Например,

широкий в плечах
номинатема
(*широкий в плечах*)
широкоплечий → *широкоплечий*;
с чёрными бровями
номинатема
(*с черными бровями*)
чернобровый → *чернобровый*.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) универбы являются речевыми реализациями соответствующих номинатем; 2) в связи с этим было бы некорректным считать универбы (универбаты) результатом деривационного процесса, а процесс их возникновения — деривационным; 3) омонимичные соответствующим универбам дериваты появляются в языке посредством лексикализации — процесса превращения варианта конкретной номинатемы в лексему, при этом отношения между производящей и производной единицами не изменяются.

1. *Дорошевский В.* Элементы лексикализации и семиотики. — М.: Наука, 1973. — 288 с.
2. *Дьячок Н. В.* О трансформации универбов в лексические дериваты // *Східнослов'янська філологія*. Горлівка: ГДПНМ, 2009.
3. *Кузнецова О. Д.* О понятии лексикализации. Лексикализация фонетических явлений в говорах // *Вопросы языкознания*. — 1978. — №2. — С. 113–118.
4. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 688 с.
5. *Шмелёв Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. — М.: Наука, 1964. — 260 с.
6. *Теркулов В. И.* Ещё раз об основной единице языка // *Вісник Луганського національного університету ім. Т. Г. Шевченка*. — Луганськ, 2006. — №11 (106). — С. 127–136.
7. *Słownik języka polskiego* / Red. naczelny W. Doroszewski. — Warszawa, 1963. — 464 p.

Л. С. Сухобрус

ПРО ОСОБЛИВІ ВИПАДКИ КОМПРЕСИЙНОГО СЛОВОТВОРУ

Статтю присвячено проблемі визначення статусу деяких випадків компресійного словотвору, з одного боку, та функціонування універбів конкретних номинатем, з іншого. Описується процес трансформації універбів у лексичні деривати. Пропонуються схеми досліджуваного процесу. Робляться висновки про особливості лексикалізації універбів.

Ключові слова: компресійний словотвір, дериват, композит, номинатема, універб, лексикалізація.

L. S. Sukhobrus

ABOUT COMPRESSIVE WORD-BUILDING PECULIARITIES

The article is about the problem of compressive word-building status definition and univerbs' functioning. The process of univerbs' transformation into lexical derivatives is described. The decision about univerbs' lexicalization peculiarities is given.

Key words: compressive word-building, derivate, composite, nominateme, univerb, lexicalization.

Категория отрицания в языковой игре

В статье рассматриваются особенности формирования имплицитного отрицания (негации) в условиях языковой игры: функцию негации берут на себя неспециальные языковые средства, в структуре значений которых имеются соответствующие дифференциальные признаки; негация может усиливаться градацией отрицательных оценок, заключённых в составе лексического значения слов; категориальная морфологическая отнесённость может противоречить семантическому потенциалу слова, что ведёт к реализации аномальной сочетаемости, имеющей целью передать значение отрицания той или иной номинации. Все рассмотренные сочетания слов провоцируют семантическую редукцию лексем, т.е. сокращение доли информации в языковой единице, независимо от её принадлежности к определённому языковому ярусу и частеречной отнесённости.

Ключевые слова: аномальная сочетаемость, категория отрицания (негации), семантическая редукция лексем, языковая игра.

Языковая игра — “форма лингвокреативного мышления, эксплуатирующая механизмы ассоциативного переключения узуального стереотипа восприятия, употребления и характеризующаяся условностью и интенциональностью — установкой на творчество, эксперимент над знаком на основе различных операциональных механизмов и лингвистических приемов его трансформации и интерпретации” [7: 29–30]. Таким образом, языковая игра как лингвальный феномен имеет непосредственное отношение к понятиям норма/аномалия. Т. Б. Радбиль определяет *языковые аномалии* как родовой термин “для любого нарушения или отклонения на уровне любого из трех членов постулируемого триединства художественного текста: художественный мир — язык — текст” [10: 16]. В центре внимания данной статьи — имплицитное отрицание, аномальные средства его выражения и функциональная нагрузка в условиях языковой игры. Под термином *языковая игра* мы понимаем “творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/речевой, в том числе — стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе — комического характера” [14: 86]. Материалом исследования послужили произведения современных писателей-прозаиков (М. Веллера и С. Есина), содержащих диктемы названного выше лингвального феномена.

Отрицание (негация) — одна из значимых категорий языка, обусловленная стремлением человека к дифференциации явлений действительности, — “констатация либо небытия, несуществования данной ситуации как таковой (общее отрицание), либо непричастности данного явления, предмета, признака к сообщаемой ситуации (частное отрицание)” [16, 2: 231]. В языке негация находит отражение при помощи формального сигнала — частицы *не*, отрицательными префиксами *не-*, *без-* (*немногие*, *безосновательно*), специфической интонации, преобразованного словоупотребления, специальных лексико-фразеологических единиц. “Отрицание может и не иметь отдельного выражения, т.е. быть компонентом значения слова (*отказаться* = ‘не согласиться’, *сухой* = ‘не влажный’) — внутрилексемное отрицание — или целого предложения (*Много ты понимаешь!*; *Так я ему и поверила!*...) — подразумеваемое отрицание” [11: 310]. Таким образом, языковые способы выражения отрицания в русском языке могут быть как эксплицитными, так и имплицитными. Мы будем “считать имплицитной ту информацию, которая передается благодаря лексике и которая является вербализуемой, но невербализованной (т.е. требующей комментария для однозначного понимания), а также факультативной. Основным признаком такой информации является то, что ей сопутствует ряд речемыслительных операций, не сводимых к простому отождествлению значения лексем. Это в первую очередь логический вывод из значения слова, а нередко и из контекста, из фоновых знаний. Кроме того, имплицитная информация может быть связана с ассоциациями, также дополняющими то содержание, которое воспринимает слушающий” [9: 42].

Ю. Д. Апресян [1] выделил два типа нестандартных соединений смыслов: добавление (приращение) и зачеркивание семантического компонента в толковании одной или двух соединяемых лексем. В семантико-синтаксической структуре предложения роль отрицательных слов могут брать на себя лексемы, в составе значения которых есть компоненты негации. Как известно, “компонент значения в принципе не должен считаться имплицитной информацией, поскольку при восприятии значения слова слушающий получает всю информацию, содержащуюся в его значении. Однако восприятие части такой информации как неэксплицитной (неявной, скрытой) не вызывает сомнений и должно быть описано с позиции ее обнаружения и экспликации” [9: 31–32].

Проиллюстрируем все сказанное о негации и способах ее выражения при формировании аномальных сочетаний на примерах.

В общем, если говорить прямо, то, безо всяких комплексов, представителем этого самого среднего класса ощущал себя московский таксист Толик Захаров, тридцати лет, женат, разведен, снова женат, снова разведен, не сидел, не привлекался, алиментщик и честный, ну почти честный, налогоплательщик [8: 291–292]. Прилагательное *честный* — ‘не способный украсть, присвоить себе что-либо чужое’ и ‘не допускающий обмана, жульничества’ [15, 4: 672], — как видим, в составе своего лексического значения уже содержит семы негации. Частица *почти* также содержит искомые конститuentы в своем семном составе (‘так, что *немного недостает* до чего-либо, чуть *не...*’ [15, 3: 345]), что ведет к отрицанию признака, названного прилагательным.

Аналогичное имплицитное отрицание в примере: *Хотя у меня уже все болит, но знайте, что на склоне лет оступился и впал в упадок Заблудший Т. Д., гражданин и инженер. Еще общественник, но уже почти не человек* [6: 262]. Конститuentы семного состава частицы *почти* ведут к отрицанию сем слова *человек*, но, опираясь на прагматическую информацию высказывания, можно заключить, что отрицаются не все компоненты семантической структуры, а только те, которые говорят о человеке как об отдельной личности; ср. *человек* — ‘лицо, являющееся носителем каких-либо внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащее к какой-либо среде, обществу и т. п.’ и ‘личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств’ [15, 4: 659].

Проявление признака в меньшей степени, чем это характерно для нормы, также может стать сигналом имплицитного отрицания: *Был в Ленинграде вполне известный актер Зиновий Каморный; как бы почти звезда полупервого ряда на вторых ролях* [5: 283]. Здесь семантика слова *звезда* (‘о человеке, прославившемся в какой-либо сфере деятельности; о знаменитости’ [15, 1: 600]) отрицается частицей *почти*. Далее негация продолжается при помощи эвфемистичного деривата *полупервый*: приставки *полу-* в значении ‘первая составная часть сложных слов, обозначает не совсем, не до конца, почти’ [15, 3: 270]) и адъективированного числительного *первый* — ‘превосходящий всех других себе подобных; имеющий важное значение; высший по своей значимости’ [15, 3: 44]. Сочетание *на вторых ролях* (*второй* — ‘второстепенный, не главный по значению; муз. исполняющий вспомогательную партию’ [15, 1: 240]) продолжает ряд негативных оценок. Усиливает названную семантику употребление расплывчатой в своем лексическом значении частицы *как бы* (ср.: *как* — ‘в сочетании с “будто”, с частицей “бы” или в сочетании с “будто бы” (как будто, как бы, как будто бы), а также в сочетании со словами: “словно”, “точно”, “вроде” (словно как, точно как, вроде как) употребляется для выражения условно-положительного сравнения’ [15, 2: 17]). А. Д. Васильев отмечает, что сочетание *как бы* выступает как своеобразная риторическая фигура, когда говорящий намекает (или имитирует намек) на какие-то хорошо известные и ему, и адресату обстоятельства. Расплывчатая семантика сочетания *как бы*, обычно придающего сообщению некую условность, моделирует предположительность, незавершенность (“недоговоренность”) высказывания [3: 139]. Градация отрицательного здесь делает всю конструкцию негиреуемой.

То есть наши заочные отношения с Довлатовым превратились уже в некий поединок судеб и заслу; и к моему совершенному бешенству публика из таллиннской русской творческой интеллигенции (такой русской, хучь в Рабины отдавай: Скульская, Аграновская, Штейн, Тух, Рогинский, Малкиэль, Ольман и еще пара-тройка столь же отпетых славян; правы, правы были в ЦК — ишь свилось тут сионистское гнездо из недодавленных в Киевах и Ташкентах) — публика отдавала предпочтение в этом поединке ему [4: 36]. Прилагательное *отпетый* (‘погибший, пропащий, конченый;

неисправимый, безнадежный в каких-либо своих *отрицательных* качествах' [15, 2: 699]) содержит в своём значении семы негации, что указывает на эвфемистичность словосочетания *ответы славяне*: оно заменяет прямое именование социально непрестижной национальности (евреи) на государственно одобряемую (в советское время).

Роль отрицательных компонентов высказывания могут брать на себя идиомы, семы которых начинают вести себя как семы негации: *Что же тогда выиграло в нашей, в принципе бескорыстной, Ксени?* [8: 326]. Идиома *в принципе* не содержит в составе лексического значения сем негации (ср.: *в принципе* — 'в основном, в общем' [15, 3: 428]), однако в сочетании с прилагательным *бескорыстный* ('чуждый корысти, стремления к личной выгоде, наживе' [15, 1: 81]), особенностью которого является то, что номинируемое им качество не может быть представлено градационно, т. е. проявляться в большей или меньшей степени, названная выше идиома начинает нести в себе негацию следующей далее лексемы.

Проанализированные здесь языковые средства передачи семантики отрицания обладают эвфемистической функцией. На возможность выполнения некоторыми из них этой функции указывает Е. П. Сеничкина. Так, наречие *почти* употребляется вместо *полностью* [12: 343], но в нашем случае это наречие несет в себе отрицание, т. к. прагматический выбор связан с актуализацией именно сем негации. Приставка *полу-* в отыменных дериватах может выражать семантику отрицания (ср.: *полуправда* — 'вм. ложь... неправда' [12: 333]). На наш взгляд, эвфемизация частицы *как бы* подчеркивает, усиливает общую семантику негации: "Аномальное *как бы* появляется в высказывании для смягчения отказа" [13: 116–117].

Как видим, в условиях языковой игры имплицитное отрицание может быть репрезентировано следующим языковым инструментарием: 1) функцию негации берут на себя неспециальные лингвальные средства (знаменательные слова, предлоги, частицы), в составе семем которых имеются соответствующие конститuentы; 2) негация может усиливаться градацией отрицательных оценок, заключённых в составе лексического значения слов; 3) категориальная морфологическая отнесенность может противоречить семантическому потенциалу слова, что ведет к реализации аномальной сочетаемости, имеющей целью передать значение отрицания той или иной номинации.

Имплицитное отрицание провоцирует семантическую редукцию лексем, т.е. сокращение доли информации в языковой единице, выдвигая на первый план функцию негации.

Аномальные сочетания слов, намеренно разрушающие законы узальной синтагматики, усиливают, подчеркивают негацию положительных оценок, качеств, свойств и других характеристик номинируемых референтов. Скрытое отрицание вместе с другими языковыми средствами ведет к формированию антифразиса, тропа, "состоящего в употреблении слов в противоположном смысле (в сочетании с особым интонационным контуром)" [2: 49]. Таким образом, антифрастичность имплицитной негации является одним из способов создания языковой игры.

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. — М., 1974.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.
3. Васильев А. Д. Размывание семантики текста как приём виртуализации реальности // Реальность, язык и сознание. — Тамбов, 1999. — С. 137–139.
4. Веллер М. Долина идолов. — М., 2006.
5. Веллер М. Легенды Невского проспекта. — М., 2007.
6. Веллер М. Разбиватель сердец. — М., 2006.
7. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): дис. ... докт. филол. наук. — Екатеринбург, 1996.
8. Есин С. Н. Ах, за граница, за граница...: романы. — М., 2006.
9. *Имплицитность* в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. — М., 1999.
10. 10. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2006.
11. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1997.
12. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. — М., 2008.
13. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс. — М., 2006.
14. Сковородников А. П. О понятии и термине "языковая игра" // Филологические науки. — 2004. — № 2. — С. 79–87.
15. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1981–1984.
16. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: В 2-х т. / Под ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. — М., 2008.

M. F. Shatskaya

CATEGORY OF DENYING IN FORMATION OF “PLAY ON WORDS”

Features of inner denyings formation in conditions of “play on words” are considered in the article. Function of negation is assumed by nonspecial language means. Negation can be increased with gradation of the negative estimations concluded in structure of a lexical word meaning. The considered combinations of words provoke a semantic redaction of lexemes, reduction of a share of the information in language unit.

Keywords: inner denying (negation), semantic reduction of lexemes, “play on word” (language game).

М. Ф. Шацька

КАТЕГОРІЯ ЗАПЕРЕЧЕННЯ У МОВНІЙ ГРІ

У статті розглянуто особливості формування імпліцитного заперечення (негації) в умовах мовної гри: функцію негації виконують неспеціальні мовні засоби, у структурі значень яких є відповідні диференційні ознаки. Негація може посилюватися градацією заперечних оцінок, присутніх у складі лексичного значення слів; категоріальна морфологічна віднесеність може протирічити семантичному потенціалу слова, що призводить до реалізації аномальної сполучуваності, яка має за мету передати значення заперечення певної номінації. Всі розглянуті сполучення слів провокують семантичну редукцію лексем, тобто скорочення частки інформації в мовній одиниці, незалежно від її приналежності до певного мовного ярусу та частини мови.

Ключові слова: аномальна сполучуваність, категорія заперечення (негації), семантична редукція лексем, мовна гра.

УДК 801.316.1:070

О. В. Литвин

Словообразовательный тип “языковой игры” в медиатекстах

В статье рассматриваются семантические и прагматические характеристики окказионализмов — результата действия феномена “языковой игры”, наиболее ярко проявляющего себя в современных медиатекстах.

Ключевые слова: неузальное словообразование, окказионализмы, медиатекст, семантическое и прагматическое значение.

В исследовательской литературе последних десятилетий большое внимание уделяется феномену “языковой игры”, которая рассматривается авторами в разных аспектах: постмодернистском, ассоциативном, психологическом и т.д. Изучение названного явления в медиатекстах представляется достаточно актуальным, поскольку эти тексты дают большое количество языкового материала, в основе создания которого лежит “игра с языком”. Одна из классификаций “языковой игры” дана в монографии С. И. Сметаниной [6]. В основе классификации — способ игры со знаком языка, применяемый создателем текста. Один из типов игры — словообразовательный — весьма популярен в средствах массовой информации. Примеры словообразовательной игры можно проанализировать на материалах газет “Аргументы и факты” (АиФ), “Новая газета” (НГ), “Комсомольская правда” (КП), “Взгляд” и “Московский комсомолец” (МК). Словообразовательная игра связана прежде всего с созданием окказионализмов, в которых ярче, чем в узальных образованиях эксплицируется результат креативной деятельности человека, обладающего свободой выбора средств познания и интерпретации реальности. Этот тип игры со словом назван Е. А. Земской типичнейшей чертой современного языка. По мнению исследователя, “расцвет неузального словообразования” наблюдается “в языке газет, любых средств мас-

совой информации, устной публичной речи” [3:138]. Изучению инноваций в языке посвящена многочисленная литература. Теоретические исследования Г. О. Винокура [1], Е. А. Земской [3], И. С. Улуканова [8], Р. Ю. Намитоковой [5] легли в основу разработок словообразовательного аспекта речетворчества. Исследование условий появления и функционирования окказиональных образований позволяет определить основные пути развития словообразовательной системы русского языка, динамику и потенциал словообразовательных единиц, проследить действие внеязыковых факторов на семантику и прагматику окказионализмов.

Процесс выбора в речемыслительной деятельности связан с необходимостью использовать те или иные языковые средства. Степень предпочтительности одного языкового средства другому в акте вербального отбора характеризует самого говорящего и его интенции: выбрать — значит выразить свое отношение как к речи, так и к объекту выраженной ею реальности. Толчком для языкового словотворчества служат субъективные мотивы, которые, как правило, репрезентируют общие языковые закономерности. Языковой эксперимент со словом имеет ярко выраженную прагматическую направленность: стремление к более точному выражению своего состояния, желание произвести на адресата сильное впечатление, т.е. вербализовать своё психологическое состояние наиболее полно.

Разветвленная система словообразования позволяет выбрать из огромного количества словообразовательных средств те, что в наибольшей мере отвечают потребностям говорящего в передаче прагматической информации. Прагматический компонент присутствует в эффекте “неожиданности”, сопровождающем создание окказионализма. Данный эффект возникает на фоне экспрессивного напряжения, создающегося там, где: 1) имеет место отклонение от общепринятой нормы; 2) ощущается субъективная оценочность, достигаемая за счет словообразовательных средств.

Окказионализмы как факт речи заданы языковой системой. С одной стороны, они репрезентируют ее свойства и прогнозируют новые возможности и тенденции ее развития. С другой стороны, они впитывают особенности культуры, истории и менталитета носителей данного языка, являясь своего рода концентрацией того, что называется “фоновыми знаниями”. Окказионализмы отличаются от обычного (“канонического”) слова структурным несоответствием словообразовательной системе, ненормативностью, функциональной одноразовостью, экспрессивностью, производностью, необязательностью, или номинативной факультативностью, непредсказуемостью как в лексическом, так и в словообразовательном плане, индивидуальной принадлежностью.

Прагматическая функция окказионализмов актуализируется благодаря вариативности языковой системы, позволяющей говорящему выразить своё речевое намерение разными способами. На современном этапе развития языка, когда его носители обладают огромным запасом языковых средств, особый интерес представляют вопросы, связанные не столько с тем, как отразить то или иное мыслительное содержание, сколько с тем, как отразить его наилучшим образом, то есть решить коммуникативные задачи в самые короткие сроки и с максимальным эффектом воздействия на адресата речи.

Создавая окказиональное слово, автор в большинстве случаев использует узуальную модель, хорошо известную адресатам текста, поскольку словообразовательная игра предполагает, что читателю знакомы “правила игры” с морфемой, со словом. Иначе конечная цель, которую ставят перед собой “организаторы” игры (понимание, активное восприятие текста), не будет достигнута. Включая читателя в словообразовательную игру, авторы медиатекстов стремятся привлечь и поддержать интерес читателя к своему повествованию. Неслучайно большое количество примеров словообразовательной игры обнаруживается нами в заголовках журналистских материалов, например, “*Бомбилы*” — НГ от 12.04.2007. Материал снабжён подзаголовком *Американские и российские ученые при поддержке губернатора Камчатки затеяли эксперимент: взорвать под землей 500 тонн взрывчатки и посмотреть, что будет*. Неологизм аналогичен отглагольным именам существительным общего рода типа *вышибала*, *громилы* со значением “лицо, которое постоянно или обычно выполняет действие, названное производящим глаголом”. Глагол *бомбить* имеет значение “атаковать с воздуха, сбрасывая бомбы”, что не соответствует действию, выполняемому в статье (“взорвать под землей 500 тонн взрывчатки”). Возможно, автор хотел показать тем самым масштаб и разрушительность данного “эксперимента”. В неологизме *бом-*

билы сохраняется узуальное значение “лицо по действию”, но отсутствует компонент “постоянно или обычно”.

Заголовок “*Питерня*” — МК от 11.02.2006 — также снабжён подзаголовком: *Рука Санкт-Петербурга дотянулась до Хабаровска*. Подобрать шифр к данной языковой игре возможно, лишь прочитав весь материал, в котором говорится, что руководящие должности в административных структурах занимают выходцы из города на Неве. Неологизм *питерня* может иметь значение “группа лиц”, как и *шоферня, солдатня*, образованные по регулярной и достаточно продуктивной в разговорной речи и в просторечии модели “существительное со значением лица + суффикс -н-”. Однако производящее существительное Питер не выражает значения лица, что позволяет отнести данное словообразование к окказионализмам. Кроме того, возникает и аналогия со словом *пятерня*, ведь не случайно в подзаголовке употреблено слово *рука*. Ср. со знакомыми выражениями *во всём видна рука Москвы; у нас длинные руки*. Таким образом, значение слова *питерня* может быть соотнесено с несколькими моделями и смыслами. Возможно, этого и добивался автор, желая не только назвать явление действительности, но и выразить своё отношение к этому явлению. Достичь этого позволило использование словообразовательной модели, по которой в языке образуются слова со сниженной стилистической окраской.

Новые слова в медиатекстах не всегда рождают многоплановые смыслы и побуждают читателя к размышлению. Иногда автору просто необходимо выразить значение кратко и ёмко — и в ход идут языковые модели, которые легко узнаются и “дешифруются”, например: *Легендарный “делатель рейтингов” Валерий Комиссаров* (КП от 23.11.2002); *Михаил Леонтьев. Истеричный телевещатель* (НГ от 13.01.2005). Модель “глагол + суффикс -тель” (во втором неологизме использован ещё и префикс *теле-*) даёт производное существительное со значением “лицо, производящее действие, названное мотивирующим глаголом”, ср.: *учитель, воспитатель*. Но оба новообразования дают негативную оценку названным лицам, что отсутствует в узуальных словах.

Иногда оценка связана не со стилистической окраской использованной словообразовательной модели, а с оценочным значением производящего слова, например: *Первая “фанерищица” страны (заголовок статьи о певице Аиде Ведищевой)*. АиФ от 2.03.2005г. Производящее существительное *фанера* (‘пение под фонограмму’) имеет негативную окраску, а суффикс *-щиц-* стилистически и оценочно нейтрален.

В отдельных случаях примеры словообразовательной игры представляют собой производные, образованные по моделям, которые регулярны не в разговорной, а в научной речи, например: *В прошлые времена ушлые западные кремленологи умели по анализу содержания журнала “Крокодил” вычислить, какие сюрпризы преподнесет Страна Советов остальному миру*. НГ от 9.01.2007. Неологизм *кремленолог* образован на базе имени собственного Кремль с помощью продуктивного суффикса *-лог*, указывающего на специалиста по тому предмету, который выражен первой частью слова (ср.: *биолог, морфолог*).

Окказионализм *ГЛУПОтворчество* (АиФ от 26.03.2006) — заголовок материала о нелепых законах, которые были приняты Думой — создан по “узнаваемой” словообразовательной модели (ср.: *законотворчество, бумаготворчество*). Но в качестве первого компонента производящей базы используется не существительное (как в узуальном словообразовании: *закон, бумага*), а прилагательное *глупый*, характеризующее законотворческую деятельность думцев. Хотя в качестве первой части может выступать и существительное *глупость*, которое несовместимо логически со словом *творчество*.

Заголовок *Юристы-кулинаристы* в рубрике “*Жизнеспособность политсубъектов*” (АиФ, 15.05.2006) понять невозможно без речи “источника” — того политсубъекта, который “спровоцировал” авторов рубрики на создание окказионализма. В данном случае это генеральный прокурор Ю. Чайка, сказавший: “Юристов у нас выше крыши, а качества не хватает. У нас даже кулинарные вузы готовят своих юристов”. С точки зрения законов словообразования существительное *кулинар*, конечно же, не нуждается в суффиксе *-ист*, но именно благодаря ему слова *юрист* и *кулинарист* уравниваются в морфемной структуре и становятся, таким образом, семантически равнозначными, что наполняет слово “юрист” отрицательной коннотацией.

При образовании новых слов в медиатекстах используется и такое весьма продуктивное в разговорной речи явление, как компрессия (или стяжение): образование простых существитель-

ных с предметным значением на базе словосочетаний с использованием суффикса *-к-*, придающим фамильярно-пренебрежительное значение: *спокойка* (от названия программы “Спокойной ночи, малыши!”), рифмующееся с существительным *койка* и вызывающее соответствующие ассоциации, что, бесспорно, должно вызвать эмоциональную реакцию читателя.

Достаточно активно представлена на страницах газет ещё одна разновидность словообразовательной игры — графическая, в частности, ненормативное использование прописной буквы. Вполне естественно, что прописная буква в новой для нее функции — привлечение внимания — наиболее активно используется в заголовках. Псевдомотивация с помощью графического выделения — новый для русского языка тип языковой игры, получивший распространение в 90-е годы XX в. Как отмечает Е. А. Земская, “подобного рода “игры” служат и порождению окказиональных слов, и созданию окказиональной членимости у обычного слова” [3:79]. Напр.: *Почему наши оПУТАНили Европу?* — АиФ от 17.03.2006 — статья о Брюссельском конгрессе европейских жриц любви (путан), которые озабочены “вторжением” на их рынок девушек из бывших советских республик. *Качество поГОСТИло... и ушло?* — АиФ от 23.11.2008 — статья о качестве современных продуктов. В тексте используется узуальная аббревиатура *ГОСТ*, а также авторский неологизм *гостировать* в форме причастия: *в СССР всё было “гостировано”*. *Конец эпохи РОМАНтизма* — КП от 20.06.2002 — материал о тренере сборной команды России по футболу Олеге Романцеве. Здесь мы наблюдаем разновидность использования омонимии, в частности, обыгрывание имени собственного, точнее, его части в качестве графически выделенной. Псевдочленение узуальных слов графическими средствами может происходить и на базе паронимии. Поскольку здесь сталкиваются слова, не полностью совпадающие по звучанию, то поле варьирования, несомненно, шире, чем при омонимии. Например, *КРЕМинальный бизнес* — НГ от 24.05.2005 — М. Плисецкая выяснила, что под её именем (без её согласия) выпускается целая серия кремов для ног. К удачным примерам языковой игры можно отнести выделение в слове аббревиатуры *PR*, которая в силу своей популярности удачно вписалась в структуру исходного слова: *Прощай, PРезидент!* — КП от 20.12.2008.

Сегодня публицистический стиль характеризуется открытой оценочностью речи. Отсюда повышенное увлечение языковой экзотикой, включение в текст варваризмов, слов молодежного сленга, создание новых приемов выражения, подверженность моде и языковым увлечениям. Таким образом, газетный текст как одно из проявлений функционирования публицистического стиля является благоприятной почвой для возникновения неологически окрашенных единиц. Так, новообразования *неформашка*, *лениняка*, *марксюк*, *съездюк*, *бизнюк* выдают “пристрастие” говорящего, его пренебрежительное отношение к предмету высказывания, усиливая данное свойство за счет коннотативных аффиксов. Актуализация содержания служебного аффикса достигается путём сочетания с корневым аффиксом, являющимся для него своего рода мини-контекстом.

В окказионализме *олигархята* (“*Это следовало бы сделать нашим доморощенным олигархятам* — Муляку, Козлову, Каракчиеву”. — “Взгляд”, 8.10.2003) служебная морфема оказывает воздействие на значение корневой, производя новый денотат, но само сочетание двух морфем, вследствие прозрачной внутренней формы, можно назвать коннотирующим, усиливающим тональность насмешки. Сравним вышеупомянутый пример с окказионализмом *эховята* (А. Венедиктов, главный редактор радиостанции “Эхо Москвы”: “*А вообще, у нас на “Эхе” 12 совместных детей (то есть сотрудники с сотрудниками переженились, и у них родились “эховята”*). — МК, 5.11.2004). Он образован присоединением словообразовательного форманта *-ят(а)* со значением невзрослости к основе неодушевленного существительного *эхо* (с использованием интерфикса *-в-*), что нарушает семантические ограничения в сочетаемости морфем.

В качестве вывода можно отметить, что морфемы, помимо денотативного, актуализируют также коннотативное, или прагматическое, значение. Этой особенностью обладают не только корневые, но и служебные морфемы. По степени семантической и прагматической информативности выделяются наиболее автономные в коммуникативном плане лексемы и окказионализмы, значение которых выводится из контекста и базы фоновых знаний. Аллюзия как средство языковой игры обладает огромными возможностями формирования прагматического созначения окказионализмов. Оценочность окказионализмов предполагает экспликацию положительного или отрицательного отношения к объекту высказывания. Мы отметили, что на-

блюдається значительне преобладання одиниць з пейоративної оцінкою, що мають більшу експресивність.

Словотворчість передбачає роботу з будівельним матеріалом мови. Російська мова завдяки своєму синтетизму надає широкі можливості комбінування морфем. Як зауважує М. Н. Епштейн, завдяки «морфологічній одареності» російської мови кожен корінь у поєднанні з префіксами та суфіксами «може заіграти багатьма смисловими відтінками, як тонко огранений алмаз» [9: 58]. Це відбувається тому, що в окказіональному слові чітко проявляється діяльний характер словотворчості. З урахуванням того, що морфема одного виду може в принципі поєднатися з будь-якою морфемою іншого виду, виникає проблема, яка полягає не в технічній можливості окказіонального утворення, а в тому, чи має воно сенс, чи потрібно його появу обов'язково позначити новою реалією або виразити якусь-то емоцію. Мовна виразність реалізується в стилізованому «ефекті новизни», в прагненні до незвичності, свіжості слів і, крім того, в прагненні уникати повторень одних і тих же слів, конструкцій в межах невеликого контексту. Також слід відзначити, що прагнення до економії мовних засобів і більш точної, лаконічної та образної передачі думки диктує необхідність «свертывання» ідеї в одне слово.

1. *Винокур Г. О.* Культура мови: Очерки лінгвістическої технології. — М., 1925.
2. *Ефремова Т. Ф.* Толковий словар словотворчих одиниць російської мови. — М., 2005.
3. *Земська Е. А.* Активні процеси сучасного словотворчості // Російська мова кінця ХХ століття (1985–1995). — М., 2000.
4. *Мокиєнко В. М., Никитина Т. Г.* Толковий словар мови Совдепії. — М., 2005.
5. *Намитоківа, Р. Ю.* Окказіональне слово на газетній стрічці: механізми експресивності / Р. Ю. Намитоківа, І. А. Нефляшева. — Красноярськ, 2005.
6. *Сметаніна С. І.* Медіатекст в системі культури (динамічні процеси в мові та стилі журналістики кінця ХХ століття). — М., 2002.
7. *Телія В. Н.* Коннотативний аспект семантики номінативних одиниць. — М., 1986.
8. *Улуханов І. С.* Словотворча семантика в російській мові та принципи її описання. — М., 2007.
9. *Епштейн М. Н.* Ідеологія та мова (Будова моделі та осмислення дискурсу) // Проблеми лінгвістики. — 1991. — № 6. — С.19–33.

O. V. Litvin

THE WORD FORMATION TYPE OF THE “PLAY ON WORDS” IN MASS-MEDIA TEXTS

Semantic and pragmatic characteristics of the occasionalisms as a result of “play on words” phenomenon, showing itself in the contemporary mass-media texts were analysed in the article.

Key words: occasionalisms, mass-media text, pragmatic meaning.

О. В. Литвин

СЛОВОТВОРНИЙ ТИП “МОВНОЇ ГРИ” В МЕДІАТЕКСТАХ

У статті розглянуто семантичні та прагматичні характеристики окказіоналізмів, що виникли внаслідок дії феномена “мовної гри”, який найяскравіше виявляє себе в сучасних медіатекстах.

Ключові слова: неузале словотворення, окказіоналізми, медіатекст, семантичне та прагматичне значення.

ПИТАННЯ СИНТАКСИСУ, ТЕКСТИКИ, ДИСКУРСОЛОГІЇ

УДК 809.434.2:801.3 Ж.90:811.512.122

А. Е. Жусупов

**Контекст в амбивалентной оценке
(на материале казахского языка)**

В статье рассматривается роль контекста в создании амбивалентной оценки. Для изучения контекстуальных условий оценочной неоднозначности представляется необходимым рассмотрение взаимосвязанных понятий “контекст” и “текст”.

Ключевые слова: амбивалентная оценка, окказионализм, узус, текст, контекст.

Феномен оценки закрепился в языковых средствах разных уровней. Изучение разноуровневых средств выражения оценки позволило выявить элементы, специфичные для того или иного уровня. В казахском языке данная проблема рассматривалась на стыке различных языков, в различных уровнях (А. Болганбаев, Ж. Мусин, М. Оразов, Х. Нурмуханов, О. Буркутов, Б. Момынова, А. Жумабекова, З. Темиргазина, Г. Кенжебалина, Ш. Нургожина, Д. Токтамысова, О. Песельник, М. К. Мурзагалиева, З. Ибадильдина, и мн.др.). В рамках изучения аллофонии, данной проблемы в разной степени касались в уйгурском языке — А. Кайдаров, Г. Садуакасова, Т. Талипов, башкирском — Ж. Киикбаев, татарском — Л. Хабибов, туркменском — Б. Байжанов, киргизском — Б. Усубалиев и др.

Оценочная деятельность человека отражает стереотипы мышления и эталоны, сложившиеся в недрах национальной культуры. Наблюдения исследователей показывают, что “казахская языковая культура, по сравнению с русской, отличается меньшей распространённостью похвалы в бытовом общении... Доминирующим правилом коммуникации казахов является “максима скромности”, которая включается исследователями в принцип вежливости” [1: 5].

“Казахский речевой этикет во многих случаях считает предосудительным хвалить человека в непосредственном речевом акте. Более того, достаточно часто доброжелательность говорящего выражается, наоборот, словами негативной оценки (“zaman bala” — “плохой ребёнок”). При этом говорящий, понимая опасения слушающего, заранее “обезвреживает” возможные плохие последствия от своих слов, как бы снимая вероятность “сглаза”. В русской речевой культуре подобное “обезвреживание сглаза” отражается в вербально-кинетическом выражении “тьфу, не сглазить бы” или в использовании такого паралингвистического средства, как постукивание по дереву. Незнание особенностей речевого поведения казахов может привести иногда к “культурному шоку”: слушающий настороженно молчит, или, отвернувшись, произносит какие-то слова в сторону (магические слова, отводящие имплицитные “злые намерения говорящего” [2:107]). Как видим, в отношении к речевому акту похвалы в культуре русского и казахского народа есть достаточно много общих моментов: суеверное опасение сглаза, боязнь захвалить человека, сформировать в нем завышенную самооценку, особенно это проявляется по отношению к детям. Если в русской и казахской речевых культурах не приветствуется частая и интенсивная непосредственная похвала, то “англо-американская культура поощряет ее носителей отзываться с похвалой о других людях, чтобы получать от них положительную ответную реакцию и поднимать их в их собственных глазах” [3:312].

Как пишет Н. Д. Арутюнова, “ценностный подход к жизни, складывающийся в очень раннем детстве, начинается с распределения объектов по противостоящим друг другу категориям хорошего и плохого...” [4:5]. Выражая те или другие мнения о мире, человек “постоянно налаживает на него свето-теневую сеть общечеловеческих и индивидуальных представлений о добре и зле (хорошем и плохом)...” [4:6].

Амбивалентность представляет собой универсальный способ выражения оценочного значения, что определяется возможностью её функционирования на разных уровнях системы языка. Подобная реализация амбивалентной оценки позволяет говорить о наличии вариантов относительно некоего инварианта, абстрактного обозначения одной и той же сущности в отвлечении от её конкретных модификаций [5: 80–81].

Амбивалентная оценка — это оценка *окказиональная* (речевая). Причём в этой сфере имеет место сочетание окказионализма семантического (приращение смысла существующего в языке слова) и окказионализма в плане новообразований (лексема, сочетание). В отличие от узуальной (языковой) оценки, закреплённой в значении слова, окказиональная возникает в ситуации или в контексте высказывания. Под узуальной понимается оценка, внутренне свойственная языковому знаку, являющаяся постоянным компонентом значения слова, основанная на общеязыковых ассоциативных связях. Узуальная оценка, как правило, находит отражение в словарях. Окказионализму в казахском языке были посвящены работы многих учёных, эти работы в основном охватывали окказиональные особенности отдельных поэтов и писателей. Окказионализму в языке и речи посвящены работы Г. Муратовой [6:155]; [7:140].

Таким образом, в основе дифференциации узуального и окказионального лежит сравнительная встречаемость языковых единиц в универсальном корпусе, — собрании всех действительных высказываний на определённом языке. В этом смысле употреблял понятия “узуальный” и “окказиональный” Г. Пауль, который и ввёл их в научный оборот [8: 51].

Окказиональная оценка появляется в процессе индивидуальной речевой деятельности, при конкретно-индивидуальной реализации нормы, опирающейся на саму норму и языкотворческую оригинальность индивида. Именно на этом уровне семная структура лексико-семантических вариантов (результат варьирования системного значения слова в речевой практике на уровне коллективной реализации языка) подвергается различным изменениям, вследствие чего слова выступают не только в своих закреплённых (системных) значениях, но и с приращением новых коммуникативных смыслов. Эти смыслы очень важны с точки зрения успеха коммуникации: непонимание коммуникативных смыслов отдельных единиц высказывания ведёт к непониманию всего высказывания. Удачным представляется с этой точки зрения термин “актуальный смысл слова”, предложенный И. А. Стерниным для обозначения семной вариации лексико-семантического варианта слова [9:123].

Итак, амбивалентную оценку мы относим к окказиональным, частно-оценочным образованиям. Но в некоторых случаях соединение полярных оценок в пределах одного знака представляет собой факт языка. В этом смысле можно рассматривать нейтрализацию отрицательно оценочных корневых морфов суффиксами положительной оценки: *МОРДАШКА* (ср: *СТАРИКАШКА*) *ГЛУПЕНЬКИЙ* (не характеристика умственных способностей, но положительная оценка) и т.п.; явление оценочной энантиосемии типа *КНИЖНИК*:

- 1) “любитель и знаток книг”;
- 2) “человек, оторванный от жизни, предпочитающий книгу непосредственному изучению жизни”; нарушение сочетаемости *чистоплюй* и т.п.

Окказиональная амбивалентная оценка реализуется на разных уровнях в виде амбивалентно-оценочных образований. Само понятие “амбивалентное” предполагает *структурную бинарность*, которая проявляется в наличии оценочных оппозиций. Для амбивалентной оценки характерна оценочная антонимия, которая понимается как совмещение в пределах амбивалентно-оценочного образования /АОО/ (термин [10:7].) противоположных индексов, закреплённых в значениях членов оппозиции. Оценочная антонимия зачастую “снимается” в АОО оценочной *ассимиляцией*, при которой знак одного из членов оппозиции оказывается доминирующим.

Как всякая оценочная деятельность сознания, амбивалентная оценочность имеет прагматическую направленность.

Таким образом, можно выделить следующие критерии амбивалентной оценки: прагматическая направленность; разноуровневая реализация; инвариантность; окказиональный характер (преимущественно речевое проявление); структурная бинарность (АОО); оценочная антонимия; оценочная ассимиляция.

В лингвистике текста существует ряд вопросов, не получивших до сих пор однозначного решения. Обсуждаются проблемы минимума текста, нет единого мнения по поводу необходимо-

сти предъявления к тексту таких требований, как последовательность, связанность и осмысленность. Так, Ю. М. Скребнев считает осмысленность необязательным признаком текста, иллюстрируя это положение общеизвестными экспериментами с “глокой куздрой” и “бешено спящими бесцветными зелёными идеями” [11:164].

АОО лексического уровня представляют собой текст, в котором узуальная положительная или отрицательная оценка амбивалентной единицы /АЕ/ (слова) противоречит оценочному заряду пре- или постконтекста [10:27].

“*Alti ai zas boji Serik aylinda bolgan-tin, zoldastatimen kyni-tyni kidirdi ma dersin, nesin aitasin — tamasha demaldi. Ayildin zaji barine de belgili. Barin aitta birin ait degendei — kiskasi — oni tiri zan tanimadi. Bet aysinda tamtik zok, sol zakka kisajip ketken...* (А. Хасен, *Zasgi demalis*, 113). Выделенное слово “*tamasha*”-“прекрасный” в значении — “плохой”.

Контекст при этом является дифференциатором оценки, его функцию можно определить как “*погашающую*”, т.е. создаётся такое оценочное значение единицы, которое не совпадает по знаку с узуальным, традиционно используемым. Для осуществления этой функции могут быть необходимы отрезки различной протяжённости: от словосочетания до сверхфразового единства:

“*Kasakstan Parlamentin deputattari tapa-tal tyste kosderin ashjp kojip yjiktay onerin shigardi, olari ol ma, tipti sol onerdi xalikka keninen taratip ziberdi dersin* (EK gazeti, 2007).

В контексте не только обнаруживаются новые оценочные потенции слов, но и “оживают” стёртые, забытые смысловые связи: “Конечно, игрушки невесёлые, — говорит продавец, — но всё-таки надо сказать спасибо организациям и кустарям, которые заботятся о наших детях. — Слово “спасибо”, — говорю я продавцу. — происходит от двух слов: “*спаси бог*”. Если принять это во внимание, то я согласен, шутки ради сказать спасибо. *Спасибо* от такой продукции” (М. Зоценко, *О маленьких для больших*, 36). Такая интерпретация слова в казахском языке, к сожалению, не встречается.

Рынок не должен быть коррумпирован. К примеру, в нашей стране экономика *племянников(-)* привела к кризису /ДН/.

Разве сей комплимент исходит не от известного *Алекена(-)*, который разогнал подзатыльниками свой прежний строптивый парламент... /Караван/.

Значение слова “племянник” всем понятно, в казахском языке племянник имеет очень “высокий” статус среди родственников. Племяннику никогда не отказывают ни в чём; считается, что “если откажешь, то ещё до старости начнут трястись руки”, т.е. человека ждёт недуг. Племянник в казахской картине мира является ключевой фигурой, со знаком (+). В данном контексте экономика племянников приняла негативный оттенок. Казахский древнейший обычай утрирован донельзя. Словом “племянник” выражено неудовлетворение экономикой. Пользуясь своими “безграничными” возможностями, дяди передали многие ключевые посты своим “племянникам”.... В следующем примере контрастность оценки подчёркнута словом “Алеке”. *Маке, Саке, Каке, Таке* и т.д. — прибавлением суффикса “ке” в казахском языке выражается почтение, уважение к старшему по возрасту. В данном примере речь идёт об Александре Лукашенко — президенте Белоруссии. Оценка (+) заменена на (-). Не последнюю роль здесь играет, конечно же, ирония.

Как видно, контекст — составная часть АОО лексического уровня, поскольку он как равноправная единица участвует в определении оценочного значения слова в речи и вместе с коммуникативной установкой высказывания организует его смысловую структуру.

Последующий или предваряющий внешний контекст АО словосочетания может влиять на изменение степени непредсказуемости одного из компонентов:

“*Keshegi keshki tamaktardan son, bygyngi tagamdar zymaktagi damderdei korindi.* (А. Хасен, *Zasgi demalis*, 78).

“*Ayilnai basi tolган igi-zigi xalik. Barsha xalik an-tan. Byl asshi sindik* (А. Хасен, *Zasgi demalis*, 113).

Для высказывания, не содержащего собственно оценочного слова, контекст выступает единственным средством определения знака оценки: “*Mina yidin tamashsasin kara! Yi degen tek ati gana, zatina keler bolsan, tipten zanin ashjp ketedi. It bailasa tyratin zer emes minay* (А. Хасен, *Zasgi demalis*, 141).

Оценка в подобных высказываниях недифференцирована, и поэтому функцию контекста можно определить как “*присваивающую*”. Эта функция выполняется также при использовании так называемых “концептивных” слов, которые приобретают контекстуально обусловленную оценку, не обладая узуальной:

“Korkem *shigarma* tytinyshisi mina shigarmaga tesireie senimsisdikpen karadi ma dersin (A. Xasen, *Zasgi demalis*, 123).

Слово “*shigarma*” (= произведение), узуально не оценочное, получает негативную оценку в контексте.

При регулярном употреблении в речи одних и тех же единиц языка как с положительным, так и с отрицательным знаком оценки (например, прилагательного “*zaksi*” — *хороший*) контекст призван выявить, отобразить этот знак в каждом конкретном случае. Примеров в казахском языке очень и очень много. Это, в первую очередь, связано с особенностями казахской языковой картины мира. В казахском языке слово “хороший” очень редко употребляется. Поэтому (-) употребление с отрицательным знаком оценки прилагательного (“*zaksi*”) встречается часто. Скрытый смысл и контекст здесь играют очень важную роль.

Таким образом, важная роль контекста в определении однозначного оценочного смысла в слове, словосочетании, высказывании очевидна. Мы придерживаемся мнения о том, что оценочный компонент входит в структуру значения слова как элемент коннотации либо денотации. Для выражения оценки в русском и казахском языках существует широкая палитра языковых средств. В их ряду нами выделяется оценочная амбивалентность. Амбивалентная оценка характеризуется прагматической направленностью, инвариантностью, возможностью разноуровневых реализаций. Отмечается также структурная бинарность амбивалентно-оценочных образований, где находят отражение явления оценочной антонимии и ассимиляции. Амбивалентная оценка — явление окказионального характера.

При рассмотрении контекстуальных условий оценочной неоднозначности выявлены следующие функции контекста: *интерпретирующая, погашающая, присваивающая, а также функция отбора и разрешающая* [10]. Среди типов контекста выделяется контекст лингвистический и стилистический. В оппозиции *слово-слово* важную роль играет как внешний, так и внутренний контекст.

1. *Мурзагалиева М.* Контрастно-прагматический анализ речевых актов похвалы в казахском и русском языках: Автореф. дис.... канд. филол. наук. — Алматы, 1998.
2. *Мурзагалиева М.* Прагматические особенности речевых актов похвалы в романе М. Ауезова “Абай” // Вестник КазГУ. Серия филологическая. — Алматы, 1997. — №15. — С.105–108.
3. *Вежебицкая А.* Язык. Познание. Культура. — М., 1997.
4. *Арутюнова Н.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1982. — С.5–54
5. *Лингвистический энциклопедический словарь.* — М., 1998.
6. *Муратова Г.* Kasak korkem adabietindegi okkasional sosder. — Almati, 1991.
7. *Муратова Г.* Korkem adabiet tilindegi kazettilik zane kesdeisoktik. — Almati, 2002.
8. *Темиргазина З.* Оценочные высказывания в русском языке. — Павлодар, 1999.
9. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985.
10. *Песельник О.* Амбивалентно-оценочные образования как единицы разных уровней системы языка: Дисс. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1997.
11. *Скребнев Ю.* Основы стилистики. — М., 2002.

A. E. Zhusupov

CONTEXT IN AMBIVALENT ESTIMATION (ON BASE OF KAZAKH)

The role of context in making of ambivalent estimation is considered in the article. For studying the contextual conditions of ambiguous estimation it is necessary to consider interlinked notions “context” and “text”.

Key words: ambivalent estimation, occasionalism, usage, text, context.

А. Є. Жусупов

КОНТЕКСТ В АМБІВАЛЕНТНІЙ ОЦІНЦІ (НА МАТЕРІАЛІ КАЗАХСЬКОЇ МОВИ)

У статті розглядається роль контексту у створенні амбівалентної оцінки. Для вивчення контекстуальних умов оцінної неоднозначності вважається необхідним розгляд взаємозв'язаних понять “контекст” і “текст”.

Ключові слова: амбівалентна оцінка, okazіоналізм, узус, текст, контекст.

УДК [811.161.1+811.111]’373.612.2

О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай

Функционально-прагматическая роль бионимов в организации дискурса в русском и английском языках

Статья посвящена сопоставительному когнитивно-семантическому и дискурсивно-прагматическому анализу использования номинаций животных для характеристики поведения, внешности и особенностей характера человека. Фактический материал для анализа представлен примерами из русского и английского языков. В статье обосновывается положение о том, что при наличии общих когнитивных моментов в мотивации номинации человека через названия животных языковая картина мира имеет свою специфику в рассматриваемых языках, что отражается на реальном оценочном функционировании данных лексем.

Ключевые слова: зоонимы, зоометафора, концептуализация, категоризация, дискурсивно-прагматические характеристики.

В лингвистике тематика зоонимов издавна занимает одно из ведущих мест в исследованиях семантических и номинативных потенциалов языковых единиц, основных моделей метафорических переносов и тем самым — важных проблем исследования стилистических ресурсов языковой системы для более образной и ёмкой передачи мыслей, чувств и эмоций. Казалось бы, тем самым в исследованиях зоонимии практически не осталось места для возможности открыть новые аспекты этой проблемы. Но, на наш взгляд, такой исследовательский потенциал имеется, и он связан с развитием такой принципиально особой парадигмы исследования функциональных потенциалов номинации языковых единиц, как когнитивная лингвистика.

Как известно, предмет когнитивно-семантических исследований в лингвистике в основном составляет изучение таких важнейших процессов структурирования сознания в единицах языка и речи, как концептуализация и категоризация [1: 245–278; 4; 5; 10]. Концепты представляют собой структурированные представления о процессах, феноменах и предметах объективного мира и нашего сознания, а их группировка по характерным признакам и свойствам, определяемых во многом языковой картиной мира в пределах определённого языкового социума, объединённого культурными, историческими, политическими и прочими долговременными связями социального плана, т.е. возведение их в ранг определённой понятийной или структурной семантической категории, является категоризацией. Постоянное взаимодействие процессов концептуализации и категоризации обеспечивает стройность языкового мышления и языковой системы, позволяющей организовать стройность общения людей и передачу информации от одного носителя языка к другому.

Важное место в этом синтезе занимает номинация объектов действительности и сознания при помощи языкового обозначения одних явлений знаковой формой, связываемой в сознании с объектами иного рода. Именно в этой сфере наиболее часто ведущим процессом такого пере-структурирования является метафора, процесс, о котором Дж.Лакофф и М. Джонсон заявили, может быть, и с некоторой долей преувеличения, но вполне обоснованно, что люди живут этим процессом [9]. Зоометафора, которая и является предметом настоящей статьи — это одна из самых фундаментальных моделей передачи многообразия мыслей, чувств и эмоций, позволяю-

щих наиболее эффективно передать ту информацию, поделиться которой с другим человеком говорящий считает важным.

Зоометафора представляет собой процесс наименования объекта и предмета области-мишени именем какого-либо животного из области-источника. Тем самым область-источник представлена различными зоонимами, которые с научной точки зрения можно разделить на орнитонимы (наименования птиц), энтонимы (наименования насекомых), ихтионимы (наименования рыб) и прочие классы, соответствующие биологической классификации живых видов по К. Линнею. Но наряду с научным мышлением в повседневной коммуникации важным источником структурирования концептов является и сознание обыденное, повседневное, существующее в настоящем, но сформированное в ходе сложного развития национальной культуры и тем самым определённых ассоциативных связей в сознании языкового социума, отражаемых в его языковой картине мира. Здесь воедино могут связываться номинации из разных классов научно-биологической картины мира.

Возникает вопрос: чем обусловлено такое несовпадение этих разных структур мышления на основе, казалось бы, одного и того же языкового материала? Ответ представляется аксиоматичным: это обусловлено коммуникативными, а точнее говоря, дискурсивными характеристиками. Люди ассоциируют одни и те же или похожие представления о явлениях мира реальности и мышления с разными сферами существования мира, связывают их воедино и отражают эту связь в различных единицах языка, прежде всего, в лексических и фразеологических, для характеристики одной и той же сущности или отношения. Если дело касается одного и того же предмета, мы чаще встречаем случаи абсолютной синонимии, типа *бегемот* и *гиннопотам* в русском языке или же языковые единицы для обозначения одного и того же явления в различных сферах общения, иначе говоря, стилистические синонимы типа *marijuana* и *grass* в английском языке. В случае же признаков, характеристик или абстрактных отношений чаще всего мы имеем дело с идеографическими синонимами. Именно такие случаи идеографической синонимии мы можем наблюдать в использованиях номинаций животных различных типов и классов для выражения оценочной квалификации и наделения вещей внешнего мира, и в первую очередь, людей, их внешности, признаков внешнего поведения и поступков, определённым квалификативным содержанием в различных языках. Мы хотели бы показать данные феномены на материале современных русского и английского языков и увидеть, насколько контрастивны семантические их черты в сфере использования зоонимии, могут ли описываемые явления хотя бы потенциально претендовать на статус универсальных и т.п.

Обратимся к материалу указанных языков.

Прежде всего, анализ материала показывает, что в них можно проследить такую категоризационную семантическую оппозицию, как “домашние :: дикие животные”. Это вполне объяснимо, поскольку люди достаточно чётко проводят квалификацию различных сфер жизни, в том числе и в отношении животного мира, по линии “свой-чужой”. Внимание на данный когнитивный феномен неоднократно обращалось в работах по языковой семантике (например, Ю. С. Степанов [7: 126], В. В. Красных [3], Д. Б. Потураева [6], П. Н. Донец [2: 18], И. В. Чекулай [8: 269–271] и другие).

“Набор” домашних животных и в английском, и в русском языках для номинации характеристик людей и их поступков достаточно стандартен. Это, прежде всего, такие прототипические животные, как *собака/dog*, *кошка/cat*, *корова/cow*, *лошадь/horse*, *телёнок/calf*, *курица/hen* и другие. Однако в условиях реального дискурса, особенно для реализации целей речевой характеристики, их употребление показывает особенности осмысления данных лексических единиц в этих языках.

Возьмём, например, лексемы *собака/dog*, а также различные гендерные номинации этого понятия. В русском языке чаще всего это слово ассоциируется с человеком в контексте его отрицательной характеристики, например:

— Он у них в кучерах, — вступился Давыдка.

— С панского стола обеды схватывает.

— Ты, Валет, как цепной кобель, любого обрешешь (М. А. Шолохов).

— Иван, остался бы ты, — попросила хозяйка. — В лесу сторожку знаю, ни одна собака туда не заглянет (В. Д. Успенский).

— Вяжи-вяжи, дура, а он замест благодарности морду тебе набьет.
 — За что?
 — За здорово живешь — я Гришку знаю, друзьяки с ним. Это такой **кобель** — укусит и не скажет за что.

— Пойдите, станичники!..

— **Куцый кобель тебе станишник!** (М. А. Шолохов).

Однако в русском языке отмечаются такие нюансы употребления этих лексем, которые отсутствуют в английском языке. В частности, это относится к лексеме *кобель* в обозначении разнузданного сексуального поведения человека. В английском языке гендерное обозначение самца собаки является несколько условным (*he-dog*) и в данном значении практически не используется. В то же время в русском языке мы находим многочисленные примеры этого явления в дискурсе, в частности:

— *Куда ты пой-де-ошь?* — застонала Ильинична, хватая Григория за руку, но он с силой оттолкнул мать и на лету подхватил упавшую с кровати папаху.

— *Нехай идет, кобелина поблудный!* Нехай, будь он проклят! Иди, иди, ступай!.. — гремел старик, настезь распахивая двери (М. А. Шолохов).

Потёмкин переслал ей через Елагина записку: у тебя, матушка, перебивало уже пятнадцать кобелей, а мне честь дороже, и шестнадцатым быть никак не желаю (В. С. Пикуль).

В то же время лексемы *сука/bitch* достаточно гомогенны в своих дискурсивно-оценочных характеристиках в обоих языках и используются в русском языке для обозначения женщины лёгкого поведения. Представляется достаточно иллюстративным следующий пример из “Тихого Дона”, где данное слово выступает в известной пословице как антитеза слову *кобель*:

Аксинья злобно рванула ворот кофты. На вывалившихся розоватых, девически крепких грудях вишнево-синие частые подтеки.

— *Не знаешь чего?.. Бьет каждый день!.. Кровь высасывает!.. И ты тоже хорош... **Напаскудил, как кобель, и в сторону...** Все вы... — Дрожащими пальцами застегивала кнопки и испуганно — не обиделся ли — глядела на отвернувшегося Григория.*

— *Виноватого ищешь?* — перекусывая травяную былку, протянул он.

Спокойный голос его обжег Аксинью.

— *Аль ты не виноват?* — крикнула запальчиво.

— **Сучка не захочет — кобель не вскочит.**

Аксинья закрыла лицо ладонями. Крепким, рассчитанным ударом упала обида (М. А. Шолохов).

В английском языке лексема *dog* достаточно часто употребляется в различных сочетаниях, передавая разные оценочные смыслы, особенно четко это прослеживается во фразеологических единицах, таких как *dog's life*, *dirty dog*, *dumb dog*, *a clever dog*, *a dull dog*, *lame dog*. Например:

— *The UN had survived “dog days” and now enjoyed renewed credibility and popularity.* (BNC)

— *Dog you are, you are horrible.* (BNC)

— *And you've got to be a big dog to pull in a boat.* (BNC)

— *“The fellow's a Scotchman. What did you go hitting him on the nose for?” He gave me a thick ear first...” You must have called him something.” “Only a dirty dog.”* (J. Galsworthy)

— *Legally of course you can. But not morally. I mean it would be frightfully bad form. Your friends will think you a dirty dog.* (W. S. Maugham)

— *If his Majesty wants a cabinet of dumb dogs he will not get it from my party.* (B. Show)

— *“He is a clever dog, isn't he?” “Very clever,” admitted the other.* (U. Sinclair)

— *“Does he strike you as rather a dull dog?” asked Sir Henry.* (A. Christie)

— *There is enough junk in this place as it is without cluttering it up with the manuscripts of all the lame dogs you take a fancy to.* (M. Dickens)

В то же время и в русском, и в английском языке часто в сниженном стилистическом регистре встречается словосочетание, имеющее одинаковые семантические и дискурсивно-прагматические характеристики и использующееся просто для отрицательной характеристики человека с акцентом на то, что его мать была сукой не в смысле её сексуального поведения, а просто как животное достаточно грязное, раболепно заискивающее перед человеком, способное есть объедки, — иными словами, как средоточие низменных человеческих характеристик.

В этом смысле человек предстает как сын собаки — шенок/рирру. Это словосочетания *сукин сын/son of a bitch*. Например:

— *Наговоры, — глухо, как из воды, буркнул Григорий и прямо в синеватую переносицу поглядел отцу.*

— *Ты помалкивай.*

— *Мало что люди гутарют...*

— *Цыц, сукин сын!* (М. А. Шолохов)

Пантелей Прокофьевич едва ли хочет сказать, что его собственный сын зачат им же от собаки, а просто хочет проявить свой отцовский авторитет и заставить сына замолчать и не пререкаться.

Интересным представляется тот факт, что в русском языке отмечается определённая вариативность данной в принципе устойчивой единицы при отсутствии такой вариативности в английском языке. Данная вариативность проявляется в том, что лексема *сын* может заменяться как зоонимом *кот*, так и другими лексемами, преимущественно выражающими отрицательное оценочное отношение, в частности:

Чарнога: *Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в червах... и — на тебе — пулеметы! Буденный — на тебе — с небес!* (М. А. Булгаков).

— *Пантелей Прокофич, сын у тебя!..*

— *Голова у него золотая! Мозговит, сукин кот.* (М. А. Шолохов).

Вариативность данной фразеологической единицы является очевидной и в комбинации с другой “звериной номинацией”, в частности:

— *Ты чего кулачья сучишь, волчий блуд? Ты чего, спрашиваю, кулачья сучишь?! — загремел, наезжая на него конем, вахмистр, начальник конвоя* (М. А. Шолохов).

В английском языке словосочетание *сукин сын/son of a bitch* достаточно широко используется в оценочных контекстах. Например:

— *Maybe he really was a cunning son of a bitch, just like Vasco said he was* (BNC).

— *“You, you son of a bitch,” she hissed, her breasts rising and falling rapidly beneath the gown,” you — ; you bastard.”* (BNC)

Что касается употребления лексемы *волк/wolf*, то и в русском, и в английском языках он ассоциируется с отрицательными чертами: хищность, жадность, алчность, властность и некоторыми другими. В русском языке:

— *И от этой будет дите! — крикнул, багровея, Коршунов. — Разве можно так над живым человеком? А?.. Раз смерти себя предавала и теперь калека... и ее топтать в могилу? А? Сердце-то, сердце-то... — на придушенный шепот перешел Мирон Григорьевич, одной рукой царапая себе грудь, другой притягивая свата за полу, — аль у него волчиное?*

— *При входе в местечко он едва не наткнулся на патруль и теперь шел с волчьей торопкостью, прижимаясь к заборам, не вынимая правой руки из кармана невероятно измазанной шинели: день лежал, зарывшись в стодоле в мякину.*

— *Улыбаясь, топтал Митька землю легкими волчьими ногами, было много в нем от звериной этой породы: в походке увалистой — шаг в шаг, в манере глядеть исподлобья зелеными зрачками глазами; даже в повороте головы — никогда не вертел Митька контуженой шеей — поворачивался всем корпусом, коли надо было оглянуться.*

— *Днем генералы поодиночке покинули место заключения. А в волчью, глухую полночь, когда маленький провинциальный городишко, затушив огни, спал беспросытно крепко, со двора быховской гимназии, по три в ряд, стали выезжать всадники.*

Для английского языка предпочтительным является употребление лексемы *wolf* в составе фразеологизмов *the big bad wolf, eat like a wolf*.

— *You are the big bad wolf so far as this house is concerned.* (E. S. Gardner)

— *Of course she is feeling quite well. She is eating like wolf.* (W. S. Maugham)

В целом лексема *волк/wolf* также часто выступает средством дискурсивной характеристики человека.

На основе фактического материала можно отметить лишь наиболее характерные когнитивно-дискурсивные сферы использования данных лексем:

— ловкий как собака
 e.g. *Круглая голова казака припала к конской шее. Он, как на скачках, повёл коня бешеным на-мётom, у высокого забора поднял его на дыбы и ловко перемахнул на ту сторону.*

— А ловкач энтот...

— *Ишь махнул через забор, как борзой кобель!* (М. А. Шолохов).

— грязный как собака

e.g. — *Наш-то полк идёт более или менее организованно, и все встречные-поперечные норовят к нам прислониться. Обозов нацеплялось **столько, сколько у шелудивой собаки ретев** в шерсти. И пуш-кари, и беженцы, и окруженцы. Табор цыганский* (В. Д. Успенский).

— неприхотливый как собака

e.g. *Для третьего взвода за пищей ходил Мишка Кошевой. На длинной палке он принес низку ды-мящихся котелков и, едва лишь вошел в землянку, крикнул:*

— *Так нельзя, братушки! Что ж это, **аль мы собаки?***

— *Ты об чем? — спросил Чубатый.*

— *Дохлаиной нас кормят! — возмущенно крикнул Кошевой..*

Григорий зажжёт лампу, — увидел на побуревшем лице его кровь и огнестрельную царапину выше лба.

— *Кто это тебя?.. Перевязать? Я зараз... погоди, вот бинт найду, — вскочил с кровати, разы-скал марлю и бинт.*

— *Загоится, как на собаке, — урчал Христоня. — Это меня, стал быть, воинский начальник скобленул с нагана* (М. А. Шолохов).

Не менее интересными являются примеры, в которых используется лексема *кот/cat* для ак-сиологических целей, как в следующих примерах в русском и английском языках.

— *“Григорьев Антошка был круглый румяный малец из 8-го “Г”, выглядевший, как кот после бли-нов”* (А. Солженицын).

— *Как кот, я выкрадывался из квартиры, держа под мышкой тяжелую рукопись.* (М. А. Булга-ков).

— *Живёт как **кот**, хорошо хоть мебель не царапает* (А. Берсенева).

— *Он прокрался к фонтану с застенчивым и целеустремленным видом, как кот к детской песоч-нице* (Д. Емец).

В английском языке “cat” чаще встречается во фразеологических единицах типа *a cat has nine lives, a cat in (the) pan, etc.*

— *Tybalt: What wouldst thou have with me?*

Mercutio: Good king of cats, nothing but one of your nine lives; that I mean to make bold withal, and, as you shall use me hereafter, dry-beat the rest of the eight... (W. Shakespeare)

— *If a cat has nine lives, sir, a lie has ninety-nine* (R. Blackmore).

— *O, this precious Basil will turn cat in the pan with any man...* (W. Scott)

— *When it became clear that Mr. Winch was going to lose his chairmanship, his secretary turned a cat in pan and went off to a rival company* (DEI).

В данных примерах зооним *кот/cat* употребляется для описания героев на основе характе-ристик, присущих данному животному: вальяжность, лень, осторожность, безделье, живучесть и так далее.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что зоонимы — это особый оценочно-экспрессивный пласт лексики во всех языках, который способствует формированию и обозначению ценностной картины мира, в основе которой лежат как этноспецифические, так и универсальные особенности, детерминированные особенностями исторического опыта каж-дого этноса и ассоциативного мышления, лежащего в основе формирования образов. При фор-мировании образов приоритет принадлежит сопоставлению, так как в рамках его происходит вычленение корреляций общего/универсального между референтом и языковым обозначением (лексемой).

1. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира : на материале рус. грамматики — М. : Школа “Языки рус. культуры”, 1997. — 576 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

2. Донец П. Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2004. — 39 с.

3. *Красных В. В.* “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? — М. : Гнозис, 2003. — 375 с.
4. *Кубрякова Е. С.* Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура. Материалы III Междунар. науч. конф., 16–18 мая 2001 / Тамб. гос.ун-т им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2001. — Ч. 1. — С. 8–11.
5. *Кубрякова Е. С.* Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы. Материалы I международ. науч. конф., 22–24 апр. 2004 / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. — М. — Тамбов, 2004. — С. 9–16.
6. *Потураева Д. Б.* “Свое” — “чужое” в аспекте языковой картины мира // Филология и культура. Материалы IV Междунар. науч. конф., 16–18 апр. 2003 г. / Тамбовский. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2003. — С. 68–69.
7. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Академ. Проект, 2001. — 990 с.
8. *Чекулай И. В.* Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук, 10.02.04. — Белгород, 2006. — 473 с.
9. *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By.* — Chicago ; L. : The University of Chicago Press, 2003. — 276 p.
10. *Rosch E.* Natural Categories // *Cognitive Psychology.* — 1973. — Vol. 4. — № 3. — P. 326–350.

O. N. Prokhorova, I. V. Chekulai

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC ROLE OF THE BIONYMS IN THE DISCOURSE ORGANIZATION OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The article deals with the comparative cognitive semantic and pragmatic discourse analysis of the use of the animalistic nominations to characterize behaviour, appearance and peculiarities of human beings. The actual material of the analysis is represented with the examples in Russian and English. The author proves that alongside with the common cognitive characteristic features in the motives of animalistic nomination of the people the lingual image of the world possesses its singleness in the languages analyzed. The actual evaluative functioning of the lexemes examined is being influenced greatly by the latter phenomenon.

Key words: zoonyms, zoological/animal metaphor, conceptualization, categorization, discourse and pragmatic characteristics.

O. M. Прохорова, I. В. Чекулай

ФУНКЦІОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧНА РОЛЬ БІОНІМІВ В ОРГАНІЗАЦІЇ ДИСКУРСУ В РОСІЙСЬКІЙ ТА АНГЛІЙСЬКІЙ МОВАХ

Статтю присвячено порівняльному когнітивно-семантичному та дискурсивно-прагматичному аналізу використання тваринних номінацій для характеристики поведінки, зовнішності та особливостей характеру людини. Фактичний матеріал для аналізу подано прикладами з російської та англійської мов. У статті обґрунтовується положення про те, що при наявності загальних когнітивних моментів у мотивації номінації людей через найменування тварин мовна картина світу має власну специфіку в даних мовах, що має відображення в реальному оцінювальному функціонуванні вказаних лексем.

Ключові слова: зооніми, зоометафора, концептуалізація, категоризація, дискурсивно-прагматичні характеристики.

Диалогичность как отражение мыслительного процесса (на материале романа Н. Н. Берберовой “Курсив мой”)

В статье на материале романа Н. Н. Берберовой “Курсив мой” анализируется внутренняя речь автора-повествователя. Её особенностью является диалогичность, отражающая ход мыслительного процесса самой Н. Н. Берберовой. В автобиографическом романе представительницы русской интеллигенции XX в. диалогичность предстаёт как движущееся самосознание или развёртывающееся, становящееся субъективное бытие.

Ключевые слова: диалогичность, диалогизация, внутренняя речь, вопросо-ответный комплекс.

Термин “диалогичность” употребляется как категория текста [4; 3], как свойство текста [7], характеризующая его направленность на адресата (адресованность). Диалогичность — глубинное (фундаментальное) свойство всякой речи, проявляющееся в её ориентированности на адресата (явного — непосредственного — или неявного), обуславливающее её содержание и форму [7: 9].

Диалогичность текста — это вплетённость разных “голосов” в его состав. М. Н. Кожина отмечает, что диалогичность — это лингвистическое проявление в речи (в тексте) коммуникативной функции языка, это текстовое обнаружение социальной сущности языка (и мышления) [4: 76].

Нам ближе концепция А. Стельмашук, и в дальнейшем мы будем исследовать текст, основываясь на её представлении диалогичности как свойстве текста. Диалогичность включает в себя много компонентов: диалог, диалогизация, диалогемы, в которые входит вопросо-ответный комплекс и внутренняя речь, интересующие нас.

Рассматривая диалогичность, мы обращаемся к первооткрывателям этого понятия, идеям М. М. Бахтина о всеобщности диалога как основе человеческого сознания. Уровень развития личности определяется уровнем развития самосознания, составляющие которого — самопознание, самоотношение и саморегуляция, которые всегда внутренне диалогичны.

Само человеческое сознание является результатом длительной эволюционной трансформации диалога внешнего, диалога голосов, субъектов во внутренний диалог. Диалогичность имеет место тогда, когда наличное сознание выходит за свои “заданные” рамки, границы, то есть это состояние “расширения” внутреннего горизонта сознания. Диалогичность предстаёт как движущееся самосознание или развёртывающееся, становящееся субъективное бытие [6: 66]. На протяжении всей жизни человек вступает в диалог: вопрошает, ожидает ответ и отвечает сам, соглашается и отрекается. В жизни человека, познании и общении постоянно рождаются и присутствуют диалогические ситуации. Они задают условия, предмет, цели, средства и формы совместной деятельности, насыщают ее различными смысловыми оттенками.

Термин “внутренняя речь” в литературе оказался неоднозначным, его характеризуют в качестве психологического феномена и в качестве текстового (композиционно-художественного). Внутренняя речь как психологическая категория характеризуется тем, что она не наблюдаема, как внешняя речь, а лишь интуитивно осознаваема. В психологии знаниями о внутренней речи мы обязаны, главным образом, работам Л. С. Выготского. Согласно его исследованиям, внутренняя речь образуется из внешней речи путём изменения её функции и вследствие этого — её структуры. Из средства сообщения мыслей другим людям речь становится средством мышления “для себя”. Из неё устраняется всё, что “я и так знаю”, речь становится сокращённой и прерывистой, “эллиптической” и — предикативной. Большей частью внутренняя речь происходит про себя, “внутри”, но может совершаться и вслух, например, при затруднениях в мышлении; когда мы остаёмся наедине или забываем об окружающих. Этот естественный выход внутренней речи наружу Л. С. Выготский сделал предметом исследования, который в своё время имел

принципиальное значение. Он показал внешнее происхождение внутренней речи и её связи с мышлением.

Опираясь на труды учёных, можно выделить такие черты внутренней речи, как её *разнородность* и *этапность* (следствием этого являются разные виды её *развёрнутости* и *сжатости*); *предикативность* и *идиоматичность*; *диалогизация* (так как мыслительный процесс подразумевает оценку различных смысловых позиций). Г. М. Кучинский в разъяснении сути внутреннего диалога исходит из того, что различные, отличные от исходной, смысловые позиции не просто известны субъекту мысли, а воспроизводятся им как самостоятельные смыслопорождающие центры.

В. Л. Кошкарров, опираясь на труды М. М. Бахтина, рассматривает внутреннюю речь как своеобразный диалог, для которого характерен прежде всего вопросо-ответный ход. Вопрос в этом случае обнажает искомую возможность, а не служит прямолинейным средством “добывания информации” [5]. Внутренняя речь характеризуется специфическим отбором синтаксических средств — это прерванные конструкции, неполные предложения, вопросительные конструкции.

Г. М. Кучинский рассматривает внутренний монолог (разновидность внутренней речи) и выделяет здесь *внутреннее реплицирование* (общение человека с самим собой осуществляется отдельными, не взаимосвязанными, относительно простыми высказываниями); *общение с собой*, выливающееся в сложное развёрнутое высказывание, образованное несколькими предложениями; *внутренний диалог*, который определяет способность человека воспроизводить чужую речь в собственной и уметь реагировать на свою речь как на чужую.

Таким образом, мы можем выделить три вида внутренней речи: *реплицированную, монологическую, диалогическую*.

Наше исследование мы осуществляем на материале одного из произведений мемуарной литературы, автобиографии Н. Н. Берберовой “Курсив мой”. Для жанра автобиографических мемуаров характерна исповедальность, обращение к прошлому, что заставляет автора сначала пережить все эти события в себе (внутренне), вспомнить, сопоставить факты и лишь после этого представить на суд читателя.

В основе автобиографии Нины Берберовой не хроникальная информация о собственной жизни в исторической действительности, как предполагает жанровое задание, но, как показывают сами названия глав, составляющих книгу, субъективная история, история развития и становления личности. Так, при неизбежной соотнесённости психологической науки и психологизма в литературе на жанре автобиографии XX века сказалось развитие практики психологизма.

Уже в названии книги, написанной по-русски, заложена её установка на исключительный для русскоязычной традиции субъективизм. Курсивом говорится нечто необыкновенно важное; в совокупности с другим значением этого выражения — заключённым в скобки примечанием исследователя, который выделяет в чужом тексте нечто важное лично ему для его доказательств, — название автобиографии Берберовой становится метафорой индивидуального акцента, с которым воплощает личность общий текст бытия.

Н. Н. Берберова была незаурядной личностью; кроме литературоведческих работ, прозы, она писала стихи. В 1921 году, переполненная своими стихами, она решила пойти в Дом Литераторов, очень “смушалась, медлила”, т.к. даже начинающий поэт, Берберова, она могла трезво отнестись к своим писаниям и внутренне говорила с собой:

“С чем я пойду к “поэтам”? С моими детскими стихами? Или с “Выше, выше, вдале, на север?” Или с написанным недавно “О, если будешь завтра с ней?” Оно мне казалось вымученным: “Я не скажу тебе ни слова, / Лишь посмотрю...” Это я кого-то ревновала, кажется ещё там на юге. “Ты не узнаешь никогда”. Как это плохо! Только вот разве что конец: “И буду жадно я искать / Следы неведомых объятий / Твоих, на этом чёрном платье, / Что помогал ты надевать”. Хотя почему он помогал ей надевать платье? В крайнем случае он мог помочь ей застегнуть его, на кнопки или крючки” [2: 143]. Читатель получает представление о её первых литературных опытах, так как она цитирует строчки из своих стихов, комментирует, убеждается в их несовершенстве. Это пример саморефлексии: “оно мне казалось вымученным”, “как это плохо!”. “И буду жадно я искать/ Следы неведомых объятий/ Твоих, на этом чёрном платье,/ что помогал ты надевать”. По поводу этих строк она отзывается ещё более безжалостно: “Хотя почему он помогал ей надевать платье? В крайнем случае он мог помочь ей застегнуть его, на кнопки или крючки” [2: 143].

В этом тексте представлен весь набор синтаксических средств, характерных для внутренней речи: вопросительные предложения, восклицательные предложения, прерванные предложения. Это монологическая внутренняя речь.

Ещё один эпизод из главы “Гнездо и муравьиная куча”: “Поезд вошёл в Финляндский вокзал. Это была Россия, моя родина, возврат домой, война... А на Литейном мосту горят фонари. Почему они горят? Почему извозчик сидит боком? Почему плачет женщина? Почему ребёнок просит: дянька, дай копеечку? Почему? Почему у городского такой толстый живот, а у попа ещё толще? Почему бледный мальчик, сын нашего швейцара, говорит моему отцу скороговоркой: “Обещали; Николай Иванович, но не дали. Не вышло”. (Это о стипендии в реальное.) Почему всюду кругом: не дали, не вышло, нетути. Почему? Почему холодно в августе? Темно в сентябре?” [2: 88]. Начавшаяся Мировая война коренным образом изменила привычный порядок вещей. Увиденное не укладывается в сознании, отсюда множество вопросов, на которые нет ответа. Сама ситуация породила вопросную форму внутренней речи, в которую вплетаются уличные просторечные слова. Н. Берберова их не меняет, а вводит как цитату: “Почему ребёнок просит: дянька, дай копеечку”. В данном случае перед нами внутренний диалог с включением чужой речи.

В главе “Товий и Ангел” Н. Берберова раздумывает, в чём тайна стихов Пастернака: “Хотел ли Пастернак сам, чтобы люди добивались до сути его стихов? Теперь я думаю, что эти усилия понять до конца строфу за строфой были совсем и не обязательны — в его поэзии строфа, строка, образ или слово действуют внесознательно, это в полном смысле не познавательная, но чисто эмоциональная поэзия — через слух (или глаз) что-то трепещет в нас в ответ на неё, и копаться в ней совершенно не нужно. <...> “Темноты” в его стихах — именно потому, что они в стихах — теперь меня уже давно не беспокоят, но что сказать о его статьях, письмах, ответах на анкеты, его интервью? Теперь кажется, что эти “темноты” были созданы им нарочно, чтобы настоящую мысль спрятать подальше, прикрыть, закамouflировать. <...> А что если это не камуфляж? А что если такими виньетками годами шла мысль Пастернака, пока он не нашёл для себя новый способ думать, которым и воспользовался в “Докторе Живаго”? Этот метод “Живаго” выдуман не им: он был в расцвете в русской литературе до эпохи символизма” [2: 240]. Берберова воспроизводит распространённое суждение о Пастернаке как о поэте непонятном, вычурном, но, будучи чутким читателем, ценителем стихов, человеком утончённого вкуса, она приходит к разгадке тайны его стихов. В этой внутренней речи меньше вопросов, нет восклицаний, предложения полные, распространённые, содержат откровения относительно особенностей манеры Пастернака. Это внутренний монолог, вылившийся в сложное высказывание литературоведческого дискурса.

Проведённое нами на материале автобиографического романа Н. Н. Берберовой исследование показывает, что внутренняя речь — характерная особенность стиля мемуарной литературы.

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1972.
2. Берберова Н. Н. Курсив мой. — М., 1996.
3. Воробьёва О. П. Текстовые категории и фактор адресата. — Киев, 1993.
4. Кожина М. Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. / Под ред. М. Н. Кожинной: В 3-х т. — Т.2: Стилистика научного текста (общие параметры). — Пермь, 1998.
5. Кошкарёв В. Л. Внутренняя речь как компонент художественного произведения и её синтаксические особенности в прозе Ф. М. Достоевского: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Л., 1987.
6. Кудашов В. И. Диалогичность сознания как фактор развития современного образования: Сущность и специфика взаимосвязи: Дисс.....доктора филол. наук. — Красноярск, 1998.
7. Стельмашук А. Диалогизация и способы её реализации в различных речевых сферах современного русского языка (художественная и научная проза): Дисс.....доктора филол. наук. — СПб., 1993.

А. І. Тиханович

ДИАЛОГІЧНІСТЬ ЯК ВІДОБРАЖЕННЯ МИСЛЕННЕВОГО ПРОЦЕСУ (НА МАТЕРІАЛІ РОМАНУ Н. БЕРБЕРОВОЇ “КУРСИВ МІЙ”)

У статті на матеріалі роману Н. Берберової “Курсив мій” аналізується внутрішнє мовлення авторки. Його особливістю є діалогічність, яка відображає хід мисленнєвого процесу самої Н. Берберової. В автобіографічному романі представниці російської інтелігенції ХХ ст. діалогічність виступає як рухома самосвідомість або розгорнуте суб’єктивне буття.

Ключові слова: діалогічність, діалогізація, внутрішнє мовлення, комплекс “питання — відповідь”.

A. I. Tikhonovich

THE PROCESS OF DIALOGUE AS THE MIRROR OF MENTAL ACTIVITY (ON MATERIAL OF THE NOVEL ‘ITALICS IS MINE’ BY N. N. BERBEROVA)

The article is devoted to the analysis of the author’s inner discourse. Its peculiarity is the process of dialogue, which reflects the line of mental activity of N. N. Berberova herself. It is the autobiography of the Russian intelligentsia’ representative and the process of dialogue appears as the moving self-consciousness or developing and growing subjective existence.

Key words: the process of dialogue, inner discourse, question and answer complex.

УДК 811.161.1’367.332.3:001.4

С. Л. Нистратова

Особенности функционирования глагольных неопределённо-личных конструкций в современном научном дискурсе

Статья посвящена особенностям функционирования конструкций с невыраженным агенсом, в частности, неопределённо-личных, в научном дискурсе. Рассматриваются условия и сфера их употребления по сравнению с художественным текстом и разговорной речью.

Ключевые слова: русский язык, научный дискурс, неопределённо-личные конструкции.

В русском языке достаточно широко распространены конструкции с невыраженным агенсом. Особенности их функционирования и взаимоотношения в разных стилях речи уже рассматривались в русистике [7; 12; 13]. Многие исследователи отмечают функциональное сходство конструкций, входящих в этот список, возможность их взаимозамены в контексте [1; 4]. Этот подход превалирует и в учебниках русского языка для иностранцев [см., напр.: 9: 43; 2]. Не оспаривая правомерности подобного подхода, следует заметить, что в целях преподавания русского языка как иностранного необходимо описать не только сходство, но и различия в употреблении функционально сходных конструкций, определить специфику их употребления в различных стилях литературного языка. Как показывает опыт преподавания, в речи иностранцев, изучающих русский язык, достаточно часто встречается неоправданное смешение в употреблении конструкций с невыраженным агенсом, употребление, не отвечающее нормам определенного стиля и типа текста. Это диктует, на наш взгляд, необходимость исследования условий употребления каждой из данных конструкций в различных функциональных стилях, определения позиций, в которых она может встречаться, выявления факторов, определяющих возможность/невозможность ее употребления.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть особенности функционирования только одной конструкции с неназванным субъектом — неопределённо-личного предложения — в одном типе текста (научном).

В данном исследовании мы придерживаемся традиционного определения неопределённо-личных предложений и в соответствии с ним рассматриваем лишь глагольные конструкции. К данным конструкциям относятся “односоставные предложения, в которых главный член выражен глаголом в третьем лице множественного числа настоящего или будущего времени либо формой множественного числа прошедшего времени изъявительного наклонения и обозначает действие, совершаемое неопределёнными лицами” [3, 2: 5]. Например: *Нам пишут; Тебе позвонят; Мне сообщили.*

Неопределённо-личная конструкция употребляется в тех случаях, когда в предложении говорится о личном действии, которое понимается как обобщенное, безотносительно к конкретному обозначению действующего лица или лиц. “Специфика субъекта здесь состоит в том, что это или “вообще всякий, любой”, или “кто-то (некто)”, или “некоторые”. Поэтому такие конструкции называются неопределённо-личными. Характер субъекта выясняется из контекста” [10,2: 356].

Как справедливо замечают авторы “Коммуникативной грамматики русского языка”, употребление данных конструкций связано с определёнными коммуникативными условиями, учитывающими позицию адресанта речи — говорящего/пишущего. Они рассматривают неопределённо-личные предложения как субъектные модификации исходной модели с личным субъектом в именительном падеже, в которых значения 1, 2, 3-го лица соответствуют ролям участников коммуникативного акта. “Неопределённо-личная субъектная модификация выражает действие третьего лица, неучастника коммуникации, не названного за ненадобностью или по неведению” [6: 115].

В разговорной речи выделяется группа неопределённо-личных предложений, в которых производителем действия является сам говорящий, т. е. где подразумеваемый субъект соответствует субъекту, выраженному глагольно-местоименными формами 1-го лица единственного числа. Например: *Просят тебя. Тебе говорят. Кому говорят? — Я тебе говорю. Я тебя прошу. Кому я говорю?*

Эти предложения могут выражать настойчивую просьбу, указание, носящее довольно категорический характер, или даже приказ. Кроме того, они нередко употребляются в качестве своеобразного “усилителя” ответной конструкции, которая при этом является повторением уже данного ранее ответа на заданный вопрос. Например:

— Хочешь?	— Ты это сделаешь?
— Не хочу.	— Конечно, сделаю.
— А может, все-таки хочешь?	— Точно сделаешь?
— Не хочу, тебе говорят .	— Говорят тебе, сделаю.
Ср.: (Я) Говорю же, не хочу.	(Я) Говорю же, сделаю.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей употребления неопределённо-личных предложений в научном дискурсе, попытаемся выделить условия, которые определяют употребление данных конструкций в других стилистических разновидностях языка, а затем сравним их с аналогичными факторами в научном стиле. Выделение этих условий основывается на учете плана говорящего/пишущего, а именно его позиции и отношения к самому действию, к его производителю, а также субъективных намерений адресанта речи.

Анализируя функционирование неопределённо-личных конструкций в художественном тексте и в разговорной речи, в которых данные предложения представлены достаточно широко, можно выделить следующие условия, влияющие на их употребление:

I. Объективный характер описываемого предложением действия и производителя данного действия.

Действие — результат последовательных (или одновременных) усилий целой группы лиц, из которых никто не может быть назван единственным автором данного действия: *Полтора года меня **учили** сохранять самообладание и при любых обстоятельствах оставаться невозмутимо спокойным* (В. Балгер); ***Учили-учили** тебя, а ты так ничего и не знаешь.*

Действие характерно для всех или для большинства членов данного коллектива: *Я поступил в Николаевскую академию. Там мне тоже **устраивали** бойкот* (Б. Зайцев); *На работе его **ценят**.*

Типичность данного действия для данной ситуации: *Когда **идут** на смерть, **поют**. А перед этим можно плакать* (С. Гудзенко); *Когда **входят** в комнату, шляпу **снимают**.*

II. Знания говорящего/пишущего о производителе действия. Производитель действия неизвестен адресанту речи: *Мне снилось, что я куда-то вызван, и надо идти туда, где со мной будут разговаривать и требовать, чтобы я все рассказал* (В. Каверин); *Вас просят к телефону*.

III. Субъективные намерения говорящего/пишущего при отказе от называния известного ему производителя действия.

Говорящий/пишущий не называет производителя действия, предполагая, что данная информация незначима для адресата речи: *...Сашке и еще двоим сказали, что им нельзя ехать, слабы, и вообще, их надо госпитализировать* (А. Приставкин); *Знаешь, завтра экзамена не будет. Мне звонили из университета и сказали, что его перенесли*.

Говорящий/пишущий стремится представить единичное конкретное действие как типичное, придать ему обобщенный характер: *Христофоров сказал Ретизанову, что противник осведомился о его здоровье. — Ха! — засмеялся Ретизанов. — Сначала убьют, а потом справляются, хорошо ли убили* (Б. Зайцев); *— Ошибка вышла, ты был прав. — Ну да, у нас всегда так: ругают-ругают, а потом выясняется, что зря*.

Говорящий/пишущий стремится подчеркнуть, что важен не производитель действия, а само действие: *Любила ли она Старкова или нет — не поймешь, но то, что ее бросили, она переживала тяжело. А почему он ее бросил, тоже ясно...* (Ю. Домбровский); *— Он страшно переживает, что над ним смеются. — А кто смеется-то? — Да какая разница, кто? Смеются же*.

Говорящий/пишущий не желает называть производителя действия, сознательно скрывая его: *Екатерина с улыбкой сказала присутствующим: — Это мой собственный автор, которого притесняли. ... Все были восхищены, но и притеснители не могли пожаловаться: они не услышали ни одного упрека* (В. Ходасевич); *— Говорят, ты женишься. — Кто говорит? — Не важно. Так женишься или нет?*

Сравнивая функционирование неопределённо-личных предложений в художественной, разговорной и научной речи, можно заметить, что, хотя данные конструкции являются достаточно распространёнными в научном дискурсе (в силу таких его черт, как отвлечённость и обобщённость), сфера их проявления, по сравнению с художественной и разговорной речью, значительно сужена, то есть условия, определяющие употребление неопределённо-личных предложений, отличаются здесь меньшей разнообразностью.

Так, например, для научного дискурса не характерна ситуация, когда производитель действия неизвестен говорящему/пишущему (условие II в художественной и разговорной речи), поскольку противоречит нормам научного изложения — точности, объективности, достоверности. Научный дискурс предполагает сообщение проверенных фактов, информации, имеющей конкретный источник.

То же относится и к ситуациям, в которых адресант речи намеренно не называет известного ему производителя действия (соответственно в художественной и разговорной речи — III). В этих случаях на месте неопределённо-личных, как правило, употребляются другие конструкции, например, пассивные:

В 1976 году в Париже был снят фильм по рассказу А. Солженицына “Один день Ивана Денисовича” вместо: *В 1976 году в Париже сняли фильм по рассказу А. Солженицына “Один день Ивана Денисовича”*.

В то же время в научном дискурсе достаточно часто употребляются неопределённо-личные конструкции при передаче действия, характерного для данных обстоятельств, носящего в этой ситуации всеобщий характер (условие I — 3 в художественной и разговорной речи): *Бром получают подобно хлору; Этот опыт обычно проводят при высокой температуре; Как правило, когда говорят о грамматических трудностях русского языка, в качестве примера приводят категорию вида*.

В этом употреблении неопределённо-личные конструкции по своему значению приближаются к обобщённо-личным предложениям.

4) В научной речи возможно функционирование неопределённо-личных конструкций в качестве формул авторской скромности, обычно при изложении результатов исследования.

При этом опущенный агенс может обозначать:

- а) самого автора;
- б) конкретный коллектив учёных, к которому принадлежит и сам автор;
- в) всех ученых, занятых в данной области науки.

Например: *Исследование проводили гравиметрическим способом; Средний размер частиц определяли...; В этом году в слое XII века нашли берестяную грамоту №460 с записью азбуки.*

Конкретное значение неназванного субъекта определяется из контекста.

Глаголы в данных конструкциях стоят обычно в прошедшем времени, поскольку речь, как правило, идёт об уже полученных результатах.

Неопределённо-личные конструкции могут употребляться в научной речи и при передаче коллективного действия: *В лаборатории изучают процесс образования полимеров; О термической устойчивости судили по изменению удельной поверхности катализатора. Авторами найдено, что...*

Интересно, что в устной разновидности научного дискурса неопределённо-личные конструкции в этих позициях часто замещаются двусоставными предложениями с местоимениями первого лица множественного числа (*мы*) на месте подлежащего. При этом *мы* имеет те же значения, что и отсутствующий агенс в неопределённо-личном предложении, а именно:

- а) *мы* = я
- б) *мы* = я + коллектив ученых
- в) *мы* = я + все ученые

Таким образом, местоимение *мы* здесь употребляется в качестве обобщенно-авторизирующего средства [8]. Ср. “авторизирующие слова” по терминологии Г. А. Золотовой [4: 347], которые не соотносятся с определенным субъектом, а имеют обобщенно-личное значение, включающее автора (*говорят, называется*).

Представляется, что в аналогичной функции, т.е. для придания высказыванию большей официальности, употребляются неопределённо-личные конструкции в официально-деловом дискурсе. Например: (*Секретарь посетителю*) — *Ждите, вас вызовут*. Очевидно, что секретарю известен производитель действия, но он сознательно не назван. Или: — *Проходите. Вас ждут*. Акцент в данных конструкциях делается на самом действии, а не на его производителе.

Следует заметить, что в научном тексте неопределённо-личные конструкции в рассмотренных выше позициях не обладают высокой частотностью, поскольку они активно вытесняются другими конструкциями с невыраженным агенсом.

Однако можно выделить позицию, в которой употребление неопределённо-личной конструкции в научном дискурсе является предпочтительным и закреплено традицией. Речь идет об описании эксперимента. Например: *Опыты проводили в стеклянном реакторе; Образец насыпали тонким слоем; Газ пропускали через колонку.*

Исследование тенденций развития синтаксической системы в связи со стилистическими сдвигами в современном русском языке и, в частности, конструкций с невыраженным агенсом, представляет большой интерес для обучения иностранных учащихся стилистически дифференцированной речи. В данной статье была сделана лишь попытка подхода к решению этой проблемы на материале научного дискурса.

1. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. — М., 1968.
2. Вагнер В. Н. Синтаксис русского языка как иностранного и его преподавание. — М., 2005.
3. Грамматика русского языка: В 2-х т. Синтаксис. — М., 1960. — Т.2. — Ч.2.
4. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982.
5. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., 1988.
6. Золотова Г. А., Онищенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 2004.
7. Кокорина С. И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. — М., 1979.
8. Нистратова С. Л. Научная литература // Язык, стиль, жанры. — М., 1985. — С. 81–100.
9. Пособие по синтаксису русского языка / Под ред. В. Н. Матвеевой, Н. И. Кочетковой. — М., 1977.
10. Русская грамматика: В 2-х т. Синтаксис. — М., 1980. — Т.2.
11. Сима Гуджаратхи. Неопределённо-личные предложения в русском языке и способы их передачи в языке Маратхи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1990.
12. Современная русская устная научная речь / Под ред. О. А. Лаптевой. — М., 1999. — Т.4.
13. Хазова О. Н. Русские неопределённо-личные предложения и их место в синтаксической системе современного русского языка. — М., 1985.

S. L. Nistratova

**PECULIARITIES OF THE USAGE OF THE INDEFINITE PERSONAL CONSTRUCTION
IN SCIENTIFIC DISCOURSE**

The article is dedicated to the functional usage of the constructions containing an unexpressed agent in scientific discourse, i.e. the indefinite personal construction. The article offers the analysis of the conditions and the area of their usage in literary texts and colloquial discourse.

Key words: the Russian language, scientific discourse, indefinite personal constructions.

С. Л. Ністратова

**ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ ДІЄСЛІВНИХ НЕОЗНАЧЕНО-ОСОБОВИХ
КОНСТРУКЦІЙ В СУЧАСНОМУ НАУКОВОМУ ДИСКУРСІ**

У статті йдеться про особливості функціонування конструкцій з невираженим агенсом, зокрема неозначено-особових, в науковому дискурсі. Розглянуто умови та сферу їх уживання у порівнянні з художнім текстом і розмовним мовленням.

Ключові слова: російська мова, науковий дискурс, неозначено-особові конструкції.

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ І МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

УДК 811.161.1:37.026:376.68

*В. В. Доброжанская, С. М. Киршо***Развитие креативности: лингводидактический аспект**

Статья посвящена проблемам развития креативности при обучении русскому языку как иностранному. Под креативностью понимается способность к творчеству, которая зависит от комплекса психологических характеристик личности и может успешно развиваться в процессе специально организованного обучения. Представлена авторская концепция развития творческих способностей на основе использования инновационных образовательных технологий в процессе обучения русскому языку как одному из языков овладения специальностью.

Ключевые слова: креативность, развитие креативности, творческие способности, инновационные образовательные технологии обучения языку, коммуникативная компетенция, коммуникативные упражнения, интерактивная презентация.

Исследования в области развития креативности при обучении различным видам речевой деятельности являются актуальным направлением лингводидактики, в основе которого лежат результаты современных достижений в психолингвистике, социолингвистике, коммуникативной лингвистике, а также психологии творчества [1; 4; 7; 9].

Само понятие креативности трактуется исследователями неоднозначно, что нашло отражение в следующих основных подходах.

Первый подход базируется на утверждении о том, что интеллектуальная одарённость выступает в качестве необходимого, но недостаточного условия творческой активности личности. Как считают А. Танненбаум, А. Маслоу и ряд других ученых, основную роль в детерминации творческого поведения играют мотивация, личностные ценности [4]. К числу основных черт творческой личности эти исследователи относят когнитивную одарённость, умение мыслить независимо в неопределённых и сложных ситуациях.

Другой подход восходит к исследованиям пионера в области креативности Дж. Гилфорда, который определил креативность как универсальную творческую способность и указал на принципиальное расхождение между конвергентным и дивергентным мышлением. О конвергентном мышлении мы говорим, когда человек, решающий задачу, должен на основе множества условий найти единственно верное решение. Иногда речь может идти и о нескольких возможных вариантах, но количество верных решений всегда ограничено. Дивергентное мышление предполагает, что человек изначально допускает вариативность путей решения, что приводит часто к неожиданным результатам и выводам. Именно операцию дивергентности ученый считает основой креативности как творческой возможности [1]. Поэтому тесты, которые разработали Дж. Гилфорд и его коллеги, тестировали преимущественно дивергентную продуктивность. Это, например, тесты легкости словоупотребления, упорядочения изображения и т.п.

Основные параметры креативности по Дж. Гилфорду: способность к выявлению и постановке проблемы; гибкость мышления как способность генерировать разнообразные идеи; способность к анализу и синтезу; оригинальность как способность отвечать на стимулы нестандартно; способность усовершенствовать объект; способность генерировать большое количество идей.

Отдельно стоит концепция Д. Б. Богоявленской, которая вводит и анализирует понятия креативной активности личности и креативного поля. Автор полагает, что именно креативная активность обусловлена определённой психической структурой, свойственной личности, и присуща всем новаторам, независимо от видов деятельности [7].

Наиболее развёрнутой представляется “теория интеллектуального порога” Е. П. Торренса: при IQ ниже 115–120 интеллект и креативность образуют единый фактор, при IQ выше 120 творческие способности становятся независимой величиной, т.е. нет креативных личностей

с низким интеллектом, но есть интеллектуалы с низкой креативностью [8]. Предположения Е. П. Торренса подтверждают полученные ранее данные о том, что для каждой профессии существует нижний допустимый уровень развития интеллекта. Люди с IQ ниже определённого уровня не могут овладеть определённой профессией, но если IQ выше этого уровня, то не существует прямой связи между интеллектом и уровнем достижений. Главную роль в определении успешности деятельности играют личностные ценности и черты характера [8].

Мы считаем принципиально важным разделить понятия творчества и креативности. Творчество в наиболее кратком толковании — это процесс и результат создания нового и значимого. Креативность определяется нами как способность к творчеству, которая зависит от целого комплекса психологических характеристик и может успешно развиваться в процессе специально организованного обучения. Таким образом, характеризуя человека как креативного, мы лишь констатируем наличие у него творческих способностей, которые могут реализоваться, а могут и не реализоваться. Например, человек проявляет себя как креативный генератор идей, и хотя его идеи новы и оригинальны, они, возможно, еще “не созрели”, чтобы стать значимыми и полезными не только для человечества, страны или отрасли, но даже для какой-либо маленькой фирмы. Если же мы характеризуем человека как творческого, то мы непременно должны иметь достоверную информацию об успешных результатах его деятельности, которая привела к созданию качественно нового, значимого и полезного. В то же время исследования подтверждают наличие прямо пропорциональной зависимости между уровнем креативности и творческой продуктивностью, поэтому развитие креативности является одной из важнейших задач процесса обучения иноязычному общению.

Считается общепризнанным, что основой существования и развития современного постиндустриального мира является информация. Нашу эпоху принято называть информационной. И именно сейчас базовым элементом и условием развития информационного пространства становится креативность. Более того, наблюдается тенденция называть нашу эпоху креативным миром. И это имеет своё логическое объяснение. Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что мышление управленцев всех уровней должно отвечать вызову времени и позволять творчески решать сложные проблемы изменяющегося мира. Спрос на креативные решения в силу ужесточения конкуренции растет. Многие предприниматели видят успех своей компании именно в креативности, которая позволит их продукту сразу выделиться из среды рыночных предложений. Для этого мало создать конкурентоспособный бизнес — нужно эффектно его преподнести: создать обычное необычным способом, прийти к новому решению нетрадиционным путём. Конкурентным преимуществом сегодня является уже не отдельная идея, а сама способность постоянно генерировать и внедрять эти идеи в жизнь. Таким образом, ключ к конкурентоспособности человека, организации, экономики и страны в целом — это непрерывное творческое развитие [6].

Преподаватели специальных дисциплин, осознавая указанные выше требования времени, все чаще организуют на семинарских занятиях работу в малых творческих группах (командах), предлагая студентам самостоятельно подготовить и провести презентацию фирмы, идеи, индивидуального задания и т. п. Становится всё более распространённой практика презентации курсовых и дипломных проектов. Для большинства иностранных учащихся этот актуальный и интересный вид работы является заданием повышенной интеллектуальной и языковой сложности, справиться с которым без основательной предварительной подготовки не представляется возможным. В то же время умение подготовить и провести успешную презентацию рассматривается как неотъемлемая составляющая профессиональной компетенции квалифицированного специалиста в большинстве сфер деятельности.

Современная коммуникативная методика преподавания русского языка как иностранного предполагает активное внедрение в учебный процесс инновационных образовательных технологий, ориентированных на использование компьютерных программ и мультимедийных средств обучения. При этом речь не идет о достаточно распространенных компьютерных программах, целью которых является формирование и тестирование преимущественно лингвистической компетенции. Мы делаем акцент на видах работы и заданиях, направленных на творческое использование изучаемого языка и развитие креативности как способности к творчеству.

Общеизвестна необходимость взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности, которое предполагает их одновременное формирование в рамках определённого последовательно-временного соотношения на основе общего языкового материала и с помощью специальной серии упражнений [5]. Эффективность такого вида обучения повышается при системной работе на всех уровнях речевой деятельности: мотивационно-побудительном, ориентировочно-исследовательском и исполнительном.

Формирование профессиональной компетенции для иностранных учащихся напрямую зависит от языковой составляющей коммуникативной компетенции, которая позволяет адекватно разным ситуациям общения (по цели, по ролевым отношениям, по форме, по содержанию) организовывать свою речевую деятельность в её продуктивных и рецептивных видах соответствующими каждой ситуации языковыми средствами и способами [5]. Научить учащихся общаться, воспринимать и осмысливать информацию, представленную в различной форме, продуцировать внутреннюю и внешнюю речь является сложной задачей, стоящей перед преподавателями русского языка как иностранного.

На продвинутом этапе обучения языку, когда учащийся в определённой степени овладел лексико-грамматической базой языка и языком специальности, возникают трудности с повышением мотивации учёбы. Решение такой задачи возможно при организации учебного процесса в таких основных направлениях: повышение информативной и профессиональной ценности занятий, индивидуализация обучения, развитие самостоятельности и творческой активности учащихся [6].

Изучение профессионально значимых компетенций, внешних и внутренних мотивов обучения, а также опыт преподавания подвели нас к выводу о том, что наиболее оптимальным видом работы, решающим задачи творческого использования изучаемого языка во всех видах речевой деятельности при условии адекватной взаимосвязанности последних, является подготовка и проведение презентации на уроках русского языка. Именно презентация, которая понимается нами не только как форма представления полученных и усвоенных знаний по специальности, но и как возможность проявить свою творческую индивидуальность, позволяет, с одной стороны, повысить мотивацию обучения, а, с другой, — совершенствовать как языковую, так и коммуникативную компетенцию. Современное эффективное обучение иноязычному общению предполагает нестандартный подход к решению предложенных коммуникативных задач в соответствии с имеющимися условиями и возможностями, а также создание атмосферы соревновательности, деловитости, стимулирования и партнёрского общения, что в полной мере реализуется во время проведения презентации.

Необходимо иметь в виду, что проведение подобных занятий требует также соответствующей подготовки преподавателей русского языка как иностранного, которые должны не только овладеть новыми методическими приемами, но и глубоко изучить все психологические особенности проведения современной успешной презентации.

Для определения сложного и неоднозначного понятия презентации нами была проведена серия письменных и устных опросов деловых людей, имеющих значительный опыт практической деятельности, включая подготовку и проведение разного рода презентаций. Всего было опрошено 27 топ-менеджеров и 65 менеджеров среднего звена. Исследование касалось преимущественно презентаций внешних, проводимых в небольшой аудитории (не более 30 человек). В результате обработки и интерпретации полученных данных оптимальная современная презентация определена нами как увлекательное деловое представление, которое имеет четкие цели, хорошо продуманный сценарий и ярко выраженный интерактивный характер.

В качестве наиболее частотных целей презентации опрошенные нами менеджеры выделили следующие: продвижение товара (услуг), проекта; информирование; деловое предложение; создание имиджа фирмы; поддержание имиджа фирмы; изменение прежнего имиджа фирмы. При этом большинство предпринимателей и топ-менеджеров предпочитают выделять не одну цель, а комплекс целей, оптимальное сочетание которых принципиально влияет на весь ход подготовки и проведения современной презентации.

В то же время подавляющее большинство специалистов в качестве глобальной цели презентации признаёт убеждение аудитории, которое призвано инициировать конкретные поступки,

обеспечить адекватное достижение всех других целей, что в целом накладывает на презентующего достаточно сложные языковые обязательства.

Основной акцент нами делается на развитие умений проводить интерактивные презентации, которые предполагают большой уровень гибкости ведущего, что ни в коей мере не исключает необходимости подготовки сценария. Интерактивные презентации наиболее уместны для внешних и для внутренних презентаций в маленьких и средних аудиториях. Обучению проводить интерактивные презентации предшествует обучение умениям, необходимым для проведения презентаций проактивного типа, которые предполагают, что ведущий максимально предвидит результат и поэтому заранее принимает все меры, чтобы его обеспечить. События проактивной презентации преимущественно развиваются по ранее намеченному плану. Эта форма презентаций наиболее уместна для внешних презентаций в большой и средней аудитории.

Как свидетельствуют проведённые нами исследования, презентации, проводимые в форме традиционных лекций, имеют сегодня достаточно низкий рейтинг. Эффективность презентаций интерактивного типа (при прочих равных условиях) намного выше, что подводит многих предпринимателей к выводу об их наибольшей целесообразности. Иными словами, расходы на проведение нескольких интерактивных презентаций в маленьких или средних аудиториях часто превышают расходы на одну проактивную презентацию в большой аудитории, но потраченные средства имеют тенденцию полностью окупаться.

Выделим *основные этапы* подготовки и проведения учебной презентации на уроках русского языка в мультимедийном классе.

Первый этап. Первичная демонстрация в мультимедийном классе презентации, подготовленной преподавателем в режиме Power Point или другом режиме проведения презентаций. При этом презентация преподавателя непременно отвечает требованиям убедительности (интеллектуальности), увлекательности (эмоциональности) и интерактивности (вовлеченности слушателей в активное взаимодействие). Первичная презентация обычно проводится на основе уже изученного ранее лексико-грамматического материала, что позволяет сосредоточить внимание учащихся на главной задаче данного этапа — демонстрации многообразия возможностей современной презентации.

На этом этапе студенты знакомятся с основными этапами подготовки современной презентации, которые включают в себя следующие обязательные составляющие: определение приоритетных целей и формы проведения; изучение потенциальной аудитории; материальное обеспечение; формирование команды; написание, обсуждение и постановка сценария; подготовка помещения; прогнозирование результатов.

Следует обратить внимание на то, что изучение потенциальной аудитории прежде всего предполагает изучение мотивов, а планируемый результат должен выражаться степенью достижения поставленных целей.

Специалисты предупреждают об иллюзии легкости подготовки и проведения презентации и настаивают на том, что пренебрежение в процессе подготовки презентации хотя бы одним из указанных выше пунктов может повлечь за собой достаточно серьезные и необратимые последствия. Неподготовленная и неудавшаяся презентация может навредить фирме больше, чем тщательно продуманные действия конкурентов.

Второй этап. Повторная пошаговая демонстрация презентации, подготовленной преподавателем. Разъяснение значимости каждого элемента презентации и основных принципов ее проведения. Выполнение заданий, отличающихся высокой вариативностью и сопоставимостью с реальными ситуациями общения.

На этом этапе целесообразна отработка формул речевого этикета, которые являются универсальными и присутствуют на каждой презентации. Это прежде всего формулы приветствия, знакомства, прощания, выражения уверенности, сомнения, благодарности аудитории, привлечения внимания, совета и др.

Третий этап. Обучение студентов работе в режиме Power Point или другом режиме проведения презентаций. Эта работа может проводиться на индивидуальных занятиях и предполагает хорошее владение преподавателем указанной программой. Студенты, которые являются опытными пользователями персонального компьютера, обычно демонстрируют высокий уровень обучаемости на этом этапе подготовки презентации.

Важно обратить внимание учащихся на типичные ошибки, связанные с неумением воздействовать на различные каналы восприятия (аудиальный, визуальный, кинестетический) и использовать эффект синестезии, который возникает, когда воздействие на один канал восприятия активизирует другой канал. Преподаватель отрабатывает с учащимися языковые формы, которые необходимо использовать, чтобы избежать указанных выше ошибок.

На этом этапе актуально продемонстрировать, какие проблемы возникают при недостаточном или излишнем использовании эффектов анимации.

Четвёртый этап. Формулировка темы, основных проблем и определение сроков проведения презентации студентами на уроках русского языка. Формирование творческих групп.

На этом этапе проводится работа по снятию лексико-грамматических трудностей, выполняются задания, направленные на проверку правильности понимания основных фактов языка и речи, необходимых для решения коммуникативных задач в различных сферах речевой деятельности.

В связи с тем, что предъявление статистических данных необходимо практически на каждой презентации, на этом этапе целесообразна соответствующая работа с порядковыми и количественными числительными, а также с грамматическими конструкциями, которые выражают разнообразные формы предъявления и сопоставления цифрового материала.

Пятый этап. Культурологический комментарий, необходимый для анализируемой темы или проблемы. На этом этапе целесообразно привлечение в качестве образца ярких презентационных элементов, подготовленных преподавателем. При этом перед учащимся ставится задача самостоятельного поиска иллюстративного материала по заданной теме, который призван заинтересовать аудиторию. Задание может проводиться в форме разнообразных конкурсов.

Шестой этап. Работа в малых группах (командах). Творческая интерпретация основных элементов презентации, к которым относятся: нестандартные формы приветствия и комплимента целевой аудитории; привлечение и поддержание внимания с помощью подачи шокирующих данных, интриги, цифрового материала.

Особое внимание на этом этапе подготовки следует уделить важности изучения мотивации гостей презентации. Например, мотивации материальной выгоды, престижности, комфорта, укрепления здоровья, самореализации, карьерного роста, новизны, любви близких людей, снятия тревожности и др. Учащимся обычно предлагается самостоятельно сформулировать мотивы потенциальных клиентов, а затем найти максимум вариантов их языкового выражения.

Выполнение коммуникативных заданий этого этапа служат формированию речевых умений в ситуациях, максимально приближенных к ситуациям реального профессионального общения.

Седьмой этап. Подготовка творческой группой студентов полноценной самостоятельной презентации. Проведение и обсуждение презентации в группе. Обязательное поощрение всех положительных моментов презентации, конструктивная критика недостатков.

Для стимулирования студентов преподаватель может учредить номинации, которые позволят поощрить практически всех участников. Например, номинации “Самая убедительная презентация”, “Самая эмоциональная презентация”, “Самая интерактивная презентация” и др.

Восьмой этап. Проведение лучших презентаций на студенческих научных конференциях с привлечением преподавателей специальности. Такая сложная форма реализации навыков устной монологической и диалогической речи как презентация предполагает длительную системную подготовку, включающую репродуктивный и продуктивный компонент обучения.

Подготовительная работа должна включать задания на овладение стандартными ситуациями, формулами речевого общения и языковыми средствами для их обеспечения. На начальном этапе это могут быть задания на воспроизведение прослушанного (прочитанного) микротекста. Снятию трудностей способствует отработка автоматизма, формирование устойчивых навыков.

Затем проводится работа над выработкой навыков компрессии на уровне предложения, абзаца, текста и воспроизведения преобразованного материала. Для выработки этих навыков эффективны виды заданий на освобождение предложений от распространителей, деление текста на смысловые части, нахождение ключевых фраз, слов, средств связи между частями текста, восстановление текста по опорным словам и т.п.

Завершающим этапом является выработка у учащихся умений порождения собственного речевого продукта с опорой на мультимедийные средства обучения. При этом задача препода-

давателя состоит в обучении логической последовательности в построении текста будущего выступления. Кроме того, эффективное учебно-профессиональное общение предполагает использование стандартных речевых конструкций, которые помогают вступлению в коммуникацию: умение спросить и переспросить, обратиться с просьбой, отреагировать на комментарии и вопросы преподавателя и аудитории, уточнить, конкретизировать при необходимости основные тезисы, дать положительную и отрицательную оценку, выразить своё отношение и т.п. Отсюда большое значение приобретает работа на занятиях над языковыми средствами оформления высказывания.

Формирование устойчивых грамматических навыков устной речи возможно при использовании различных видов предкоммуникативных упражнений: имитационных, подстановочных, трансформационных и репродуктивных, каждое из которых выполняет свою функцию. Так, имитационные упражнения формируют чувство языковой формы для выражения мысли, подстановочные упражнения, активизируя процессы памяти и внимания, развивают логическое мышление, трансформационные — обучают вариативности выражения мысли, а репродуктивные предполагают проверку усвоенного на предыдущих этапах работы.

Важно осознавать, что организация предлагаемой работы требует не только соответствующего технического обеспечения, но и больших временных и эмоциональных затрат со стороны преподавателя. В то же время затраты всех перечисленных ресурсов полностью окупаются, так как в результате наши учащиеся приобретают:

- профессионально значимые умения проведения успешной современной презентации в режиме Power Point или другом режиме;
- опыт реализации собственных творческих проектов;
- умение работать в команде;
- навыки эффективного делового и межличностного общения с использованием необходимых для этого языковых средств.

Практический опыт использования предлагаемого вида обучения позволяет отметить существенное повышение уровня адаптивности иностранных студентов, уменьшение или снятие страха выступления перед аудиторией, значительное усиление мотивации углублённого изучения русского языка как одного из языков специальности.

Таким образом, современный преподаватель русского языка как иностранного не только исследует мотивационные процессы, но и участвует в их формировании и поддержании, активно вовлекая учащихся в творческий процесс. При этом мы настаиваем на том, что только преподаватель, который сам является творческой личностью, способен вдохновить учащихся и соответствующим образом организовать учебный процесс.

1. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта / Пер. с англ. // Психология мышления / Под ред. А. М. Матюшкина. — М., 1985. — С. 433–456.
2. Джей Э. Эффективная презентация. — М., 2004.
3. Доброжанская В. В., Кишко С. М. Креативный менеджмент: Учеб. пособие. — Одесса, 2009.
4. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. — СПб., 2000.
5. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. — М., 1989.
6. Митрофанова О. Д. Проблемность и технологии обучения // Русский язык за рубежом. — 1991. — №3. — С. 88–91.
7. Основы современных концепций творчества и одаренности / Под. ред. Д. П. Богоявленской. — М., 1997.
8. Torrance, Ellis Paul. Teaching creative and gifted learners // M. C. Wittrock (ed.), Handbook of Research on Teaching (3rd edn). — Macmillan, 1986.

V. V. Dobrozhanska, S. M. Kirsho

DEVELOPMENT OF CREATIVE WORK: LINGVODIDACTIC ASPECT

The article is devoted to the problem of creative work development during lessons of the Russian language as foreign using innovative educational technologies.

Key words: creative work development, innovative educational technologies of language study, interactive presentation.

В. В. Доброжанська, С. М. Кіршо

РОЗВИТОК КРЕАТИВНОСТІ: ЛІНГВОДИДАКТИЧНИЙ АСПЕКТ

Статтю присвячено проблемі розвитку креативності на заняттях з російської мови як іноземної за допомогою інноваційних освітніх технологій.

Ключові слова: розвиток креативності, інноваційні освітні технології навчання мови, інтерактивна презентація.

УДК 811.161.1'243'38:371.315(438)

Д. Дзевановска

Обучение иностранному языку — окно в большой мир (из опыта работы над формированием социокультурной и межкультурной компетенции польских студентов-русистов)

В статье представлены некоторые методические приёмы включения культуроведческого материала в процесс обучения русскому языку как иностранному, в частности применение лингводидактического принципа “слабого управления”. В статье указывается на многоаспектный характер межкультурной компетенции. В речевой практике сложность этой компетенции проявляется в разном уровне владения её основными составляющими.

Ключевые слова: межкультурное общение, картина чужой коммуникативной культуры, культурный барьер, социокультурная компетенция, метод проектов, вербальные / невербальные средства коммуникации.

Процессы глобализации, а также доступность новейших научно-технических достижений, которые открывают все новые возможности общения человечества, привели к значительному расширению межнациональных контактов. Можно сказать, что XXI век стал веком диалога культур. Однако различные формы межкультурного общения порождают множество проблем. Е. Г. Фалькова отмечает, что “в процессе межкультурного взаимодействия человек сталкивается с рядом трудностей, среди которых языковое различие является далеко не единственным. Несовпадение в восприятии окружающего мира носителями разных культур влечет за собой непонимание и конфликт. Основные причины этих неудач лежат ... в различиях в мироощущении, то есть ином отношении к миру и к другим людям” [19:4].

Национальная специфика коммуникативного поведения представителей других народов нередко подвергается ошибочной интерпретации с позиций собственной культуры. Искаженная картина чужой коммуникативной культуры негативно сказывается на общении, затрудняет взаимопонимание и даже делает его невозможным. Д. Б. Гудков пишет: “Адекватная межкультурная коммуникация оказывается невозможной без знакомства с когнитивной базой того лингвокультурного сообщества, на языке которого ведется общение. Для того чтобы выучить язык, необходимо понимать, как “видят” мир, членят, классифицируют и оценивают его носители данного языка, а для этого необходимо овладеть хотя бы ядерными элементами когнитивной базы соответствующего лингвокультурного сообщества” [5: 97].

Из сказанного следует, что изучающим иностранный язык необходимо предлагать, прежде всего, те знания и представления, которые входят в иноязычную когнитивную базу. Это позволяет наметить пути к отбору материала, подлежащего презентации в процессе обучения.

Необходимость формирования межкультурной компетентности, бесспорно, должна стать одной из целей современного образования.

Культуроведческий материал, согласно разработанной в Институте нефилологии Краковского педагогического университета программе обучения, вводится на занятиях по практическому русскому языку в довольно значительном объеме. В качестве примера назовем некоторые

темы, позволяющие знакомить студентов с культурой, историей, обычаями и традициями народа изучаемого ими языка: *Система образования в России; Климатические и природные зоны на территории России; Традиционные и праздничные блюда русской кухни; Русское гостеприимство; Русский речевой этикет; Русское народное творчество; Русские традиции и обычаи; Русская живопись; Классики русской музыки; Российская музыка в настоящее время; Современный российский театр и кино; Российские ученые; Политическая и общественная жизнь России* и др.

В работе над ознакомлением студентов с культурой страны изучаемого языка нам кажется целесообразным признать доминирующую роль чтения текстов. Хорошо отобранные тексты являются одним из лучших способов вовлечения обучаемых в незнакомую им культурную среду, они дают возможность приблизиться к пониманию менталитета и духовных ценностей россиян. Тексты, предоставляемые студентам, должны удовлетворять их познавательные потребности, а также потребности общения в разных сферах речевой деятельности. Поэтому отбор соответствующих текстовых материалов проводится нами с учётом критерия познавательно-воспитательной ценности и критерия ценности языковых единиц. Применение этих критериев обеспечивает использование текстов как опоры для реализации основных задач обучения: образовательной, коммуникативной и воспитательной. Иначе говоря, интересные тексты, отражающие социокультурный портрет страны изучаемого языка, становятся ценным средством для взаимосвязанного коммуникативного, социокультурного и личностного развития студентов. Такое обучение даёт им возможность: «во-первых, понять и усвоить чужой образ жизни/поведения с целью разрушения укоренившихся в их сознании стереотипов (процессы познания); во-вторых, употреблять язык в аутентичных ситуациях общения (процессы формирования навыков и умений); в-третьих, расширить индивидуальную картину мира за счет приобщения к языковой картине мира носителей изучаемого языка (процессы развития)» [2: 70].

Развитие социокультурной компетенции, являющейся составной глобальной коммуникативной компетенции [14: 143], особенно усложняется в студенческих группах, начинающих изучать язык в университете с нуля. Однако мы считаем, что если на младших курсах работа по языку осуществляется с применением преимущественно адаптированных текстов, содержащих лингвострановедческую информацию, то на продвинутом этапе обучения следует использовать подлинные тексты. Кроме того, на наш взгляд, работая со студентами-старшекурсниками, целесообразно опираться на материалы одного пособия. Один базовый учебник, как правило, ориентирован на долгосрочное использование, и со временем многие из предъявляемых в нем реалий устаревают. Отметим, что в условиях работы вне русской языковой среды перед преподавателем стоит задача умело включить фрагменты языковой среды в процесс обучения. Объективную реальность представляет все то, что из нее непосредственно взято. Поэтому при введении перечисленных выше тем применяются тексты, источниками которых является Интернет, российская пресса, альбомы, энциклопедии, современные документальные и художественные фильмы, видеозаписи телепередач, произведения современных писателей. Такой актуальный и насыщенный российскими реалиями материал создает условия для погружения в естественную среду. Осознавая ценность и значимость аутентичных текстов, необходимо признать, что работа с ними иногда затрудняется из-за сложности их понимания польскими студентами. Отсюда и необходимость пополнять читаемый текст добавочными культуроведческими комментариями. Целесообразно также составлять списки вводимых лексем, группировать их тематически, комментировать, отрабатывать в ситуациях и вводить в активную речь.

Ознакомление студентов-старшекурсников с картиной мира России осуществляется нами с применением лингводидактического принципа «слабого управления». Заложенная этим принципом перестановка ролей преподавателя и обучаемых способствует совершенствованию самостоятельной внеаудиторной работы студентов. Организуя работу над изучением данного круга тем, мы нередко обращаемся к методу проектов, который предоставляет студентам возможность самостоятельно приобретать знания в процессе решения практических задач. При реализации проекта преподавателю отводится роль координатора, эксперта и, если это необходимо, источника дополнительной информации. В проектной работе самым важным становится не сам предмет обучения, а способ приобретения учащимися знаний и умений. Суть метода проектов заключается в том, чтобы, поставив перед обучаемыми задание, требующее достижения конкретной цели, научить их добиваться этой цели поэтапно. [9:64–67; 17:65; 21:46–50].

Постижение очередных этапов работы и желание добиться конечного результата связано с повышением мотивации студентов. Желательно сообщить им, что умение самостоятельно решать проблемные задачи и уметь идти к цели поэтапно пригодится им в реальной жизни. Не подлежит дискуссии, что в настоящее время в связи с наблюдаемым резким прогрессом во всех областях человеческой деятельности современный мир ставит новые требования человеку и заставляет его все время развиваться, приобретать новые знания и умения. Знания, полученные в университете до I Мировой войны, служили человеку почти до конца его жизни, знания выпускников вузов после II Мировой войны утрачивали свою актуальность уже в ходе их работы по специальности, знания сегодняшних выпускников утратят свою актуальность к началу их карьеры [10: 99]. Отсюда напрашивается вывод, что метод проектов позволяет сменить статус обучаемых с пассивного участника процесса обучения на статус активных исследователей, несущих ответственность за собственное обучение.

В методике преподавания языков выделяется несколько видов проектов. Учитывая практические цели применения в учебном процессе проектного обучения, наиболее пригодными, на наш взгляд, являются групповые и индивидуальные краткосрочные или средней продолжительности проекты, а также мини-проекты и проекты на основе работы с литературой, подразумевающие выборочное чтение, подходящее для удовлетворения личных интересов студентов.

Отметим, что наши студенты с увлечением работали над проектами. Неоднократно они сами предлагали темы проектов. Приведем некоторые из них: *самое вкусное русское блюдо; интервью со звездами современной российской кинематографии; красивейшие уголки Москвы; рейтинг самых перспективных профессий; проблема безработицы; борьба с терроризмом; глобализация и антиглобалисты; феномен "Гарри Потера"* и др. Предложенные студентами темы проектов наглядно показывают, что их интересы связаны также с познанием поликультурной картины мира. Радует, что русский язык, изучаемый как иностранный, является для польских студентов посредником мультикультурного диалога.

Суммируя сказанное выше, следует подчеркнуть, что метод проектов обладает многими преимуществами. По нашему мнению, обращение к этому методу делает процесс обучения иностранному языку более творческим, ориентированным на личность учащегося, на его реальные потребности и мотивы. Кроме того, решение задания проекта стимулирует обучаемых к проявлению собственной активности и использованию индивидуальных стратегий усвоения языка, дает удовольствие от самостоятельной работы, а также от обучения друг с другом, учит различным стратегиям общения.

Формирование коммуникативной компетенции предполагает выполнение различных дискурсивных и инициативных заданий (сообщение, обсуждение, расспрос, интервью, дискуссия) [13: 124]. В нашей преподавательской работе, нацеленной на подготовку обучаемых к межкультурному общению, неотъемлемой составной частью коммуникативных упражнений являются упражнения на усвоение речевого этикета. Как правило, речевой этикет реализуется в вербальной и невербальной форме. Познание студентами правил невербального этикета общения не менее важно, чем познание вербального языка. Однако мы не разделяем точки зрения тех лингводидактов, которые настаивают на том, чтобы изучающих иностранный язык обучать невербалике с целью практического использования её в общении [11: 93–98]. Мы считаем, что невербальные средства коммуникации народа, язык которого является предметом изучения, должны осуществляться рецептивно, т.е. в форме сведений. Урок иностранного языка следует рассматривать как урок понимания иноязычной культурной среды. Эффективное обучение межкультурному общению должно обуславливаться выработкой таких качеств, как взаимопонимание, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации, но это не означает подготовки учащихся к слепому принятию чужих истин и норм поведения. Иначе говоря, формирование межкультурной компетенции требует развития у обучаемых умения трезво осмысливать социокультурный портрет страны изучаемого языка и воспринимать партнеров по коммуникации с учетом той культуры, в которой они живут и носителями которой являются [4:272]. Знание и понимание особенностей общения с людьми другой национальности позволяет избежать культурного шока, который негативно сказывается на общении [1:160; 15:11].

Ознакомительную работу по русскому коммуникативному поведению мы связываем с введением данной лексической темы. К примеру, при прохождении темы *Система образования в Рос-*

сии мы считаем целесообразным осведомить студентов о том, что в русской коммуникативной культуре учитель по отношению к учащимся стоит вне критики. Невежливость к учителю рассматривается в русской среде как грубейшее нарушение норм общения. [15:196]. Обсуждение этого вопроса связано с необходимостью введения вежливых речевых формул, а также правил речевого этикета, которые регулируют отношения с собеседником типа “равный — старший — младший”. Наш многолетний опыт работы со студентами позволяет сделать вывод о том, что изучение только полезных разговорных клише, частотных выражений без добавочных комментариев является малоэффективной процедурой. Наши наблюдения показывают, что трудности возникают при выборе адекватных формул речевого этикета. Примером нарушения этикетных норм при неравенстве социальных ролей, т.е. в асимметрической ситуации общения, может послужить фраза, произнесенная студенткой, адресованная преподавательнице: *С добрым утром, Анна Павловна!* В данном случае наблюдается смешение официальности и неофициальности обстановки общения.

Как уже упоминалось выше, параллельно с обучением вербальной стороне русского этикета необходимо знакомить студентов с элементами невербального языка. В ходе работы по вышеуказанной теме обучаемым надо осознать, что сидеть, развалившись на стуле и вытянув ноги или заложив стопу на колено, является знаком неуважения. Стоит также указать, что в России учащиеся, желающие отвечать, всегда поднимают руку ребром к преподавателю, а не двумя пальцами с открытой ладонью к нему. Наводя порядок в классе, учитель вместо слова *Тихо!* стучит по столу ручкой, а не костяшкой согнутого пальца, или же прижимает указательный палец к губам *Тс-с-с!*. В русской культурной среде манить пальцем к себе (*Иди, иди сюда!*) можно лишь детей [3:109].

Сведения, получаемые нашими студентами по ритуализации (как вербального, так и невербального) привычного поведения носителей русского языка, являются хорошим материалом для формирования умения адекватно интерпретировать национальную специфику коммуникативного поведения россиян. По словам Е. С. Рапацевич, такие знания “призваны развивать поведенческий интеллект учащихся, т.е. способность понимать смысл поведения других людей, оценивать реальные ситуации общения, вести себя адекватно ситуации” [16: 586]. Овладение этими умениями — залог корректной межкультурной коммуникации.

Из всего сказанного выше следует, что межкультурная компетенция имеет сложный, многоаспектный характер. В речевой практике сложность этой компетенции проявляется в разном уровне владения её основными составляющими. Нельзя говорить о сформированности данной компетенции, если говорящий на иностранном языке допускает серьёзные грамматические или лексические ошибки. Заметим, что в реальном коммуникативном общении языковые погрешности являются более заметными, чем ошибки в поведении. При личном контакте с носителями языка, в лучшем случае, они могут вызвать улыбку. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова, ошибки иностранцев, изучающих язык, могут послужить также стимулом к языковому творчеству [18: 88]. Об этом писала Марина Цветаева: “Люблю, когда иностранцы коверкают чужой язык... Тут открываются какие-то новые возможности. Конечно, так вот говорить нельзя, но почему бы не попробовать: это вроде опыта. Прежде люди говорили без грамматики и возникали новые диалекты: было больше разнообразия” [20:32]. Однако чрезмерное нагромождение ошибок в речи осложняет общение и нередко приводит получателей информации к раздражению, в результате чего коммуникация может резко прекратиться.

В современной лингводидактике, даже при её устремленности к применению в процессе обучения иностранным языкам коммуникативно-деятельностного подхода, не подлежит дискуссии, что лингвистическая компетенция, т.е. владение абстрактной системой правил языка, используемого в качестве средства общения, выступает как основа для формирования коммуникативной компетенции.

Радикальные сторонники коммуникативного метода полагают, что в ходе выполнения коммуникативных заданий грамматика усваивается сама собой. По-моему, нельзя надеяться на то, что учащиеся, ничего не узнав о системе языка, на котором они собираются общаться, будут им свободно пользоваться в речевой практике. Руководствуясь своим дидактическим опытом, мы можем сказать, что многие обучаемые не являются энтузиастами интуитивного усвоения языка и избегают применения (в устных или письменных высказываниях) конструкций, принципов,

построения которых они не понимают. Практика показывает, что как попытки отказаться от обучения грамматике, так и преувеличение её роли в учебном процессе отрицательно сказываются на результатах практического овладения языком. Результатом поисков оптимального подхода к преподаванию грамматики является разработанное нами пособие “Грамматика без проблем” [6]. Пособие адресовано широкому кругу потребителей, т. е. всем, кто проявляет интерес к правильному усвоению русского языка. Оно успешно применяется в нашем Институте на занятиях по практикуму русского языка (преимущественно в тех группах, в которых студенты начинают изучать язык с нуля). Эффективность усвоения лингвистической информации во многом зависит от способа ее предъявления. Для наглядного изображения правил в нашем учебнике используются парадигмы, схемы и рисунки. Такое предъявление облегчает осознание правила, способствует его запоминанию и прочному усвоению.

Существенную роль в повышении эффективности учебного процесса играют также эмоциональные факторы. Поддержанию высокого эмоционального тонуса способствует юмор. Он оживляет процесс обучения, снимает усталость, создает благоприятную атмосферу и способствует усвоению учебного материала. В пособии “Грамматика без проблем” широкое применение нашли анекдоты, пословицы и поговорки. Основной чертой анекдотов, пословиц и поговорок является их образность, поэтому они используются не только как средство повышения интереса к учебе, но также с целью дать учащимся понятие о том, как данное языковое явление функционирует в речи. Поскольку о назначении и структуре этого учебника мы уже писали [7:453–460; 8:53–58], отметим лишь, что к учебнику прилагается пластинка CD-ROM с интерактивными упражнениями и тестами, разработанными по принципу градации трудностей. Применение мультимедийных технологий открывает новые возможности индивидуализации процесса изучения языка.

Подытоживая сказанное выше, следует ещё раз указать на многоаспектный характер межкультурной компетенции, что делает процесс обучения сложным и требующим многих усилий как со стороны преподавателя, так и студентов. “Узнать человека чужой страны труднее, чем заглянуть в сейф, не имея ключей” [12:127]. Организуя работу, нацеленную на подготовку студентов к корректному межкультурному общению, нельзя забывать о том, что успешное познание мира изучаемого языка во многом зависит также от самостоятельной познавательной деятельности обучаемых и их креативности.

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. — М., 1990.
2. *Гальскова Н. Д., Гез Н. И.* Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. — М., 2006.
3. *Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е.* Словарь языка русских жестов. — М. — Вена, 2001.
4. *Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П.* Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. Под ред. А. П. Садохина. — М., 2003.
5. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. — М., 2003.
6. *Dziewanowska D.* Грамматика без проблем. Gramatyka języka rosyjskiego z ćwiczeniami. — Warszawa, 2005.
7. *Dziewanowska D.* Pomocze multimedialne w nauczaniu gramatyki języka rosyjskiego. Podręcznik i płyta CD “Грамматика без проблем” // *Komunikacja językowa w społeczeństwie informacyjnym. Nowe wyzwania dla dydaktyki języków obcych.* — Lublin, 2006. — S. 453–460.
8. *Дзевановска Д.* Обеспечение правильности и плавности высказывания как ключевая проблема современной методики преподавания иностранных языков (попытка практического решения вопроса) // *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка.* — Варшава, 2007. — С. 53–58.
9. *Karpetka-Peć B.* Otwarty, aktywny, samodzielny... Alternatywne formy pracy. Przewodnik dla nauczycieli języków obcych. — Warszawa, 2008.
10. *Łudzki Z.* Jak zdać egzamin. — Kraków, 1998.
11. *Марковска О.* К вопросу о формировании экстралингвистической компетенции в польской аудитории: избранные упражнения и методические приёмы // *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка.* — Варшава, 2007. — С. 93–98.
12. *Методика преподавания русского как иностранного* / Под. ред. О. Д. Митрофановой, В. Г. Костомарова. — М., 1990.
13. *Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение)* / Под ред. А. Н. Шукина. — М., 1990.
14. *Методика преподавания русского как иностранного* / Под. ред. А. Н. Шукина. — М., 2003.
15. *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение — М., 2006.
16. *Рапацевич Е. С.* Современный словарь по педагогике. — Минск, 2001.
17. *Szymański M. S.* O metodzie projektów. Z historii, teorii i praktyki pewnej metody kształcenia. — Warszawa, 2000.
18. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000.

19. *Фалькова Е. Г.* Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях: Методическое пособие. — СПб., 2007.
20. *Цветева М.* Лебединый стан. — М., 1921.
21. *Черепанова Л. В.* Проектная деятельность в обучении русскому языку // Русская словесность. — 2006. — № 56. — С. 46–50.

Д. Дзевановська

НАВЧАННЯ ІНОЗЕМНІЙ МОВИ — ВІКНО У ВЕЛИКИЙ СВІТ (З ДОСВІДУ РОБОТИ НАД ФОРМУВАННЯМ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ТА МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ ПОЛЬСЬКИХ СТУДЕНТІВ-РУСИСТІВ)

У статті представлено деякі методичні прийоми включення культурознавчого матеріалу у процес навчання російській мові як іноземній, зокрема застосування лінгводидактичного принципу “слабкого управління”. Вказано на багатоаспектний характер міжкультурної компетенції. В мовленнєвій практиці складність цієї компетенції виявляється в різнорівневому володінні її основними складовими.

Ключові слова: міжкультурне спілкування, картина чужої комунікативної культури, культурний бар’єр, соціокультурна компетенція, метод проектів, вербальні / невербальні засоби комунікації.

D. Dzevanovska

**TEACHING FOREIGN LANGUAGE IS A WINDOW INTO THE GREAT WORLD
(EXPERIENCE OF WORK WITH POLISH STUDENTS — SPECIALISTS IN RUSSIAN
PHILOLOGY)**

The article is devoted to the methodical technique of cultural inclusion into the process of Russian as Foreign language teaching, particularly the adaptation of linguistic and didactic principle of “delicate control”. The author shows the multifold character of intercultural competence and complexity of this competence revealed in different levels of main constituents’ possession in speech practice.

Key words: intercultural communication, the picture of strange communicative culture, cultural barrier, socio-cultural competence, method of projects, verbal/nonverbal means of communication.

УДК 811.161.1’243’276.6(075.8):376.68:61

Н. Г. Иванова, Л. Г. Кириченко, Т. В. Пахалкова-Соич

**Принципы создания обучающих программ
по научному стилю речи**

В статье рассматриваются основные принципы создания тематически ориентированных обучающих программ-тренажеров по научному стилю речи для студентов-иностранцев подготовительного факультета (медико-биологический профиль). В программах, направленных на развитие навыков трансформации грамматических конструкций на материале научного стиля речи, отрабатываются типовые лексико-грамматические модели и их модификации, отражающие коммуникативные потребности студентов в учебно-профессиональной сфере.

Ключевые слова: научный стиль речи, трансформация грамматических конструкций, типовые лексико-грамматические модели, обучающие программ-тренажеры.

При обучении языку специальности иностранных студентов — будущих медиков уже на начальном этапе обучения необходима своевременная (точнее, как показывает практика, как можно более ранняя) системная презентация медицинских терминов (в том числе интернациональных). А обучение профессиональному общению целесообразно проводить на матери-

але дисциплины соответствующего профиля [5]. Не следует забывать о данных проведенного И. Б. Авдеевой анализа учебников по 15 фундаментальным и узкопрофильным дисциплинам инженерного профиля, в результате которого было выявлено, что *наибольшие проблемы* возникают *при изучении определенных грамматических тем* [выделено нами. — Н. И., Л. К., Т. П.] [1]. Несомненно, подобная ситуация характерна и для предметов медико-биологического профиля.

В настоящей статье будут раскрыты принципы системной организации разработанной нами обучающей программы-тренажера, в основу которой положено тематическое пособие по формированию умений трансформации грамматических конструкций для студентов-иностранцев подготовительного факультета медико-биологического профиля.

В данном пособии на основе объединённых одной макротемой (“Кровеносная система”) учебных текстов представлены упражнения, направленные на развитие навыков целевой трансформации текстов. Речь идет о новом типе упражнений, ограниченных тематически и ориентированных профессионально, которые обращают внимание не только на содержательную сторону высказывания, но и на грамматическую форму, поскольку, как отмечают методисты, при коммуникативно-детальном подходе единицей обучения является не только коммуникативная интенция, но и вербальная реализация интенций. Особое внимание придаётся разработке контрольных заданий, рассчитанных на самостоятельную работу студентов.

Несомненно, актуальным в процессе разработки учебных пособий “с большим количеством упражнений, закрепляющих и отрабатывающих навыки на расширенном (по сравнению с ныне используемым) лексико-грамматическом материале” [5], является использование новых информационных технологий, т.е. создание на электронных носителях обучающих программ, позволяющих модифицировать // трансформировать текст. “Компьютерные обучающие программы являются новшеством, поэтому даже самые обычные задания в компьютерном исполнении представляются более интересными и привлекательными” [8]. В связи с вышесказанным нами была предпринята попытка представить на электронном носителе данное печатное учебное пособие с максимальным использованием компьютерных возможностей¹.

Выносимая на обсуждение обучающая программа организована по тематическому принципу на грамматической основе, т.е. она направлена на отработку изучаемого грамматического материала в рамках определенной темы по анатомии.

Выбор данной макротемы (“Кровеносная система”) обусловлен не только программой по биологии подготовительного факультета, но и, прежде всего, программой по анатомии первого курса медицинских вузов, т.е. определен потребностями студентов. Следовательно, введение медицинской терминологии создаёт необходимый фундамент для формирования и развития предметной компетенции. Лексика, наполняющая программу, является тематически упорядоченным терминологическим минимумом, т.е. речь идёт также о формировании и развитии активного словаря студента на материале медицинской терминологии. Уделяется внимание формированию терминологической базы, что способствует подготовке иностранных студентов к реальной коммуникации в учебной и профессиональной сферах, поскольку профессия врача является лингвоактивной [10: 584].

Данная программа адресована иностранным студентам, которые изучают русский язык на подготовительном факультете в группах медико-биологического профиля.

В программе, ориентированной на развитие навыков трансформации грамматических конструкций на материале научного стиля речи, отрабатываются типовые лексико-грамматические модели и их модификации, отражающие коммуникативные потребности студентов в учебно-профессиональной сфере. Главная задача — тренировка, многократное повторение лексико-грамматического материала в различных ситуациях и контекстах. В результате навыки трансформации грамматических конструкций (или, как их еще называют, формальные навыки употребления падежных и глагольных форм [9]) достигнут уровня автоматизма. Подобного рода

¹ Системные требования:

- процессор: Pentium III 900 МГц
- оперативная память: 128 Mb
- видео: с 16 Mb RAM
- CD-ROM: 4x
- операционная система: Microsoft Windows 98, Me, 2000, XP
- клавиатура, мышь.

программы определяют как тренажеры по грамматике в интерактивной компьютерной форме (на электронном носителе), поскольку они обеспечивают достаточную повторяемость материала.

Программа предназначена как для самостоятельной работы студентов, так и для обучения с преподавателем. При использовании данной программы на уроке работа преподавателя прежде всего заключается в упорядочении и систематизации изучаемых или ранее изученных студентами лексических единиц, грамматических форм, синтаксических конструкций, т.е. речь идёт о возможности “на практике реализовать принцип избирательности (учитывается фактор индивидуальной подготовки студента или группы в целом)” [5]. Самостоятельная работа студента (без непосредственного контакта с преподавателем) является одним из способов самоконтроля: ведь “сама природа используемой технологии обеспечивает студенто-центрический характер обучения” [5]. “Студент воспринимается как критический мыслитель, способный формулировать (добавим — и формировать) собственное знание” [5].

По своей сути данная программа представляет собой тренировочно-корректировочный курс, нацеленный на систематизацию и углубление грамматических умений и навыков.

Как уже говорилось, программы адресованы студентам-иностранцам подготовительного факультета, но, как показывает практика (а представляемые программы проходят апробацию на подготовительных факультетах Киева, Харькова и Одессы), к ним проявляют реальный интерес и студенты первого курса, т.к. лексические единицы отобраны на основе межпредметной координации с учетом тех дисциплин, которые студенты изучают на первом курсе медицинского института. Не следует забывать и о том, что зачастую тренажеры на электронных носителях могут быть использованы более широким кругом пользователей, в том числе и теми, для кого важны пассивные навыки восприятия.

Программа содержит следующие разделы:

- Упражнения;
- Тексты.

Первую часть рекомендуется использовать в качестве пропедевтического материала с 10–12 недели обучения; вторую часть — с 17–20 недели обучения в качестве итогового контроля.

В первом разделе представлены 14 уроков, каждый из которых включает лексико-грамматические упражнения в виде тренировочных лексико-грамматических тестов с лексико-грамматическими комментариями (подсказками) в виде рисунков.

УРОК I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА

ИМЯ, НАЗВАНИЕ

ЧТО ЧЕМ

это называется

ЧТО ЧТО

ЧТО ЭТО ЧТО	ЧЕМ НАЗЫВАЕТСЯ ЧТО
Биология – это наука о жизни, о живых организмах.	Биологией называется наука о жизни, живых организмах.
	Наука о жизни, живых организмах называется биологией.

ЗАДАНИЕ 2. Дайте определение кровеносных сосудов. Используйте глагол **НАЗЫВАТЬСЯ** и следующие предложения:

Капилляры - это микроскопические сосуды, которые соединяют артерии и вены между собой.

Капиллярами называются микроскопические сосуды, которые соединяют артерии и вены между собой.

Капилляры называются микроскопические сосуды, которые соединяют артерии и вены между собой.

Капиллярами называются это микроскопические сосуды, которые соединяют артерии и вены между собой.

Принять ответ

Рис. 1. Лексико-грамматические упражнения

Включённые в программу темы отражают коммуникативные ситуации, представленные в базовом учебнике по научному стилю речи.

Рис. 2. Текущие результаты прохождения теста

Во время тестирования компьютер сообщает текущие результаты прохождения теста, а также дает итоговый результат по уроку.

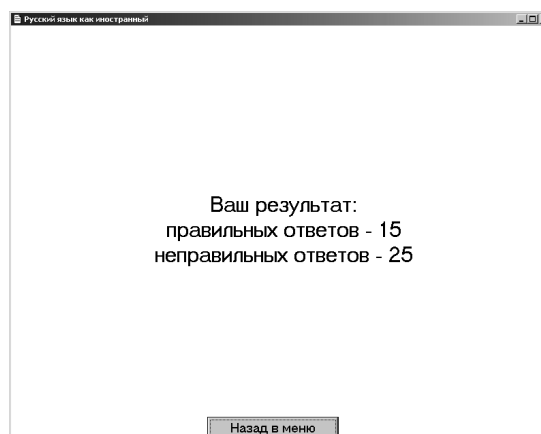

Рис. 3. Итоговый результат по уроку

Приведём примеры заданий: *Сформулируйте определения наук, используя глагол **называться**. Расскажите о классификации групп крови и лимфоцитов крови; Охарактеризуйте предмет по составу, используя данный материал и конструкцию **ЧТО ВХОДИТ В СОСТАВ ЧЕГО** и т.д.*

Второй раздел составляют 14 учебных текстов, на основе которых построена система грамматических упражнений первого раздела. Все тексты, обладающие типичным языковым наполнением и реализующие типовые внутритекстовые связи, раскрывают тему “Кровь и кровеносная система” (рис. 4).

Материалом для учебных текстов и упражнений служат аутентичные тексты, взятые из вузовских учебников по анатомии.

Студенты должны прочитать текст и, продемонстрировав его понимание и знание изученных ранее грамматических конструкций, вставить пропущенное слово (рядом с пропущенным словом появляется “поле” — список возможных слов, из которых необходимо выбрать правильный вариант).

Во время тестирования компьютер не дает моментальную оценку каждого выбранного варианта, а информирует об итоговом суммарном результате по всему тексту.

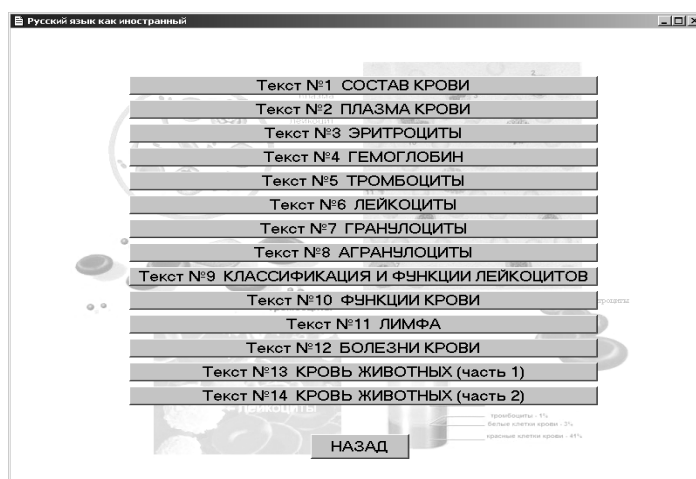

Рис. 4. Учебные тексты, представленные в программе

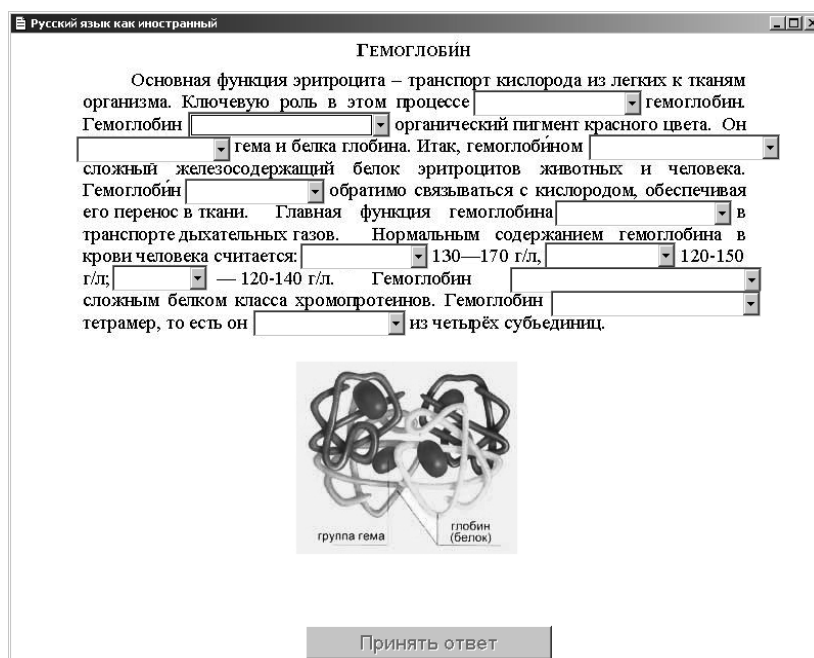

Рис. 5. Один из текстов программы с “полями”, необходимыми для заполнения

Таким образом, наиболее важной частью электронного пособия является представление предлагаемых упражнений и текстов в виде тестов с мгновенной и отсроченной оценкой правильности выполнения. Характер тестов в зависимости от типа задания различен. В пособии предложены тесты с возможностью выбора одного правильного варианта ответа из трех, тесты на правильность составления словосочетаний и предложений, ответов на вопросы по предложенным в пособии моделям научного стиля речи, выделение вариантов ответа в предложениях текста и др. Монотонность заданий нивелируется одобрением пользователя при правильных ответах, подбадриванием — при неправильных, т.е. имитацией реального общения. В 14 уроках пособия представлены около 60 тестовых упражнений различного уровня сложности, содержащих около 800 позиций; в 14 текстах — около 160. Кроме того, каждое занятие программы в пределах темы снабжено рисунками, предназначенными для демонстрации схем построения предложений в соответствии с моделями научного стиля речи. Каждый текст имеет иллюстрации, способствующие лучшему раскрытию его темы.

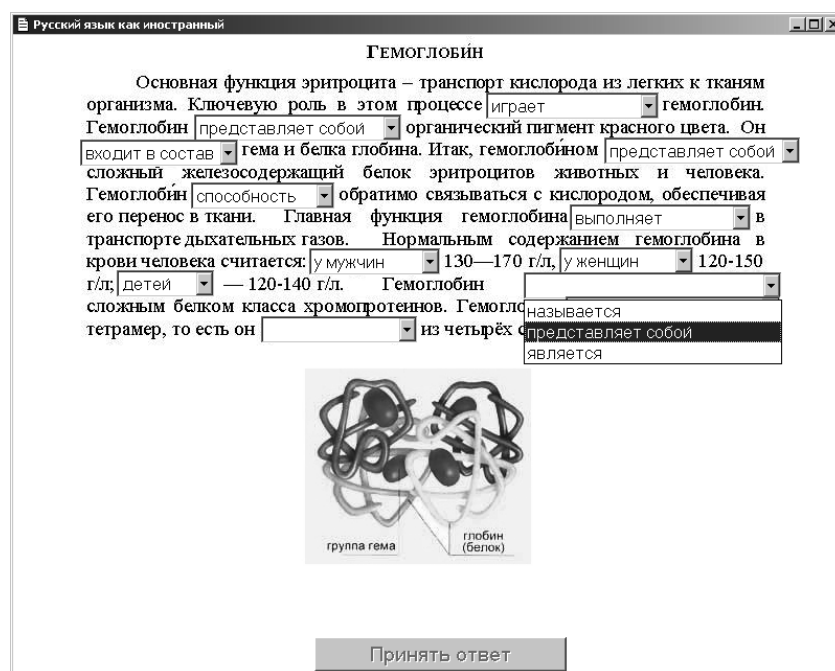

Рис. 6. Текст с заполненными “полями”

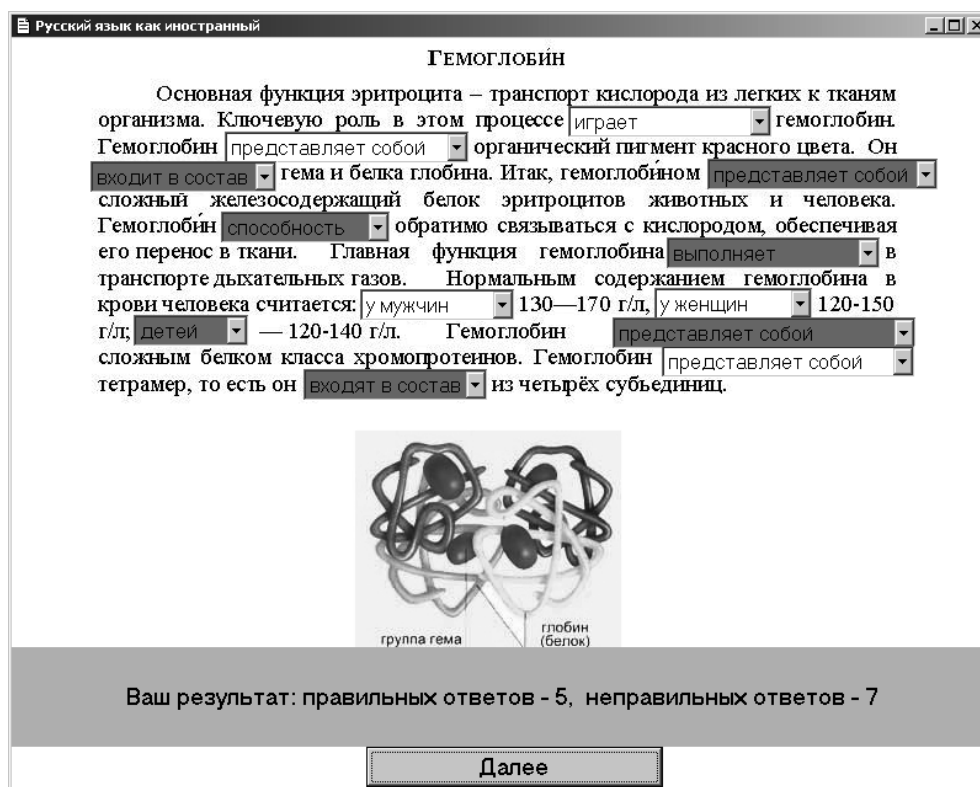

Рис. 7. Итоговый результат по всему тексту

Таким образом, в докладе представлена профессионально ориентированная обучающая программа на электронном носителе, которая органично интегрируется в структуру дидактической учебной среды [7: 564] начального этапа обучения. К числу несомненных достоинств данной

программы следует отнести тот факт, что она содержит большое количество разнообразных типов упражнений и тем самым создаёт необходимый фундамент для формирования и развития предметной компетенции и готовит иностранного студента к реальной коммуникации в учебной и профессиональной сферах.

1. Авдеева И. Б. Шесть “сквозных” тем грамматики русского языка при обучении иностранных учащихся инженерного профиля // Эл. ресурс: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004>.
2. Андрушина Н. П. Формы заданий в тестах по русскому языку как иностранному // Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/>.
3. Бакулев Г. П. Компьютерно-опосредованная коммуникация в обучении иностранным языкам // Эл. Ресурс — Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/b/bakulev.shtml.
4. Бовтенко М. А. Лингвометодическая оценка обучающих программ по иностранному языку // Эл. ресурс: <http://www.ito.su/2000/II/4/499.html>.
5. Воронкова И. А. К вопросу о создании практических учебных пособий для обучения языку специальности на начальном этапе // Эл. ресурс: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004>.
6. Голубева Т. И. Информационные технологии в обучении иностранному языку: проблемы, поиски, решения : Учебное пособие — Оренбург, 2004.
7. Клобукова Л. П. Концепция создания нового — пятого — поколения учебных пособий для обучения иностранных учащихся профессиональному общению на русском языке // III Международный конгресс исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и современность”. — М., 2007. — С. 563–564.
8. Невструева О. В. Применение новых информационных технологий в вузе при обучении иностранному языку с помощью компьютера // Эл. ресурс: <http://ito.edu.ru/2008/Kursk/II/II-0-30.html>.
9. Николенко Е. Ю. Принципы организации лексико-грамматического тренажёра по РКИ на начальном этапе // Эл. ресурс: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004>.
10. Орлова Е. В. Пособие по русскому языку и культуре речи для учащихся медицинских специальностей // III Международный конгресс исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и современность”. — М., 2007. — С.584–585.

Н. Г. Иванова, Л. Г. Кириченко, Т. В. Пахалкова-Соїч

ПРИНЦИПИ СТВОРЕННЯ НАВЧАЛЬНИХ ПРОГРАМ З НАУКОВОГО СТИЛЮ МОВЛЕННЯ

У статті розглядаються основні положення створення тематично орієнтованих навчальних програм-тренажерів з наукового стилю мовлення для студентів-иноземців підготовчого факультету (медико-біологічний профіль). У програмах, спрямованих на розвиток навичок трансформації граматичних конструкцій на матеріалі наукового стилю мовлення, опрацьовуються типові лексико-граматичні моделі та їхні модифікації, що віддзеркалюють комунікативні потреби студентів у навчально-професійній сфері.

Ключові слова: науковий стиль мовлення, трансформація граматичних конструкцій, типові лексико-граматичні моделі, навчальні програми-тренажери.

N. G. Ivanova, L. G. Kirichenko, T. V. Pakhalkova-Soich

PRINCIPLES OF CREATING TRAINING PROGRAMS FOR SCIENTIFIC STYLE OF SPEECH

The article deals with the basic principles of subject-oriented training programs — simulators for scientific style of speech for foreign students of the preparatory faculty (medical-biological orientation). In programs aimed at developing the skills of transformation of grammatical structures on the material of the scientific style of speech, typical models of vocabulary-grammatical patterns and their modifications are trained.

Key words: scientific style, the transformation of grammatical structures, typical vocabulary-grammatical model, training programs.

Л. Г. Овчаренко, И. Г. Миракьян

Организация и обеспечение самостоятельной работы иностранных студентов как способ интенсификации обучения

В статье рассматривается системный подход к самостоятельной работе иностранных студентов подготовительного факультета, анализируются структурные и функциональные элементы, предлагается алгоритмизация процесса обучения студентов умениям самостоятельной деятельности и самоконтроля.

Ключевые слова: системный подход, структурные и функциональные элементы, умения, самоконтроль, самостоятельная работа.

Самостоятельная работа иностранных студентов за все годы их обучения в вузах Украины не была представлена как педагогическая подсистема, где чётко прослеживалась бы взаимосвязь множества структурных и функциональных компонентов. Между тем, необходимость в научном обосновании системного представления самостоятельной работы продиктована целым рядом объективных факторов:

- осознанной потребностью в формировании умений самостоятельной деятельности с целью интенсификации процесса обучения;
- накоплением достаточного педагогического опыта и учебно-методических материалов для организации и обеспечения СРС;
- отбором эффективных средств, способов и методов педагогического воздействия;
- наличием преподавательского состава, владеющего суммой знаний и умений, соответствующих целям системы;
- наличием контингента иностранных студентов, испытывающих потребность в подготовке к самостоятельной деятельности.

Исследуя указанную проблему на уровне педагогической системы подготовительного факультета для иностранных граждан, мы пришли к выводу, что оптимизация СРС напрямую зависит от уровня целостности и системности подходов к её решению. Это позволило алгоритмизировать СР на каждом этапе обучения иностранных студентов, включая как структурные (внешние), так и функциональные (внутренние) элементы деятельности [см. табл. 1].

По нашему мнению, внешние элементы — это: целевые установки, соответствующие этапу обучения; учебно-методические материалы; источники получения дополнительных знаний; формы, способы, приёмы организации СР, с помощью чего осуществляется как управление указанной деятельностью преподавателями, так и контроль получаемых результатов. Внутренние элементы: мотивы деятельности; личный опыт обучаемых; подготовленность к самостоятельным учебным действиям; уровень эрудиции и мыслительной деятельности — учитываются и развиваются в процессе СР.

Анализ уровней подготовленности иностранных студентов к СР показал, что только 8–10 % обучаемых имеют достаточный уровень, ещё 18–20 % готовы к отдельным видам самостоятельной деятельности, а более 70 % студентов не готовы к ней вообще.

Названные данные были подтверждены в результате апробации специализированных материалов, разработанных преподавателями подготовительного факультета для самостоятельной работы иностранных студентов.

Была выделена основная психолого-педагогическая задача для преподавателей: обеспечить последовательное развитие самостоятельного мышления студентов в процессе выполнения определённых заданий.

При построении стратегии обучения учитывалось, что мышление представляет собой активный процесс переработки получаемой информации; следовательно, развитие *самостоятельного*

мышления предполагает не только наличие собственной точки зрения и суждения, но и умение контролировать и оценивать собственную деятельность на каждом этапе.

Именно последовательность в формировании умений преобразовывать внешние действия во внутренние, умственные, является, по мнению А. Н. Леонтьева, позитивным результатом самостоятельного учения. Данное положение стало основным принципом при разработке учебно-методических специализированных материалов, разделов в учебниках, учебных пособиях, направленных на развитие навыков самообучения.

Так была решена основная дидактическая задача для студентов: овладение специфическими приёмами самостоятельной учебной работы и самоконтроля, приёмами познания неизвестного, а также частично исследовательскими методами в результате активного внедрения в языковую практику.

На практике все задания для СРС можно классифицировать следующим образом:

Воспроизводящие виды СР по образцу, которые проводятся с целью запоминания способов действий в конкретных ситуациях (признаков понятий, фактов и определений), формирования умений и навыков и их прочного закрепления. Такие задания на начальном этапе обучения формируют основы самостоятельной познавательной деятельности обучаемых.

Конструктивные или вариативные виды СР позволяют на основе полученных ранее знаний самостоятельно определить конкретные способы решения в новых ситуациях. Задания такого типа формируют умения осмысленного переноса знаний, учат анализировать факты, события, явления, позволяют обучаемым освоить определённый (дозированный) набор методов познавательной самостоятельной деятельности, способствуют развитию внутренних мотивов к учению, создают условия для развития мыслительной активности.

Эвристические виды самостоятельной работы формируют умения поиска ответа за пределами знакомого образца. Такие задания ориентированы на творческую активность студентов. Как правило, их развивающая цель трансформируется в творческую самостоятельную работу студентов (сочинения, участие в конкурсах, оформление записных книжек, стендов и т.п.).

Организаторскую деятельность преподавателей факультета мы рассматривали как функцию управления самостоятельной работой студентов, исходя из того, что любая деятельность, в том числе и учебно-познавательная, характеризуется чётким осознанием цели, что предполагает объединение всех компонентов подсистемы СР в единое целое и позволяет смоделировать результат (умения, знания, личностные качества обучаемых) в форме отдельного перечня с соответствующими психологическими и лингвометодическими характеристиками.

Именно целеполагание позволяет успешно управлять СРС через алгоритмизацию данного процесса, что проявляется прежде всего в разработке общих требований к специфическим учебно-методическим материалам по СР и контролю знаний и умений студентов.

Задания выстраиваются на основе определения цели и мотивации; через однозначную формулировку к их выполнению. Формулировка подчиняется общим требованиям, которые проявляются как в деятельности преподавателей, так и студентов; отражается в содержании основных учебников/учебных пособий, в средствах достижения цели, а также в контролирующих материалах при определении результатов; детализирует общую цель для её пошагового выполнения без дополнительного комментария преподавателя.

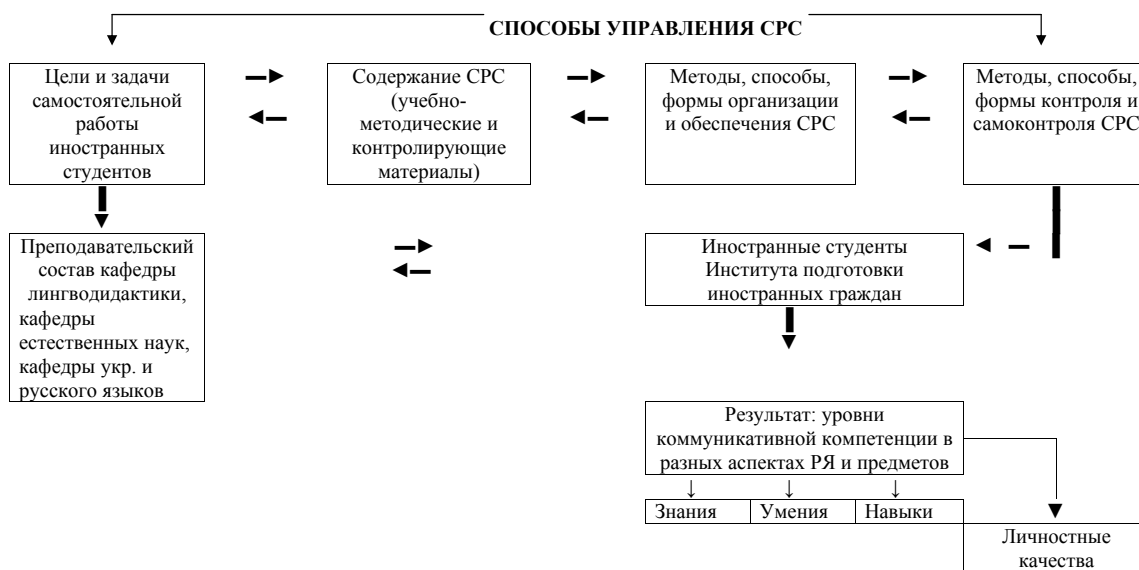
В зависимости от цели и содержания задания в практике обучения иностранных студентов используются как индивидуальные, так и групповые или коллективные формы.

Уровни умений в самостоятельной работе студентов условно можно разделить на 4 блока, взаимосвязанных по содержанию и усложняющимся приёмам деятельности.

Первый блок — репродуктивные умения; второй — логические; третий — умения систематизации и анализа; четвёртый — поисковые (частично исследовательские) умения, которые и являются объектами контроля.

Научно-практический подход к проблеме самостоятельной работы иностранных студентов начального этапа обучения позволяет не только методически обоснованно алгоритмизировать данную подсистему учебной деятельности, но и проецировать разработанные на подготовительном факультете принципы и требования на дальнейшее обучение иностранцев в вузах Украины в русле Болонского процесса.

Модель СРС в учебно-воспитательной системе

1. Алеева А. Я. Компоненты структуры готовности иностранных учащихся к обучению в вузе // Международное сотрудничество в образовании: Материалы научно-практической конференции. — СПб. — 2002. — Ч. II. — С.122–125.
2. Галочка И. К. Самостоятельная работа — специфическая форма учебной деятельности иностранных студентов // Профессионально-педагогические традиции в преподавании русского языка как иностранного. Язык — Речь — Специальность: Материалы Международной научно-практической конференции. — М.: РУДН, 2005. — Ч. I. — С. 129–139.
3. Гальперин П. Я. Психология мышления и учения в позитивном формировании учебных действий // Исследование мышления в советской психологии. — М., 1996.
4. Талызина Н. Ф. Педагогическая психология: Учебник для студ. средн. пед. уч. завед. — 3-е изд. — М.: Академия, 2001.
5. Фарисенкова Л. В. Уровни коммуникативной компетенции в теории и на практике. — М., 2000.

L. G. Ovcharenko, I. G. Mirakian

ORGANIZATION AND PROVISION OF INDIVIDUAL WORK AS ONE OF THE METHODS OF FOREIGN STUDENT'S TEACHING PROCESS INTENSIFICATION

The article investigates the systematic approach to the individual work of foreign students of the preparatory course, structural and functional elements, the algorithm of teaching, abilities of individual activity and self-control.

Key words: the systematic approach, structural and functional elements, abilities, self-control, individual activity.

Л. Г. Овчаренко, І. Г. Міракіан

ОРГАНІЗАЦІЯ ТА ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ САМОСТІЙНОЇ РОБОТИ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ ЯК ЗАСІБ ІНТЕНСИФІКАЦІЇ НАВЧАННЯ

У статті розглядається системний підхід до самостійної роботи іноземних студентів підготовчого факультету, аналізуються структурні та функціональні елементи, пропонується алгоритмізація процесу навчання студентів умінням самостійної діяльності та самоконтролю.

Ключові слова: системний підхід, структурні та функціональні елементи, уміння, самоконтроль, самостійна робота.

И. В. Черновалюк

О принципах создания программы дисциплины “Русский язык как иностранный”

В статье представлены основные положения образовательной программы по русскому языку для иностранных студентов предвузовского этапа обучения. Описаны структура и содержание программы, задачи и цели обучения РКИ, обусловленные коммуникативными потребностями иностранных учащихся, требования к уровню сформированности речевых умений и навыков, определены перспективы разработки различных программных и учебных материалов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), образовательная программа, основные виды речевой деятельности, модульно-рейтинговая технология обучения, профессиональный модуль, научный стиль речи, коммуникативная и языковая компетенция.

При подготовке и обучении иностранных студентов на подготовительных факультетах высших учебных заведений вопросы, связанные с организацией и планированием учебной деятельности, продолжают оставаться в центре внимания. Планирование с целью оптимизации и совершенствования учебного процесса предполагает разработку необходимых документов, представляющих содержание учебной информации, последовательность и формы ее изучения. Основными документами, определяющими направление и содержание подготовки специалистов, являются государственные образовательные стандарты, примерные рабочие программы дисциплин и учебно-тематические планы. В связи с присущим образовательному процессу динамизмом и современными тенденциями в практике преподавания и обучения нормативные материалы для различных уровней обучения русскому языку требуют постоянной корректировки и обновления [4:88].

Современное состояние теории обучения иностранному языку и накопленные знания вызывают необходимость вернуться к рассмотрению учебно-методического обеспечения учебного процесса при обучении иностранных студентов русскому языку с позиций перехода к принципам Болонского соглашения — переходу к Государственным образовательным стандартам третьего поколения [2:110]. В условиях системных преобразований, модульно-рейтинговой технологии обучения для каждой дисциплины, изучаемой иностранными студентами на этапе предвузовской подготовки, необходимой является разработка усовершенствованных рабочих программ нового поколения, выполненных на модульно-рейтинговой основе [1:357].

В Одесском национальном университете им. И. И. Мечникова на подготовительном отделении для иностранных студентов в соответствии с последними требованиями и рекомендациями разработан пакет нормативных образовательных документов, включающий рабочие программы по языковым и специальным дисциплинам, рабочую программу к дисциплине “Украинский язык как иностранный” для иностранных студентов начального и продвинутого этапов обучения, “Русский язык как иностранный” для иностранных студентов подготовительных факультетов высших учебных заведений и рабочую программу по научному стилю речи для иностранных студентов, обучающихся по филологическому (гуманитарному) профилю.

Рабочая программа дисциплины “Русский язык как иностранный” разработана для иностранных студентов предвузовского этапа, обучающихся в условиях модульно-рейтинговой технологии с учётом специфики обязательной профильной направленности обучения — профессионального модуля “Филология”. Данная программа рассчитана на 838 аудиторных часов, отведённых на русский язык в соответствии с сеткой часов, предусмотренной учебным планом для подготовки и обучения иностранных студентов филологического (гуманитарного) профиля. При составлении программы были использованы материалы “Программы дисциплины “Русский язык” для студентов-иностранцев подготовительных факультетов высших учебных заведений Украины” [3:77], рекомендованной Научно-методической комиссией Министерства образования и науки Украины для подготовки иностранных граждан. В основу составлен-

ной программы положены такие лингвистические и дидактические принципы, как научность, системность, функциональность, концентризм, минимизация, последовательность в предъявлении языкового материала и др. Программа составлена с учётом основных целей и задач предвузовского этапа обучения, определяемых профессиональными, коммуникативными и познавательными потребностями иностранных студентов.

Данная рабочая программа состоит из трёх основных частей и нескольких приложений. В первой части представлены положения, связанные с организацией и управлением учебного процесса. Во второй части содержится собственно языковой материал, описанный тематически и объединённый в логически структурированные единые учебные модули. В третьей части описаны интегрированные требования к знаниям, умениям и навыкам, предъявляемые к уровням владения языком в соответствии с основными видами речевой деятельности: чтением, письмом, говорением и аудированием. В приложениях даются обобщающие таблицы с основными синтаксическими моделями научного стиля речи профессионального модуля “Филология”, а также рекомендуемый дидактический материал для использования в учебном процессе: учебные комплексы и пособия, методические разработки, материалы для работы в лингафонном кабинете, электронные ресурсы, компьютерные программы и т.д.

В первую часть включены предисловие (пояснительная записка), цели обучения, обусловленные коммуникативными потребностями иностранных учащихся, основные задачи и структура курса, организационные положения: формы обучения, объём аудиторных учебных занятий, самостоятельной работы в часах, организация контроля, формы проведения текущего и итогового контроля, рейтинговая система оценивания, модульная система обучения (содержание модуля, модульный контроль, учебный пакет модульных заданий).

Основной целью обучения русскому языку на подготовительных факультетах является подготовка иностранных студентов к обучению на первом курсе высших учебных заведений. Эта цель является комплексной, включает в себя коммуникативные, образовательные и воспитательные цели и предполагает овладение русским языком как “рабочим языком” для дальнейшего обучения в вузах Украины по избранной специальности, как средством общения и как средством ознакомления с русскими и украинскими страноведческими реалиями [3:79]. Профессиональные задачи решаются путём воспитания профессионального отношения к будущей специальности и к изучаемому языку как объекту будущей деятельности.

Проблематика научно-обоснованного содержания обучения находит своё выражение во второй части программы, которая представляет собой языковой материал по РКИ с последовательным расширением за счёт материалов по научному стилю речи со списком обязательных для данного профессионального модуля синтаксических моделей и конструкций. В основе составленной программы лежит обязательный языковой минимум, представленный тематически в соответствии с основными разделами русского языка: фонетика, морфология, лексика, словообразование, синтаксис. В отличие от разработанных ранее образовательных программ к курсу “Русский язык как иностранный” в данной программе языковой материал скомпонован не отдельно по каждому из указанных разделов, а в комплексе, в той системе и последовательности, которая традиционно реализуется в практике преподавания и обучения РКИ. В программе содержится полный перечень грамматических и лексических тем, предъявленных системно, в строгой и логической последовательности в соответствии с обязательным программным материалом по русскому языку. При этом лексико-грамматические темы, предлагаемые для изучения, представлены в сетке учебных недель и аудиторных часов в соответствии с учебным планом.

С целью организации обучения как коммуникативно-ориентированного и формирования коммуникативной компетенции учащихся в третий раздел программы включены основные требования к уровням (элементарному, базовому) общего владения русским языком как иностранным, содержание коммуникативно-речевой компетенции, описание речевых интенций, ситуаций и коммуникативно-значимых тем общения для выпускников подготовительных факультетов. Выявлен и определён круг стандартных ситуаций общения, в которых осуществляется коммуникация и реализуются коммуникативные намерения. Указана тематика, актуальная для данного уровня, в рамках которой осуществляется речевое общение.

В данной рабочей программе содержится ряд приложений, в которых представлены основные модели и синтаксические конструкции научного стиля речи в таблицах; основная и допол-

нительная учебная литература по русскому языку как иностранному; основная учебная литература по научному стилю речи для иностранных студентов филологического профиля, а также электронные ресурсы для самостоятельного изучения русского языка в Интернете, специальные лингвистические сайты, компьютерные программы и дистанционные курсы, размещённые в Интернете для иностранных студентов-филологов, например, www.linguarus.com и др.

В соответствии с профильным обучением иностранных учащихся на подготовительном факультете с 6–7 учебной недели вводится материал по научному стилю речи. В данной рабочей программе научный стиль речи представлен компактно, последовательно, с указанием конкретной темы, соответствующего урока и с обязательным списком синтаксических моделей. В предъявлении тематического курса по научному стилю речи для филологов выдержана традиционная последовательность. Первые уроки соответствуют вводно-предметному курсу по НСР и обеспечивают ввод каждой из специальных дисциплин для гуманитариев (введение в специальность, история, литература, география). Во втором семестре предъявляется языковой материал, в основу которого положено описание системы языка в прикладных целях, с презентацией необходимой научной терминологии и синтаксическими моделями.

К данной рабочей программе для обучения русскому языку подготовлен развёрнутый Учебно-тематический план дисциплины “Русский язык как иностранный” с последовательным включением материалов по научному стилю речи. Учебно-тематический план полностью соответствует программному материалу, переключается с ним, но существенно дополняет, расширяет и конкретизирует его. При составлении учебно-тематического плана была реализована традиционная практика рубрикации основных разделов: учебная неделя; урок; академические часы; модуль; основная тема; реальные и учебные ситуации, ориентированные на развитие навыков всех видов речевой деятельности; темы, конкретизирующие и раскрывающие основной обсуждаемый модуль; тематическая лексика; грамматический материал, функционально связанный с обсуждаемой темой и типами речи; способы обучения; самостоятельная работа студентов; методическое обеспечение; электронные ресурсы; компьютерная поддержка и т. д.

Таким образом, образовательные программы и учебные планы, разработанные в соответствии с современными требованиями и рекомендациями, являются одним из важнейших средств обеспеченности, управления учебного процесса и совершенствования профессиональной деятельности. Система материалов образовательной программы и учебно-тематического плана по русскому языку для иностранных студентов представляется научно обоснованной, методически целесообразной, необходимой для подготовки контрольных, модульных и тестовых заданий, перспективной в плане дальнейшей работы со справочными и учебно-методическими материалами, учебными пособиями и учебно-тематическими комплексами.

1. Алёхина С. В., Бондарчук М. Н. Первый этап освоения кредитно-модульной системы в период предвузовской подготовки иностранных студентов по русскому языку // Русский язык и литература: Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе: Сб. науч. трудов. — К., 2006. — С. 357–361.
2. Никитина Е. А., Никитин А. А. Проблемы учебно-методического обеспечения подготовки иностранных учащихся в российских вузах // Учебный процесс как основа комплексной адаптации иностранных студентов к новой образовательной, социальной и культурной среде: Материалы междунар. юбилейной научно-практ. конф. — Одесса, 2005. — С. 110–112.
3. Программа дисциплины “Русский язык” для студентов-иностранцев подготовительных факультетов высших учебных заведений Украины. — К., 2004. — С. 77–132.
4. Степаненко В. А. Проблемы преподавания русского языка сегодня: новые тенденции обучения // Русский язык за рубежом. — М., 2007. — № 4. — С. 87–91.

І. В. Черновалюк

ПРО ПРИНЦИПИ СТВОРЕННЯ ПРОГРАМИ ДИСЦИПЛІНИ “РОСІЙСЬКА МОВА ЯК ІНОЗЕМНА”

У статті представлені основні положення освітньої програми з російської мови для іноземних студентів довузівського етапу навчання. Описана структура та зміст програми, завдання та мета навчання РМІ, які обумовлені комунікативними потребами іноземців, вимоги до рівня сформованості мовленнєвих вмінь та навичок, визначені перспективи розробки різних програмних та навчальних матеріалів.

Ключові слова: російська мова як іноземна (РМІ), освітня програма, мовленнєва діяльність, основні види мовленнєвої діяльності, модульно-рейтингова технологія навчання, модульний контроль, професійний модуль, науковий стиль мови, комунікативна та мовна компетенція.

I. V. Chernovaliuk

THE PRINCIPLES OF “RUSSIAN AS FOREIGN” DISCIPLINE PROGRAM MAKING

The article deals with the main positions of *Russian for foreign students in pre-University stage* educational program. The author describes structure and content, aims and object of RAF, which are caused by communicative needs of foreign students. The demands to the level of speech abilities and practical skills are described, and prospective development of different programs and training aids are fixed.

Key words: Russian as Foreign (RAF), educational program, main aspects of speech activity, module and rating system of study, professional module, scientific style of speech, communicative and linguistic competence.

УДК 811.161.1'243:001.8:[37.041+376.68]

М. Межва

Метод проектов на занятиях по практическому курсу русского языка как образовательная технология XXI века

Статья посвящена использованию метода проектов на занятиях по практическому курсу русского языка. Рассматриваются теоретические основы проектного обучения, преимущества применения метода в процессе преподавания РКИ, типология проектов.

Ключевые слова: метод проектов, самостоятельная работа, обучение русскому языку как иностранному, работа в группе, индивидуальная работа.

Поскольку в центре внимания глоттодидактики находится не учитель, а учащийся, важнейшими проблемами в преподавании РКИ являются: саморазвитие, самообразование, самообучение, самореализация и самоконтроль обучаемых. Ускорение социального развития в современную эпоху требует от человека способности быстро приспосабливаться к меняющимся условиям жизни, заниматься самообразованием и самовоспитанием, выполнять работу с оптимальными затратами энергии. Среди достоинств современного человека наиболее ценны активная мыслительная деятельность, критичность мышления, поиск новых решений, желание и умение приобретать знания и умения самостоятельно, а также умение работать в коллективе и для коллектива, способность мотивировать команду для исполнения своей идеи. В связи с этим большое внимание в современной лингводидактике уделяется так называемым активным методам обучения, побуждающим обучаемых к самостоятельному приобретению знаний, активизирующим их познавательную деятельность, развитие мышления, формирование практических умений и навыков. Вследствие этого необходимым стало изменение существующей дидактической парадигмы, ориентированной на традиционное репродуктивное обучение, за счёт индивидуализации обучения, изменения применяемых дидактами средств, форм и методов работы в аудитории, внедрения новых технологий.

Студенческая самостоятельность позволяет перейти от уровня репродукции к уровню творческой деятельности. Самостоятельная работа — это самостоятельное выполнение обучающимися определенных заданий, которое осуществляется в разных формах: письменной, устной, индивидуальной или групповой. Планирование деятельности, реалистическое восприятие индивидуальных возможностей, умение работать с информацией особенно важны в учебном процессе. Самостоятельная работа (на занятиях или дома) является одним из важнейших элементов познавательной деятельности учащихся. Она стимулирует работоспособность, творческое отношение к овладению знаниями, умениями и навыками на иностранном языке, а также повышает прочность студенческих знаний.

Необходимостью в дидактике преподавания иностранного языка, в том числе русского, является устранение доминирующей роли преподавателя. Введение в педагогические технологии элементов исследовательской деятельности учащихся позволяет обучающему не столько учить, сколько помогать учащемуся учиться самостоятельно, направлять его познавательную деятельность. Одним из наиболее распространенных видов исследовательского труда обучаемых в процессе преподавания РКИ в XXI веке является метод проектов.

Метод проектов — это “основанная на прагматической педагогике форма организации обучения, заключающаяся в том, что сами учащиеся намечают себе те или иные практические задания (проекты) и в процессе их выполнения приобретают знания и навыки” [4:685–686]. Иначе говоря, это совокупность педагогических действий, осуществляемых педагогом и студентами с целью активизации познавательных интересов обучаемых, направленных на получение, закрепление и совершенствование знаний, умений и навыков, развитие творческих способностей и приобретение опыта практического решения самостоятельно поставленных задач, гипотез. В основе метода проектов лежит развитие умения ориентироваться в информационном пространстве, а также развитие критического мышления. Стоит подчеркнуть и воспитательный потенциал метода проектов. Метод проектов ориентирован на индивидуальную, парную или групповую деятельность учащихся, которую они выполняют в течение определенного отрезка времени. Современный проект — это дидактическое средство активизации познавательной деятельности, развития креативности и одновременно формирования определенных личностных качеств (уверенность в себе, тщательность, обязательность выполнения заданий в определенные сроки, взаимопомощь, равноправие и свободу в выражении идей, концептов).

Цель проектного обучения состоит в создании условий, при которых студенты-русисты, работая индивидуально или в группах, приобретают коммуникативные умения, знания из разных источников (изучение дополнительных материалов, литературы, справочников, энциклопедий, словарей, путеводителей, журналов, газет, книг, рекламных буклетов, брошюр, расписания движения поездов и т.п., обращение к банку данных, к учителям, преподавателям, родителям, другим членам семьи, к СМИ, Интернету, библиотеке). Посредством метода проектов обучаемые вырабатывают исследовательские умения и творческое мышление, учатся использовать приобретённые знания, новую информацию для решения разного типа познавательных и практических задач. Сутью метода является стимулирование мотивации и интереса учащихся к конкретным проблемам, предполагающим владение определенными знаниями, умениями с целью решить одну или несколько проблем. Стоит подчеркнуть, что метод проектов предполагает осознанную цель, без чего целенаправленная студенческая деятельность невозможна. От студентов, в свою очередь, требуется умение соединить знания из разных областей и сфер жизни, самостоятельно организовать свою учебно-познавательную деятельность и применять теорию в практике.

Работа над проектом состоит из составления реального плана действий, который формируется и уточняется студентами на протяжении всего периода выполнения проекта и реализации его. Сама работа над проектом начинается с постановки целей. Цели являются базисным элементом проекта, и участники данного проекта должны заботиться о том, чтобы все усилия направлять на достижение этих целей. Сначала студентами определяются самые общие цели, затем ставятся более конкретные цели. В конце концов, каждый участник работы получает конкретную задачу, которую ему надо решить и рассказать о своём решении группе. В работу над проектированием входит также текущий контроль, анализ и оценка выполняемых задач, подведение итогов, корректировка и выводы. Важно, чтобы результаты выполненных проектов были

материальны (альбом, экскурсия, мультимедийная презентация, компьютерная газета, научный доклад, демонстрация видеofilьма, инсценировка, спектакль, реклама и т.д.). Критерии оценки проекта, в свою очередь, должны быть понятны. Оцениваться прежде всего должно качество работы в целом, а не только итоговая презентация.

- Преимущества применения метода проектов в обучении РКИ обеспечивают:
- качественные изменения глоттодидактического процесса;
 - дисциплинированность на занятиях;
 - более тщательную подготовку учащихся к занятиям;
 - связь учёбы с реальной жизнью, реальными проблемами, ситуациями;
 - эффективность и повышение темпа усвоения нового учебного материала;
 - удовлетворение и истинную радость учащимся от результатов предпринятой ими активности и усилий;
 - чувство независимости и самосовершенствования от результативной самостоятельной работы;
 - постепенное повышение мотивации, энтузиазма и заинтересованности учащихся в работе;
 - рост творческого потенциала обучаемых и уверенности в себе;
 - развитие навыков самоконтроля;
 - осознание необходимости полученных знаний и умений в дальнейшем обучении;
 - выработку умений свободно высказываться на изучаемом иностранном языке;
 - формирование умений работать в группе (коммуникативные умения), выработку уважения к коллегам, к чужим идеям, решениям;
 - использование межпредметных связей;
 - улучшение личностного воспитания.

Типология проектов.

Чтобы овладеть методом проектов, необходимо учитывать, что проекты могут быть разными и использование их в учебном процессе требует от обучающего тщательной подготовки. Первую в мире классификацию учебных проектов предложил американский профессор Коллингс.

Проекты игр — различные игры, народные танцы, драматические постановки, спектакли и т.п.

Экскурсионные проекты — целесообразное изучение проблем, связанных с общественной жизнью.

Повествовательные проекты — те, целью которых является получение удовольствия от рассказа в самых разнообразных формах: устной, письменной, вокальной (песня), музыкальной.

Конструктивные проекты — создание конкретного, полезного продукта, напр.: строительство сцены для театра и т.п.

Разные признаки обусловили типологические разновидности метода проектов:

1. По признаку метода, доминирующего в проекте, метод проектов может проявляться как *исследовательский, творческий, информационный, ролево-игровой, ознакомительно-ориентировочный* и др.

2. По характеру координации проекта: *непосредственный* или *скрытый* (неявный, имитирующий члена группы, работающей над проектом).

3. По количеству участников проекта: *индивидуальный=персональный, личностный* (между двумя партнёрами), *парный* (между парами участников), *групповой* (между группами участников).

4. По продолжительности различают: *минипроекты* (укладываются в один урок или даже его часть), *недельный* (предполагается сочетание классных и внеклассных форм работы), *краткосрочный* (для решения небольшой проблемы или части более крупной проблемы), *средней продолжительности* (от недели до месяца), *долгосрочный* (от месяца до нескольких месяцев, выполняется, как правило, во внеурочное время).

5. По комплексности проекты могут быть *монопроектами* (реализуются в рамках одного учебного предмета или одной области знаний) и *межпредметными* (выполняются во внеурочное время под руководством специалистов разных научных дисциплин).

Подытоживая, надо подчеркнуть, что необходимостью лингводидактики XXI века является не только передача студентам знаний, но и обучение их приобретению этих знаний самостоя-

тельно, умению пользоваться приобретёнными знаниями для решения новых познавательных и практических задач, которые появятся в их жизни и работе. Не менее существенным является также обучение студентов-русистов работе в разнообразных группах, умению выполнять разные социальные роли. Если студент приобретает эти навыки и умения, он оказывается более приспособленным к реальной жизни, к реальным проблемам и сможет адаптироваться к меняющимся условиям, ориентироваться в разных ситуациях, сотрудничать с коллегами, работая в разных коллективах.

1. *Garstecka M.* Metoda projektów w nauczaniu i uczeniu się języków obcych specjalistycznych // M. Jodłowiec, A. Niżegorodcew. *Dydaktyka języków obcych na początku XXI wieku.* — Kraków, 2007. — S.292–301.
2. *Królikowski J.* Projekt edukacyjny. — Warszawa, 2000.
3. *Mikina A., Zajac B.* Jak wdrażać metodę projektów? Poradnik dla nauczycieli i uczniów gimnazjum, liceum i szkoły zawodowej. — Kraków, 2004.
4. *Кауров И. А.* и др. Педагогический словарь. — М., 1960. — Т.1.

M. Mierzwa

PROJECT WORK IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE 21ST CENTURY

The present article deals with incorporating project work for effective Russian teaching at the university level. The aim of this paper is to prove the usefulness of project work in teaching practical Russian. Project work is perceived here as a source of student's motivation as well as a mean of enhancing the attitude and interest towards learning Russian as a foreign language. Moreover, the author tries to stress its influence on students' autonomy, cooperation and communication.

Key words: project method, FLT, student's autonomy, teaching Russian as a foreign language, team work, individual work.

М. Межва

МЕТОД ПРОЕКТІВ НА ПРАКТИЧНИХ ЗАНЯТТЯХ З РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ЯК ПЕДАГОГІЧНА ТЕХНОЛОГІЯ ХХІ СТОЛІТТЯ

У статті розглянуто застосування методу проектів на практичних заняттях з російської мови. Показано теоретичні основи проектного навчання, визначено переваги застосування методу проектів, а також подано типологію проектів.

Ключові слова: метод проектів, самостійна робота, навчання російській мові як іноземній, робота в групі, індивідуальна робота.

Д. Танась

Аспектно-комплексное формирование языковой компетенции при обучении польских студентов-русистов

Статья посвящена формированию лингвистической компетенции у польских студентов-русистов с учётом аспектно-комплексного подхода в обучении иностранному языку. Раскрываются основные положения аспектно-комплексного подхода в преподавании языков, указываются закономерности усвоения близкородственного кода коммуникации, предлагаются дидактические средства, способствующие овладению нормами русского литературного языка.

Ключевые слова: языковая компетенция, аспектно-комплексный подход, лингвистическая теория, речевая деятельность.

Главной целью изучения любого иностранного языка, в том числе русского, является овладение им как средством свободного общения. Коммуникативная компетенция студента не может быть сформирована без языковой компетенции. Следует отметить, что уже не одно десятилетие обсуждается вопрос о комплексности и многоаспектности преподавания иностранных языков. В современной методике понятие комплексности включает понятие многоаспектности преподавания языка. В рамках ведущих в настоящее время системно-функционального и коммуникативно-деятельностного подходов к обучению языкам комплексность понимается как сложное иерархическое единство: а) взаимосвязь разных языковых уровней (в методике — аспектов преподавания): фонетики, лексики, орфографии, морфологии, словообразования; б) взаимосвязь разных видов речевой деятельности при обучении; в) формирование коммуникативно-языковых умений и навыков.

Обучение русскому языку как иностранному опирается на гармоничное сочетание и взаимодействие системного и функционального подходов к обучению. Системный подход ориентирует студента на организацию понимания и сохранения в памяти сведений о языке, о действующих в нём закономерностях, моделях, правилах. Целью такого обучения является узнавание, распознавание фактов языка, их группировка и дифференциация по определённым признакам. Второй, функциональный подход, способствует формированию у обучаемых навыков использования языка как средства реализации актуальных коммуникативных задач.

С позиции теории речевой деятельности аспектное обучение направлено на дифференцированное формирование речевых навыков разного типа, которые являются частью речевых умений. Синтез таких навыков, отработка их взаимодействия в речи осуществляются на практических занятиях по русскому языку, носящих комплексный характер. В этом случае комплексное обучение понимается как преподавание, направленное на формирование речевых умений. В современной методике, как известно, выделяются как аспектные, так и комплексные занятия. При этом понятия аспектного и комплексного обучения не противостоят друг другу. Аспектное обучение следует противопоставлять неаспектному, а комплексное обучение — дифференцированному обучению по видам речевой деятельности. Критерии противопоставления следующие: в первом случае — характер отрабатываемых на занятиях речевых навыков, во втором — степень комплексности коммуникативных умений.

Практические занятия по русскому языку для польских студентов-филологов являются повторительно-обобщающими. Назначение курса — обобщение и систематизация изученного ранее языкового материала, привлечение ранее усвоенных знаний в рамках предмета «Описательная грамматика». Отсюда следует важнейшая цель повторительно-обобщающего курса — усвоение обучаемыми единиц языка различных уровней в их взаимосвязи и функционировании.

Как упоминалось выше, основной целью обучения иноязычной речи на филологических факультетах является подготовка специалистов, в совершенстве владеющих иностранным языком. Это значит, что в процессе обучения неродному языку студент должен овладеть адекватными средствами оформления мысли, которые употребляются в речевых ситуациях носителями язы-

ка. Правильность и нормативность иноязычного порождения текста обуславливается степенью сформированности у обучаемых именно языковой компетенции.

В “Словаре методических терминов” Э. Г. Азимова и А. Н. Шукина языковая компетенция характеризуется как “владение системой сведений об изучаемом языке по его уровням: фонетика, лексика, состав слова и словообразование, морфология, синтаксис, основы стилистики текста” [1: 47]. Учащийся обладает языковой компетенцией, если он имеет представление о системе изучаемого языка и может пользоваться этой системой на практике. По Н. Хомскому, владение языковой компетенцией означает “способность понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения” [1: 407].

Определяя языковую компетенцию, А. Шульц соотносит степень её сформированности с этапом обучения: “... языковая компетенция — это степень овладения кодом языка-цели на данном этапе обучения” [15: 110].

В исследовании “Пороговый уровень” лингвистическая компетенция определяется как “способность учащегося конструировать грамматически правильные формы и синтаксические построения, а также понимать смысловые отрезки в речи, организованные в соответствии с существующими нормами языка, и использовать их в том значении, в котором они употребляются носителями языка в изолированной позиции” [9: 15].

Данные терминологические определения почти созвучны. Следовательно, можно сказать, что лингвистическая компетенция предполагает:

- владение студентами системой знаний об изучаемом языке на всех его уровнях: фонетика, лексика, состав слова и словообразование, морфология, синтаксис;
- сформированность у студентов орфографических и пунктуационных умений и навыков;
- способность конструировать грамматически правильные формы и синтаксические конструкции; понимать смысловые отрезки в речи, организованные в соответствии с существующими нормами русского языка;
- правильное использование языковых средств в связном высказывании.

Структура языковой компетенции многокомпонентна и включает:

- интеллектуальный компонент (языковое мышление);
- логический компонент (владение логико-грамматическими, орфографическими, пунктуационными операциями);
- языковой компонент (осмысление и знание языковой теории, сформированность учебно-языковых, орфографических и пунктуационных умений и навыков);
- речевой компонент (способность к творчеству).

Языковая компетенция обучаемых включает овладение знаниями (усвоение фактов, лингвистических понятий, категорий, правил по всем разделам русского языка; оперирование основными лингвистическими терминами), умениями и навыками (распознавание языковых фактов и явлений, установление их сходства и различий, умение выполнять все виды языкового разбора, анализировать единицы разного уровня с точки зрения строения, значения и назначения в речи).

Аспектно-комплексный подход, по определению Э. Т. Азимова и А. Н. Шукина, это направление в преподавании иностранных языков, при котором в рамках практического курса выделяются отдельные аспекты обучения, представляющие разные уровни языка (фонетический, лексический, грамматический), разные дисциплины (перевод, лингвострановедение, анализ художественного текста) при комплексном характере обучения в целом. Занятия с выделением отдельных аспектов имеют своей конечной целью формирование и развитие языковой и коммуникативной компетенции в четырёх видах речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо) [1: 27]. Основой для комплексного обучения фонетике, графике, лексике и грамматике Т. И. Капитонова считает тот факт, что в речи все эти аспекты языка взаимосвязаны, и, соответственно, в коммуникативно-ориентированной дидактике обучать одному из них в отрыве от других нельзя [6:101].

Теоретической основой аспектно-комплексного подхода является применение элементов когнитивного и коммуникативного подходов в едином дидактическом процессе [11: 91], в котором введение и презентация учебного материала происходит сознательно с применением проблемных

методов обучения, а этап закрепления и автоматизации учебного материала протекает при выполнении коммуникативных упражнений, требующих аппликации полученных знаний и моделирующих ситуации реального общения. Особое значение для результативности учебного процесса имеет когнитивная направленность обучения, проявляющаяся в том, что в глоттодидактическом процессе важную роль играет познавательная деятельность студентов, развивающая их творческое мышление, которое должно привести к выработке иноязычного речевого стереотипа.

Ознакомление студентов с функционирующими единицами русского языка происходит в процессе изучения лингвистической теории, а работа по организации языковых средств в речи — при выполнении учебной речевой деятельности, в результате которой создаётся продукт этой деятельности — текст.

В процессе преподавания русского языка польским студентам-филологам необходимо учитывать объективные закономерности, связанные с усвоением близкородственного кода коммуникации. Путь к безошибочной иноязычной речи при обучении близкородственному языку (таким в польской аудитории является русский язык) довольно сложный и трудный, так как в родственных языках наблюдаем много сходных, аналогичных и похожих грамматических форм и категорий (в области морфологии), много близких по форме и семантике слов (в области лексики), наблюдаем целые конструкции и модели словосочетаний и предложений — с их структурой, значениями и типами союзной и бессоюзной связи (в сложных единицах) и т.п. Идентичные или сходные языковые явления в русском и польском языках облегчают и ускоряют процесс овладения определёнными языковыми средствами и категориями из разных языковых подсистем (сходная в фонетическом, семантическом и грамматическом плане лексика, сходные грамматические формы и категории, похожие модели высказывания и др.) благодаря положительному переносу умений и навыков из родного языка, особенно в области рецептивных видов речевой деятельности. Это сходство порождает процессы генерализации и трансфера умений и навыков из родного языка, а осознание разности языковых подсистем происходит труднее, возможно даже, что оно происходит лишь в результате вполне сознательного обучения. Близость языков оказывается важнейшей помехой в обучении правильному пользованию языками. В этом, пожалуй, одна из главных трудностей формирования правильного употребления языковых средств в условиях близкородственного двуязычия. Интерференционные ошибки — интегральное явление процесса аквизиции русского языка польскими обучаемыми. Основная профилактика отрицательного переноса — направленность обучения второму языку на выработку автономного производства текстов на обоих языках и оптимального самоконтроля за производством текстов; внимание к твёрдому усвоению правил функционирования языковых средств второго языка, опирающемуся на противопоставление структур, подвергающихся отождествлению, и направлению восприятия обучаемых особенно на различия в употреблении их в речи.

На качество лингвистической компетенции в изучаемом языке, как показывает практика работы в вузе, влияет не только родство языков и степень владения изучаемым языком, но и уровень лингвистической компетенции обучаемых в родном языке. Прочные лингвистические знания, касающиеся функционирования структур родного языка, являются основой для формирования иноязычной лингвистической компетенции. Общие лингвистические понятия и категории родного языка предопределяют формирование умственной познавательной структуры обучаемого по отношению к вводимой грамматической категории или явлению. Учитывая принцип сознательности в процессе овладения новым кодом коммуникации, при введении новых грамматических структур мы сначала привлекаем знания обучаемого относительно данной языковой структуры из родного языка, а затем сравниваются строение и назначение структур контактирующих языков, что способствует развитию рефлексивных умений и интернализации механизмов их функционирования.

Основу формирования лингвистической компетенции составляют практические методы и техники закрепления знаний о системе русского языка и правил функционирования языковых средств в речи в рамках отдельных аспектов обучения, представляющих разные уровни языка (фонетика, функциональная грамматика, лексика, орфография). Аспектное обучение направлено на формирование языковых навыков разного типа, которые являются частью речевых умений. Синтез таких навыков, их функционирование и взаимодействие в речи осуществляются на занятиях по практике речи, носящих комплексный характер.

Учёт в глоттодидактическом процессе аспектно-комплексного подхода предполагает применение на этапе введения языкового материала и усвоения знаний обобщающих моделей, таблиц, алгоритмов, схем, которые повышают познавательную активность обучаемых, способствуют более успешному и прочному запоминанию учебного материала.

Учебно-тематические модели как средство усвоения знаний используются в процессе изучения русского языка на всех ступенях обучения, а как средство обобщения и систематизации изученного материала — на старшей ступени обучения, а также в вузе.

Студенты, усваивая общие признаки языкового явления, формируют в своем сознании его модель, с которой впоследствии сравнивают новые явления. Таковы модели слога, фонемы, предложения; модели имени существительного, прилагательного, глагола, наречия и т.д. Модели могут иметь большую или меньшую степень обобщения, например, модель сложного предложения — и модель сложносочиненного предложения с союзом **но**. Самостоятельное составление моделей — одно из средств повышения познавательной активности студентов, которое должно использоваться в практике работы на старшей ступени обучения.

Учебные таблицы — традиционный, весьма распространенный вид зрительной наглядности, отражающий явления языка и окружающей действительности в графической форме.

Таблица — это словесное и графическое изображение темы. Наличие таблицы в учебном процессе активизирует внимание учащихся, способствует лучшему пониманию и запоминанию материала. На занятиях по языку большое распространение получили пиктографические таблицы, которые наряду с текстом включают рисунки. Образцы графической наглядности являются важным компонентом наглядных средств обучения русскому языку. Например, работа с использованием таблицы поможет студентам осмыслить место морфологии в языковой системе, уяснить ее главные отличительные признаки и функции, обрести основу для сознательной самостоятельной работы над морфологическими ресурсами русского языка. Работа с таблицами по русскому языку отражает один из возможных вариантов логики раскрытия языковой темы.

Учебные таблицы, как правило, посвящены одной теме и содержат материал для анализа. Однако таблицы для использования в процессе повторения материала по морфологии в вузе являются обобщающими. Они снабжены заданиями и вопросами, с помощью которых студенты смогут систематизировать основной теоретический материал по разделу. Задача педагога — построить так анализ таблицы, чтобы подвести учащихся к правильному выводу, воспроизведению изученного ранее материала.

Схемы — это графическое наглядное средство изображения материала по разделам курса языка, обобщения и моделирования, которое применяется на разных этапах обучения как организующее самостоятельное моделирование (в основном при обобщении и повторении).

Очень важно, чтобы схемы составлялись самими студентами, что повышает их познавательную активность в процессе обучения, учит обобщать и творчески решать проблемы.

Одним из основных требований к организации процесса обучения русскому языку студентов является постоянное внимание к языковым знаниям, которые влияют на успешное формирование практических речевых навыков, с помощью которых выполняются все виды речевой деятельности. Эффективное порождение речи предполагает осмысление студентами :а) языковых средств в единстве их структуры, семантики, функции; б) системы языковых средств, функционирующих в речи; в) системы речеведческих понятий, необходимых для создания текстов различных типов и жанров. Овладение же этими компонентами обеспечивает сформированность лингвистической (и в конечном результате, коммуникативной) компетенции.

1. Азимов Э. Т., Шуклин А. Н. Словарь методических терминов. — СПб., 1999.

2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. — М., 2004.

3. Жинкин Н. И. Механизмы речи. — М., 1958.

4. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. — М., 1985.

5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М., 1999.

6. Капитонова Т. И., Московкин Л. В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. — СПб., 2005.

7. Лысакова И. П. Русский язык как иностранный. — М., 2004.

8. Мурина Л. А. Практикум по методике преподавания русского языка. — Минск, 1999.

9. Пороговий уровень. Русский язык. — Страсбург, 1996.

10. Шукун А. М. Обучение иностранным языкам. — М., 2004.
11. Dziewanowska D. Aspektowo-kompleksowe nauczanie akcentuacji na studiach rusycystycznych. — Kraków, 2005.
12. Komorowska H. Nauczanie gramatyki języka obcego a interferencja. — Warszawa, 1980.
13. Markunas A. Wybrane zagadnienia dydaktyki języka kierunkowego na neofilologii. — Poznań, 1993.
14. Marton W. Dydaktyka języka obcego w szkole średniej. — Warszawa, 1978.
15. Szulc A. Słownik dydaktyki języków obcych. — Warszawa, 1997.
16. Woźniewicz W. Kierowanie procesem glottodydaktycznym. — Warszawa, 1987.

D. Tanas

THE ASPECT-COMPLEX SHAPING OF LINGUAL COMPETENCE OF POLISH STUDENTS-PHILOLOGISTS

The article is about problems in shaping the linguistic competence of polish students-philologists considering the aspect-complex approach. The impartial regularities of learning foreign language and methods of mastering of the literary standards of the Russian language are being discussed.

Key words: lingual competence, aspect-complex approach, linguistic science theory, speech.

Д. Танась

АСПЕКТНО-КОМПЛЕКСНЕ ФОРМУВАННЯ МОВНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ ПРИ НАВЧАННІ ПОЛЬСЬКИХ СТУДЕНТІВ-РУСИСТІВ

Статтю присвячено проблемі формування лінгвістичної компетенції польських студентів-русистів з урахуванням аспектно-комплексного підходу в навчанні іноземним мовам. Розкриваються основні положення аспектно-комплексного підходу у викладанні мов, вказано закономірності засвоєння близькоспорідненого коду комунікації, пропонуються дидактичні засоби, які сприяють оволодінню нормами російської літературної мови.

Ключові слова: мовна компетенція, аспектно-комплексний підхід, лінгвістична теорія, мовленнєва діяльність.

УДК [811.161.2+811.163.2+811.161.1]’93:376.68

Н. Я. Купрата, В. П. Ногай

Українсько-болгарсько-російський полілог при вивченні української мови як іноземної

У статті на лексико-граматичних прикладах методом порівняння пояснюються правила української граматики, проводиться полілог між українською, російською і болгарською мовами з метою результативного засвоєння й глибокого вивчення української мови як іноземної.

Ключові слова: полілог, українська мова, болгарська мова, російська мова, лінгводидактика, народна культура.

Полілог між українською, болгарською та російською мовами сприяє більш ефективному засвоєнню української мови як іноземної. Якщо викладач може провести паралель між мовою іноземця та українською мовою, показати спільні і відмінні риси обох мов, то засвоєння української мови стає набагато легшим і цікавішим.

Працюючи зі студентами болгарського походження, ми стараємося підібрати і подати навчальний матеріал так, щоб отримати найбільш ефективний результат: глибоке засвоєння курсу української мови. До мовознавчих тем включаються з навчальною метою тексти (монологічні та діалогічні) про Україну та український народ, його звичаї, історію.

Лінгводидактичний характер самостійних робіт визначається готовими практичними завданнями. Граматичні вправи, як і вся самостійна та аудиторна робота, структуровані в такій послідовності, яка орієнтується на більш можливий методичний варіант для осмислення, закріплення і творчого використання мовної одиниці.

Практичні завдання, які виходять з текстів, є різні за труднощами. Часто до них додаються зразки автентичні на вигляд, що допомагає студентам в подібних мовних ситуаціях правильно виконати завдання. Розглянемо деякі з них.

1. Изяснете лексикалното значение на думите с помощта:

а) на словосъчетание;

б) на изречение:

водопад, пристанище, крайбрежие, долина.

1. Поясните лексичне значення слів за допомогою:

а) словосполучень; б) речень:

болгар. мова	укр. мова	рос. мова
<i>водопад</i>	<i>водоспад</i>	<i>водопад</i>
<i>пристанище</i>	<i>прихисток</i>	<i>пристанище</i>
<i>долина</i>	<i>долина</i>	<i>долина</i>
<i>крайбрежие</i>	<i>узбережжя</i>	<i>прибережье</i>

2. Кое е общото и различното в лексикалните и граматичните значения на думите: *извор, извирам, вода, воден, извод.*

2. Що спільного і відмінного в лексичному і граматичному значенні слів:

болгар. мова	укр. мова	рос. мова
<i>вода</i>	<i>вода</i>	<i>вода</i>
<i>воден</i>	<i>водяний</i>	<i>водный</i>
<i>извод</i>	<i>висновок</i>	<i>вывод</i>
<i>извор</i>	<i>джерело</i>	<i>источник</i>
<i>извирам</i>	<i>з'являтися</i>	<i>появляются</i>

3. В следните думи: *скала, скалч, скалист, скален; планина, планински, планинска, планинар, планински* подчертайте само речниковите единици. Определете граматичното и речниковото значение на всяка от тях.

3. У запропонованих словах: *скала, скалч, скалист, скален, планина, планински, планинска, планинар, планински* підкресліть граматичну одиницю. Перекладіть ці слова на українську та російську мови, визначте граматичне та словникове значення кожного з них.

4. Посочете думите, които имат еднакъв звуков състав, но различно речниково значение.

Тя има разкошна руса коса. По ливадата вървеше човек с коса на рамо. От шосето се вижда тяхната вила. Той събираше изгнилата шума с желязна вила.

4. Знайдіть слова, які мають однакову кількість звуків, але різне синтаксичне значення. Перекладіть речення українською та російською мовами. Що спільного ви помітили?

5. В български и руски език се срещат думи с еднакъв звуков състав, но с различно лексикално значение. Ето някои от тях: *булка, гроб, гривна*. С помощта на речника определете лексикалното значение, с което тези думи се употребяват в български и руски език.

5. У болгарській, українській та російській мовах зустрічаються слова з однаковим звуковим складом, але з різним лексичним значенням, як наприклад, *булка, гроб, гривня*. [2: 31]

Складіть діалог. За допомогою словників визначте лексичне значення, в якому вживаються ці слова в болгарській, українській та російській мовах.

6. Даденият откъс от романа "Под игото" на Иван Вазов е преведен почти на всички славянски езици. Определете кои думи са общи за българския, руски и украински език. [1: 19]

6. Наведений уривок з романа "Під ігом" Івана Вазова перекладений майже на всі слов'янські мови. Визначте, які слова є спільні для болгарської, української та російської мов.

Български (болгарською мовою):

Пет дена вече Клисура се намира в революция. Всяко занятие е спряло; всякой друг интерес е забравен; възбуждение необикновено е изписано на лицата. Градът беше възхитен, безпокоен, наежен; една опияняюща атмосфера течеше из улиците.

Руски (російською мовою):

Вот уже пятый день в Клысуре восстание. Все работы приостановлены; забыты все прочие интересы; необычайное возбуждение отражается на всех лицах... Весь город охвачен восторгом, весь как-то вздыбился, объятый тревогой; сам воздух на улицах опьяняет людей...

Українски (українською мовою):

П'ять днів уже, як Клісуру охопило полум'я революції. Усі справи призупинилися; про всі інші інтереси забули, незвичайне піднесення світилося з усіх облич. Місто було наповнене захопленнями, турботами, тривогами; одна оп'янююча атмосфера панувала всюди...

7. В текста за България има думи, употребени в преносно значение /някои от тях са под-чертани/. Посочете ги. С две от тях напишете изречения, като ги употребите в пряко значение. В същия текст потърсете едни и същи думи, употребени в пряко и преносно значение /висок, море и т.н./ Каква е ролята на контекста?

7. Чи є слова, вжиті в переносному значенні? Знайдіть і підкресліть їх, яка їх роль в контексті? З двома словами складіть речення, вживаючи ці слова в прямому значенні.

8. Потърсете в творчеството на ваш любим български писател думи с преносно значение.

8. Знайдіть у творі вашого улюбленого болгарського письменника слова, вжиті в переносно-му значенні.

9. Посочете езиковите средства, с които е постигнат комичният ефект в епіграмите: [2: 17].

9. Знайдіть мовні засоби, за допомогою яких досягається комічний ефект в епіграмі:

*Дори пазач да назначава
по десет месеца решава... /Р. Ралин/
В квартала стана тя величие
със сбоят злоезичие. /Р. Ралин/*

*Когато правиш Карьера,
бъди лисица, не пантера! /Г. Свейжин/
Преди месец взе си булка
кръшна, подир месец тази
булка кръшна. /Р. Ралин/*

10. В съвременния български книжовен език няма именно склонение. Синтактични отношения на имената към другите думи в словосъчетанието и изречението се изразяват с помощта на предлози плюс обща за всички падежи форма, а не — както е напр. в руския език — чрез падежни окончания.

10. Перекладіть речення українською мовою, зверніть увагу на відмінкові закінчення.

Руски език

*Гоголь — Великий русский писатель.
Николаевская Россия во времена Гоголя.
"Ревизор" написан Гоголем.
Литература о Гоголе огромная.*

Български език

*Гогол е велик руски писател.
Николаевска Русия по времето на Гогол..
"Ревизор" е написан от Гогол.
Литературата за Гогол е огромна.*

Прилагателните и числителните имена в българския език също не се скланяват.

Прикметники та числівники в болгарській мові не відмінюються, але в українській мові відмінюються і узгоджуються з іменниками.

11. Перекладіть речення українською та російською мовами. Зверніть увагу на написання прикметників та числівників.

Това е нов жилищен блок. Аз живея в нов жилищен блок. Един човек се появи на входа. На един човек му се загубило кучето.

Необхідною умовою досягнення справжнього розуміння і засвоєння української мови як іноземної є сумлінне ставлення до культури українського, болгарського та російського народів, до мовознавчих витоків.

Як відомо, кожен народ зберіг свій внутрішній світ у звичаях, традиціях, в усній народній творчості. Саме через народну культуру відбувається самопізнання кожної нації, її неповторності та мудрості. Загадки, прислів'я і приказки — ось на що ми звертаємо увагу іноземців. Вони читають на рідній болгарській мові і перекладають на російську чи українську мови. Знання своїх та чужих традицій і культури потрібне для відповідального зрощування сучасних цінностей, ідеалів та норм життєдіяльності.

Загадки (Гатанки) [3: 14]

12. До поданих загадок підберіть відповідні загадки в українській та російській мовах:

- Вързато върви, отвързато стои. (Башмаки. Черевики. Обувката)
- Коса има глава няма (Кукуруза. Кукурудза. Царевича)
- Кости нема кости троши (Язык. Язык. Езык)
- По морето свещи горят (Звёзды. Зорі. Звездите)
- Сиво, свито, с игли набито. (Ежик. Їжак. Таралеж)
- Зелена паница, червено вино (Арбуз. Кавун. Диня)

13. Перекладіть подані прислів'я українською мовою:

Прислів'я (Пословицы)

1. Ако си постелеш, ще спиш на меко.
Как постелешь, так и ляжешь.
2. Какво повикало, такава се обадило.
Как аукнется, так и откликнется.
3. Таркулкаласи тенджурата, намерила си похлупака.
Два сапога-пара.
4. Храни кучи да та лай.
Пригрей змею на груди.
5. Работата краси човека, а мързелът го грози.
Труд красит, а лень портит.
6. Зет като мед, син като пелин. Ама до амин.
Зять сладкий, как мёд, сын, как полынь, но до конца.
7. Без мъка няма наука.
Без труда не вытянешь рыбку из пруда.
8. Богат е който здрав.
Богат тот, кто здоров. Здоровье — первое богатство.
9. Глад от чума по-лошо.
Голод не тётка.
10. Вчерашната работа за сутра я не оставай.
То, что можно сделать сегодня, не оставляй на завтра.
11. Дваж мери, веднъж режи.
Семь раз отмерь, один раз отрежь.
12. С един куршум два заена.
За двумя зайцами побежишь — ни одного не поймаешь.
13. Трай бабо за хубой.
Жди у моря погоды.
14. Тези гнили круши развалят цял кош.
Одна овца всё стадо портит.
15. Ранно пиле, рано пес.
Кто рано встает, тому Бог дает.
16. След дъжд качулка.
После боя руками не машут.

Мова — це цілий світ, безмежний, великий, непізнаний. Вивчити її можна, тільки повністю занурившись з головою у життя народу, в країні якого ти живеш. Завдання викладача полягає в тому, щоб поступово, “за руку” ввести іноземця у світ української мови, показати її красу і неповторність.

1. *Пашов П.*, колектив. Съвременен български език. Руски. Російською мовою. 1974.
2. *Славова Л., Петров В.* Български език. Помагало за учители на етнически българи в чужбина. — Варна, 1992.
3. *Македонска Ц.* Българско народно поетично творчество. — София, 1988.

Н. Я. Купрата, В. П. Ногай

**УКРАИНСКО-БОЛГАРСКО-РУССКИЙ ПОЛИЛОГ ПРИ ИЗУЧЕНИИ УКРАИНСКОГО
ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

В статье на лексико-грамматических примерах методом сравнения объясняются правила украинской грамматики, проводится полилог между украинским, русским и болгарским языками с целью результативного усвоения и глубокого изучения украинского языка как иностранного.

Ключевые слова: полилог, украинский язык, болгарский язык, русский язык, лингводидактика, народная культура.

N. Y. Kuprata, V. P. Nogai

**UKRAINIAN-BULGARIAN-RUSSIAN POLYLOGUE IN THE STUDY OF UKRAINIAN AS
A FOREIGN LANGUAGE**

The article deals with the lexical and grammatical examples based on the method of comparison, the polylogue between Ukrainian, Russian and Bulgarian languages with the aim of deep study of Ukrainian as a foreign language.

Key words: polylogue, Ukrainian, Bulgarian, Russian, linguistic and didactic character, popular culture.

Наші автори

- АСТАХІНА Людмила Юрїївна**, к. ф. н., ст. наук. співр. Інституту російської мови ім. В. В. Виноградова Російської академії наук (Росія, Москва)
- БАБИЧ Марина Євгенівна**, ст. викладач каф. іноземних мов Національного транспортного ун-ту (Україна, Київ)
- БАНДАС Олена**, к.біол.н., ст. наук. співр. Мікробіологічного центру “Бактаксон” при Ейлатському відділенні Міжнародної академії інформатизації (Ізраїль, Пардес-Ханна)
- БАРАННИК Людмила Федорівна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- БУКАЛОВ Олексій Сергійович**, асистент каф. загального та російського мовознавства Херсонського держуніверситету (Україна, Херсон)
- БУШЕВ Олександр Борисович**, к. ф. н., доцент каф. гуманітарних дисциплін Тверської філії Санкт-Петербурзького державного інженерно-економічного ун-ту (Росія, Твер)
- ВОЙЦЕВА Олена Андріївна**, к. ф. н., доцент каф. загального та слов'янського мовознавства Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ВИТУШНЯК Олександра Миколаївна**, викладач рос. мови як іноземної ф-ту філології та мистецтв Санкт-Петербурзького держуніверситету (Росія, Санкт-Петербург)
- ГОРБАНЬ Вікторія Володимирівна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ГОРБУНОВА Марія Сергіївна**, асистент каф. історії російської мови та діалектології Поморського держуніверситету ім. М. В. Ломоносова (Росія, Архангельськ)
- ГУКОВА Ліна Миколаївна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ДЕХНІЧ Ольга Віталіївна**, к. ф. н., доцент каф. англійської мови Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- ДЗЕВАНОВСЬКА Дорота (Dziewanowska Dorota)**, екстраординарний професор, заст. директора Ін-ту неофілології Краківського педуніверситету (Польща, Краків)
- ДЗЯДОШ Дорота (Dziadosz Dorota)**, к. ф. н., ад'юнкт Інституту слов'янської філології Щецинського університету (Польща, Щецин)
- ДОБРОЖАНСЬКА Валентина Володимирівна**, к.пед.н., доцент каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ЄМЕЦЬ Олександр Васильович**, к. ф. н., доцент, зав. каф. романо-германських мов Хмельницького національного ун-ту (Україна, Хмельницький)
- ЖУСУПОВ Аскар Єлтайович**, к. ф. н., проректор Рудненського індустріального інституту (Казахстан, Рудний)
- ЗАБОЛЬЯН Людмила Олегівна**, аспірант каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ІВАНОВА Наталія Георгіївна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ІВАНОВА Наталія Георгіївна**, к. ф. н., доцент каф. іноземних мов гуманітарних ф-тів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- КАЇРЖАНОВ Абай Каїржанович**, д. ф. н., професор, зав. каф. світових мов Казахського ун-ту економіки, фінансів і міжнародної торгівлі (Казахстан, Астана)
- КАЛІНІНА Лідія В'ячеславівна**, аспірант каф. російської мови Харківського національного ун-ту ім. В. М. Каразіна (Україна, Харків)
- КИРИЧЕНКО Лариса Григорівна**, к. ф. н., доцент, зав. кафедри іноземних мов природничих ф-тів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- КІРШО Світлана Михайлівна**, к. ф. н., доцент, зав. каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного ун-ту (Україна, Одеса)
- КОВАЛЬЧУК Галина Вікторівна**, ст. викладач каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного ун-ту (Україна, Одеса)

- КОЛЕСНИКОВ Андрій Олександрович**, к. ф. н., доцент, зав. каф. української мови та зарубіжної літератури Ізмаїльського ін-ту водного транспорту (Україна, Ізмаїл)
- КОНДРАТЕНКО Наталія Василівна**, к. ф. н., доцент каф. журналістики, заст. декана філологічного ф-ту Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- КУПРАТА Надія Ярославівна**, к. ф. н., доцент каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного ун-ту (Україна, Одеса)
- КУРАШ Тетяна Миколаївна**, аспірант каф. російської мови Мозирського держпедуніверситету ім. І. П. Шамякіна (Білорусь, Мозир)
- КУРГАНОВА Ніна Іванівна**, к. ф. н., доцент Мурманського держпедуніверситету (Росія, Мурманськ)
- ЛЕБЕДЄВА Аеліта Володимирівна**, аспірант каф. російської мови та загального мовознавства Херсонського держуніверситету (Україна, Херсон)
- ЛИТВИН Ольга Володимирівна**, аспірант каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- МЕЖВА Магдалена (Mierzwa Magdalena)**, магістр, асистент Інституту російської філології Жешувського ун-ту (Польща, Жешув)
- МИРАКЬЯН Ірина Георгіївна**, к. ф. н., доцент, директор Інституту підготовки іноземних громадян Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- МУРАДЯН Ірина Володимирівна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- НАГОРНИЙ Ігор Анатолійович**, д. ф. н., професор каф. російської мови та методики викладання Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- НЕЧИТАЙЛО Ірина Миколаївна**, к. ф. н., доцент каф. фонетики та граматики слов'янських мов Київського національного лінгвістичного ун-ту (Україна, Київ)
- НІСТРАТОВА Світлана Леонідівна**, к. ф. н., доцент Венеціанського університету “Ка Фоскарі” (Італія, Венеція)
- НОГАЙ Вікторія Петрівна**, викладач каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ОВЧАРЕНКО Лариса Григорівна**, к.пед.н., доцент, зав. каф. лінгводидактики Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ПАВЛОВА Ольга Іванівна**, к. ф. н., доцент, зав. каф. романо-германської філології Рівненського державного гуманітарного ун-ту (Україна, Рівне)
- ПАХАЛКОВА-СОЇЧ Тетяна Володимирівна**, доцент Центру мовної підготовки Харківського національного ун-ту радіоелектроніки (Україна, Харків)
- ПЛОТНИЦЬКА Світлана Валеріївна**, к.пед.н., доцент каф. іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ПРИСОВСЬКА Галина Євгенівна**, к. ф. н., доцент, зав. каф. загальноосвітньої підготовки Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ПРОХОРОВА Ольга Миколаївна**, д. ф. н., професор, зав. каф. англійської мови Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- РОЗЕН Сергій**, д.біол.н., професор, президент Ейлатського відділення Міжнародної академії інформатизації, керівник Мікробіологічного центру “Бактаксон” (Ізраїль, Ейлат)
- РОМАНЕЦЬ Любов Олександрівна**, аспірант каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім.І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- РОМАШИНА Ольга Юріївна**, к. ф. н., доцент каф. англійської мови Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- СИВОВОЛОВА Людмила Олександрівна**, ст. викладач каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного ун-ту (Україна, Одеса)
- СКЛЯРЕНКО Ольга Миколаївна**, к. ф. н., ст. викладач каф. іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного ун-ту (Україна, Одеса)
- СКОРОБОГАТОВА Олена Олександрівна**, к. ф. н., доцент Харківського держпедуніверситету ім. Г. С. Сковороди (Україна, Харків)
- СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

- СТЕРНІН Йосип Абрамович**, д. ф. н., професор, зав. каф. загального мовознавства і стилістики Воронежського держуніверситету, директор Центру комунікативних досліджень, заслужений діяч науки і освіти РФ (Росія, Воронеж)
- СУХОБРУС Людмила Станіславівна**, аспірант каф. мовознавства та російської мови Горлівського держпедінституту іноземних мов (Україна, Горлівка)
- ТАНАСЬ Данута (Tanaś Danuta)**, к.пед.н., ад'юнкт Люблінського католицького ун-ту (Польща, Люблін)
- ТЕР-КАЗАРЯН Михайло**, інженер-кібернетик, керівник комп'ютерної лабораторії "Яхель-комп'ютерс" Ейлатського відділення Міжнародної академії інформатизації (Ізраїль, Ейлат)
- ТИХАНОВИЧ Анна Іванівна**, аспірант Нижньотагільської соціально-педагогічної академії (Росія, Нижній Тагіл)
- ФОМІНА Людмила Федорівна**, к. ф. н., доцент каф. прикладної лінгвістики Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ЧАПГА Артур (Czapiga Artur)**, к. ф. н., ад'юнкт Інституту російської філології Жешувського університету (Польща, Жешув)
- ЧЕКУЛАЙ Ігор Володимирович**, д. ф. н., професор каф. англійської мови Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- ЧЕРНОВАЛЮК Ірина Володимирівна**, к. ф. н., доцент каф. мовної підготовки іноземних громадян Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ЧЕРТИКОВА Марія Дмитрівна**, к. ф. н., наук. співр. Обсько-угорського ін-ту прикладних досліджень і розробок (Росія, Ханти-Мансійськ)
- ШАЦЬКА Марина Федорівна**, к. ф. н., доцент каф. загального та слов'яно-російського мовознавства Волгоградського держпедуніверситету (Росія, Волгоград)
- ШЛЕГЕЛЬ Сімон**, студент каф. соціальної та культурної антропології Цюрихського держуніверситету (Швейцарія, Цюрих)
- ШУМАРІНА Тетяна Федорівна**, к. ф. н., доцент каф. російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ЯРОЦЬКА Галина Сергіївна**, к. ф. н., доцент каф. прикладної лінгвістики Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

Наши авторы

- АСТАХИНА Людмила Юрьевна**, к. ф. н., ст. науч. сотр. Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук (Россия, Москва)
- БАБИЧ Марина Евгеньевна**, ст. преподаватель каф. иностранных языков Национального транспортного ун-та (Украина, Киев)
- БАНДАС Елена**, к.биол.н., ст. научн. сотр. Микробиологического центра "Бактаксон" при Эйлатском отделении Международной академии информатизации (Израиль, Пардес-Ханна)
- БАРАННИК Людмила Фёдоровна**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- БУКАЛОВ Алексей Сергеевич**, ассистент каф. общего и русского языкознания Херсонского госуниверситета (Украина, Херсон)
- БУШЕВ Александр Борисович**, к. ф. н., доцент каф. гуманитарных дисциплин Тверского филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического ун-та (Россия, Тверь)
- ВОЙЦЕВА Елена Андреевна**, к. ф. н., доцент каф. общего и славянского языкознания Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ВЫТУШНЯК Александра Николаевна**, преподаватель РКИ ф-та филологии и искусств Санкт-Петербургского госуниверситета (Россия, Санкт-Петербург)
- ГОРБАНЬ Виктория Владимировна**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

- ГОРБУНОВА Мария Сергеевна**, ассистент кафедры истории русского языка и диалектологии Поморского госуниверситета им. М. В. Ломоносова (Россия, Архангельск)
- ГУКОВА Лина Николаевна**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ДЕХНИЧ Ольга Витальевна**, к. ф. н., доцент каф. английского языка Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- ДЗЕВАНОВСКА Дорота (Dziewanowska Dorota)**, экстраординарный профессор, зам. директора Ин-та нефилологии Краковского педуниверситета (Польша, Краков)
- ДЗЯДОШ Дорота (Dziadosz Dorota)**, к. ф. н., адъюнкт Института славянской филологии Щецинского университета (Польша, Щецин)
- ДОБРОЖАНСКАЯ Валентина Владимировна**, к.пед.н., доцент каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического ун-та (Украина, Одесса)
- ЕМЕЦ Александр Васильевич**, к. ф. н., доцент, зав. каф. романо-германских языков Хмельницкого национального университета (Украина, Хмельницкий)
- ЖУСУПОВ Аскар Елтаевич**, к. ф. н., проректор Рудненского индустриального института (Казахстан, Рудный)
- ЗАБОЛЬЯН Людмила Олеговна**, аспирант каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ИВАНОВА Наталия Георгиевна**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ИВАНОВА Наталия Георгиевна**, к. ф. н., доцент каф. иностранных языков гуманитарных ф-тов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- КАИРЖАНОВ Абай Каиржанович**, д. ф. н., профессор, зав. каф. мировых языков Казахского ун-та экономики, финансов и международной торговли (Казахстан, Астана)
- КАЛИНИНА Лидия Вячеславовна**, аспирант каф. русского языка Харьковского национального ун-та им. В. Н. Каразина (Украина, Харьков)
- КИРИЧЕНКО Лариса Григорьевна**, к. ф. н., доцент, зав. каф. иностранных языков естественных ф-тов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- КИРШО Светлана Михайловна**, к. ф. н., доцент, зав. каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического ун-та (Украина, Одесса)
- КОВАЛЬЧУК Галина Викторовна**, ст. преподаватель каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического ун-та (Украина, Одесса)
- КОЛЕСНИКОВ Андрей Александрович**, к. ф. н., доцент, зав. каф. украинского языка и зарубежной литературы Измаильского института водного транспорта (Украина, Измаил)
- КОНДРАТЕНКО Наталия Васильевна**, к. ф. н., доцент каф. журналистики, зам. декана филологического ф-та Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- КУПРАТА Надежда Ярославовна**, к. ф. н., доцент каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического ун-та (Украина, Одесса)
- КУРАШ Татьяна Николаевна**, аспирант каф. русского языка Мозырского госпедуниверситета им. И. П. Шамякина (Белоруссия, Мозырь)
- КУРГАНОВА Нина Ивановна**, к. ф. н., доцент Мурманского госпедуниверситета (Россия, Мурманск)
- ЛЕБЕДЕВА Аэлита Владимировна**, аспирант каф. русского языка и общего языкознания Херсонского госуниверситета (Украина, Херсон)
- ЛИТВИН Ольга Владимировна**, аспирант каф. русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- МЕЖВА Магдалена (Mierzwa Magdalena)**, магистр, ассистент Института русской филологии Жешувского ун-та (Польша, Жешув)
- МИРАКЪЯН Ирина Георгиевна**, к. ф. н., доцент, директор Института подготовки иностранных граждан Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)
- МУРАДЯН Ирина Владимировна**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

- НАГОРНЫЙ Игорь Анатольевич**, д. ф. н., профессор каф. русского языка и методики преподавания Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- НЕЧИТАЙЛО Ирина Николаевна**, к. ф. н., доцент каф. фонетики и грамматики славянских языков Киевского национального лингвистического ун-та (Украина, Киев)
- НИСТРАТОВА Светлана Леонидовна**, к. ф. н., доцент Венецианского университета “Ка Фоскари” (Италия, Венеция)
- НОГАЙ Виктория Петровна**, преподаватель каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического ун-та (Украина, Одесса)
- ОВЧАРЕНКО Лариса Григорьевна**, к.пед.н., доцент, зав. каф. лингводидактики Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)
- ПАВЛОВА Ольга Ивановна**, к. ф. н., доцент, зав. каф. романо-германской филологии Ровенского государственного гуманитарного ун-та (Украина, Ровно)
- ПАХАЛКОВА-СОИЧ Татьяна Владимировна**, доцент Центра языковой подготовки Харьковско-го национального ун-та радиозлектроники (Украина, Харьков)
- ПЛОТНИЦКАЯ Светлана Валерьевна**, к.пед.н., доцент каф. иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ПРИСОВСКАЯ Галина Евгеньевна**, к. ф. н., доцент, зав. каф. общеобразовательной подготовки Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)
- ПРОХОРОВА Ольга Николаевна**, д. ф. н., профессор, зав. каф. английского языка Белгородско-го госуниверситета (Россия, Белгород)
- РОЗЕН Сергей**, д.биол.н., профессор, президент Эйлатского отделения Международной академии информатизации, руководитель Микробиологического центра “Бактаксон” (Израиль, Эйлат)
- РОМАНЕЦ Любовь Александровна**, аспирант каф. русского языка Одесского национального ун-та им.И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- РОМАШИНА Ольга Юрьевна**, к. ф. н., доцент каф. английского языка Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- СИВОВОЛОВА Людмила Александровна**, ст. преподаватель каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического ун-та (Украина, Одесса)
- СКЛЯРЕНКО Ольга Николаевна**, к. ф. н., ст. преподаватель каф. иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального ун-та (Украина, Одесса)
- СКОРОБОГАТОВА Елена Александровна**, к. ф. н., доцент Харьковского госпедуниверситета им. Г. С. Сковороды (Украина, Харьков)
- СТЕПАНОВ Евгений Николаевич**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национально-го университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- СТЕРНИН Иосиф Абрамович**, д. ф. н., профессор, зав. каф. общего языкознания и стилистики Воронежского госуниверситета, директор Центра коммуникативных исследований, заслуженный деятель науки и образования РФ (Россия, Воронеж)
- СУХОБРУС Людмила Станиславовна**, соискатель каф. языкознания и русского языка Горловского госпединститута иностранных языков (Украина, Горловка)
- ТАНАСЬ Данута (Tanaś Danuta)**, к.пед.н., адъюнкт Люблинского католического ун-та (Польша, Люблин)
- ТЕР-КАЗАРЯН Михаил**, инженер-кибернетик, руководитель компьютерной лаборатории “Яхель-компьютерс” Эйлатского отделения Международной академии информатизации (Израиль, Эйлат)
- ТИХАНОВИЧ Анна Ивановна**, аспирант Нижнетагильской социально-педагогической академии (Россия, Нижний Тагил)
- ФОМИНА Людмила Фёдоровна**, к. ф. н., доцент каф. прикладной лингвистики Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ЧАПИГА Артур (Czapiga Artur)**, к. ф. н., адъюнкт Института русской филологии Жешувского университета (Польша, Жешув)
- ЧЕКУЛАЙ Игорь Владимирович**, д. ф. н., профессор каф. английского языка Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)

- ЧЕРНОВАЛЮК Ирина Владимировна**, к. ф. н., доцент каф. языковой подготовки иностранных граждан Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна**, к. ф. н., научн. сотр. Обско-угорского ин-та прикладных исследований и разработок (Россия, Ханты-Мансийск)
- ШАЦКАЯ Марина Фёдоровна**, к. ф. н., доцент каф. общего и славяно-русского языкознания Волгоградского госпедуниверситета (Россия, Волгоград)
- ШЛЕГЕЛЬ Симон**, студент каф. социальной и культурной антропологии Цюрихского госуниверситета (Швейцария, Цюрих)
- ШУМАРИНА Татьяна Фёдоровна**, к. ф. н., доцент каф. русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ЯРОЦКАЯ Галина Сергеевна**, к. ф. н., доцент каф. прикладной лингвистики Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

Наукове видання

МОВА

**Науково-теоретичний часопис
з мовознавства**

№ 15

Українською та російською мовами

Підписано до друку 10.09.2010. Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура «Newton». Друк офсетний. Ум. друк. арк. 30,23.
Тираж 300 прим. Зам. № 71.

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-24-26, 33-07-17, 37-14-25
www.astroprint.odessa.ua; www.fotoalbom-odessa.com
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.